

Золотая
Хрустальная

БОВЕН
ХАТЧИНСОН

Возрождение
любви

Талантливая женщина — доктор Пейдж Рандольф считает, что депрессия, в которую ввергла ее семейная трагедия, неизлечима. Но неожиданные и странные обстоятельства круто меняют ее жизнь, которая вновь обретает и смысл, и цель, когда в сердце Пейдж вспыхивает новое и трепетное чувство.

Бобби Хатчинсон

Возрождение любви

Scan: Sunset; OCR: Larisa_F; SpellCheck: vetter

Хатчинсон Б. Х 25 Возрождение любви: Роман / Пер. с англ. Б. Грибанова. — М. ОЛМА-ПРЕСС, 1997. — 463 с. — (Романс).

Оригинал: Bobby Hutchinson «Now and Then», 1994

Переводчик: Грибанов Б.

Аннотация

Талантливая женщина — доктор Пейдж Рандольф считает, что депрессия, в которую ввергла ее семейная трагедия, неизлечима. Но неожиданные и странные обстоятельства круто меняют ее жизнь, которая вновь обретает и смысл, и цель, когда в сердце Пейдж вспыхивает новое и трепетное чувство.

Доктор Пейдж Рандольф благодарил судьбу за то, что в три часа ночи умытые дождем улицы Ванкувера почти пусты и ехать не трудно.

Она слегка поежилась от предрассветного холодка и включила в машине печку — она ведь выскочила из постели, натянула вельветовые брюки и хлопчатобумажную фуфайку, но не стала задерживаться, чтобы взять жакет. Считается, что август месяц летний, даже несмотря на влажность просторов северо-западного побережья Тихого океана, но в это утро погода здесь скорее напоминала январь.

Пейдж сильнее нажала на педаль скорости. Ее маленькая, но мощная машина рванула вперед и проскочила на желтый свет светофора, доктор Рандольф сейчас больше думала о пациентке, ожидавшей ее в больнице милостью Божией, чем о правилах уличного движения.

Джексон, муж Лиз, позвонил ей полчаса назад.

— Схватки начались и проходят с перерывом в пять минут, а воды тут же отошли, доктор. Я думаю, что это опасное предзнаменование. Разве могли воды отойти так быстро?

В его охрипшем голосе звучал ужас. Пейдж задала ему несколько уточняющих вопросов и постаралась успокоить Дэйва, но у нее самой сердце колотилось, как всегда, когда телефонные звонки будят ее. Это происходило регулярно в течение всех этих лет — когда она состояла в интернатуре, потом в ординатуре по специальности родовспоможения и гинекологии и особенно в последние три года с тех пор, как она открыла собственную клинику, но привыкнуть к этим звонкам она так и не смогла. И сомневалась, что когда-нибудь сможет.

Она предложила прислать за Лиз машину «скорой помощи», но Дэйв Джексон настаивал, что за то время, пока придет машина, он успеет отвезти жену в больницу. Когда Пейдж заехала на автостоянку у больницы и затормозила, колеса взвизгнули на мокром асфальте, и она с надеждой подумала, что будущий отец сумел успокоиться раньше, чем сел за руль.

— Доброе утро, док. — Сонный смотритель стоянки помахал рукой и улыбнулся.

Она ответила ему улыбкой, в которой была тревога, и кивнула. Все ее мысли были сейчас сосредоточены на Лиз, она перебирала в уме всю историю болезни этой женщины, пытаясь представить себе, что может случиться в ближайшие несколько часов.

Выскочив из машины и торопясь ко входу в больницу, она заставила себя припомнить, что пытаться заранее продумать процесс родов просто глупо. *Когда ты уже научишься воспринимать этот процесс так, как он происходит?*

Лифт как будто дожидался ее, и уже через несколько секунд она оказалась на пятом этаже, где находилось родильное отделение.

— Пейдж, миссис Джексон в палате номер три. Ординатор уже осмотрел ее, шейка матки у нее расширилась на пять сантиметров, — сообщила ей Аннетт Эванс, медсестра, которую Пейдж знала и любила, и добавила: — Монитор показывает, что пульс у ребенка несколько ниже нормы, около 135. А у матери кровяное давление и пульс хорошие.

Нормальный пульс у рождающегося ребенка 140, так что ничего серьезного пока не происходило.

— Я думала, что вы в отпуске, доктор Рандольф. Кто-то говорил, что вы должны были на этой неделе уехать в Саскачеван на конференцию, — сказала Аннетт, пока они спешили

по коридору.

— Я уезжаю завтра, — подтвердила Пейдж. — Вернее, уже сегодня, — поправилась она, глянув на часы. — Я должна вылететь в полдень. Уеду на неделю, уже предвкушаю эту поездку. Мой брат со своей семьей живет на ферме в полчасе езды на машине от Саскатуна. Я не была там целый год и представляю себе, как выросли двое моих племянников.

За несколько месяцев она впервые собиралась вырваться, ее партнер Сэм Харрис чуть ли не силой заставил ее заполнить форму для участия в конференции и заказать билет на самолет.

— Рандольф, ты с каждым днем все больше ворчишь, — обвинил он ее, смягчив свои слова ухмылкой. — Мое предписание тебе таково: тебе нужен либо отдых, либо горячая любовная связь. Видит Бог, что для последнего варианта я достаточно часто предлагал свои услуги, но ты меня отвергала. Я не могу поверить, что ты предпочла Саскатун и конференцию по акушерству моему телу, но я полагаю, что это лучше, чем когда ты бродишь тут и плохо действуешь на моих пациентов, так же, как и на своих.

Сэм — замечательный партнер и хороший друг. Они с Пейдж знают друг друга еще с первых лет их учебы в медицинском училище, и ей часто хотелось признать его сексуально привлекательным. Она знала, что он почти влюблен в нее и что его подшучивание — просто способ признания того, что он с неохотой принимает рамки, которые она установила для их отношений: иногда совместный ужин, иногда партия в теннис или совместная пробежка в воскресенье по парку.

— Плохо, что ребенок Джексонов решил появиться на свет именно сегодня ночью и вы не можете как следует выспаться перед отъездом, Пейдж, — заметила Аннетт. — Завтра вы будете не в форме и проспите большую часть лекций.

Пейдж ухмыльнулась.

— Чтобы я хорошо спала ночью? Вы хотите, чтобы моя нервная система развалилась? — Они обе рассмеялись, а Пейдж добавила: — В любом случае я рада, что вы оказались здесь во время этих родов. Лил Джексон — это особый случай.

Аннетт насмешливо глянула на Пейдж.

— Я слышу, как вы это говорите почти о каждом вашем пациенте, доктор.

— Да, вы нравы, но на этот раз я действительно имею это в виду, — пошутила Пейдж.

Ей нравилась Лиз, и она ничего так не хотела, как помочь Лиз родить здорового крепкого ребенка. Это была вторая беременность Лиз, и предполагалось, что рожать она будет недели через две. Ей исполнилось 37 лет, и ее первый ребенок, мальчик, родился два года назад мертвым. Судя по врачебным записям, беременность проходила без особых осложнений, роды состоялись вовремя, все шло нормально, и потом совершенно неожиданно все закончилось трагедией.

В то время Пейдж не была ее лечащим врачом, но она тщательнейшим образом изучила все лабораторные исследования в поисках причины. Как это бывает иногда с мертворожденными детьми, не выявлялось никакой определенной причины. Не было никаких врожденных дефектов, не было никаких оснований для смерти ребенка. Малыш выглядел вполне здоровым, он только не дышал.

Дрожь пробежала по спине Пейдж, пока она мыла руки. Здоровые дети, которые не начинают дышать, снились ей в ночных кошмарах. У нее самой родился такой же — это было давно.

Она убедилась, что на ее лице широкая уверенная улыбка, когда открыла дверь палаты

номер три.

— Привет, ребята! Я слышала, что этот малыш торопится встретиться с нами.

— Слава Богу, вы приехали так быстро, доктор Рандольф. — Лиз старалась, чтобы голос ее звучал небрежно, но и муж, и жена явно испытывали облегчение от того, что Пейдж примчалась сюда без промедления.

— Это удачно, что юный Джексон решил проделать это сегодня, а не завтра, — заметила Пейдж. — Мне кажется, я говорила вам, что меня не будет здесь пару дней, а я не хотела бы пропустить такое.

— Я тоже рада. Мне очень хотелось, чтобы именно вы принимали у меня роды.

Мягкие светлые волосы Лиз были причесаны по-модному и даже сейчас выглядели более ухоженными, чем вьющиеся в беспорядке черные кудри Пейдж.

Лиз, откинувшись на подушки, в больничном халате, с большим животом, опутанным проводами монитора, все равно выглядела хорошенькой. У нее оставался хороший цвет лица, и она нашла в себе силы ответить Пейдж теплой улыбкой, хотя и несколько вымученной.

— Ладно, посмотрим, что у нас происходит.

Монитор с помощью ультразвука показывал на пульте, расположенном рядом с кроватью, как бьется сердце ребенка, и Пейдж глянула, что вычерчивает черная игла на белой бумажной ленте. Пульс стабильно держался на уровне 135 ударов в минуту.

Пейдж осмотрела Лиз и несколько заволновалась, обнаружив, что головка ребенка не опущена к растягивающейся шейке матки, как это должно быть. Голова находилась еще высоко в тазу роженицы, и это означало, что до родов еще не так близко. Пейдж припомнила, что первые роды Лиз проходили довольно быстро.

По всей видимости эти роды шли по другому образцу.

Когда Пейдж закончила осмотр, у Лиз началась схватка. Она была сильной и продолжалась полные две минуты. Лиз тяжело дышала, лицо у нее исказилось. К концу схватки она утратила контроль над своим дыханием и закричала от боли.

— Как часто повторяются схватки? — Пейдж обратила свой вопрос к Дэйву, который следил на мониторе за родовым процессом.

Его грубоватое лицо было совсем бледным, и Пейдж ощутила прилив симпатии к нему. Он, похоже, находился в худшем состоянии, чем ее пациентка.

— Повторяются каждые пять минут, и так без изменений с самого начала. Она испытывает ужасные боли, доктор. Вы не можете дать ей что-нибудь болеутоляющее?

Разговор об этом имел место раньше, когда Лиз и Дэйв приходили в ее кабинет, но Пейдж снова стала терпеливо объяснять, почему она предпочитает не применять наркотики рожаящим у нее матерям, если в этом нет крайней необходимости.

— Что бы я ей ни дала, Дэйв, это окажет депрессивное воздействие на ребенка. Я хочу избежать этого, если мы сможем. Кроме того, наркотик не снимает боль, а зачастую приводит к тому, что матери труднее справляться. Наркотики делают мать сонной, она утрачивает над собой контроль. Но, как я говорила вам и раньше, решение остается за Лиз. Если она действительно чувствует, что не может больше выдерживать, то я, конечно, дам ей что-нибудь.

Схватка прошла, и Лиз энергично замотала головой.

— Я ничего не хочу! Я в порядке, я не приму ничего, что может повредить ребенку!

Словно обороняясь, она обхватила руками свой живот, стараясь при этом не потревожить провода монитора.

Пейдж обняла Лиз за плечи и прижала к себе, ощущая, как напряжено все ее тело.

— Вот и хорошо, дорогая. Дэйв, почему бы вам не лечь на постель сзади Лиз и не прижать ее к себе, обняв ногами и поглаживая ее живот, чтобы она чувствовала вашу поддержку, когда начнется новая схватка.

Пейдж знала, что это отнюдь не ослабит остроту боли, но ощущение рук мужа эмоционально поддержит Лиз, а у Дэйва появится такое чувство, что он ей как-то помогает. Они были мужем и женой, чья любовь проявляется во взаимных прикосновениях, и Пейдж почувствовала себя растроганной, видя эту физическую связь между ними. Это зрелище вызвало у нее грусть и зависть, оно напоминало о пустоте ее собственной одинокой жизни как ничто другое.

Дэйв сделал все так, как предложила Пейдж, сбросил свои поношенные кроссовки «Адидаас» и осторожно лег позади жены. На одном носке у него виднелась дырка.

Наступила еще одна схватка и прошла. Лиз выглядела теперь более спокойной, прижимаясь к телу мужа. Однако монитор показывал, что биение сердца ребенка колеблется больше, чем раньше, упав до 120, потом до 110. Пейдж вышла из палаты и нашла Аннетт.

— Я не уверена, что происходит с младенцем, пульс очень неровный. Я думаю, надо, чтобы вы принесли прибор для внутривенного переливания крови, и мы были бы убеждены, что группы крови совпадают, и кровь у нас под руками — просто из предосторожности.

В этом был смысл — иметь все наготове на тот случай, не приведи Господь, если дела пойдут плохо и ей придется срочно перевести Лиз в операционную для кесарева сечения.

Пейдж страстно надеялась, что в этом не будет необходимости. Она не любила кесарево сечение. По ее мнению, хирургическое вмешательство, хотя оно и бывает иногда необходимым и во многих случаях спасает жизнь, должно рассматриваться только как крайняя мера. Пейдж считала, что если есть хоть малейшая возможность, надо предоставить природе делать свое дело.

Аннетт быстро нашла аппарат для переливания крови и последовала за Пейдж в палату, не моргнув глазом при виде мужа и жены, лежавших рядом на высокой больничной койке.

В родильном отделении больницы считали, что важнее всего человек, и именно поэтому Пейдж направляла сюда своих пациенток. Несколько месяцев назад здесь рожала ее пациентка, слепая, и руководители больницы разрешили, чтобы вместе с хозяйкой там находилась и собака-поводырь.

— А это зачем? — Лиз с тревогой уставилась на прибор для переливания.

Пейдж спокойно объяснила ей, что это такое и почему она считает, что прибор должен быть под руками.

— Биение сердца ребенка меняется сильнее, чем мне хотелось бы, так что мы должны быть готовы ко всему.

Она осторожно объяснила Джексонам свое отношение к кесареву сечению еще в один из первых их визитов в ее клинику, и теперь рассказала им, какие именно обстоятельства могут вызвать необходимость операции.

— Я хочу быть готовой на тот случай, если ваш ребенок окажется в трудном положении. Вы знаете, что я предпочитаю нормальные роды, но мы не хотим оказаться во власти случая.

Пейдж старалась не слишком пугать их, но объяснила, что головка ребенка не совсем в том положении, в каком должна быть, и что пульс у него падает. В конце концов это тело Лиз и это ее ребенок. По мнению Пейдж, это давало Лиз право знать всю правду и правс понимать, что происходит. Продолжая разговаривать, Пейдж нашла вену на руке Лиз и

воткнула шприц капельницы.

У Лиз началась новая схватка, и Аннетт, следившая за пульсом ребенка на мониторе, тихо сказала Пейдж:

— Пульс упал до ста.

Когда пульс ребенка падает ниже ста, это сигнал беды, но иногда пульс новорожденного потом снова ускоряется. Предсказать, что произойдет, было невозможно.

Я тебя умоляю, бэби, не делай этого со мной, молча просила Пейдж. Помоги мне хоть немного. Однако даже за те минуты, что она смотрела на монитор, пульс упал до 90, а через несколько минут до 80.

У нее был напряжен каждый фибр ее тела, но внешне она оставалась спокойной и ровным голосом сказала Джексонам:

— Я должна вымыть руки. Аннетт будет здесь за всем следить и, если нужно, известит меня. Лиз, дорогая, пульс ребенка быстро падает. Возможно, нам все-таки придется прибегнуть к кесареву сечению, но мы каждую минуту будем говорить вам, что происходит, ладно?

Она сжала руку своей пациентки.

Лиз сделала судорожный глоток и кивнула, лицо ее стало еще бледнее, на глазах выступили слезы. Однако времени не оставалось. Пейдж поторопилась к умывальнику, находившемуся в алькове рядом с родильной палатой, и поручила одной из нянечек сообщить ординатору о том, что происходит, чтобы он предупредил в операционной и вызвал всю необходимую команду.

Она начала мыть руки, но прежде чем она успела натянуть свои стерильные перчатки, вбежала молодая нянечка.

— Доктор, пульс упал до шестидесяти и продолжает быстро падать.

— Будь оно все проклято! Ребенок находится еще далеко, и мы не можем достать его через влагалище. Нажмите кнопку тревоги. Будем делать кесарево сечение.

Через несколько секунд она влетела в операционную. Два других врача уже были там, готовые помогать, так же как и анестезиолог доктор Ларри Морган и сестры, обслуживающие операционную. Вызвали и специалиста по новорожденным. Пейдж надеялась, что он вот-вот появится.

Живот Лиз промыли дезинфицирующим составом и выбрили. Она еще не заснула и была перепугана. Анестезия могла повлиять на ребенка, поэтому ее откладывали до последнего момента.

— Сейчас мы усыпим вас, Лиз, и через пару минут извлечем вашего ребенка, — заверила ее Пейдж. — Вы проснетесь примерно через час.

— Мой ребенок будет в порядке? — дрожащим голосом спросила Лиз.

— Я в этом уверена, — солгала Пейдж. Правдивость в таких случаях должна уступать место сочувствию. — Вы ведь знаете, что мы сделаем все, что в наших силах, для ребенка и вас. Мы будем держать Дэйва в курсе.

Пейдж кивнула Ларри, и он приступил к своим обязанностям.

Как только он дал знать, что Лиз заснула, медсестра протянула Пейдж скальпель. Понимая, что от нее требуются сейчас и быстрота и осторожность, она вскрыла кожный покров на животе и, подбираясь к матке, отодвинула мочевого пузырь, в то время как другой врач очищал брюшную полость от жидкости. Сделав небольшой разрез на матке, Пейдж пальцами осторожно расширила его, чтобы не затронуть кровеносные сосуды.

Наконец ее рука нащупала головку ребенка, лежавшую лицом вниз. Она взяла маленький череп в руку, осторожно повернула его лицом вверх и стала приподнимать. Головка начала медленно высовываться наружу, покрытая влажными темными волосиками, а другой доктор немедленно вставил шариковый шприц в маленький ротик и начал удалять слизь, чтобы заставить ребенка начать дышать как можно скорее, даже раньше, чем он будет извлечен из чрева Лиз.

Пейдж просунула свою руку под маленькое мокрое тельце, поддерживая его плечики и расправляя их. Скользкое и испачканное кровью тельце появилось наружу, когда Пейдж приподняла его попку рукой.

Ребенок был крупным мальчиком, но Пейдж не понравилось, как он выглядит. Кожа у него была бледная, тельце вялое, без мускулов. Пейдж зажала и отрезала толстую синеватую пуповину как можно быстрее, но вместо того чтобы начать всасывать воздух, ребенок не делал никаких усилий, чтобы вздохнуть.

В палате ощущалось напряжение и воцарилось зловещее молчание, когда один из врачей поторопился переложить ребенка на соседний стол. Приехавший к тому времени специалист немедленно ввел трубку в его дыхательное горло.

Лиз функционировала хорошо, и Пейдж передала свою пациентку помощнику и перешла к столу, где лежал крохотный ребенок, инертный и безжизненный. Ей едва не стало дурно, когда она смотрела, как специалист вдувает кислород в легкие ребенка. Потерять ребенка — ужасно, и не так уж часто подобное случается, но каждый раз, когда такое происходило, Пейдж это стоило многих дней молчаливого страдания, когда она мучилась сомнениями, все ли она сделала, чтобы предотвратить это.

— Давай, малыш, давай, ты ведь можешь, ты только начни дышать, — умоляла она, пока уходили секунды, и на лбу у нее выступал холодный пот, струился в ложбинке между грудей, под мышками.

Она посмотрела на часы. Они все знали, что осталось совсем немного времени, прежде чем произойдет разрушение мозга. Она лихорадочно перебирала в уме все возможности: были ли у ребенка врожденные поражения — сердца, легких... мозга? Выглядел он хорошо, но наверняка сказать ничего было нельзя.

Стетоскоп подтверждал, что сердце ребенка бьется все слабее. Пейдж истово молилась, мечтая, чтобы малыш вздохнул, шли секунды, одна, другая.

Специалист покачал головой. Молчание в операционной стало еще напряженнее, когда его плечи опустились и он медленно начал убирать свое оборудование. Ребенок умер.

У Пейдж все внутри перевернулось, пока она смотрела, как нянечка завернула безжизненное тельце в полотенце и унесла.

У медсестер за их марлевыми масками повлажнили глаза. Пейдж вынуждена была зажмуриться, чтобы смахнуть слезы.

Она вернулась, чтобы проследить за длительной процедурой, необходимой, чтобы очистить брюшную полость Лиз, подавляя в себе эмоции, которые возьмут верх позднее. Сейчас главное было проследить за Лиз. Потом ей предстоит выйти и рассказать все Дэйву. Примерно через час Лиз проснется после анестезии, и Пейдж должна будет сказать ей, что ее ребенок мертв.

Пейдж судорожно глотнула, и, пока ее руки машинально заканчивали всю хирургическую процедуру, она мысленно возвращалась к первому визиту Лиз в ее кабинет восемь месяцев назад.

Лиз тогда посмотрела на Пейдж и у нее вырвалось:

— Но мне никто не говорил, что вы такая молодая!

Ее прекрасная кожа вспыхнула румянцем от понимания своей бестактности, но Пейдж привыкла к тому, что пациенты именно так комментируют ее моложавую внешность.

— На самом деле я уже на закате тридцати с лишним, так что не такая уж молодая, — пошутила она.

На самом деле ей было всего тридцать четыре, но она знала, что пациенты предпочитают верить, что она старше, чем им кажется... а имея дело со многими женщинами, которые рожают детей на излете тридцати, она научилась слегка привирать насчет своего возраста.

— Мне надоело выглядеть на восемнадцать и вести себя соответственно, — сказала она Лиз с шутливой досадой. — Но я собираюсь заняться этим, когда выдастся побольше времени.

Она выдала Лиз широкую, чуть кривую улыбку и подмигнула, что обычно подчеркивало ее очарование и уверенность в себе.

Лиз явно успокоилась.

— Мой муж и я слышали от многих наших друзей, что вы лучший акушер в Ванкувере.

Лиз хотела сказать ей комплимент, но Пейдж предпочла бы, чтобы они не слышали о ней ничего подобного. Было бы гораздо легче, если бы пациенты не ожидали от нее чудес: она делала все, что в ее силах, но сама-то она знала, что не всемогуща.

Она посмотрела на пустой стол, где еще несколько минут назад лежал мальчик Лиз.

Бог мой, в такие моменты ей кажется, что она вообще недостаточно компетентна.

Лиз и Дэйв Джексоны положились на доктора Пейдж Рандольф, что она обеспечит безопасные роды... и подарит им здорового ребенка. А она не сумела.

«Простите меня», — шептала она про себя. Но Пейдж знала, что нуждается в прощении не Лиз и Дэйва Джексонов.

Это она должна найти себе прощение.

Было уже начало десятого утра, когда она в конце концов уехала из больницы; она водила Дэйва попить кофе и изо всех сил старалась успокоить его, пока Лиз не проснется. Потом им пришлось взять на себя ужасную обязанность сообщить Лиз.

Пейдж устроила их в отдельной палате и попросила Аннетт принести им их ребенка и оставить одних на столько времени, сколько им понадобится.

Они должны были получить возможность попрощаться со своим ребенком.

Пейдж, совершенно разбитая душевно, отправилась навестить других своих пациенток, сохраняя на лице улыбку и намеренно уделяя на этот раз при обходе больше времени на болтовню, ибо в это утро ей не нужно дежурить. Ее там замещал Сэм.

Наконец, закончив все бумажные дела, она вышла из больницы и медленно зашагала к своей машине. Все еще моросил дождик, серый, пронизывающий до костей.

Она залезла в машину, захлопнула дверцу и посмотрела на себя в зеркало заднего обзора. В зеркале отражалось мрачное лицо, затравленные зеленые глаза, обведенные темными кругами, кожа, обычно нежно-кремовая, выглядела болезненно-бледной.

С подавленным стоном она уронила голову на рулевое колесо и дала волю слезам, которые сдерживала долгие часы. Рыдания сотрясали ее тело, едкий вкус кофе, который она пила утром, жег гортань. Спустя несколько минут она выпрямилась, вытерла слезы и на

смену горю пришла злость.

Что с ней такое неправильное, что она не может создать в себе защитную раковину, как другие врачи? Почему каждый мертворожденный ребенок напоминает ей о том, что много лет назад случилось с ее собственным ребенком?

О Бог мой, может, ей нужно обратиться к психиатру. Но сегодня утром у нее на это нет времени, это уж точно.

Она завела мотор и выехала со стоянки, влившись в напряженное утреннее уличное движение. Времени у нее оставалось только на то, чтобы доехать до дома, принять душ, собрать вещи и спешить в аэропорт, чтобы успеть на рейс в Саскатун.

Она постаралась отогнать мысли об утренней трагедии и сосредоточиться на том, что следует взять с собой. Строгий костюм для заседаний конференции, гладкое черное шелковое платье для торжественного обеда.

Джинсы и сапоги для ранчо. Ее настроение несколько улучшилось, когда она напомнила себе, что после окончания конференции сможет провести пару дней с Тони и мальчиками.

И с Шарон, напомнила она себе. Пейдж никогда не чувствовала близость со своей невесткой, но, может, на этот раз все пройдет легче.

Она решила упаковать и тренировочный костюм для утренней пробежки. Уже больше недели ей не удавалось как следует побегать по утрам. Еще со времени учебы в медицинской школе она знала, что хорошая физическая нагрузка очень помогает снять напряжение.

Прямо перед ее машиной вывернулось такси, и она изо всех сил нажала на тормоз, чтобы не врезаться в него, ругаясь что есть мочи, когда ее машина вильнула, а тормоза взвыли, протестуя. С бьющимся сердцем она остановилась перед светофором, такси остановилось прямо перед ней.

«Идиот, сумасшедший», — мысленно обругала она водителя. Ее всю трясло. Она даже решала про себя, не вылезти ли из машины и разбить ему стекло, но разум взял верх.

Ты становишься психом, доктор Рандольф.

Нет никакого сомнения, что ей действительно нужно провести пару дней, отдыхая на ранчо у Тони, вдали от рожаящих женщин и безумного ванкуверского уличного движения. И даже если Шарон не будет счастлива увидеть ее, Тони и маленькие ребята возместят этот минус.

— Ну и как, Пейдж, эта конференция, на которую ты приезжала, стоила того?

Шарон осторожно разливала холодный суп в свой лучший столовый сервиз, поручив Тони передавать тарелки и не глядя на Пейдж.

— Конференция была интересная. Пара семинаров по акушерству, которые...

— Мне не нравится этот зеленый суп, папа. Я обязан его есть? — Жалобный голос Мэттью прервал фразу Пейдж, и она улыбнулась, глядя на страдальческое личико своего семилетнего племянника, взирающего на стоявшую перед ним тарелку.

— Ты должен это съесть. И не прерывай никого, или ты отправишься в свою комнату без ужина.

Голос Тонн звучал резко, и он сурово посмотрел на сына. Лицо Мэттью залилось краской и, когда он наклонил свою рыжеватую голову над тарелкой с супом, Пейдж заметила намек на слезы.

Она посмотрела на Тони, удивленная его раздражением. Обычно он был человеком легким, мягким и терпимым к мальчикам, но с той минуты, как она приехала сюда несколько часов назад, Пейдж ощущала в этом доме некое подспудное напряжение.

С момента ее приезда Тони и Шарон все время шпыняли друг друга. У Шарон были какие-то трудности с приготовлением обеда, и она изображала из себя жертву, перетрудившуюся под тяжестью этого процесса.

Пейдж понимала, что у ее невестки действительно не было времени на приготовление особенных блюд, и изо всех сил возражала против этого. Даже горожанин знает, что конец августа — самое напряженное время на ранчо. Урожай созрел и надо кормить наемных сезонных рабочих, фрукты из сада надо замораживать или консервировать на зиму, а мальчикам требуется миллион вещей, прежде чем они будут готовы пойти в школу.

Но Пейдж так и не поняла, почему Шарон отказалась от ее приглашения увезти их всех на веселый пикник. А если это было неудобно, то почему ее невестка не захотела просто передохнуть вместе с ней и устроить простой обед на широком деревянном столе в удобной кухне, как если бы... как если бы Пейдж действительно была членом их семьи?

Ей было неприятно, что ее принимают как почетную гостью. Обед был устроен в узкой столовой. Столовое серебро блестело, дубовый стол покрыт льняной скатертью, а ее племянники сидели за столом в белых рубашках, а их лица и руки носили следы недавнего и жестокого мытья.

Мальчикам не разрешили сесть за стол в шляпах стиля «Дикий Запад», которые она привезла им в подарок, но они все-таки надели ботинки и пояса из тисненой кожи.

В конце концов, решила Пейдж, мальчики рады видеть меня.

Она встретилась глазами с шестилетним Джейсоном, и он хихикнул, его зеленые с рыжиной глаза очень походили на ее глаза.

Мэттью был голубоглазым блондином, склонным к полноте, и смахивал на Шарон, а вот Джейсон унаследовал худощавость Рандольфов и ирландские черты, отличавшие ее и Тони: густые черные волосы, прекрасную кожу, украшенную несколькими веснушками, высокие скулы, твердый подбородок и гибкое тело. Тони был на несколько дюймов выше Пейдж, в нем было шесть футов роста, волосы прямые, в отличие от ее вьющихся кудрей, но в остальном брат и сестра поразительно походили друг на друга.

— Как урожай в этом году, Тони?

Пейдж знала, что лето по всей Канаде оказалось непривычно сырым. Может быть, Тони опять волнуется по поводу денег: последние годы ферма приносила только убытки.

Тони и Шарон обменялись долгими выразительными взглядами, и Пейдж острее, чем когда-либо, ощутила себя посторонней.

— Урожай неплохой, учитывая дождливое лето, — коротко ответил Тони и сменил тему, заговорив о предстоящих выборах.

Обед тянулся томительно долго, с чопорными разговорами взрослых и нетерпеливостью мальчиков. Им хотелось поскорее выбраться из-за стола и отправиться запускать китайские бумажные змеи, которые Пейдж привезла им. Наконец Шарон поставила на стол яблочный пирог, после чего детям разрешили уйти.

Шарон начала убирать со стола, Пейдж и Тони поднялись, чтобы помочь ей.

— Почему бы вам не пойти пить кофе в гостиную? Я прекрасно справлюсь здесь сама.

Тон голоса Шарон не оставлял сомнений в том, что ей помощь не требуется. Пейдж старалась не чувствовать себя нежеланной гостьей, хотя в поведении Шарон никакой теплоты не наблюдалось.

Тони глянул на нее, пожал плечами, они с Пейдж забрали свои чашки и отправились в другую комнату. Усевшись в старом кресле перед холодным камином, Пейдж воспользовалась возможностью хоть несколько минут побыть наедине с Тони и прорваться сквозь вежливый и безличный фасад, выстроенный Шарон. Она дотянулась до дивана, на котором расположился Тони, и сжала его загрубевшую от работы руку.

— Что случилось, братец? Я ничем не могу тебе помочь?

Тони остался ее единственным близким родственником: их мать умерла, когда Пейдж исполнилось пять лет, а Тони три года, а их отец, не прошло и года, как женился на женщине, которую Пейдж и Тони презирали и боялись. Их безрадостное детство послужило основой прочной связи между ними, и до своей женитьбы Тони оставался самым лучшим и самым близким ее другом. Ей его очень не хватало, особенно когда они оказывались вместе, как сейчас... а прежней близости не было.

Тони пожал плечами и глубоко и шумно вздохнул.

— Я сегодня немножко не в себе, сестренка.

Пейдж глянула на него.

— Тони, если мое пребывание у вас становится проблемой, я могу вернуться в отель. Ты можешь быть со мной откровенным.

— Твое пребывание? — Тони замотал головой. — Дело совсем не в тебе, сестренка. Меня выбила из колеи эта идиотская история на моих полях.

Пейдж нахмурилась.

— Я тебя что-то не понимаю, Тони. На твоих полях? Какая это идиотская история на твоих полях?

— Круги на пшеничном поле. Ты когда-нибудь слышала про круги на пшеничных полях?

Пейдж покачала головой.

— Не думаю. Это что, какие-то проблемы с опрыскиванием или чем-то еще в этом роде?

Тони мрачно усмехнулся.

— Если бы. Круги на поле, если верить статье, которую я сегодня прочитал в одном

старом журнале, это необъяснимый феномен. Знаешь, летающие тарелки и тому подобная брехня. Пришельцы из других миров. — Он фыркнул. — А происходит вот что. Фермер вроде меня обнаруживает в середине пшеничного поля большие круги, все колосья лежат в одном направлении, как будто налетел вихрь или еще что-то в этом роде и уложил всю пшеницу, но аккуратно и на небольшом участке. Похоже, что это в течение лет случается в разных частях мира. А круг, который выложен у меня, имеет совершенно необычную форму — внутри него расположен большой треугольник. — Тони взволнованно замотал головой. — Представляешь, Пейдж, вечером ты ложишься в постель и все вокруг нормально. А утром встаешь и обнаруживаешь на своих полях вот такое таинственное явление, которое никто не может объяснить.

Пейдж уставилась на брата.

— Ты хочешь сказать мне, что... что этот плоский круг, или что там еще, неизвестно откуда появился на твоём поле? Когда это случилось?

Она испытывала странное чувство, видя своего обычно невозмутимого брата таким расстроенным.

— Сегодня утром. Я ехал на своем пикапе туда, где мы качаем воду. Я ездил мимо этого поля утром и вечером, так что я знаю, что вчера вечером там ничего не было. Со мной был Берт Мишлук, наемный рабочий. Он выругался, подумав поначалу, что это ребята там, может быть, устраивали вечеринку. Мы вылезли из пикапа, чтобы поглядеть, и у меня возникло странное ощущение. Как будто весь участок был насыщен... не могу точно определить... как будто электричеством.

Голос у Тони был напряженный.

— В середине поля оказался большой аккуратный круг. Пшеница полегла, но лежала она в определенном порядке, а в центре круга выложен треугольник. — Тони неуверенно провел рукой по волосам. — Это можно было сделать только с воздуха, потому что там не было и следа человеческой ноги, так что дети не могли бы что-то натворить. Мы целый час исследовали каждый дюйм поля, и я могу поклясться жизнью, что никто не подходил и не подъезжал к этому кругу. Это потустороннее явление. А потом Берт потребовал расчета, прямо там, на поле, и это в разгар сбора урожая! Заставил меня поехать с ним ко мне домой и выплатить ему заработанные им деньги. Он уверен, что это дело рук дьявола.

Тони с отвращением фыркнул и сделал большой глоток кофе.

— В это время года почти невозможно найти другого работника, и, что еще хуже, насколько я знаю Берта, он будет рассказывать всю эту историю по всей округе. Он большой болтун. Могу держать пари, что уже завтра здесь появятся машины телевидения и толпа репортеров, которые будут мешать уборке урожая и причинять мне кучу неприятностей, совершенно мне ненужных.

Пейдж не знала, что и сказать. Все это походило на научно-фантастическое кино. Но она испытывала и любопытство.

— Я могу посмотреть на это поле, Тони?

— А почему бы и нет? Я не удивлюсь, если завтра здесь будет весь Саскатун. Как только мальчики улягутся в постели, я отвезу тебя туда. — Он спокойно посидел несколько минут, потом сказал: — Я не хочу, чтобы дети узнали что-то об этом, во всяком случае пока. Так что ты им ничего не говори, ладно?

Пейдж кивнула.

— Шарон уже видела. Я возил ее туда сегодня, когда дети отправились купаться. Она не

может понять, почему меня это расстроило, ее такое происшествие только возбуждает.

Спустя два часа Тони вез ее в своем пикапе по разбитой дороге. Небо над прерией было расцвечено всеми красками заката — багровой, оранжевой и золотой, ветер гнал душный воздух, не принося прохлады.

— Надеюсь, что Шарон не возражает, что мы уехали, — сказала Пейдж, стараясь перекрыть шум мотора.

Это было замечательно — оказаться наедине с Тони хотя бы на один час, но она испытывала чувство вины, что они оставили Шарон. К этому чувству вины примешивалась злость на невестку за это чувство.

— Я не хочу еще раз ехать туда, — заявила Шарон. — Поезжайте вдвоем, я останусь дома и буду смотреть телевизор.

Быть может, это единственная возможность за все время ее визита сюда побыть наедине с братом, и Пейдж решила воспользоваться случаем. Ей очень не хотелось припирять его к стенке, но ее пугало ощущение, что они все более отдаляются друг от друга.

— Тони, что я могу сделать, чтобы наладить отношения с Шарон? Ты единственный член семьи, который у меня остался, я очень люблю бывать с тобой, но я чувствую, как она напряжена, когда я бываю у вас. Может быть, если бы я знала, в чем дело...

Тони не отвечал несколько минут, но когда он заговорил, то не стал уверять Пейдж, что это ей почудилось.

— Тут много всего намешано, Пейдж. — Он вздохнул, глядя на дорогу, представлявшую собой не более чем след в прерии. — Я думаю, что Шарон рядом с тобой испытывает некоторое чувство неполноценности. — Он помолчал, потом добавил: — И даже не некоторое, а довольно сильное. Понимаешь, ты женщина, сделавшая карьеру, врач, специалист. Ты зарабатываешь большие деньги. Шарон кончила школу и работала в страховой компании, пока мы не поженились. Она считает, что ты живешь блистательной жизнью, красиво одеваешься, покупаешь мальчикам дорогие подарки. Она немножко растолстела, а ты тоненькая, как тростиночка. — В его голосе зазвучала нотка горечи. — И, может быть, все обернулось не так прекрасно, как она надеялась, выходя за меня замуж. Она оказалась прикованной к ферме и двум детям и к куче долгов. Возможно, она завидует твоей чековой книжке, твоей свободе. Ты знаешь, она забеременела Мэттью до того, как мы поженились. Я думаю, она считает, что у нее просто не было выбора.

Пальцы Тони крепче сжали руль машины.

— Дерьмо все это! Откуда я могу знать, что в голове у женщины? Почему бы тебе не попробовать самой поговорить с ней?

Это предложение перепугало Пейдж до смерти, но если он думает, что она должна...

— Ладно, я попробую. Мне никогда не удавалось заводить друзей среди женщин, ты это знаешь. Я умею с ними ладить, когда они мои пациентки, но, помимо этого... у меня никогда не было близкой подруги. Но я попробую с Шарон.

Она помолчала, потом задумчиво добавила:

— Ты знаешь, в этом есть ирония, в том, что она завидует мне. По правде говоря, я бы многое отдала, чтобы иметь мужа и пару детей, как у нее. Мне казалось, что она это понимает.

— Какого черта, как она могла знать, если ты ей никогда ничего не говорила?

Тони был явно раздражен. Он сконцентрировал все свое внимание на дороге и не

смотрел на Пейдж, но она была уверена, что он считает, что проблема возникла отчасти по ее вине, и это ее обижало.

Она постаралась, чтобы ее голос звучал ровно и не взволнованно.

— Что касается того, что она забеременела до того, как вы поженились, то она должна была знать обо мне и Нике Моррисоне, я ведь тоже была беременна до того, как вышла замуж.

Тони кивнул.

— Да, она это знает. — Он повернул голову, чтобы глянуть на нее. — Это было давненько, сестричка. С тех пор много воды утекло. А тебя вся та история все еще волнует?

Только когда умирают новорожденные.

— Нет, как ты правильно сказал, это было очень давно.

Они поднялись на невысокий холм, и Тони показал на поля, расстилающиеся насколько хватало глаз.

— Вот там, правее. Видишь голый участок?

Пейдж посмотрела, но с этой точки участок не выглядел впечатляюще — просто вытоптаный кусочек земли среди моря пшеницы.

— Вот мы и приехали.

Тони остановил пикап между двумя полями пшеницы, спелой, тяжелой, золотой, готовой к тому, чтобы ее убрали. Пейдж могла разглядеть тропинку, ведущую вправо.

Пока Тони вел ее по меже, стараясь не затоптать больше стеблей, чем это необходимо, Пейдж ощутила страх от того, что ей предстояло увидеть, и одновременно ужасное любопытство. Тони внезапно остановился, Пейдж сделала еще шаг, оказалась рядом с ним, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела круг.

Он оказался гораздо больше, чем виделся с дороги. Как и описывал его Тони, круг был совершенным, словно гигантский циркуль очертил такую окружность. Стебли пшеницы лежали внутри этого пространства концентрическими кругами, точно направленными под одним и тем же углом. На этот гигантский круг был наложен треугольник, три его вершины касались окружности на равном расстоянии друг от друга, колосья пшеницы были уложены так аккуратно, словно это делала рука художника.

— Странно, правда?

Тони ступил в круг, и Пейдж с трудом удержала себя от того, чтобы оттащить его обратно. Все в ней сопротивлялось необходимости шагнуть внутрь, но она понимала, что это глупо. Она заставила себя последовать за Тони, который мерил шагами сторону треугольника.

— Ты чувствуешь что-нибудь внутри этого круга, сестричка?

Она чувствовала. Это было такое же ощущение, какое она однажды испытала, попав в сильную грозу с молниями, ощущение непереносимого напряжения, как будто воздух был насыщен статическим электричеством. Волосики у нее на руках и на затылке встали дыбом, и, по мере того как она дальше входила в этот треугольник, в ней нарастало ощущение тревоги.

— Что ты по этому поводу думаешь, сестричка? Есть какая-нибудь идея, что могло вызвать такое явление?

Она была не в состоянии думать. Могла только ощущать, и это ощущение сильно встревожило ее, потому что она не могла найти никакого разумного объяснения.

Так они стояли несколько минут молча, глядя на причудливое поле.

— Я собираюсь приехать сюда завтра утром на тракторе и очистить это проклятое поле раньше, чем кто-нибудь увидит его, — вырвалось у Тони. — Я должен был подумать об этом сегодня, пока никто не пронюхал.

— Мысль неплохая.

На самом деле это было не так, по какой-то необъяснимой причине, хотя Пейдж чувствовала, что будет неправильно разрушать содеянное. Но она понимала ощущения Тони.

Она прошла к дальнему краю окружности, где один из углов треугольника соприкасался с окружностью, и заметила, что, когда она удаляется от центра круга, энергия ослабевает. Она зашагала обратно, и это ощущение усилилось.

Голос Тони прервал ее мысли, прежде чем она дошла до центра круга.

— Уйдем отсюда, Пейдж. Скоро стемнеет, а у меня еще полно работы.

Они молча вернулись к пикапу и весь обратный путь проделали в молчании.

Дома Шарон сообщила, что пока их не было, звонил репортер.

— И что ты ему сказала?

Тони шагнул к холодильнику и достал оттуда банку пива.

— Я ему ничего не сказала, — агрессивно ответила Шарон. — Он сказал, что слышал, что у нас круг на поле, и не будем ли мы возражать, если он приедет с командой кинооператоров и осмотрит здесь все. Я сказала, что он должен разговаривать с тобой, а тебя нет дома. Он позвонит через час.

Тони выругался и взялся за пиво.

— Вы хотите пива? — спросил он жену и сестру.

Обе женщины отказались, а он открыл банку и одним глотком осушил ее наполовину. Потом решительно подошел к телефону и выдернул штекер.

Шарон недовольно фыркнула.

— Это не решает проблему. Дело в том, Тони, что я не вижу большой беды в том, что приедет репортер и посмотрит. — В голосе у нее прозвучало раздражение. — Видит Бог, у нас здесь не так много развлечений, а он, судя по голосу, приятный парень.

Лицо Тони потемнело от гнева.

— Дерьмо он, а не приятный парень! Я тебе уже говорил, что не желаю, чтобы репортеры превратили мою ферму в цирк. Мне и так приходится возиться с урожаем, банк сидит у меня на шее, и у меня нет ни времени, ни терпения на эту банду.

— Ты всегда поступаешь так, как хочешь. А тебе никогда не приходило в голову, что я тоже заслуживаю право голоса по поводу того, что здесь происходит? Я работаю так же напряженно, как и ты.

Шарон открыла посудомоечную машину и принялась вытаскивать мытые тарелки и ставить их на полку.

— Никто с этим не спорит, — Тони повысил голос.

Они оба не заметили, как Пейдж встала и вышла из комнаты. Она поспешила наверх, сердитые голоса преследовали ее. Она заглянула в спальню своих племянников и прикрыла их дверь, надеясь, что они не проснутся от разгорающегося внизу скандала.

Она схватила халат и мешочек с умывальными принадлежностями и сбежала вниз в ванную комнату, пустила воду в старинную ванну и стала снимать с себя брюки, блузку и белье. Шум текущей воды заглушал рассерженные голоса.

Залезая в ванну, Пейдж решила, что позвонит и перезакажет билет на самолет. Для нее было очевидным, что сейчас неподходящее время для того, чтобы навещать родственников.

А будет ли когда-нибудь подходящее? Она так предвкушала, как проведет эти несколько дней с Тони и его семьей, твердо пообещав себе, что использует этот отпуск как щит против отчаяния и одиночества, охвативших ее после смерти ребенка Джексонов неделю назад.

Слезы текли по ее щекам, и она сердито смахнула их полотенцем.

Вскоре после этого, уже лежа в постели, Пейдж услышала, как поднимаются наверх Тони и Шарон. Их спальня располагалась рядом, и она могла слышать, как они разговаривают уже вполне спокойно. Она испытала огромное облегчение. Вероятно, они уладили свои противоречия, и утром все будет выглядеть лучше.

Прошло немного времени, и до нее донеслись звуки, в отношении которых ошибиться было невозможно — они занимались любовью. Пейдж старалась не слушать, однако стены старого дома пропускали все звуки. Она сунула голову под подушку, но все равно слышала шумные проявления их страсти, и они вызывали у нее противоречивые чувства.

Она уговаривала себя, что рада за них, довольна, что их отношения по-прежнему чувственны, несмотря на их проблемы, но подслушанные ею интимные звуки как ничто другое подчеркивали полное одиночество ее собственного существования.

Еще долго после того, как в соседней комнате воцарилась тишина, она лежала без сна, с болью пересматривая свою жизнь.

Прошло более двух лет с тех пор, как у нее был любовник, но даже тогда они оба испытывали уверенность, что их связь носит временный характер. Для нее главным в жизни была работа, а мужчины не могли смириться с этим.

Ирония заключалась в том, что ее профессия врача заставляла ее быть причастной к самым интимным моментам жизни других людей и в то же время требовала от нее столько времени и энергии, что делала невозможной самой испытывать эти интимные моменты.

Однако она знала других врачей, у которых были мужья, жены и дети, врачей, умевших совмещать свою работу и семью.

У нее не было даже близких подруг. То, что она говорила Тони, было правдой — она испытывала трудности в отношениях с женщинами за пределами своего служебного кабинета.

О да, она уверяла себя, что на то, чтобы заводить друзей, требуется время, что когда их клиника станет достаточно процветающей, когда они с Сэмом смогут нанять еще одного врача, который помог бы им справляться с лавиной больных, тогда у нее будет время заводить друзей.

Ну что ж, быть может, она обманывает себя, быть может, она неспособна на подлинную близость как в дружбе, так и в любви.

Она ворочалась, отбрасывала простыню, потом натягивала ее обратно, ее бросало то в жар, то в холод, заснуть она не могла и только то и дело смотрела на ручные часы, лежавшие на столике у изголовья.

Должно быть, она задремала где-то после трех часов ночи, потому что проснулась от сна, который растаял сразу же, как только она открыла глаза. В комнате уже светало, и она почувствовала себя вполне выспавшейся. Она потянулась к часам. Стрелки показывали половину пятого.

Она знала, что больше уже не заснет. Пейдж вылезла из постели и стала рыться в своей сумке, пока не нашла там тренировочный костюм. Она облачилась в лифчик и трусики, потом натянула красные нейлоновые шортики и безрукавку и тихонько пробралась в ванную комнату.

Она умылась холодной водой и причесалась. После сна и жары ее волосы превратились в копну завитков, и она натянула на лоб плетеный ремешок, чтобы волосы не падали на глаза. Когда она вернется домой, надо будет подстричь их — будет легче с ними управляться.

Она спустилась по лестнице, держа в руках свои потрепанные кроссовки.

Вне дома воздух оказался холодным, но не было и дуновения ветерка. День обещал быть отличным, небо ясное, висит над ней светло-синим балдахином, а на востоке розовые и пурпурные полосы предвещали близкий рассвет. Пахло сеном.

Старый пес Амос подошел и, пока она завязывала шнурки кроссовок, лизнул ее в лицо; цыплята высыпали из курятника.

Амос, помахивая хвостом, сопровождал ее несколько сот ярдов, но потом повернул обратно.

Она оглянулась на дом, темный и тихий. Возможно, когда она вернется, Тони уже встанет, и они вместе выпьют по чашке кофе.

Она не изменила своего решения уехать сегодня же. Именно теперь Тони и Шарон, по всей видимости, нуждались в уединении. Она позвонит в клинику и потом сочинит какую-нибудь байку о срочном случае, требующем ее присутствия.

Когда она добежала до конца тропинки, у нее не осталось сомнений насчет того, в какую сторону продолжать бег.

Уже проснувшись, она знала, что должна посмотреть на круг на пшеничном поле раньше, чем Тони распашет его, и она направилась по дороге, по которой они ехали вчера вечером.

До поля было четыре или пять миль, и Пейдж побежала туда, радуясь утренней свежести, пению птиц, ощущению, что она одна в этом большом и открытом пространстве.

Дорога оказалась длиннее, чем ей казалось, и ее потная майка прилипла к спине, пока она добралась до невысокого холма, возвышавшегося над полем. Она задержалась там на минуту, перевела дыхание и глянула вниз на пшеничное поле.

По ее спине пробежала дрожь, и она зашагала по склону холма по тропинке, протянувшейся среди пшеницы, достигающей пояса. Круг притягивал ее, как магнит.

Сердце Пейдж сильно билось, когда она добежала до внешней стороны круга. На какое-то время она остановилась у этой границы, разглядывая безупречный и таинственный чертеж, прежде чем шагнуть внутрь его.

Она тут же ощутила поток энергии, который чувствовала вчера вечером. Воздух был насыщен глубоким и сильным жужжанием, которое отозвалось в ее теле. Точнее сказать, это был не звук. Это было ощущение, усиливающееся по мере того, как она шла к центру круга.

Там она остановилась, и это странное ощущение становилось все более сильным. На нее изливался свет, хотя солнце еще не взошло над горизонтом, и она, заинтригованная, посмотрела на небо.

Страх в ней начал пересиливать любопытство, однако теперь она испытывала странную легкость в голове и головокружение. Пейдж опустилась на колени, чувствуя, как острые колосья царапают голую кожу ее ног, но была не в силах встать.

Перед глазами у нее вспыхивали ослепительно красные и пурпурные круги, сливающиеся с каким-то извращенным жужжанием, которое становилось все громче.

Это должен быть восход солнца.

Она должна встать и бежать отсюда, бежать...

Она утонула в ярком, ослепительном вихре цвета, звука и энергии, в вихре настолько мощном, что сопротивляться ему было невозможно.

Она услышала, как вскрикнула, когда жужжание стало невыносимо громким, а потом мир стал серым и бесформенным.

Лето 1883 года в Саскачеване было настолько сухим и жарким, что урожаю поселенцев грозила опасность, что он засохнет и сгорит под палящим солнцем прерии.

Стоял уже конец августа, а дождя все еще не было. Каждый день казался жарче и суше предыдущего.

Сержант Северо-Западной Конной полиции Роберт Брюс Камерон полагал, что сегодняшний день не будет исключением. Солнце встало над горизонтом, и он ощущал жар его лучей сквозь шерсть своего алого мундира. Он еще не очень пропотел, но все-таки уже задолго до полудня был влажным. Эта военная форма не была рассчитана на удобства.

Четыре дня назад командир послал его встретить Флетчеров и благополучно доставить их в форт Баттлфорд. Теодор Флетчер приходился племянником одному из офицеров Северо-Западной Конной полиции в Оттаве, и по телеграфу передали, что их надлежит встретить, доставить в безопасности в Баттлфорд, где они собираются обосноваться.

Вчера вечером Роб нашел для лагеря овраг с ручейком. Несколько ив создавали некое подобие укрытия, и все они достаточно удобно расположились там.

Сегодня утром он разбудил их еще до рассвета, помог Теодору запрячь лошадей, и, как только все поели, они выехали на дорогу. Роб хотел доставить порученный ему груз в Баттлфорд к вечеру, чтобы им не пришлось провести еще одну ночь под открытым небом. Клара Флетчер заставляла его изрядно нервничать.

Даже на его взгляд холостяка, было очевидно, что она беременна. Молодой шотландец понятия не имел, когда чадо надумает появиться на свет, и ему совершенно не хотелось тратить время в открытой прерии на выяснение данного обстоятельства. Когда три года назад Роб вступил в Северо-Западную Конную полицию, он дал Клятву Верности. Он был готов отдать свою жизнь за правое дело, но принимать роды — это нечто совсем другое.

Он ехал верхом рядом с медленно движущимся фургоном, стараясь выглядеть и уверенным, и спокойным, отвечая на вопросы Клары о жизни в Баттлфорде и молясь про себя, чтобы колдобины, сотрясавшие фургон, не ускорили роды. Одновременно он внимательно осматривал местность.

За последнее время не было никаких инцидентов, связанных с индейцами, но держаться надо настороже.

— Скажите, сержант Камерон, в Баттлфорде есть газета?

— Да, миссис Флетчер. Мистер Лаури каждую неделю печатает саскачеванскую «Герольд»...

Уголком глаза Роб уловил в высокой траве справа от дороги ярко-красную вспышку. Он отреагировал немедленно, натянув поводья своего коня Ангуса и прикрыв собой миссис Флетчер.

— Отползите в заднюю часть фургона и ложитесь там, — тихо скомандовал он, и она, не задавая никаких вопросов, повиновалась. Теодор услышал тревогу в голосе Роба и остановил упряжку. Он спрыгнул с облучка с ружьем в руке и занял позицию за крытым фургоном.

В сухой траве не слышно было никаких звуков и не заметно никакого движения. Роб был совершенно уверен, что ни один уважающий себя индеец не оденет на себя ничего ярко-красного, если собирается устроить засаду и напасть на них. Тем не менее Роб не хотел

рисковать.

Держа в руках револьвер «кольт» и пригнувшись к шее Ангуса, он осторожно тронул коня, чтобы посмотреть, что же вызвало у него тревогу.

Когда Роб подъехал ближе, он не поверил своим глазам.

На земле лежала расprostертая женщина. Она была почти голая.

Он смотрел на нее со смешанным чувством удивления и восхищения. Она была очень хороша собой.

Потом ему пришло в голову, что ее используют как приманку и что он может попасть в засаду. Он заставил Ангуса сделать круг и, прищуриив глаза от встающего солнца, стал осматривать окружающую прерию. Нетронутая трава расстилалась насколько глаз хватало, в ней ничего не скрывалось, кроме полыни и бизоновой травы. Никаких признаков жизни, кроме фургона и его обитателей.

Он соскочил с коня и опустился на колени рядом с женщиной, осторожно взял кисть ее руки и стал искать пульс. Пульс был, замедленный и полный. Роб вздохнул с облегчением.

Она была в обмороке, лицо бледное, глаза закрыты. Он пришел к выводу, что она настоящая красotka. У нее были непривычно коротко остриженные волосы, черные как смоль, и такие вьющиеся, что подобных кудрей он никогда не видывал. Длинные темные ресницы, а на лбу ремешок, какой он видел у индейских женщин, но индианкой она не была.

Это ее одежда — вернее, недостаток одежды — отвлекли его внимание от ее лица.

На ней были красные штанишки, едва прикрывавшие отличные бедра, и короткая рубашка, оставлявшая открытыми шею и руки. Его взгляд скользнул вниз, к ее длинным обнаженным ногам, и он нахмурился.

У нее на ногах были странные короткие ботинки на толстой подошве, какие он никогда не видел, белые, с красными полосками по бокам. Шнурки были оранжевые, и он подумал, что вряд ли ботинки сделаны из кожи. Они были на вид мягкими, и он нагнулся, чтобы получше разглядеть их. Похоже, что они были из брезента.

— Сержант Камерон, у вас все в порядке? Вам не нужна помощь?

Крик Теодора Флетчера вывел Роба из задумчивости, он поднялся на ноги и успокаивающе помахал рукой в сторону фургона.

— Никакой опасности, — откликнулся он. — Я скоро вернусь.

Его голос потревожил женщину. Она пошевелила рукой и издала тихий звук, а Роб вспомнил о своих обязанностях полицейского. Он снова опустился на колени рядом с ней и быстренько ощупал ее, стараясь оставаться беспристрастным, но слишком остро воспринимая мягкость ее кожи и округлость бедер под тоненьким бельем.

Никаких видимых повреждений он не обнаружил — ни сломанных костей, ни открытых ран.

Через мгновение-другое она сделала движение головой и открыла глаза. Роб улыбнулся ей, надеясь успокоить ее, поскольку у нее на лице отразились потрясение и озадаченность и она попыталась сесть.

— Спокойно, девушка, не торопитесь. Вам здесь ничто не угрожает. Я сержант Роб Камерон из Баттлфордского отделения Северо-Западной Конной. У вас кружится голова? Не хотите ли воды?

Он встал, достал флягу из седельной сумки, откупорил ее и снова склонился над девушкой, протягивая ей флягу.

Она взяла флягу, одна нога вытянута, другая подогнута под себя, при этом она явно не

замечала, насколько она полуодета. Вот тогда-то Роб и решил, что она, вероятно, шлюха. Ни одна приличная женщина не будет чувствовать себя комфортно в нижнем белье, разговаривая среди бела дня с мужчиной.

Эта мысль его огорчила: она была красивая женщина, на пальце у нее не было обручального кольца, а красивую одинокую женщину не так часто встретишь на Западе.

Она неуверенно улыбнулась ему.

— Спасибо. Я, видимо, забежала слишком далеко. Я на мгновение потеряла сознание. Никогда раньше не падала в обморок.

Ее глубокий хрипловатый голос чуточку дрожал, она глотнула из фляги, сморщив носик и передернув плечами от солоноватого вкуса воды.

— Ужасный вкус у этой воды, но все равно спасибо, мистер... как, сказали, вас зовут?

— Камерон. Сержант Роберт Брюс Камерон.

Она нахмурилась, глядя на него.

— Благодарю вас, сержант Роб. Вы полицейский? Конная полиция?

Он кивнул. Ее свободная манера убедила Роба в том, что его первоначальное предположение было правильным — она падший ангел, в этом не приходилось сомневаться.

— Вы из отделения в Саскатуне, Роб? Может, вы доставите меня на ранчо моего брата? Это недалеко отсюда. — Она оглянулась вокруг, несколько удивленная. — Во всяком случае думаю, что недалеко. Я вижу, вы верхом, но, может быть, вы вызовете машину по радио?

Он ничего не понял из ее слов. Он знал всех поселенцев в округе, но никаких ранчо здесь не было и уж конечно никаких железнодорожных машин.

Он начал подозревать, что она не в себе. Он решил успокоить ее. Менее всего ему нужна была здесь истеричка.

— Я из Баттлфорда, девушка. Я сопровождаю туда этот фургон, фургон мистера и миссис Флетчер. — Он показал туда, где его ожидали Флетчеры. — Мы будем рады, если вы составите нам компанию.

Похоже, что она оправляется от своего обморока, так что он решил порасспрашивать ее.

— Вы можете назвать мне ваше имя? И откуда вы бежали? И как вы очутились одна здесь, в прерии?

В ваших красных атласных штанишках, мысленно добавил он, с трудом отрывая от них глаза.

— Я Пейдж Рандольф. — Голос ее звучал уверенно. — Я врач, гинеколог, была на конференции в Саскатуне.

Роб старался сохранить невозмутимое лицо, но ему стало ясно, что она сумасшедшая и заговаривается.

— Конференция закончилась в субботу, — продолжала она, — и я поехала навестить своего брата. А сегодня рано утром я отправилась побегать, и, видимо, жара на меня подействовала или еще что-то. У меня закружилась голова и... — Она огляделась вокруг и нахмурилась. — Какого черта, что случилось с кругом в пшенице? Я была в центре этого круга, когда упала в обморок, а теперь его нет.

— Пшеница? Круг? Я уверен, что ничего не могу сообщить вам.

О Боже, да она же ненормальная! Она не опасная, насколько он может судить, но совершенно ясно, что рассудок у нее поврежден. Большая часть того, что она говорит, лишена всякого смысла. Роб встал и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

Она чувствовала себя неуверенно, но все-таки устояла на ногах. Он почувствовал

некоторое разочарование, обнаружив, что она выше его ростом. Она высокая женщина, тут не ошибиться. Худенькая, но на пять или шесть дюймов выше его, который насчитывал пять футов и четыре с половиной дюйма. А когда она встала, то возникло впечатление, что она больше обнажена, чем раньше. Глядя на нее, он испытывал тягостное напряжение в нижней части своего тела, что могло смутить.

— Быть может, у миссис Флетчер есть какая-нибудь одежда, которую вы могли бы одолжить у нее, мисс Рандольф. Я спрошу у нее, если захотите. — Он взял повод Амоса в одну руку, поддерживая другой ее под локоть, провожая к фургону. — Мы должны поторапливаться. Я хочу добраться до форта сегодня до заката.

А когда он доедет, то главный врач Болдуин отнюдь не будет счастлив, что ему придется иметь дело с лунатичкой, подумал Роб. Он хороший врач, этот Болдуин, хотя и чуточку нетерпеливый.

А что может Роб сделать с этой бедной девушкой, как не отвезти ее в форт и передать в руки врача? Не может же он оставить ее одну посреди прерии, да еще такую неодетую!

Откуда она взялась, черт побери?! Озадаченный, он снова огляделся вокруг в поисках какого-нибудь следа фургона, или лошади, или хотя бы примятой травы, которые могли бы указать, откуда она попала сюда.

Ничего не было. Роб потряс головой, смущенный всеми этими странностями. Словно она свалилась с неба.

Он подавил ухмылку. Если бы она свалилась с неба, то оказалась бы действительно падшим ангелом, правда?

* * *

Пейдж чувствовала себя дезориентированной и чуточку испуганной. Когда Роб помог ей встать на ноги, она поразилась тому, что вместо тянувшихся на многие мили возделанных полей с пшеницей она оказалась посреди дикой прерии без всякого намека на дороги, а в ста ярдах отсюда стоял крытый фургон, запряженный двумя лошадьми.

Она закрыла глаза и снова открыла их, на тот случай, не галлюцинации ли у нее? Крытый фургон по-прежнему стоял там.

Молодой полицейский тоже был тайной. Он был меньше ростом, чем все полицейские Конной полиции, каких она только видела. Он был ей как раз по плечо. От него едко пахло потом, пылью и древесным дымом. И в эту ужасную жару на нем красная форма. Полицейские Конной полиции в Британской Колумбии одевали свои красные мундиры только по торжественным случаям, но никак не каждый день. И кроме того, эта лошадь. Что делает офицер Конной полиции один, на лошади? Она думала, что они теперь используют лошадей только для того, чтобы позировать для почтовых открыток.

Может, здесь снимают кино? Но он сказал бы ей. И нигде поблизости не видно ни грузовиков, ни других киношных принадлежностей.

У Пейдж заболела голова, и она не могла привести свои мысли в порядок.

Ну, может быть, сказала она себе, Конная полиция здесь, в Саскачеване, другая. Видит Бог, она не специалист по части Конной полиции, но покрой его мундира несколько

странный, куртка слишком узкая и короткая. У него на бедре очень большой, выглядевший неуклюжим револьвер в открытой кобуре. На голове у него тоже не широкополая шляпа «стетсон», а странная шляпка с плоским доньшком, сдвинутая кокетливо набок и с широким ремешком под подбородком.

Он заметил, что она разглядывает его, и покраснел, как его мундир. Его нельзя было назвать красивым, но он обладал широким, приятным, загорелым лицом, которое портили большие ржавого цвета усы, карие глаза доброго щенка и копна рыжих волос, более светлых, чем усы.

В его речи чувствовался отчетливый шотландский акцент, ей приходилось очень прислушиваться, чтобы разобрать, что он говорит.

— Вы недавно в Канаде, Роб? — спросила Пейдж.

Он отрицательно мотнул головой.

— Я здесь уже три года. Я вступил в Северо-Западную Конную полицию сразу как приехал сюда.

Северо-Западная Конная полиция?

— А я думала, что вас всех называют Королевской Канадской Конной полицией.

Он снова посмотрел на нее тем настороженным жалостливым взглядом, который ей не нравился.

Загадка Конной полиции отодвинулась в глубину сознания, когда они дошли до крытого фургона и Роб представил ее странным мужчине и женщине, стоявшим около фургона.

Пейдж улыбнулась им и протянула каждому руку. Они были чрезвычайно вежливы и обращались к ней только «Мисс Рандольф».

Пейдж решила, что они, должно быть, члены какой-то строгой религиозной секты, путешествующие таким вот образом в фургоне. Выглядели они лет на двадцать пять или что-нибудь около этого, но одеты были настолько старомодно, что Пейдж ничего подобного никогда не видела, разве только в музее. На женщине даже был капор. Пейдж видела такие капоры только на детях.

Она старалась вспомнить, не упоминал ли когда-либо Тони о колонии хаттеритов или поселке секты аманитов где-нибудь поблизости.

Женщина, Клара, была беременна, вероятно, уже больше шести месяцев, и, конечно, она могла бы носить колготки и свободную рубашку. Ее же платье было длинным, в нем было жарко и тесно.

Лицо у женщины простенькое, спокойное, застенчивая улыбка, прямые цвета соломы волосы, выглядывающие из-под капора, и маленькие круглые очки на вздернутом носике.

Ее муж Теодор выглядел крупным, высоким, широким в плечах, с легкой проседью в каштановых волосах до плеч. Как и у Роба, у него были пышные усы и большая борода. Одет он был совершенно неподходяще для данной ситуации — темный сюртук, выдавший лучшие дни, поношенные брюки. Когда Роб представлял ее, Теодор сдернул свою потасканную коричневую шляпу и потом водрузил ее обратно на голову.

Было совершенно очевидно, что Флетчеры так же поражены костюмом Пейдж для бега, как и она их одеяниями.

Клара бросила только один панический взгляд на ноги Пейдж, и ее пухлые щеки стали пунцовыми. С этой минуты она старательно удерживала свой взгляд на лице Пейдж, хотя Пейдж заметила заинтересованные взгляды Теодора на ее ноги, когда он думал, что она этого не видит.

Пейдж ощутила раздражение. Полное сумасшествие — они ведут себя так, словно никогда не видели женщину в шортах и майке без рукавов. В результате она начинала чувствовать себя неуверенно.

Даже полицейский, видит Бог, смущен.

— Я сказал мисс Рандольф, что вы могли бы одолжить ей какую-нибудь одежду, миссис Флетчер, — сказал он. — Тогда мы сможем продолжить наш путь.

— Конечно, — охотно откликнулась Клара. — В моем сундуке в задку фургона наверняка найдется кое-что подходящее для вас, мисс Рандольф.

Пейдж начала терять терпение.

— В этом нет нужды, я остановилась неподалеку отсюда и...

Она не успела закончить фразу, как Клара прошла к задку фургона и влезла туда с явным намерением найти какую-то одежду. Начиная ощущать некоторое отчаяние, Пейдж обернулась к Робу Камерону.

— Послушайте, должен же быть какой-то способ вам связаться с моим братом! Его телефон 145-6226. Если вы дозвонитесь ему, я знаю, он приедет и заберет меня.

Камерон ничего ей не ответил. Они с Теодором обменялись взглядами, значение которых Пейдж не поняла.

Вся ситуация начинала угнетать ее.

— Мисс Рандольф, — позвала ее Клара из фургона. — Вот здесь блузка и юбка которые, я уверена, подойдут вам. Вы не хотите примерить?

Пейдж преувеличенно громко вздохнула и уже открыла рот, чтобы отказаться, когда Роб Камерон просительным голосом сказал:

— Это, наверное, лучший путь, мисс Рандольф. Отсюда мы не можем связаться с вашим братом. Нам нужно добраться до форта, там есть телеграф, но это довольно далеко. Солнце палит вовсю — если вы не прикроетесь, то сгорите.

За все время их разговора это были первые слова, в которых обнаруживался какой-то смысл. Конечно, она понимала, что лучи солнца представляют опасность, но она была убеждена, что никогда за всю свою жизнь не встречала такой компании ханжей.

Она повернулась и влезла в фургон. Он был набит сундуками, деревянными ящиками и мешками, между которыми оставалось только крошечное пространство. Ей пришлось согнуться чуть ли не вдвое, кроме того, было так жарко и душно, что трудно стало дышать. Жужжали мухи, ударяясь о брезентовые стенки, пахло скипидаром или еще чем-то едким.

Пейдж сняла с головы ремешок и, вся потная и проклинаяющая все на свете, стала облачаться в белую хлопчатобумажную блузку и длинную черную юбку, предложенные ей Кларой. Там была еще куча нижнего белья, которую она проигнорировала. Она стянула с себя безрукавку и надела блузку поверх лифчика. У блузки были длинные пышные рукава и воротничок, застегивавшийся у самого подбородка. Пейдж застонала, оставила четыре верхних пуговицы не застегнутыми и закатала рукава до локтя.

Потом она вылезла из своих шорт и начала борьбу с юбкой — тяжелым зеленым сооружением, сшитым из какой-то негнушейся материи.

Юбка была тесной в талии и на четыре дюйма ниже колен. Кроссовки Пейдж, выглядывавшие из-под подола, выглядели смешными.

Клара была занята укладыванием вещей обратно в сундук и обернулась только когда Пейдж уже оделась.

— Я не знала, захотите ли вы надеть мое нижнее белье, — неуверенно сказала она,

собирая вещи, которыми пренебрегла Пейдж. — Вы гораздо выше меня, мисс Рандольф. Боюсь, что юбка коротковата для вас. Вы уверены, что не хотите одеть чулки?

Пейдж яростно вздохнула и отрицательно мотнула головой.

Эта женщина спятила. Снаружи было 80 градусов по Фаренгейту, а чулки даже не были колготками. Похоже, их вязали вручную из шерсти.

— Все в порядке, спасибо. — Пейдж с тоской подумала о прохладном синем купальнике, оставшемся в ее сумке. — О Боже, давайте выберемся отсюда, пока нас не хватил удар!

Пейдж подобрала длинную юбку и вылезла из фургона. Клара последовала за ней.

Мужчины оглядели Пейдж, их взгляды на этот раз задержались на ее шее и щиколотках, но они ничего не сказали.

Странные они люди, с отвращением подумала Пейдж.

— А теперь поехали, — скомандовал Камерон, садясь на свою лошадь, а Пейдж обнаружила, что сидит на высоком облучке фургона рядом с Кларой и они с громыханием катятся по прерии.

Езда в фургоне оказалась совсем не легкой. Их швыряло из стороны в сторону, и Пейдж то и дело приходилось хвататься за сиденье, чтобы не свалиться. Клара сидела между Пейдж и Теодором совершенно спокойно, она, по всей видимости, привыкла к такой езде.

Пейдж оглядывалась вокруг и всерьез начала задумываться, не находится ли она еще в обмороке или ей все это снится.

Куда бы она ни смотрела, насколько хватало глаз не видно было никаких признаков цивилизации. Ни домов, ни мачт электропередач, ни дорог, ни заборов. Не было тракторов, тянущих уборочные машины, потому что не было возделанных полей. Вокруг расстилалась дикая открытая прерия с редкими купаи деревьев. Пейдж запрокинула голову и уставилась в бескрайнее синее небо, глаза у нее начали слезиться от ярких солнечных лучей.

Должны же быть видны самолеты, шлейфы от их ракетных двигателей, которые прочерчивают небо? Ничего, кроме кучки белых облаков, зависших у самого горизонта.

В ней начала нарастать паника. Куда она попала? Что случилось, пока она лежала без сознания? Судя по всему, она находилась в обмороке гораздо дольше, чем предполагала, потому что каким-то образом ее перевезли с поля Тони сюда. Это было... где? И кто ее перевез? Как она сюда попала?

— Откуда вы, мисс Рандольф? — Приятный голос Клары принес некоторое облегчение, приостановил истерику, назревавшую в Пейдж.

— Ванкувер. Я из Ванкувера. Почему бы вам не называть меня Пейдж? Там, откуда я, мы не особенно придерживаемся формальностей.

Она попыталась улыбнуться.

— Ванкувер. — В голосе Теодора прорезался интерес. — Это на Западном побережье, Клара.

Он повысил голос, чтобы его слышали за грохотом колес. Теодор держал вожжи в своей большой руке, но лошадей похоже не приходилось подстегивать. Они бежали ровным аллюром, следуя за конем сержанта Камерона.

— Слышал я о форте Ванкувер, — продолжал Теодор. — Это довольно далеко отсюда, за Скалистыми горами. Я прав, мисс Рандольф? Мисс Пейдж?

Он явно был доволен собой, обнаружив, что знает, где находится Ванкувер. Они с таким же успехом могли говорить о каком-нибудь малоизвестном городе где-нибудь в Азии.

— Да, он на Западном побережье, это точно, — подтвердила Пейдж, все отчетливее испытывая смущение. — Я никогда не слышала, чтобы его называли форт Ванкувер, но предполагаю, что он действительно начинался как форт. Что касается Скалистых гор, то они, безусловно, отделяют нас от побережья. — Она понимала, что голос ее звучит несколько саркастически, и умерила его тембр. — Лично не ездила через горы, я всегда летала над ними, но я представляю, что это потрясающее зрелище. У меня никогда не было времени ездить по горам. Я всегда была слишком занята.

Она болтала, и это отвлекало ее от мыслей, которые заставили бы горло сжаться от паники.

— Я врач-гинеколог, на самом деле.

Она вновь подумала, откуда, во имя неба, эти люди? Откуда бы они ни взялись, совершенно ясно, что двадцатый век их не затронул.

И Клара и Тео уставились на нее и обменялись взглядами.

— Врач? Я никогда раньше не слышала о женщинах-врачах, — произнесла наконец Клара, и в ее голосе прозвучала неуверенность.

Теперь все это принимало совершенно смехотворный оборот. Где живут эти люди?

— Клара, откуда вы и Теодор?

— Мы канадцы.

Прекрасно.

— Мы оба выросли в Норвиче, графство Оксфорд.

Пейдж никогда о таком не слышала.

— Тео работал на ферме своего отца, а я была белошвейкой, — продолжала Клара. — Но было очень трудно строить свое будущее. Мы решили присоединиться к переселенцам, которые отправлялись на Запад, чтобы работать на угольных шахтах в Британской Колумбии, но когда мы добрались до Виннипега, Тео влюбился в эти просторы. Правда, Тео?

Клара улыбнулась мужу, а во взгляде, которым он ей ответил, виднелись забота и нежность.

Пейдж пожалела, что была настроена столь критически. Здесь была любовь, а любовь явление не столь частое.

— Вот мы и решили ехать сюда и здесь обосноваться, — продолжала Клара. — Дядя Тео Листер служит в Оттаве в Конной полиции, и он предложил нам эту местность, а Лестер был так добр, что сообщил в форт о нашем приезде, а сержант Камерон встретил нас, чтобы сопроводить.

У Клары даже дыхание перехватило от такой длинной речи.

Не похоже на то, чтобы они принадлежали к какой-нибудь религиозной секте. Пейдж была еще более озадачена.

— Мой брат живет здесь неподалеку, — заметила Пейдж. — Цены на землю упали с тех пор, как Тони купил свою ферму, так что вам как покупателям это на руку, но вы должны иметь в виду, что и цены на пшеницу тоже падают. Но все равно, жить на ферме — это замечательно. Здесь так хорошо растить детей. У Тони двое сыновей.

Она с грустью подумала о своих племянниках. Мэттью и Джейсон, наверное, удивляются, куда она пропала. И, пожалуй, когда она сегодня вернется, будет уже поздно менять рейс. Ладно, может быть, у Шарон изменится настроение, и она разрешит Пейдж повести их всех поужинать. Это может несколько снять напряженность. Надо будет поговорить об этом с Шарон. Она переговорит с ней как только окажется около телефона.

— Об этом мы как раз и думали, — взволнованно говорила Клара. — Мы слышали, что Запад — замечательное место для воспитания детей. — Она обернулась к Пейдж и сказала тихо, доверительно: — Я поначалу боялась, учитывая мое положение, — здесь такое отдаленное место, — но сержант Камерон заверил меня, что, на мое везение, в Баттлфорде есть врач.

Пухлые щечки Клары вспыхнули при этом косвенном упоминании о ее беременности, и голос ее понизился до шепота.

— Понимаете, мистер Флетчер и я поженились позже, чем это обычно случается, и, учитывая мой возраст, я немножко волнуюсь.

— Я уверена, что в Баттлфорде есть прекрасная клиника и первоклассная больница. — Пейдж тепло улыбнулась Кларе, довольная тем, что может успокоить эту робкую необыкновенную женщину в чем-то, в чем она была специалистом. — Нынче множество женщин не торопятся заводить детей, — продолжала она. — Вы никогда не поверите, сколько у меня пациентов, перешагнувших за тридцать. Два года назад у меня лежала женщина, которой исполнилось пятьдесят. Но сейчас сделаны такие успехи в медицине и в уходе за новорожденными, что риск минимален. Я принимала роды у немолодых матерей не меньше, чем у двадцатилетних.

— Я понимаю. Как это... многообещающе, мисс Пейдж.

Было очевидно, что Клара считает всякий разговор о деторождении неуместным.

Как может женщина, подумала Пейдж, рожать, когда она так нервозно настроена?

Пейдж, разочарованная, прекратила этот разговор, и наступило молчание, нарушаемое только скрипом фургона и топотом лошадиных копыт. Солнце поднялось выше, и жара усилилась. Даже ветер стал горячим, и Пейдж начала мечтать о каком-нибудь холодном напитке. Голова болела все сильнее, наверное, потому, что она сегодня ничего не ела. Но даже если бы по дороге встретился ресторан, подумала она мрачно, у нее все равно не было с собой ни кредитной карточки, ни одного цента наличными.

Наконец они остановились для короткого ланча. Задняя стенка фургона откидывалась и создавала тень для содержимого плетеной корзинки, которую достала Клара.

Пейдж не веря своим глазам смотрела на еду, которую Клара выкладывала на чистую, в красную клетку скатерку. Как бы она ни была голодна, все это выглядело отнюдь не аппетитно.

Появилась холодная печеная картошка, холодная фасоль и черствые круглые крекеры. Клара выложила еще сухое жареное мясо, про которое Пейдж подумала, что это говядина, но Клара объяснила ей, что это мясо антилопы.

— Сержант Камерон подстрелил ее два дня назад. Большая удача, потому что мы остались совсем без мяса. Я засолила его, так что оно хорошо сохраняется.

Пейдж ей поверила. Она взяла один кусочек и с трудом его проглотила, таким он оказался жестким и соленым.

Не было ни сыра, ни масла, ни салата, ни холодной содовой или пива, ни термоса с кофе — ничего из того, что Пейдж считала обязательным для пикника.

Она решила, что они, видимо, очень бедные люди. Как это благородно с их стороны, что они делятся с ней всем, что имеют.

Мужчины ели с откровенным аппетитом. Пейдж взяла себе фасоль и картофель и решительно жевала крекер, отказавшись от засоленного мяса. Она подумала, что кто-то должен тактично объяснить Кларе, что такое обилие соли в еде представляет собой

опасность, но Пейдж не хотелось обижать ее. Клара была дружелюбна и старалась, чтобы все ели побольше, особенно Пейдж.

Каждый из них получил по кружке той самой тепловатой и грязной воды из фляги, из которой сержант Камерон поил ее раньше, и Пейдж не веря своим ушам слушала разговор двух мужчин.

— Сержант Камерон, за последнее время были стычки с индейцами?

Тео уминал при этом вторую тарелку с едой.

— Ничего особенно тревожного. Индейский агент сообщил, что шестьдесят воинов несколько недель назад бежали из резервации Повелителя Грома, но мы выследили их и заставили вернуться.

Пейдж не могла поверить в то, что слышала.

— Это отвратительно! — вырвалось у нее. — Я полагала, что исконные жители могут свободно приезжать и уезжать, *как* хотят, *как* и все канадские граждане. Я не представляла себе, что они обречены жить в резервациях. Это просто варварство!

Разговор оборвался. Вновь они трое обменялись странным взглядом, значение которого она не понимала, и Пейдж потеряла терпение.

— Наверняка даже вы слышали о правах аборигенов, — разозлилась она. — Неудивительно, что все эти проблемы обсуждались несколько лет назад в Квебеке, если вы занимаете такую позицию в отношении индейцев.

Никто ей не ответил. Мужчины выглядели смущенными, и даже Клара избегала смотреть ей в глаза.

Прошло несколько тяжелых минут молчания, потом Клара деликатно дотронулась до руки Пейдж.

— Вы не хотите немного прогуляться со мной, мисс Пейдж?

Пейдж потребовалось одно мгновение, чтобы догадаться, что Кларе, вероятно, нужно в туалет. Пейдж тоже это было нужно, и они отошли от фургона на достаточное расстояние и прикрыли друг друга своими широкими юбками, пока другая приседала в траву.

Вернувшись в фургон, Клара вытерла тарелки и приборы и, к удивлению Пейдж, старательно вычистила их песком, прежде чем уложить в корзину, и в тот же момент сержант Камерон тронул их опять в путь.

Пейдж оставила всякие попытки разобраться в том, что происходит. День был жаркий, сухая, пылающая жара, лишаящая тело и голову всякой энергии, притупила ее чувства, и к тому же ее начало слегка подташнивать. Открытая прерия расстилалась куда ни глянь, и ко второй половине дня Пейдж перестала оглядывать горизонт в поисках мачт электропередач, или машин, или строений.

Она и Клара, обессиленные и помятые тряской дорогой, то и дело слезали с фургона и шли рядом с ним, но вскоре сержант Камерон попросил их вернуться на облучок; из-за них фургон ехал медленнее, а он был озабочен тем, чтобы поскорее добраться до Баттлфорда.

Солнце склонялось к горизонту с агонизирующей медлительностью, туманная дымка затягивала прерию. Пейдж пребывала в каком-то оцепенении, она и не спала, и не бодрствовала, когда раздался веселый крик Камерона:

— Баттлфорд впереди, мистер Флетчер! Мы благополучно доехали.

Она выпрямилась и протерла глаза, чтобы разглядеть город, и вся затрепетала, когда фургон въехал на холм и перед ней открылся вид на поселение.

Этого не могло быть! Головокружение и тошнота заставили Пейдж схватиться за борт

фургона, неуверенность и непонятность, которые она испытывала весь день, обострились до такой степени, что она могла снова потерять сознание.

Внизу под ними расстилалась глубокая зеленая долина, раскинувшаяся между реками Саскачеван и Баттл, место, где, как знала Пейдж, должен находиться небольшой шумный город Баттлфорд. Но города не было. Не было огней, не видно было рекламы мотелей и ресторанов, не видно машин, не существовало даже улиц, по которым они могли бы ездить.

Современный город, который Пейдж весь день ожидала увидеть, не существовал, вместо него около реки ютился магазин Компании Гудзонова залива, салун и разбросанные в беспорядке деревянные домишки. Одно здание было более впечатляющим — двухэтажный дом на склоне холма.

— Это правительственное здание, — объяснил Роб, заметив, как она рассматривает этот дом. — В восемьдесят втором они перевели местное правительство в Реджину, так что теперь оно пусто.

Пейдж не помнила, слышала ли она что-нибудь об этом, но она была слишком ошеломлена открывшимся видом, чтобы как-то отозваться.

Они переехали по непрочному деревянному мосту через реку Баттл, и сержант Камерон направился к частоколу из бревен, вбитых в землю. Тяжелые ворота были распахнуты.

Внутри ограды Пейдж увидела большое двухэтажное здание из тесаных бревен, о котором Роб сказал, что это резиденция инспектора Морриса, командира форта. На большой площади, по ее окружности, стояли другие дома, тоже деревянные, но менее внушительные, а в центре виднелось пятнадцать или двадцать индейских вигвамов. У небольших костров тут и там сидели люди, завернувшиеся в одеяла, в штанах из оленьей кожи. В воздухе стоял запах жарившегося мяса.

Повсюду были люди, главным образом мужчины.

Многие из них были в ярко-красных мундирах и черных начищенных ботинках. Некоторые вели в поводу лошадей, одна группа, выстроенная в шеренгу, занималась строевой подготовкой.

Вся эта сцена была как бы взята из бесконечных вестернов, которые Пейдж смотрела вместе с Тони, когда они были детьми, и ей трудно было поверить, что она участник этой сцены, а не смотрит ее на экране.

Все встречные с интересом рассматривали приезжих, многие мужчины улыбались Пейдж и кланялись ей, приподнимая шляпу.

У нее перехватило дыхание. Кровь начала стучать в ушах, а мысли совершенно смешались. Что здесь происходит?

Роб Камерон неторопливо спешил.

— Приветствую вас в форте Баттлфорд, — сказал он с широкой улыбкой, протягивая руку, чтобы помочь Пейдж слезть с фургона.

Она оперлась на его руку, понимая, что без его поддержки не устоит на ногах. Колени у нее стали ватными, и она вцепилась в его сильную руку, чуть не забыв поблагодарить Флетчеров за то, что они ее подвезли. Ей трудно было выговорить хоть слово.

— Нам всем было весьма приятно, мисс Пейдж, — провозгласила Клара. — Я была рада путешествовать в обществе женщины, — добавила она с теплой улыбкой. — Наверное, мы еще встретимся до того, как мистер Флетчер и я отправимся осматривать земли. Если же мы не увидимся, то я надеюсь, что вы приедете навестить нас, когда мы устроимся.

— Благодарю вас. — Пейдж с трудом протолкнула эти слова сквозь пересохшее

горло. — Я верну вам блузку и юбку, как только... как только найду брата и заполучу свою сумку с вещами.

— Упаси Бог, я и слышать об этом не хочу! — затрясла головой Клара. — Оставьте их себе. Мне все это сейчас не нужно. Пожалуйста, мисс Пейдж, считайте их своими.

Пейдж молча пожала руку Клары. Она не могла ничего сказать. Окружающая обстановка путала ее все больше и больше, чем дольше она смотрела вокруг.

Здесь было что-то в корне неправильное. Она понимала это весь день, хотя и не хотела признавать это.

Сцена, открывающаяся ей, была какая-то несообразная, но все детали были вроде бы на месте, словно она разглядывала тщательно сконструированную картинку-загадку, в которой ей одной не находилось места.

— С вами все в порядке, мисс Рандольф? — Заботливый голос Камерона донесся словно откуда-то издалека. — Вот сюда, пожалуйста.

Она, спотыкаясь, пошла рядом с ним, сжимая его руку как единственную связь с реальностью. Он провел ее в длинное низкое здание, так плохо освещенное, что она поначалу с трудом могла что-нибудь разглядеть.

Когда глаза ее привыкли, она обнаружила, что это нечто вроде больницы, где вдоль стен и посередине стоят койки, все занятые. Здесь держался стойкий запах болезней и какого-то дезинфицирующего средства, воздух был спертый, она слышала, как несколько человек кашляют. Она не заметила ни одной нянечки, а только несколько полицейских в форме, которые ходили вдоль рядов кроватей, собирая миски и чашки после недавней еды.

Она увидела, как к ним навстречу направлялась высокая худая фигура — это оказался широкоплечий мужчина, двигавшийся, несмотря на свой рост, с особой грацией.

— Роб Камерон, я надеюсь, ты не собираешься сообщить мне, что поселенцы, которых ты только что привез, больны лихорадкой, потому что у меня нет ни одной свободной кровати, куда я мог бы их положить.

У него был низкий усталый голос, но заметный южный акцент растягивал слова и придавал им музыкальное звучание.

Пейдж не очень разобрала, что ответил ему сержант Камерон. Она заметила на стене календарь и остановилась перед ним, застыв от ужаса.

На календаре был август, и это все выглядело прекрасно, она знала, что сейчас август.

Но не могла поверить в другое — в год.

На календаре большими четкими буквами было выведено — 1883.

— Этот календарь... — Пейдж услышала свое заиканье. Она показывала на календаре дрожащим пальцем. — Дата... год. Это... это абсурд.

Она сердито глянула на двух мужчин, которые внимательно смотрели на нее.

— Это ведь шутка, да? Вы разыгрываете меня, да? — Она не могла сдержать дрожь в голосе, и это рассердило ее. — Вы знаете, я не нахожу это смешным. Это детские шутки и... и весьма неуместные.

Сержант Камерон прокашлялся, и его уши стали красными как его мундир.

— Доктор Болдуин, это мисс Рандольф, — начал он извиняющимся голосом. — Я нашел мисс Рандольф, лежавшую без сознания среди прерии сегодня утром, — добавил он, глянув на Болдуина, нависшего над ним. — Сначала я подумал, что девушка могла удариться головой или немножко перегрелась на солнце, сэр, — продолжал он, изо всех сил стараясь оставаться дипломатичным. Он понизил голос и придвинулся поближе к своему собеседнику. — Как вы сами слышали, девушка несколько сдвинулась, — сказал он шепотом. — Она весь день говорила всякие вещи, в которых нет никакого смысла, и одета она была совершенно неприлично, когда я ее нашел. — Лицо его покраснело, стало одного цвета с ушами. — На ней были только вот эти кусочки нижнего белья.

Пейдж почувствовала себя выставленной на посмешище, когда Роб вытащил ее нейлоновую маечку и шорты и вручил их другому мужчине, который с осторожностью взял их и принялся изучать, словно они представлены на суд в качестве вещественных доказательств.

— Это мои вещи, благодарю вас. — Пейдж вырвала их из пальцев Болдуина и зажала в кулаке, глядя на обоих мужчин. — Там, где я живу, это обычные вещи для бега, а не эротические аксессуары.

Болдуин подошел к ней поближе и оглядел ее долгим оценивающим взглядом, ощутив своими острыми серыми глазами сначала ее лицо, потом всю фигуру. Особенно внимательно он рассматривал ее кроссовки, выглядывавшие из-под юбки, достигавшей щиколоток, и только примерно через минуту его глаза вернулись к ее лицу.

Пейдж выпрямилась во весь свой рост и посмотрела на него таким же оценивающим взглядом, как и он глядел на нее.

Он, что же, думает запугать ее, подумала она. Она подвергалась в свое время такому шовинистическому высокомерному отношению со стороны мужчин в медицинском училище и научилась отвечать встречным вызовом.

Она вызывающе и медленно стала разглядывать его лицо и фигуру. Ей очень не хотелось признавать это, но он был чрезвычайно привлекательным мужчиной, мускулистым и крепким, вероятно, на несколько лет старше ее. Его густые непослушные волосы были золотыми и немножко вились за ушами. В отличие от большинства мужчин, которых ей довелось видеть сегодня, он был чисто выбрит, если не считать коротких бакенбардов, которые подчеркивали скульптурность его подбородка.

Его умные серые глаза смотрели хмуро, аристократические черты лица были красивы, загорелая кожа обтягивала точеные скулы. В уголках рта и глаз виднелись морщинки, кое-что добавляющие к характеру. Узкие губы сложились в циничную полуулыбку, когда он встретил ее взгляд и выдержал его, слегка вздернув подбородок.

От него пахло сигарами и карболкой.

— Вы способны, мисс, вспомнить ваше полное имя и откуда вы?

— Бога ради, избавьте меня от психологического исследования! — выдохнула она.

Он проигнорировал ее вспышку.

— Возможно, вы можете объяснить мне, каким образом вы оказались без сознания среди прерии, одетая... — он показал пальцем на предметы ее туалета, — только в эти кусочки атласа?

В его низком медлительном голосе зазвучало раздражение, его тон подчеркивал, что он человек занятой и у него нет времени и энергии на то, чтобы ухаживать за какой-то женщиной.

Пейдж бросила на него презрительный взгляд.

— Конечно, я знаю, кто я, вы, идиот! Я врач, такой же, как и вы, мистер Болдуин, так что вы можете перестать разговаривать со мной так снисходительно. Живу я в Ванкувере, в Британской Колумбии, я уверена, что даже здесь слышали о такой. Я прилетела в Саскатун, чтобы принять участие в конференции по проблеме акушерства. Когда конференция закончилась, я поехала на ферму моего брата, и мне стало любопытно... — Ее голос стал менее уверенным. — Насчет... э-э-э... пшеничного круга. Вы слышали о кругах в пшенице?

По всей видимости, он не слышал. Он покачал головой с выражением подчеркнутого терпения на лице.

Она поняла, что щелкнула его по носу.

— Это довольно трудно объяснить. Это большие круги, которые появляются на фермерских полях без всяких причин. Во всяком случае, я вошла в центр такого круга, и там ощущалась совершенно неправдоподобная энергия, и потом я потеряла сознание. Никогда раньше я не теряла сознание.

Он нахмурился, глядя на нее оценивающим взглядом, который сказал ей яснее всяких слов, что он считает ее помешанной.

Она взорвалась:

— Можете на меня так не смотреть, доктор! С моей памятью ничего не случилось, с моим умом тоже и с моими способностями. Я в здравом уме. Неправильно другое...

Против ее воли взгляд Пейдж обратился к календарю на стене и потом она оглядела примитивную обстановку комнаты.

Она нахмурилась и покачала головой, смущенная, озадаченная и встревоженная.

— Проблема в дате, — закончила она фразу гораздо менее уверенным голосом, чем ей бы хотелось. — Понимаете, вчера было четырнадцатое августа тысяча девятьсот девяносто четвертого года. А этот календарь говорит... — Голос ее замер и она сделала судорожный глоток. — Этого просто не может быть, — настаивала она, убеждая скорее себя, чем Болдуина. — Тут какая-то ошибка, что-то, что я упустила.

— Вы не ударялись головой, мисс Рандольф?

Пейдж открыла рот, чтобы отвергнуть такую возможность, но замолкла и задумалась. Не могла ли она перенести сотрясение мозга? Может, у нее галлюцинации? Она припоминала необыкновенное ощущение, которое испытала в центре круга пшеницы, энергию, звук и свет. Может, кто-то... или что-то... нанесло ей удар по голове?

— Я не думаю, что меня что-то ударило по голове, но я не могу быть абсолютно в этом уверена, — в конце концов признала она. — Я действительно потеряла сознание, я не знаю, на сколько времени.

Болдуин вздохнул.

— Ладно, будет лучше, если вы зайдете и позволите мне осмотреть вас.

Он взял ее за локоть нетерпеливым жестом и повел в маленькую каморку, предложил сесть на деревянный стул с прямой спинкой, а сам водрузил себе на голову самый старинный стетоскоп, какой Пейдж когда-либо видела.

Она ощутила себя в высшей степени неловко, когда его длинные пальцы начали ощупывать ее голову в поисках повреждений, и еще хуже ей стало, когда он стал прослушивать своим немислимым стетоскопом ее спину и грудь, даже при том, что, к ее облегчению, он прослушивал ее через плотную блузку, которую она позаимствовала у Клары.

Был ли он врачом или нет, но она не намеревалась раздеваться, чтобы этот мужчина осматривал ее. Он заставлял ее чувствовать себя неловко даже тогда, когда она одета — более чем одета, вздохнула она про себя.

К ее большому облегчению, он не предложил ей раздеться. После беглого осмотра ее зрачков он сделал шаг назад и пожал плечами.

— Как вы и утверждали, мисс Рандольф, вы в прекрасном физическом состоянии.

Легкое выделение слова «физическое» заставило ее вскочить на ноги. Она чувствовала себя измученной, душевно и физически, и утратила контроль над собой.

— С меня достаточно! — взорвалась она. — Я не знаю, что за глупую игру вы здесь разыгрываете, но мне она вовсе не кажется смешной.

Она понимала, что кричит на него, но ей было совершенно все равно. Он закрывал собой единственный выход из маленькой комнатухи, и она вдруг исполнилась решимости выйти.

— Дайте мне дорогу, вы... шарлатан! — Она с силой оттолкнула его, желая только вырваться отсюда, оставаясь в здравом уме. — Уйдите с дороги! Я уйду, вы не можете меня задерживать, я не арестованная, я не ваша пациентка и не заключенная!

Это было все равно как биться о каменную стену. За его худощавостью невозможно было догадаться насколько он сильный. Он уперся руками в ее плечи, пальцы его были, как сталь. Серые глаза глядели холодно, его мягкий южный акцент не ассоциировался с резкими словами.

— Держите себя в руках, женщина! У меня здесь больница, забитая больными, и я предлагаю вам понизить свой голос. Я предупреждаю вас, если вы не можете контролировать свой темперамент, мадам, если вы будете продолжать вести себя неразумно, я сделаю вам укол и посажу вас в камеру. — Он произносил слова медленно, твердо и с угрозой. — Потом я отправлю вас в сумасшедший дом Манитобы при первой же возможности. У меня нет ни времени, ни намерения нянчиться с безумной женщиной.

Что-то в его тоне убедило ее, что он говорит серьезно, что он обладает властью и силой осуществить свою угрозу, а учитывая все, что она видела в этом госпитале, перспектива оказаться в каком-то средневековом сумасшедшем доме была ужасна.

Она вся дрожала, сердце билось так, словно она только что взбежала на крутой холм, и Пейдж постаралась взять себя в руки. Где бы и в каком времени она ни находилась, это была единственная реальность для нее в данный момент, и она должна найти способ приспособиться.

Она заставила себя сесть на неудобный стул и поднять обе руки ладонями вверх.

— Простите. Я извиняюсь. Я просто истеричная женщина. Я постараюсь в дальнейшем

вести себя разумно, насколько это возможно. Я скажу вам, что тревожит меня, и, может, вы согласитесь ответить мне на некоторые вопросы.

Он наклонил голову, внимательно рассматривая ее, скрестив руки на груди и возвышаясь над ней.

— Вы можете сказать мне, какой сегодня день? Подлинную дату? Без шуток и розыгрышей?

— Пятнадцатое августа. А год восемьсот восемьдесят третий.

Пейдж почувствовала, что не может справиться с ледяным страхом, вызванным его словами. Она сделала судорожный глоток и стала подыскивать слова, которые заставили бы его понять, поверить, что она говорит правду, какой бы нелепой эта правда ни выглядела.

— Доктор Болдуин, со мной сегодня случилось нечто совершенно фантастическое, и я испытываю трудности, не зная, как с этим справиться, — начала она, глядя ему в глаза, стараясь, чтобы он поверил ей. — Я каким-то образом сдвинула время и перенеслась более чем на сотню лет в прошлое. — Слова явно не помогали, и ею вновь начала овладевать паника. — Бога ради, поймите, я родилась в девятьсот шестидесятом. — Ее голос звенел. — У меня медицинская клиника и акушерская практика в Ванкувере, мне необходимо вернуться домой. Я не хочу оставаться здесь...

Она слышала, что голос ее звучит пронзительно, и заметила его недоверчивый взгляд, напряженность во всей его фигуре.

Пейдж снова постаралась взять себя в руки.

— Доктор, у меня с собой нет денег, нет одежды, за исключением вот этого.

Она протянула свои принадлежности для спортивного бега, зажатые в руке, и понимание всей абсурдности ситуации ошеломило Пейдж.

У нее нет с собой кредитных карточек. Нет шампуня, зубной пасты, тампонов, перечисляла она молча. Нет набора медикаментов, даже аспирина, а если ей когда-либо нужен был аспирин, то именно сейчас.

— Мисс Рандольф, вы сейчас нуждаетесь в ужине и хорошем сне. Утром все, без сомнения, будет выглядеть иначе.

Он посмеивается над ней, будь он проклят!

Она подарила ему сахаринно-сладкую улыбку.

— Спасибо вам за ваши успокаивающие слова, доктор. Не могу даже передать, как вы меня успокоили. Вы так хорошо обращаетесь с больными.

В ее голосе звучала ирония.

Он покраснел, и теперь уже он готов был взорваться.

— Какого черта, чего вы от меня ожидаете, мадам? У вас нет никаких видимых повреждений, а что касается вашей мании, у меня нет должного оборудования, чтобы лечить ее. Больше я для вас ничего сделать не могу. Я человек занятой, и этот форт место не для вас. Вы можете переночевать здесь, но я дам поручение сержанту Камерону завтра утром препроводить вас в город Баттлфорд и помочь вам найти более подходящее место для жилья. Конечно, если вы будете контролировать себя, — продолжил он суровым тоном, — и не будете впадать в безумие.

Бог ты мой, он употребил слово «безумие». Этот термин был столь же древним, как и его стетоскоп. Пейдж встала и посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет проблем, доктор, я буду хорошо себя вести. Я не представляю себе, чтобы меня опоили Бог знает какой опасной бурдой и потащили по вашему распоряжению в какой-

нибудь примитивный сумасшедший дом.

Его рот сжался, но он промолчал. Он молча открыл перед ней дверь и провел ее по узкому коридору и по крутой и узкой лестнице. Наверху была другая дверь. Он вытащил из кармана связку ключей, открыл дверь и отступил в сторону, пропуская ее.

В комнате было темно, и Пейдж остановилась на пороге. Он прошел вперед и зажег свечу, поставив ее в подсвечнике на хрупкий столик, стоявший у стены.

В этом мерцающем полусвете Пейдж двинулась вперед, потрясенная тем, что увидела. Комната судя по всему использовалась под склад. В одном углу были свалены седла, в другом деревянные ящики. Повсюду валялись коробки и пакеты. Узкая незастеленная кровать с неаппетитным матрасом приютилась около единственного маленького окошечка, наглухо закрытого. Здесь было жарко и стоял затхлый, прокисший запах. В углах виднелась паутина.

Она с отвращением сморщила нос.

— Здесь дурно пахнет. Вы не можете ожидать, что я буду здесь спать.

— Дело в том, что из-за лихорадки форт перенаселен. Боюсь, что это единственная свободная комната. Прошу извинить меня за пыль. Я пришлю кого-нибудь со всем необходимым и едой.

— Где здесь ванная?

Он бросил на нее один из тех взглядов, с которыми она уже познакомилась, такой взгляд, словно ее совершенно естественные вопросы были оскорбительными.

— Я позабочусь, чтобы вам принесли таз и полотенца. А сейчас я должен извиниться.

Таз и полотенца были не совсем тем, что она имела в виду, но он уже закрыл за собой дверь. К ужасу своему она услышала, как повернулся в замке ключ — ее заперли.

Пейдж двумя прыжками достигла двери, пламя свечи опасно метнулось от вихря, поднятого ее длинной юбкой.

— Вы не можете так поступать со мной! — крикнула она. — Откройте дверь! Вы не можете запереть меня здесь как какое-то животное!

Она услышала, как его башмаки застучали вниз по лестнице, и принялась кричать во всю силу своих легких и бить кулаками по прочным доскам.

— Откройте дверь, не запирайте меня здесь, пожалуйста, не запирайте меня здесь...

— Мисс Рандольф. — Его раздраженный голос с легкостью перекрыл и грохот ее ударов, и ее крики. Должно быть, он вернулся, потому что оказался у самой двери по ту ее сторону. — Выслушайте меня. Форт полон мужчин — и индейцев, и белых, и большинство из них жаждут иметь женщину. У меня на руках множество жертв горной лихорадки. Я не собираюсь иметь дело еще и с такой лихорадкой, которой вы заразите остальных мужчин. Я не хочу, чтобы здесь был бунт. Эта дверь заперта ради вашей безопасности и моего спокойствия.

— Тогда по крайней мере дайте мне ключ, дьявол вас побери! Я с таким же успехом могу запереть дверь изнутри.

Наступило недолгое молчание, потом он сказал своим низким мягким голосом:

— Мисс Рандольф, в свете предположения сержанта Камерона о вашей профессии в сочетании с тем, что было на вас надето, когда он нашел вас, я полагаю, что будет безопаснее, чтобы ключ остался у меня.

Она никогда не рассматривала убийство как способ решения любых вопросов, но сейчас она была способна на убийство.

— Вы... жалкий, глупый идиот! Мне нужен туалет.

У нее заболело горло от крика.

— Я уже сказал, что вам принесут все необходимое, мисс Рандольф. Я собираюсь это сделать как только вы перестанете занимать мое время.

Нет ли намек на смех в его голосе? Не находит ли он все это развлекательным? Кровь застучала у нее в висках, перед глазами заплясали красные точки, и Пейдж подумала, не хватит ли ее удар от злости.

Его башмаки простучали вниз по лестнице, а она привалилась к двери. Бессильный гнев накатывал на нее волнами. Она простояла так несколько минут, голова упиралась в доски двери, все ее тело трепетало. Она всегда считала себя разумной женщиной и не могла припомнить, когда вот так теряла самообладание. Но она и никогда не оказывалась в столь странной ситуации, и это пугало ее.

Она прошла к кровати и присела — больше сидеть было не на чем. От матраса поднялось облако пыли.

Потом она снова встала и начала борьбу с толстыми ставнями на узких окнах, но открыть их не смогла.

Она оказалась арестанткой. За один короткий день она проделала путь от высоко уважаемого женщины-врача до такого состояния. Она попыталась логически проследить путь, который привел ее сюда, возвращаясь мысленно к тому моменту, когда она вступила в круг. Оставался невероятным тот факт, что потеряла сознание она в одном мире, а очнулась в другом, отстоящем на сто одиннадцать лет в прошлом.

Ей показалось, что прошло много времени, когда она вновь услышала стук башмаков, поднимающихся по лестнице. В замке повернули ключ, и в комнату вошел Болдуин с простынями, одеялами и полотенцами в руках. На одной руке у него висел зажженный фонарь, и этот сравнительно яркий свет сделал комнату повеселее.

Вслед за Болдуином в комнату ввалился бородатый седой старик с морщинистым лицом и озорными черными глазками. Он сильно хромал, одет был в черные потертые штаны, пропотевшую белую рубашку и жилет, такой узкий для его живота, что пуговицы, казалось, в любой момент могут отлететь. Опоян он был ярко-красным шарфом, в руках нес кувшин, эмалированный таз и некий предмет с крышкой, в котором Пейдж распознала ночной горшок.

— Бонжур, мадам.

Он дружески кивнул ей, ухмыльнулся и доброжелательно подмигнул ей, устанавливая кувшин и таз на столе, где Болдуин уже поставил фонарь. Потом деликатно отнес ночной горшок в дальний угол за сваленными там седлами.

— Урман Леклерк, а это мисс Рандольф, — коротко представил их друг другу Болдуин. — Через полчаса Арман принесет вам обед. Я полагаю, что у вас есть все, что вам сейчас нужно.

Когда доктор входил в комнату, он только бросил на нее мимолетный взгляд, а теперь уже повернулся к двери, пропуская Армана впереди себя.

— Подождите, пожалуйста, подождите минутку. — Пейдж вскочила на ноги. — Вы можете хотя бы открыть это окно? Я задохнусь здесь, если не будет свежего воздуха.

Болдуин подошел к окну и снял запоры, державшие ставни, и распахнул окно. Снаружи было темно, но свежий холодный воздух ворвался в комнату, разгоняя пыльную духоту. Пейдж вздохнула с облегчением, почувствовав, что может наконец дышать.

Мужчины вышли, не сказав более ни одного слова, а Пейдж придвинула стол к двери. Она не хочет, чтобы они могли входить, когда захотят, сказала она себе.

Прежде всего она воспользовалась ночным горшком. Потом стянула с себя блузку, юбку и нижнее белье, вылила тепловатую воду из кувшина в таз и вымылась с головы до ног. Пальцами она расчесала волосы, жалея, что у нее нет с собой щетки. Снова облачившись в туалет Клары, она почувствовала себя освеженной и попробовала выбить пыль из матраса, прежде чем застелила домотканые простыни и грубые шерстяные одеяла.

Между бельем лежала длинная белая ночная рубашка ручной работы, выделанная из хлопчатобумажной материи так превосходно, что когда Пейдж погладила ее рукой, то ощутила, что та словно из шелка. Отлично сшитая, она была явно мужской по крою, и Пейдж восхитилась такой выделке. Она приложила ее к себе и решила по тому, как подрублен подол, и по длине рукавов, что она, вероятно, принадлежит доктору Болдуину.

Она никогда раньше не встречала мужчину, который спит в ночной рубашке.

Она вдруг поняла, что задумалась над тем, кто же шил эту рубашку, и пришла к выводу, что у такого безусловно интересного мужчины, как доктор, есть, наверное, немало женщин, готовых исколоть себе все пальцы ради него.

Осторожный стук в дверь, сопровождающийся звуком отпираемого замка, известил о прибытии ее обеда. Пейдж отодвинула стол от двери и Арман Леклерк вручил ей поднос и поставил на стол кофейник, из носика которого выбивался пар.

— Приятного аппетита, мадам.

Пейдж вынуждена была улыбнуться. Ей приходилось слышать такое приветствие в дорогих ресторанах Ванкувера. Слышать же его здесь, в данных обстоятельствах, казалось верхом иронии.

— Спасибо, Арман. — Он ухмыльнулся ей, а она постаралась улыбнуться в ответ. — Ты француз? Из Квебека?

Он засмеялся, и этот безудержный смех было приятно слышать.

— Нет-нет. Я метис. Вы знаете, что такое метис?

История никогда не была ее сильным местом.

— Происходите от француза и индианки? — высказала она предположение.

Он кивнул, явно довольный ее ответом.

— Мы называем себя Вольными людьми. — Он хихикнул, словно это была шутка. — Теперь уже не такие вольные, потому что правительство отняло у нас нашу землю и наших бизонов.

— Ты живешь здесь, в форте, Арман?

Она мечтала о том моменте, когда ключ снова повернется в замке и она останется одна. Разговор с Арманом откладывал этот момент, во всяком случае на некоторое время.

Он выразительно пожал плечами.

— Моя лошадь, она упала на меня, когда я охотился. Доктор починил мои кости, так что я смог снова ходить, а иногда и ездить верхом. Потом тут началась лихорадка, и доктор весь день в хлопотах: очень много больных. Вот я и остался, чтобы помочь ему. Когда весна придет, я вернусь на мою ферму. — Он поколебался, потом подошел поближе к ней, нахмутив брови, его черные глаза горели любопытством. — Я невольно слышал, когда вы и доктор разговаривали. Вы ведь приехали издалека, мадам?

Пейдж подумала о календаре и кивнула, в ней снова поднялась волна страха.

— Да, очень издалека. — Она проглотила комок, застрявший у нее в горле. — Из... из

другого времени.

Арман перекрестился.

— Это чудо? То, что оказались здесь?

Пейдж не знала, смеяться ей или плакать.

— Нет, скорее по случайности.

— Но вы ведь тоже доктор? Я слышал, как вы это сказали.

— Да. Я врач, специалист по женским делам. Я принимаю роды и помогаю женщинам, когда у них трудности.

— А мужчинам? Вы можете починить кости, как починил их мне доктор?

— Конечно, могу. Я хочу сказать, что я не ортопед, но, конечно, я могу вправить сломанную руку. Прежде чем специализироваться, я изучала общую медицину.

— Вот как. — Он посмотрел на нее с уважением.

— Арман, дьявол тебя побери, где чистые бинты, которые понадобятся доктору утром? — Мужской голос отдавался на лестнице и через открытую дверь.

— Мне нужно идти. А вы должны съесть ваш обед, раньше чем он остынет.

Арман вежливо поклонился и вышел. Пейдж заметила, что, уходя, он запер дверь. Ладно, достаточно для вежливого разговора за обедом.

Стула в комнате не было, так что она придвинула столик к кровати и уселась там, чтобы съесть обед. Пища оказалась простой, но многообразной: кусок жестковатого мяса, вареная картошка с подливкой, репа, большая порция маринада, толстый ломоть хлеба с маслом. Все это было сервировано на оловянном блюде с каемочкой. Были еще тарелка меньшего размера с большим куском пирога с черной смородиной и эмалированная кружка с кофе.

Пейдж не представляла себе, как она голодна. Она умяла значительную часть обеда и хорошую порцию пирога, закончив свою одинокую трапезу несколькими чашками горячего крепкого кофе. Кофеин никогда не мешал ей заснуть — на самом деле он производил на нее совершенно противоположное действие.

Лампа отбрасывала тени по углам, но ее мягкий свет был успокаивающим и теплым. К тому времени, когда Пейдж опустошила третью чашку кофе, она с трудом открывала глаза. Она не имела представления, сколько сейчас времени, однако приглушенные звуки мужских голосов и шаркающих ботинок внизу утихли, в окно она могла видеть звезды на небе.

Она снова придвинула стол к двери, разделась и натянула ночную рубашку. Рубашка ощущалась мягкой и приятной.

Немного поэкспериментировав, она выяснила, что, поворачивая рычажок у лампы, можно уменьшить огонь до того, что он только мерцает.

Интересно, вернется Арман за тарелками сегодня или оставит их здесь до утра? Потом она решила, что ей это абсолютно все равно. Она слишком устала, чтобы беспокоиться об этом.

Забравшись под простыню, Пейдж завернулась в одеяло и закрыла глаза.

Она окунулась в сон тут же, как в черную бездонную дыру.

— Мадам? Мадам, уже утро, просыпайтесь.

Веселый голос Армана, стук в дверь и скрип ключа в замке разбудили ее. Горькое разочарование вызвало у нее слезы на глазах, где-то в глубине сознания она верила, что проснется в спальне в доме своего брата, на своем месте и в своем времени.

Вместо этого в окно врвался свет и пение птицы, а на столе рядом с остатками пищи

стояла лампа. Видимо, за ночь все горючее в ней сгорело.

Пейдж чувствовала себя так, словно руки и ноги у нее налиты свинцом, когда она попыталась двигаться, она испытывала вялость, даже сесть и то требовало усилий. Долгое путешествие по прерии, жара и пыль и тряска в этом проклятом фургоне сделали свое дело, так же, как и стресс, вызванный открытием, где и в каком времени она оказалась.

— Войдите, — хрипло произнесла она, хотя гораздо больше ей хотелось сказать: «Пошел прочь!»

Арман нес в одной руке кувшин с горячей водой, а в другой кофейник.

— Который час?

— Шесть, мадам, — проинформировал ее Арман.

Он пожелал ей доброго утра, собрал со стола тарелки, оставшиеся от вчерашнего обеда, и направился к двери.

— Сейчас принесу завтрак, — пообещал он ей с улыбкой.

Она вылезла из постели, как старуха, больная артритом. В тазу оставалась вода со вчерашнего вечера, она подошла к окну и выплеснула ее. Пусть будет хуже тому, кто, быть может, стоит там внизу.

Умывшись и одевшись, она почувствовала себя чуточку лучше, хотя ей очень не хватало горячего душа, флакона шампуня, зубной щетки и тюбика зубной пасты. Одевая в то же самое нижнее белье, юбку и блузку, она вся передернулась. Зеркала в комнате не было, но, может, это и к лучшему. Она могла себе представить, как выглядят сейчас ее волосы, которые и в лучшие-то времена не поддавались щетке.

Она должна что-то предпринять насчет одежды и предметов личной гигиены, а также достать себе нижнее белье — это совершенно очевидно. Но как?

Стук в дверь знаменовал появление завтрака. Однако принес его не Арман. Доктор Болдуин плечом открыл дверь и поставил поднос на стол. Не произнеся ни слова, он повернулся и бросил на нее теперь уже знакомый ей оценивающий взгляд, и Пейдж с трудом удержалась от того, чтобы нервно пригладить свои непричесанные волосы.

По какой-то причине ей очень не хотелось, чтобы он видел ее неприбранной и взъерошенной. Это вынуждает ее ощущать себя ущербной, сказала она себе, встречая с вызовом его взгляд и поднявшись во весь свой рост, не обращая при этом внимания на то, что она босая.

— Доброе утро, мисс Рандольф. Надеюсь, вы хорошо спали и у вас было все необходимое?

Голос его звучал бесстрастно.

— Нет, у меня нет всего, в чем я нуждаюсь, благодарю вас. Помимо дюжины разных необходимых вещей, мне действительно нужна щетка для волос, — ответила она, и сама поняла, что в ней кипит раздражение.

Он внимательно посмотрел на ее волосы.

— Вынужден согласиться, — заметил он без тени улыбки.

Пейдж залилась краской и одарила его, как она надеялась, уничтожающим взглядом.

— Я сейчас пришлю Армана со щеткой. Между прочим, считайте, что эта ночная рубашка ваша, если вы захотите. Она, конечно, не заменит всех ваших потребностей в одежде, но это только начало.

Она открыла было рот, чтобы отказаться, но передумала. Как бы это ни было неприятным, но она во многом нуждается.

— Спасибо.

Он проигнорировал ее неохотный ответ.

— Когда покончите с завтраком, спускайтесь вниз. Я пришлю сержанта Камерона, чтобы он сопровождал вас в город.

Он шагнул к двери, а Пейдж дала волю своему темпераменту.

— Я не могу поверить, что вы намерены выпустить меня, сумасшедшую и аморальную, к ничего не подозревающим жителям Баттлфорда, — выпалила она. — Да еще с такими волосами.

Он остановился и оглянулся на нее. На этот раз его рот скривился в легком намеке на улыбку.

— Они просто должны иметь свой шанс, не правда ли, мисс Рандольф?

Менее чем через час Пейдж тащила по главной улице городка, имея рядом сержанта Камерона, а под мышкой маленький узелок, в котором содержалось все ее имущество в этом мире. Клубы пыли крутились вокруг ее лодыжек, и, хотя было еще рано, жара проникала под ее череп. Теперь по крайней мере ее волосы были причесаны: как и обещал, доктор Болдуин прислал с Арманом щетку для волос и гребенку.

Когда она спустилась вниз, то обнаружила там Роба Камерона в его алом мундире, хорошо начищенных ботинках, который ожидал ее. Доктора видно не было.

Пейдж сказала себе, что это просто благословение. Она будет счастлива, если никогда больше не увидит Болдуина.

Шок, который она испытала накануне, впервые увидев этот город поселенцев, утром оказался уже не таким ошеломительным. Теперь ее только раздражала болтовня Роба о разных бревенчатых домах, мимо которых они проходили.

Для Пейдж весь город Баттлфорд был не более чем скоплением самых примитивных домишек, какие она когда-либо видела, а Роб с гордостью рассказывал о растущем городе.

— Вон там наш телеграф, — объявлял Роб, показывая на невзрачный бревенчатый домик. — Управляющий, он же телеграфист, Джон Литтл живет в задней части дома. А вот это магазин Компании Гудзонова залива, — пояснил он, показывая на большой бревенчатый дом в отдалении, где мужчины привязывали лошадей к коновязи перед входом, а несколько индейцев и белых входили и выходили из магазина. — У них там можно купить все что только может понадобиться человеку.

У Пейдж было уже четкое представление, что между ее нуждами и потребностями населения Баттлфорда нет ничего общего. Ей в это утро нужны были ее старые короткие брюки фирмы «Леви», хлопчатобумажный бюстгальтер, завязывающийся на шее, и плетеные сандалии...

Женщина в длинном черном платье, закрывавшем шею и руки, входившая в магазин, обернулась и с любопытством осмотрела Пейдж. Роб вежливо поклонился ей.

— Вы увидите, мисс Пейдж, что все будут интересоваться вами. Это маленький город, и когда сюда приезжает кто-то новый, это целое событие. У нас много болтают, но в общем вы убедитесь, народ здесь дружелюбный.

Если ей хоть немного повезет, подумала Пейдж, она постарается исчезнуть отсюда раньше, чем узнает, дружелюбны здесь люди или нет. Должен же быть путь возврата в тот мир, которому она принадлежит, вот только сумеет ли она найти этот путь?

Роб получал удовольствие, водя ее по городу.

— Вниз по этой улице есть еще один большой магазин фирмы «Махони и Макдональд». Налево почта, дальше за ней типография. В Баттлфорде есть своя газета «Саскачеван герольд». Вот там школа, еще один магазин, его держит Питер Баллендайн. А вот это меблированные комнаты, о которых я говорил вам. Мы сейчас туда зайдем и поговорим с Лулу. С мадам Либерман.

Роб щедро предложил Пейдж одолжить ей денег столько, сколько, по его расчетам, будет стоить недельное проживание и необходимые ей принадлежности туалета. Она уже открыла рот, чтобы попросить у него пятьдесят долларов, как он вручил ей шесть долларов. Потеряв дар речи, она сунула эти странно выглядевшие купюры в карман юбки, благодарная ему за доброту, но шесть долларов?! В Ванкувере на такие деньги вряд ли можно получить ланч, но уж никак не снять комнату с пансионом и купить необходимые ей вещишки.

Меблированные комнаты располагались в двухэтажном доме, более солидном, чем большинство домов, мимо которых они проходили. Он явно выделялся среди окружающих его домишек.

Женщина, открывшая им дверь на стук Роба, оказалась моложе, чем ожидала Пейдж: она предполагала увидеть матрону.

А в действительности Лулу Либерман оказалась чувственной коротышкой, полненькой и довольно молодой. Пейдж подумала, что хозяйка меблированных комнат ненамного старше ее, ей примерно тридцать четыре или тридцать пять. Она напоминала большую фарфоровую куклу — голубые глазки, розовые щечки и золотистые волосы, уложенные на голове короной. У нее были выпирающие груди, тонкая талия и впечатляющие бедра. Губки пухленькие, и, когда она увидела, кто к ней стучится, она улыбнулась Робу и широко распахнула дверь. Ее резковатый голос звучал кокетливо и весело:

— О, это Роб Камерон, наш красавчик,ходи, проходи на кухню и присаживайся. У меня свежий кофейный торт только что из печки.

Было совершенно очевидно, что она предпочитает мужчин женщинам: не считая одного мимолетного взгляда, она полностью игнорировала Пейдж.

Они вошли, Роб снял шляпу и представил женщин друг другу.

— Мисс Пейдж Рандольф прибыла в Баттлфорд вчера вечером и ей нужен стол и комната, Лулу. Я сказал ей, что у вас лучшие меблированные комнаты во всем Баттлфорде, — сказал он, улыбаясь хозяйке.

Пейдж была уверена, что ей он говорил, будто это единственные в городе меблированные комнаты, но она промолчала, когда Лулу повела их через холл в просторную кухню, где на гигантской железной плите, занимавшей весь угол, булькали и кипели разнообразные чайники и кастрюли.

Тощая молодая девушка с рыжими космами чистила гору картошки над раковиной, длинный деревянный стол и множество стульев занимали всю середину комнаты. Голые доски пола были отскоблены добела.

Здесь нет никаких современных удобств, в отчаянии подумала Пейдж, вспоминая о холодильниках и микроволновых печах и сушилках.

— Садись, Роб. А ты, Маргарет, — распорядилась хозяйским тоном Лулу, — отправляйся наверх. И двигайся побыстрее!

— Да, мадам. — Девушка испуганно глянула на Лулу, вытерла руки и исчезла.

Лулу вынула чашки китайского фарфора и разрежала выглядевшие изысканными ломтики пирога с корицей. Она налила Робу чашку кофе и только после этого повернулась к

Пейдж.

— Значит, вы хотите иметь пансион и комнату?

Ее пронзительный голос был достаточно вежлив, но ее холодные голубые глаза оглядели Пейдж дюйм за дюймом, обратив особое внимание на голые ноги и лодыжки, выглядывавшие между подолом юбки и кроссовками. Ее подозрительный взгляд обратился к ночному халату, который Пейдж положила на спинку стула рядом с собой. В него были завернуты гребенка и щетка — все ее добро.

Не ожидая, когда Пейдж что-либо скажет, Лулу кинула на Роба многозначительный взгляд, хмыкнула и покачала головой. Голос ее был сладким, но слова злыми:

— Мне очень жаль, Роб, но я думаю, что мои меблированные комнаты неподходящее место для таких, как ваша мисс Рандольф.

Пейдж уже открыла рот, чтобы высказать Лулу все, что она о ней думает, но пинок тяжелого башмака Роба по ее ноге заставил ее промолчать.

У Роба была приготовлена история, и Пейдж с изумлением слушала, как он дурил голову Лулу Либерман.

— Понимаете, Лулу, мисс Пейдж оказалась несчастной жертвой нападения, которое сейчас расследуется. — Роб импровизировал с таким вдохновением, которого Пейдж никак от него не ожидала. — Бедная девушка лишилась всех своих вещей и оказалась брошенной без сознания посреди голой прерии.

Лулу цокала языком и качала головой, ее голубые глаза блестели от любопытства, голос понизился до благоговейного шепота:

— Индейцы, Роб?

— Боюсь, что я не должен говорить об этом, Лулу. Дело расследуется.

Даже на Пейдж произвел впечатление мрачный и таинственный тон, которым он произнес эти слова.

— Это ужасно, — высказалась Лулу, похлопывая Пейдж по руке. — Конечно, вы можете у меня поселиться. Я не разобралась в обстоятельствах. Вы должны мне все рассказать.

Однако даже эта преувеличенная симпатия не помешала Лулу сообщить правила и порядок в ее меблированных комнатах, и Пейдж поняла, что Лулу может выглядеть мягкой и кругленькой, но внутри у нее сердце твердое, как сталь.

— Имейте в виду, как это известно Робу, у меня приличное заведение, — объявила она. — В моем доме не должно быть непорядочного поведения. Цена три доллара в неделю, плата вперед, белье меняется каждые две недели. Завтрак в семь, ланч в полдень, обед ровно в шесть, никакая еда в промежутках не подается. После десяти вечера никаких выходов и приходов, в комнате запрещено принимать гостей мужчин — я очень строга в этом отношении. — Ее холодные голубые глазки и поджатые губки подчеркивали эти слова. — Прибираете в комнате сами. Маргарет устраивает общую уборку каждый четверг.

Тоска по ее собственной комфортабельной квартире охватила Пейдж. Здесь все выглядело хуже, чем в общежитии для девочек, и если Пейдж не ошибается, то Лулу шлюха.

Но в то же время Пейдж понимала, что в настоящий момент у нее выбора нет.

И тем не менее прошел какой-то момент, прежде чем она кивнула и вручила Лулу долларовые бумажки из тех, что Роб одолжил ей. Она не должна забывать, что она такая же бездомная, как любая девка с Кордова-стрит в Ванкувере, только у нее, вероятно, еще меньше денег в кармане.

Пока они ели пирог и пили кофе в безукоризненно чистой кухне, Роб рассказывал всевозможные истории о том, как он гнался за людьми, ограбившими банк, и как его преследовали волки, контрабандисты спиртного и мошенники, и как он гнался за ними, а Лулу охала и ахала, впитывая каждое его слово.

В конце концов Роб поднялся, поклонился обеим женщинам, водрузил на голову свою шляпу под лихим углом и одернул свой красный мундир.

— Я отправляюсь патрулировать на несколько дней, мисс Пейдж, но как только вернусь, я заеду проведать вас.

Он одарил Лулу кокетливым взглядом, а она суетилась вокруг него, как разжиревшая голубка.

— Ваш кофе и пирог превосходны, Лулу, благодарю вас.

В тот же момент, как за ним захлопнулась дверь, Лулу превратилась в то, что, как уже поняла Пейдж, было ее истинным существом.

— Я не могла не оказать Робу услугу, но лично я предпочитаю жильцов мужчин, — выпалила она, показывая Пейдж путь по крутой лестнице на второй этаж. — Мужчины не то, что женщины, которые вечно чего-то требуют.

Лысеющий мужчина с седыми висками и солидным брюшком, стоявший на верху лестницы, посторонился, чтобы пропустить их.

— Доброе утро, миссис Либерман. — Он слегка поклонился в сторону Пейдж и улыбнулся, продемонстрировав отсутствие двух зубов. — Доброе утро, мадам.

— Уильям Суини, это мисс Рандольф, — кратко представила их друг другу Лулу, и Суини протянул Пейдж руку.

— Очень приятно с вами познакомиться, мисс Рандольф.

Пейдж пожала ему руку.

— Если вам нужно помочь с вашим багажом, я буду рад...

— У нее нет багажа, мистер Суини. Ничего, кроме того, что она принесла с собой. Индейцы напали на нее в прерии, обокрали и оставили ее умирать, — сообщила не без удовольствия Лулу, подталкивая Пейдж по коридору.

— Бог мой, какое несчастье! — Доброе лицо Суини светилось симпатией. — Если я могу что-нибудь для вас сделать...

— Спасибо, — сказала Пейдж, улыбнувшись ему. Он казался искренним и дружелюбным, и при наличии Лулу это успокаивало.

— Проходите, пожалуйста, мисс Рандольф. Мне уже надо накрывать на стол для ланча, — торопливо сказала Лулу. Она открыла дверь и отступила в сторонку, чтобы пропустить Пейдж. — Вот ваша комната.

Комната выглядела хорошо — большая, вычищенная до блеска, с видом на реку из окна и большой кроватью, казавшейся мягкой.

Там были умывальник с кувшином в виде розы и фаянсовый тазик, и неизбежный ночной горшок в углублении под умывальником. Лулу показала на горшок и сообщила, что отхожее место находится в глубине сада и что Маргарет будет выносить ночной горшок каждое утро.

Бедняжка Маргарет!

— А откуда вы, мисс Рандольф? — Лулу стояла в дверях, сложив руки на своей полной груди и, по-видимому, совершенно забыв о необходимости готовить ланч.

— Ванкувер.

Лулу покачала головой.

— И где это?

Пейдж с отчаянием подумала, что это все равно как оказаться в другой стране, где говорят на непонятном языке.

— Это на западе, на побережье Тихого океана.

— Так далеко? Такое долгое и опасное путешествие для одинокой женщины? Вы ведь одна?

— Да.

Пейдж хотела бы, чтобы хозяйка ушла, но Лулу явно собиралась поболтать. Разговор ее, как определила Пейдж, оборачивался допросом.

— Ну что ж, дорогуша, здесь вам не придется долго оставаться одной, если только вы сами этого не захотите, — добавила Лулу жеманно. — Я сама получаю массу предложений, но, если у вас есть собственность, приходится быть особенно осторожной. Но если вы

охотитесь за мужчинами, то вы приехали в правильное место.

— Я не охочусь за мужчинами, миссис Либерман. — Пейдж вздернула подбородок, бросив на Лулу равнодушный взгляд. — Я врач и уверяю вас, что не ищу себе мужа.

У хозяйки брови вздернулись и открылся рот.

— Врач, вы говорите? — Ее глаза обежали Пейдж с ног до головы, улавливая и плохо сидящую юбку, пропотевшую блузку, словно они могли служить физическим доказательством притязаний Пейдж. — И по какой же части вы врач? Я никогда еще не сталкивалась с женщиной-врачом.

В холодных голубых глазах были одновременно и подозрительность, и насмешка.

— Я врач-акушер. — Ничего не говорящий взгляд Лулу свидетельствовал, что она ничего не поняла. — Я специалист по беременности и родам.

— А, значит, вы ненастоящий врач, — самодовольно заявила Лулу. — Вы повивальная бабка, так ведь? Но вы должны держаться осторожно, потому что здесь уже есть повивальная бабка — миссис Доналд. Она мерзкая старая бой-баба и отнюдь не будет рада, если вы попробуете вторгнуться на ее территорию.

Вид у Лулу был такой, словно перспектива столкновения между Пейдж и акушеркой весьма ее радует.

Лулу начала раздражать Пейдж сверх всякой меры. Нет никакого смысла, говорила она себе, обсуждать все эти вопросы с хозяйкой меблированных комнат. Но, если обстоятельства сложатся так, что она будет вынуждена остаться в этом городке, если она не найдет путь обратно в свое время, ей придется изыскивать способ зарабатывания денег. Единственная ее профессия — это медицина, но когда она говорила, что она врач, то все встречали это заявление с недоверием. Ясно одно, что завести здесь врачебную практику будет весьма трудно.

— Мне нужно кое-что купить в магазине. Вы мне не подскажете, куда лучше всего пойти? — Пейдж сознательно изменила тему разговора. — Мне нужна зубная щетка, кое-что из нижнего белья, шампунь.

Она замолчала, испугавшись длины списка нужных ей вещей. У нее осталось всего три доллара. Хватит ли этого хотя бы на некоторые покупки? И вообще, люди, живущие в 1883 году, пользуются ли они зубными щетками и шампунем?

Лулу безразлично пожалала плечами.

— В магазине Компании Гудзонова залива есть все. — Она направилась к двери. — Ланч будет на столе в полдень. Постарайтесь не заставлять себя ждать.

Оставшись наконец одна, Пейдж сняла с себя все и тщательно вымылась в большом фаянсовом тазу. Она не в силах была снова надеть пропотевшее белье и натянула на себя тренировочные шорты и безрукавку и выстирала в тазу лифчик и трусики. Когда она выйдет из дома, то найдет веревку, где можно будет повесить их сохнуть, а пока она повесила все на железную спинку кровати.

Ей очень не хотелось одевать помятые и уже нечистые юбку и блузку, но другого выхода не было, разве что выйти голой, но она подумала, что Лулу вряд ли одобрит такое.

Ланч Маргарет подала в столовой, присутствовали только четверо постояльцев — кругленький маленький человечек по имени Равен, Пейдж, Уильям Суини и, конечно, Лулу.

Пейдж пришла в столовую последней, и было ясно, что Лулу уже успела развлечь обоих мужчин своей разукрашенной версией рассказа Роба об «ужасном нападении».

— Я слышал, что вы в этой засаде потеряли все свое имущество, мисс Рандольф, —

сказал мистер Равен, когда Пейдж села. — Какое ужасное потрясение пришлось нам пережить! Как, по-вашему, сколько их было, этих дикарей?

Он замолчал в ожидании ответа, а Пейдж про себя прокляла Роба Камерона.

— У меня не было возможности пересчитать их, — сказала она и в течение всей трапезы вынуждена была уклоняться от вопросов и выслушивать страшные рассказы о зверствах индейцев.

Еда была обильная и тяжелая, как свинец: картофельное пюре с маслом и сметаной, пережаренный ростбиф с густой подливкой, репа, квашеная капуста и пудинг с изюмом и кремом на десерт, сопровождаемые бесконечными чашками горячего крепкого кофе. Одно солидное блюдо сменяло другое, а Пейдж обнаружила, как ей хочется салат из брюссельской капусты и авокадо с рогаликом.

— У миссис Либерман лучшая кухня в Баттлфорде, — заметил мистер Равен, расправляясь со вторым куском пудинга.

Он громко рыгнул, прикрыв рот рукой, Лулу покраснела и жеманно улыбнулась, а Пейдж подумала, бывают ли у постояльцев Лулу сердечные приступы.

Как только оказалось возможным, Пейдж извинилась и встала из-за стола. Она отправилась в свою комнату с намерением пойти в магазин Компании Гудзонова залива и присмотреть, что она может купить себе на оставшиеся деньги.

Она пыталась отчистить пятно на груди на своей блузке, когда в дверь раздался робкий стук. За дверью стоял Уильям Суини, смущенный и одновременно решительный. В руках он с трудом удерживал две большие коробки.

Он дважды прокашлялся.

— Мисс Рандольф, я надеюсь, вы не будете оскорблены, но моя жена умерла некоторое время назад, и я не знал, что делать с ее одеждой. Когда я услышал, что вы потеряли все, кроме того, что на вас, я подумал, что... что может быть, вам что-то пригодится. — Он смущенно переминался с ноги на ногу, его круглое лицо и лысина покраснели. — Я думаю, у вас с ней примерно одни размеры. Я очень надеюсь, что вы не обидитесь. Я подумал, что это может вам пригодиться, пока вы, как говорят, не встанете на ноги.

Пейдж была тронута его добротой.

— Мистер Суини... Уильям, это очень мило с вашей стороны. — Она отступила на шаг и пропустила его в комнату. — Зовите меня Пейдж. И я очень благодарна вам за одежду. Должна вам сказать, что меня тошнит от этой юбки и блузки.

Она вздохнула.

А он весь засиял от удовольствия.

— Теперь это все ваше, дорогая леди, и распоряжайтесь им как сочтете нужным. — Уильям положил коробки на кровать и заторопился к двери. — Если вам удастся воспользоваться этими вещами, я знаю, что моя дорогая Летиция была бы довольна. Она ненавидела, когда что-то лежит без употребления. И еще я подумал, что вам следует знать... — Он стал совсем пунцовым и попытался оттянуть пальцем свой воротничок, откашливаясь при этом. — Летиция всегда покупала... гм-гм, личные предметы в магазине для женщин мисс Роуз Рафферти. Она говорила, что находит там цены и выбор лучше, чем в магазине Компании Гудзонова залива.

Он избегал смотреть на нее, испытывая такое смущение, что Пейдж неожиданно захотелось хихикнуть.

Эти люди превратили запреты в сложную науку. Пейдж подавила смех и еще раз

поблагодарила Уильяма. Она была тронута его щедростью.

— Присядьте на минуту, — показала она на стул с высокой спинкой, стоявшей у окна.

— О нет-нет, благодарю вас, мисс... э-э... мисс Пейдж. — Его глаза бегали по сторонам, избегая ее лица. — Я должен идти. Миссис Либерман будет скандализирована, если узнает, что я был в вашей комнате. Вы ведь знаете, это против правил.

Он оглянулся на дверь, словно ожидая увидеть там Лулу, выпрыгивающую на него с Библией в руке и жаждой мести в глазах, обнаружил, что путь открыт, и поспешил вниз по лестнице.

Заинтригованная его поведением, Пейдж закрыла за ним дверь и только тут догадалась, что он, должно быть, смотрел на ее нижнее белье, развешанное на самом виду на спинке кровати.

Вот тут она расхохоталась. Бедный, милый Уильям!

Все еще смеясь, она открыла одну из коробок и извлекла оттуда хлопчатобумажное платье — пышное зеленое сооружение с длинными рукавами и глухим воротником, с множеством кружевных оборок и турнюров.

Пейдж застонала и перевернула коробку вверх дном. Из нее посыпались платья такого же образца. Пейдж просмотрела их, стараясь не приходить в ужас от громоздких длинных юбок, ужасающего ряда бесконечных пуговиц на спинах платьев и на груди блузок. Она поняла, что молнии еще не изобретены.

Платья все были чистые и в хорошем состоянии: темные юбки, безвкусные белые блузки, несколько платьев из льняной материи, претенциозное платье из черного шелка, несколько нижних юбок. Пейдж потрогала пальцем тонкую вышивку на одном из этих пышных сооружений. В коробке оказались также тяжелое зимнее пальто, несколько пар крепких ботинок с высокой шнуровкой и пара черных элегантных туфель на высоких каблуках. Пейдж посмотрела на ботинки и покачала головой. По-видимому, стопа у женщин сильно выросла за эти сто лет или у Летиции Суини были очень маленькие ножки по сравнению с ее фигурой.

От всех вещей исходил устойчивый запах нафталина, но все-таки, подумала Пейдж, у нее опять появились туалеты.

В другой коробке оказался даже ночной халат, более открытый, чем тот, который дал ей доктор Болдуин, но вполне пригодный. Был там еще прелестный белый атласный пеньюар, и Пейдж с грустью подумала о Летиции Суини, которая надевала его для своего Уильяма. Пейдж понадеялась, что он преодолевал свою сдержанность настолько, чтобы по крайней мере раз или два снять это все со вспыхнувшей Летиции.

Исполненная благодарности, Пейдж сняла юбку и блузку Клары, грязные и пахнущие потом, и попробовала надеть новые, хотя и ношенные вещи.

Они прекрасно подошли ей, но, Бог мой, как женщины терпят эти узкие рукава, высокие воротнички, эти длинные юбки? Пейдж содрогнулась. Она все бы отдала за пару своих поношенных брюк фирмы «Леви» и безрукавку.

Пейдж натянула на себя самое легкое из всех вещей — синее льняное платье, в котором она почувствовала себя, как актриса в фильме-вестерне, причесалась щеткой доктора и сунула ноги в кроссовки.

Потом сняла со спинки кровати свое нижнее белье и вышла из дома, чтобы первым делом найти веревку и развесить белье, а потом отправиться в магазин для женщин мисс Роуз Рафферти.

Эти первые несколько дней просто потрясли Пейдж, она продиралась сквозь них в тумане недоверия, отрицания, ощущения невероятности и временами бессильного смеха.

Ей казалось непостижимым, что в 1883 году королева Виктория еще правила Великобританией и Ирландией и даже здесь, в маленьком городке в просторах канадских прерий, влияние викторианского стиля жизни было очень сильным. Ей представлялось, что ханжеские женские одеяния отражают общую ситуацию, когда внешний вид значит больше, чем главные ценности и человеческие качества.

К примеру, эта история с нижним бельем.

В первый же день она получила выговор от Лулу Либерман за такой невинный проступок, как то, что она повесила свой лифчик и трусики на заднем дворе. Хозяйка меблированных комнат поджидала Пейдж, когда та вернулась после похода за покупками. Крохотный лифчик и трусики-бикини в руках Лулу выглядели источником заразы.

— Мисс Рандольф, я не должна была бы напоминать вам, что леди никогда, никогда не вывешивает неприличные детали своего туалета во дворе, где их видят все соседи. А это... это...

Лулу Либерман размахивала этими вещичками и закатывала свои голубые глазки так, словно у нее не хватает слов выразить, насколько неприличными она их считает.

После мучительного часа, в течение которого она выслушала лекцию о том, что означают ее лифчик и трусики. Пейдж отчасти поняла, почему Лулу так косо смотрит на ее белье.

В магазине, к полному своему отчаянию, она вынуждена была купить совершенно невозможные рейтузы вместе с предметом, выглядевшим как корсет — самое большое подобие того, что имелось у Роуз Рафферти вместо лифчиков. Похоже, что лифчики тоже еще не изобретены.

Голые лодыжки Пейдж и ее фигура без корсета ужаснули чопорную Роуз Рафферти, поэтому Пейдж неохотно купила еще пару полосатых черных чулок, соединявшихся со сложной системой подвязок, которые, в свою очередь, крепились к корсету. Она отказалась от корсета, несмотря на откровенное неодобрение Роуз и двух других пожилых продавщиц.

От одного взгляда на эти чудовищные чулки становилось жарко и неудобно, но альтернатива — теперь она понимала, что каждый встречный будет видеть в ней проститутку, — была еще менее желательной. Единственное хорошее обстоятельство заключалось в том, что все ее покупки обошлись ей в два доллара и сорок три цента.

С каждым уходящим днем надежда на чудесное возвращение в 1990-е годы становилась все менее и менее вероятной, и Пейдж вынуждена была посмотреть в лицо факту, что она останется здесь.

Это ставило перед ней проблему денег.

Она должна найти способ зарабатывать деньги, и поскорее. Дни уходили, и вскоре ей придется платить миссис Либерман за следующую неделю.

Разговаривая с другими постояльцами, Пейдж выяснила, что в Баттлфорде нет ни одного врача, город целиком полагался на доктора Болдуина, жившего в форте.

Проходя по городу, она убедилась, что значительная часть женского населения беременна, так что наверняка здесь есть нужда в высококвалифицированном враче-акушере.

Однако были некоторые проблемы с устройством врачебного кабинета.

Во-первых, она не могла доказать, что она врач. Ее диплом был выдан университетом,

который еще не существовал. Во-вторых, у нее не было оборудования и не было денег на его приобретение.

Третье препятствие оказалось самым труднопреодолимым. Все, с кем она здесь разговаривала, одинаково воспринимали идею, что женщина может быть врачом.

Пейдж очень злило, но женщины здесь были людьми второго сорта. Она начинала сомневаться, есть ли в Баттлфорде мужчина или женщина, которые считают, что женщине-доктору можно доверить даже вросший ноготь на пальце ноги.

Выходит, она должна найти другой способ зарабатывания денег, но это означало, что ей необходимо обрести опыт, которого у нее не было и который использовать она не могла. Мысль о том, чтобы попробовать найти работу секретарши или горничной — две профессии, открытые для женщин, — приводила ее в отчаяние, и она откладывала этот вариант со дня на день.

Проблема работы становилась навязчивой, и Пейдж перестала спать. Она ворочалась до середины ночи, а потом на рассвете снова просыпалась.

Однажды утром, не в силах выдержать замкнутого пространства своей комнаты, она умылась, оделась и спустилась вниз, к задней двери. Она пошла к реке по еле заметной тропинке в густой траве, посидела на гладком камне, посмотрела на восход солнца и через некоторое время пошла обратно.

Было еще очень рано, город медленно просыпался, из печных труб начинал показываться первый дымок, там, где уже готовили завтрак, взъерошенные фигуры выползали из домов, петухи на задних дворах приветствовали пробуждающийся день.

Пейдж шла по улице, радуясь прохладному утру. Около магазина Компании Гудзонова залива уже собрались несколько индейцев, ожидавших, когда он откроется, навстречу ей по широкой улице ехал тяжелый фургон, запряженный двумя горячими лошадьми.

Мальчик лет пяти или шести играл со щенком перед бревенчатым домом.

Пейдж, проходя мимо, улыбнулась ему.

— Привет.

— Привет, — отозвался он и улыбнулся в ответ. Щенок вырвался из его объятий и побежал навстречу Пейдж.

Она наклонилась, чтобы поймать щенка, но он в последнюю минуту увернулся, выскочил на дорогу, и тихое утро огласилось криком.

— Пол, назад! — кричал мальчик.

Щенок, не обращая на него никакого внимания, с лаем выскочил прямо перед лошадьми и груженым фургоном. Лошади испугались и вздыбились.

— Пол!

— Нет-нет, не беги за ним! — выкрикнула Пейдж, но он уже устремился за своим щенком.

Щенок завизжал от боли, когда копыто лошади ударило и подбросило его высоко в воздух.

— Пол, Пол! — кричал мальчик.

Он оказался прямо под подковами лошадей. Возница выругался и закричал, пытаясь остановить свою упряжку. Однако копыто одной из лошадей ударило мальчика по руке, и он вскрикнул, упав в пыль.

Пейдж уже стояла на коленях рядом с мальчиком, когда двое мужчин из соседних домов выскочили, чтобы схватить лошадей под уздцы и увести их в сторону. Фургон перевернулся,

из него сыпалось зерно. Какой-то из мешков лопнул, и его золотое содержимое рассыпалось по грязи. Мертвый щенок лежал среди золотой пшеницы.

Мальчик был без сознания. Пейдж ощупала его своими проворными и осторожными пальцами, проверила его пульс, пытаясь определить, нет ли серьезного внутреннего кровоизлияния. Видимым повреждением был перелом правой руки. Она вывернулась под причудливым углом. Кость вылезла наружу, кровь хлестала из раны.

— Мне нужно полотенце, — закричала Пейдж. — Кто-нибудь, принесите мне полотенце, быстро!

Кто-то побежал в дом и принес полотенце. Пейдж прижала его к ране, стараясь остановить кровотечение.

— Билли, о Боже, что случилось с моим Билли?!

Худенькая молодая женщина в испачканном синем платье бежала по улице, она склонилась над ребенком и прижала руку ко рту, когда увидела кровь и открытую рану.

— Вы его мать?

Пейдж продолжала щупать его пульс — он был учащенный и слабый: шок давал себя знать.

У женщины начиналась истерика, она кричала и ломала руки.

— Он умирает, о Боже, Билли умирает!

— Прекратите кричать, сейчас не время! — прикрикнула на нее сурово Пейдж, и это сразу же остановило крики. — Я врач, и Билли будет в порядке, если вы будете делать то, что я скажу.

Женщина задохнулась и уставилась на Пейдж испуганными заплаканными глазами.

— Что? Все что нужно, только скажите мне, что я должна делать.

— Мы должны унести его с улицы. Нам нужны носилки, но уйдет слишком много времени, чтобы переправить его в госпиталь в форт... — Пейдж оглянулась вокруг, пытаясь что-нибудь придумать. Ее собственное сердце билось так, словно готово было разорваться. Здесь не позвонишь в скорую помощь по телефону 911.

— Эй, вы! — позвала она мужчину, стоявшего рядом. — Принесите доску, плоскую доску, на которую можно положить этого ребенка. И... Как вас зовут? — Пейдж тронула мать мальчика за руку.

— Мэри Уиггинс, мисс.

У нее побелели и дрожали губы.

— Мэри, я доктор Пейдж Рандольф. Вы должны держаться, Мэри, я не могу допустить чтобы вы падали в обморок. Я хочу, чтобы вы достали мне чистое одеяло и очистили стол в вашем доме, чтобы положить Билли. Поставьте его около окна, где посветлее. И поставьте кипятить кастрюли с водой.

Однако, даже если мальчик будет в доме, Пейдж понимала, что ничего не сможет сделать без инструментов. Она поймала взгляд одного из молодых парней, удерживавших лошадей.

— Эй, ты! Сбегай, пожалуйста, в форт, расскажи доктору Болдуину о том, что случилось, и приведи его сюда как можно скорее. Скажи ему, чтобы он захватил инструменты, бинты, антисептические средства и анестезию. Мы будем в этом доме.

Она показала на дом, где жил мальчик.

— Ты все запомнишь?

Он побежал к магазину Компании Гудзонова залива, вскочил на одну из привязанных

там лошадей и поскакал к форту.

Пейдж проинструктировала мужчин, которые принесли самодельные носилки, как положить Билли, чтобы рука не была потревожена и не возникли новые осложнения. перевязка остановила кровь, и мальчик пришел в сознание, плача и дергаясь от боли, когда Пейдж укладывала его на чистую простыню на столе в кухне его матери, застеленном одеялами.

— Спокойно, парень, спокойно, мы сейчас все сделаем...

Пейдж поглаживала его по руке, но это было все, что она могла сделать, чтобы его руки не дрожали. Она ничего не в силах сделать для этого ребенка, потому что у нее не было никаких инструментов.

Будьте вы прокляты, доктор Болдуин, поторапливайтесь...

— Хэлло, мисс Рандольф.

Его низкий протяжный баритон подействовал на ее нервы успокаивающе, и она нашла в себе силы спокойно обернуться к Болдуину, входившему через заднюю дверь.

На нем был его алый мундир, но одетый наспех поверх белой рубашки без воротничка. Вместо маленькой круглой шапочки на нем была мягкая широкополая шляпа. Он отбросил ее в сторону, снял китель и закатал рукава своей рубашки выше локтя.

— Ну, юный негодник, что ты натворил?

Этот мужчина обладал внушительной наружностью. Когда он склонился над Билли, ощупывая его рану своими деликатными пальцами, и перепуганный мальчик затих, успокоенный его манерой, доктор Болдуин, казалось, заполнил собой всю маленькую комнату.

Пейдж с ужасом заметила, что Болдуин не мыл руки перед тем, как осматривать рану.

— Там, на умывальнике, доктор, есть горячая вода, мыло и чистое полотенце, — сказала она ровным голосом. — В кастрюлях на плите тоже греется вода. Мы можем ее использовать, чтобы простерилизовать ваши инструменты. Что вы используете для дезинфекции? Я посмотрю, пока вы будете скрести руки.

Он бросил на нее испытующий взгляд, и на какое-то мгновение Пейдж подумала, что он собирается выгнать ее. Однако он только сказал:

— В сумке есть карболка. Займитесь ею, мисс Рандольф.

Он отвернулся к умывальнику и стал намыливать руки, а Пейдж разобрала его медицинскую сумку и опустила те инструменты, которые, на ее взгляд, могли им понадобиться, в кипящую воду. Инструменты она узнала, но они были такими древними, что место им, подумала она, только в музее.

Приглушенным голосом она сообщила Болдуину, какие, по ее мнению, повреждения у мальчика.

— Но без рентгена невозможно определить, какие травмы у него могут быть внутри.

Вытирая руки, он прищурившись посмотрел на нее.

— Рентген? А что такое рентген, мисс Рандольф?

Она почувствовала, как у нее в животе что-то оборвалось, — рентгеновские лучи еще не открыты. Разволновавшись, она пробормотала:

— Я потом объясню.

Лучше бы она, прежде чем влезать в это дело, узнала, как здесь лечат. Встретив его холодные серые глаза, она сказала:

— Что вы предлагаете делать, чтобы починить руку Билли, доктор Болдуин?

Он снова бросил на нее оценивающий взгляд, но когда он начал говорить, то ей стало очевидно, что у него большой опыт с переломами всяких видов, наверное, побольше чем она обрела в медицинском колледже. Что потрясло Пейдж, так это удручающее непонимание того, что такое стерильность.

У него, конечно, не было ни халата, ни перчаток, и ее усилия, с которыми она мыла и кипятила инструменты, оставались лишь жалкими попытками избежать инфекции.

Единственное анестезирующее средство, которым он располагал, был хлороформ. Применялся он очень просто: следуя указаниям Болдуина, Пейдж накапала его на тряпочку, приложенную к носу Билли. Пейдж хорошо знала об опасностях даже современной анестезии, а уж эта варварская техника привела ее в ужас, но другого выхода не было. Стараясь изо всех сил оставаться хладнокровной и профессиональной, Пейдж дала мальчику анестезию и перевязала кровеносные сосуды. Она помогла Болдуину поставить кость на место, преисполненная уважения к его опыту в такого рода операциях. Она помогла наложить швы, тоскуя по антибиотикам, которые предотвратили бы инфекцию, неизбежную, по ее убеждению. Болдуин время от времени брызгал на рану своей отвратительной карболкой.

Она восхищалась ловкостью и мастерством его рук с тонкими пальцами. Он был столь же сведущ и внимателен, как и любой врач, которого она когда-либо встречала, а его техника хирурга производила сильное впечатление.

Когда рану перебинтовали, они перенесли Билли, находившегося все еще под действием анестезии, в его тесную спальню в задней части дома.

Болдуин дал матери Билли инструкции, как ухаживать за мальчиком, подчеркнув, что он должен находиться в покое. Пейдж добавила к этому строгие указания относительно абсолютной чистоты при обращении с его раной. Мэри Уиггинс со слезами на глазах благодарила их, предлагала кофе и завтрак, от чего они оба отказались.

— Я живу на этой улице у миссис Либерман. Днем я зайду и посмотрю Билли, а если у него начнется лихорадка или если он, когда проснется, будет взволнован, приходите ко мне, — дала инструкции Пейдж.

Выйдя на улицу, она посмотрела на небо и обнаружила, что прошло уже несколько часов, пока они занимались операцией, солнце уже стояло высоко, и день был душным и жарким.

После этой работы, занявшей все утро, Пейдж должна была бы чувствовать себя усталой, но вместо этого она испытывала возбуждение, словно, продемонстрировав свое мастерство врача, она ощущала новый прилив энергии.

— Я должен извиниться перед вами, доктор Рандольф, — раздался позади нее медлительный голос Болдуина, и она обернулась к нему, с трудом веря, что он действительно обратился к ней «доктор». — Вы действительно врач, и притом очень умелый, — добавил он. — Где вы учились?

Он казался заинтересованным, но что ее порадовало, так это нотка уважения в его голосе. После того, как он обращался с ней в форте, некоторая доля уважения была очень даже приятна.

— В университете Британской Колумбии. Я гинеколог.

Он покачал головой, на лбу у него обозначилась задумчивая морщинка.

— Я не знаю про этот университет и про вашу специальность.

Вероятно, потому, что университет еще не существует, и нет такой профессии

«гинеколог». От этой проблемы со сдвигом времени можно сойти с ума.

— А вы, доктор? — спросила она, чтобы предотвратить новую дискуссию, откуда и из какого она времени. — Где вы учились?

Его серые глаза, казалось, смотрели куда-то вдаль.

— В университете Южной Каролины.

— Вы специализировались по хирургии?

Его взгляд скользнул по ее лицу, сам он скривился в горькой усмешке.

— Боюсь, что моей специализацией в области хирургии была война, мисс Рандольф. Уверяю вас, что там была богатая возможность для хирургической практики.

Она покачала головой, совершенно озадаченная. О какой войне он говорит? История никогда не была ее сильным местом.

— Простите, я не поняла вас. О какой войне вы говорите?

Его брови поползли вверх, и он сказал ей со своим мягким южным акцентом:

— О войне между штатами, доктор Рандольф. Вы, конечно, слышали о ней?

О Боже! Так ведь это он говорит о Гражданской войне в Америке! Пейдж вздрогнула. Она стоит рядом и разговаривает с человеком, который был на полях сражений во время войны между Севером и Югом.

— Но... разве это не было... довольно давно? — Она попыталась вспомнить. — Восемьсот шестидесятый, да?

— С шестьдесят первого по шестьдесят пятый. Пять долгих лет, доктор Рандольф.

— И вы... вы все это время были на войне? Как врач, я имею в виду?

Ее любопытство пересиливало враждебность, которую она к нему испытывала. Она снова стала гадать, сколько же ему лет. Если он был достаточно взрослым, чтобы принимать участие в Гражданской войне, то он гораздо старше, чем она предполагала.

Похоже, что он, отвечая ей, очень тщательно подбирал слова. Голос его звучал подчеркнуто ровно, словно он цитировал какой-то документ.

— Мой отец был профессиональным офицером в армии конфедератов. Он настоял, чтобы я закончил медицинский факультет, когда началась война. Я окончил университет весной шестьдесят третьего и тут же вступил в армию. С этого момента и до конца войны я, как вы сказали, был там. — Словно догадавшись, о чем она думает, он добавил: — Мне было двадцать четыре года, когда война закончилась.

Значит, ему — Пейдж быстро прикинула — теперь сорок два. Он на восемь лет старше ее, если не считать разницы в сотню лет или около того. Она посмотрела на него и вновь подумала о том, как он привлекателен. Он надел свой китель и широкополую шляпу, выбивавшиеся из-под нее волосы казались на солнце золотыми.

Нянечки в Больнице Милосердия считали бы доктора Болдуина очень интересным мужчиной.

— Вот ваш конь, сэр. — Мальчик лет двенадцати поспешил им навстречу, ведя в поводу горячего коня. — Я вымыл Майора и дал ему немного овса в платной конюшне.

Было видно, что мальчик обожает доктора и видит в нем героя.

— Спасибо, Фредди.

Болдуин улыбнулся и отвесил Пейдж легкий поклон. Он дал мальчику монету, взлохматил его волосы и вскочил в седло.

— Я должен отправиться обратно в форт. Будьте здоровы, доктор Рандольф, было очень приятно встретить вас. Я уверен, что мы скоро снова увидимся.

Он кивнул ей, повернул коня и поскакал вдоль по улице.

Отъехав на такое расстояние, что Пейдж уже не могла его видеть, Майлс Болдуин повернул Майора с дороги, которая вела в форт. Он перевел сильное животное в яростный галоп вдоль берега реки. Так он скакал по равнине милью или около того, потом принудил коня подняться на дамбу.

Они скакали так по дороге, вьющейся между холмами в восточном направлении через прерию, ветер заставил Майлса затянуть ремешок на шляпе и пригнуться ниже к шее Майора.

Он гнал себя и своего коня с такой скоростью, которая требовала абсолютной сосредоточенности, стараясь отделаться от хаотичных чувств, переполнявших его, от памяти, преследующей его.

Это не помогло, никогда не помогало. Через некоторое время он замедлил бег своего коня, предоставив ему самому выбирать аллюр, отпустив свободно поводья.

Он не мог убежать от прошлого. Он уже давно это понял.

Сегодня, однако, с его воспоминаниями смешались новые и тревожные образы. На фоне бесконечной прерии и синего полого неба он мог видеть Пейдж Рандольф такой, какой он увидел ее впервые в госпитале: ее огромные зеленые глаза испуганы и одновременно полны вызова, непокорные кудри взъерошены и стоят нимбом вокруг головы.

Он видел ее такой, какой она была сегодня, работая рядом с ним: ее прекрасное лицо с высокими скулами сосредоточено на их пациенте, ее гибкое тело время от времени касалось его тела, пробуждая в нем желание и в то же время раздражение, потому что отвлекало его внимание от операции.

Откуда она появилась, эта тревожащая, таинственная женщина? Как долго она пробудет в Баттлфорде?

Он надеялся, что недолго. Она упряма и самоуверенна, откровенна настолько, что он не привык к такой откровенности у женщин. Ее окружала тайна, которая озадачивала его, тайной оставалось, откуда она в действительности появилась, как оказалась в голой прерии. Он вызвал к себе Камерона и вновь и вновь расспрашивал его обо всех деталях, но никакого разумного объяснения, как она попала туда, где ее нашел сержант, они найти не могли.

Ее версия случившегося была, конечно, полной чепухой.

Если не считать того, что сегодняшнее событие убедило его, что она талантливый, высококвалифицированный врач, и значит, эта часть ее истеричной болтовни в ту ночь является правдой.

Сегодня она проявила знания и мастерство, которые произвели на него впечатление, — некоторые ее предложения, высказанные во время операции, которую они проводили, были блестящими, а один из приемов, примененных ею, был ему вообще неизвестен.

Что же касается того, кто она и откуда, — он затряс головой. История, которую рассказывала Пейдж Рандольф о том, что она попала сюда из будущих времен, конечно, совершенно нелепа.

Ровная рысь Майора и горячий ветренный покой прерии постепенно успокоили его. Боль, скручивавшая его каждый раз, когда он думал о своем доме, своей семье, своей прошлой жизни, начала отступать.

Некоторое время назад он стал воображать, что начинает забывать; он обманывал себя верой в то, что воспоминания постепенно отступают.

Он даже начал надеяться, что где-то в будущем придет время, когда он сможет спать всю ночь, не просыпаясь в панике, с бьющимся сердцем, весь вспотевший, не слышать криков умирающих мужчин... или, что во много раз хуже, стонов умирающих женщин.

Он напомнил себе, что нужно возвращаться в форт. В госпитале у него лежали несколько дюжин пациентов, требующих ухода, а молодые констебли, прикомандированные к госпиталю в качестве санитаров, не были достаточно подготовлены, чтобы иметь дело с тяжелыми заболеваниями.

Но он ощущал тревогу и колебался, спешить ли ему обратно в душные помещения госпиталя, к своим больным.

Его хороший друг Деннис Куинлан жил в нескольких милях отсюда. Майлс уже некоторое время не видел ни Денниса, ни его жену.

Госпиталь может прожить без него еще часок или другой. Он направил своего коня к хижине Куинлана.

— Майлс, старый сукин сын, как я рад видеть тебя!

Деннис отер пот со лба и улыбнулся своему другу — его белые зубы блеснули сквозь пыль, покрывавшую лицо и шею.

— Я все молился, чтобы кто-нибудь приехал и оторвал меня от этой проклятой работы.

Деннис корчевал пни со своего поля, окручивая их канатом, а потом понукал лошадь вытаскивать их.

— Работа на ферме — это отвратительное занятие, от которого ломит спину. Ты умница, что занимаешься переломанными руками и карбункулами.

Майлс ухмыльнулся.

— Должен с тобой согласиться. У тебя не осталось ни следа брюшка, который ты отрастил, пока служил в полиции.

Деннис расхохотался и отвязал канат, привязанный к сбруе лошади. Одним ловким прыжком он вскочил на лошадь и направил ее к бревенчатой хижине, окруженной ивами, стоявшей неподалеку от реки.

— Сейчас посмотрим, есть ли у Тани горячий кофе. Она будет рада видеть тебя. Я знаю, что ей уже осточертело каждый день видеть мою уродливую морду. — Он подмигнул Майлсу, сияя улыбкой. — Не потому, что твоя физиономия выглядит лучше, доктор Болдуин. Но все-таки это какая-то перемена для бедной девушки.

Два года назад Деннис, офицер Северо-Западной Конной полиции влюбился и женился на прекрасной индианке из знатного рода Кри и привез ее с собой в форт.

Однако вскоре стало ясно, что офицерские жены не принимают Тананкоа и, что еще хуже, вообще не хотят с ней общаться.

Деннис был в ярости. Он уволился из полиции и обосновался на этом отдаленном

участке земли, задумав купить стадо и выращивать скот на мясо и снабжать им форт и город Баттлфорд.

— Дорогая, смотри, кто к нам приехал.

Деннис втащил Майлса в скромную хижину.

— А, Майлс Болдуин! — Тананкоа заторопилась поприветствовать его, ее овальное лицо осветилось радостью, темные глаза и очаровательная улыбка свидетельствовали, что она действительно очень рада его приезду.

Он был одним из немногих белых людей, приезжавших к ним в гости, и Тананкоа приветствовала его как брата, взяла его руки в свои ручки и повела в большую комнату в центре хижины, служившую многим целям. Она налила Майлсу и Деннису по кружке кофе, подала банку с земляничным вареньем и большие куски свежего пшеничного хлеба.

Майлс смотрел на нее, как она движется от печки к столу и обратно. Он был убежден, что именно ее бросающаяся в глаза красота оказалась главной причиной того, что офицерские жены вели себя так грубо по отношению к ней.

Высокая и гибкая, она двигалась, как гордое лесное животное. Ее длинные блестящие волосы толстыми косами свисали ниже пояса. Она часто носила наряд из оленьей кожи, но сейчас на ней было домашнее красное хлопчатобумажное платье, подчеркивавшее ее мягкую темноватую кожу и огромные черные глаза.

Она подарила своему мужу и Майлсу широкую и застенчивую улыбку, и Майлс заметил, как следили за ней глаза Денниса.

Они очень любили друг друга.

Почему-то Майлс обнаружил, что снова подумал о Пейдж Рандольф.

Пейдж тоже красивая женщина. Ее темные волосы были только немного светлей черных кос Тананкоа и являли собой буйную копну вьющихся локонов.

Шелковистая кожа Пейдж слегка загорела, на носу несколько веснушек. Она, как и Тананкоа, тоже высокая, гибкая и грациозная. Сегодня он, в частности, обратил внимание на ее руки с длинными пальцами, на удивление сильными, приспособленными к работе врача.

Однако на этом, пришел к выводу Майлс, сходство между женой Денниса и Пейдж кончалось... на внешней схожести.

Танни была мягкой, доброй, застенчивой, с тихим голосом.

Пейдж Рандольф разговаривает громко, она беззастенчивая, своенравная женщина. Она упряма, как мул, и он готов держать пари, что за эти несколько дней, что он знаком с ней, они больше ссорились, чем могли бы выдержать Деннис и Тананкоа.

— Что нового в форте, друг мой? — прервал Деннис его раздумья, и Майлс сбросил с себя оцепенение.

— Восемнадцать новых случаев заболевания лихорадкой, если ты хочешь услышать медицинский отчет. А помимо этого ничего из ряда вон выходящего. Дженсон и Джерри Потс поймали бандитов, которые в прошлом месяце ограбили дилижанс — двое беглых арестантов с востока.

Он замолчал, и, к его огорчению, Пейдж Рандольф снова вторглась в его мысли.

— Странная вещь случилась неделю назад, — медленно сказал он.

Он осознал, что ему хочется поговорить о Пейдж, он хотел услышать мнение своего друга обо всей этой истории.

— Роб Камерон сопровождал в форт поселенцев и обнаружил в прерии молодую женщину без сознания. — Он рассказал Деннису и Танни, как вела себя Пейдж, когда ее

привезли в форт, и ее невероятную историю, что она врач из другого времени. — Должен признать, то, что касается ее профессии врача, — правда, — продолжал Майлс, описав все, что произошло в это утро. — Никто не может проделать все, что сделала она, не имея хорошего медицинского образования.

Тананкоа сидела за столом вместе с мужчинами и внимательно слушала рассказ Майлса. Когда он закончил, воцарилось молчание.

— Где, говорит она, ее дом, этой женщины? — спросила Тананкоа. — Если не говорить о другом времени, откуда она, из какой местности?

— Из тихоокеанской провинции Британской Колумбии, — ответил Майлс. — Из города, который называется Ванкувер.

— Я слышал, что новая провинция грозит присоединиться к Соединенным Штатам, если сэр Джон не выполнит своего обещания построить железную дорогу, которая соединит нас с Онтарио и побережьем.

Деннис любил поговорить о политике.

Последующие полчаса мужчины обсуждали перспективы строительства железной дороги и разгорающейся борьбы за земли, которая уже вызвала осложнения и трения между метисами, их родственниками индейцами, с одной стороны, и правительством Канады — с другой.

Майлс и Куинланы были совершенно согласны в этом вопросе — они знали, что с исконными жителями правительство обращается несправедливо, их земли у них крадут, а вместе с землей их лишают и источников существования. Кроме того, поселенцы, хлынувшие в прерии, уничтожают бизонов, которые для исконного населения являются источником пищи, одежды и покрытия жилищ.

Беда была в том, что ни один из них не знал, как бороться с такой несправедливостью.

После еще нескольких кружков кофе и двух больших ломтей хлеба, выпеченного Тананкоа и намазанного ее домашним земляничным вареньем, Майлс нехотя простился с ними и поехал обратно в форт.

Демоны памяти и боль, терзавшие его, сейчас утихли, и он мог наслаждаться бегом своего коня по прерии. Только однажды он подумал об этой женщине Рандольф, когда красная сойка выпорхнула из-под копыт его коня.

Оперение этой птицы было таким же ярко-красным, как детали одежды мисс Рандольф, когда Камерон нашел ее.

Майлс почувствовал раздражение, когда понял, что вот уже несколько миль воображает себе, как она выглядела в этих крохотных деталях туалета.

Его половое возбуждение, сказал он себе, не имеет ничего общего с какой-то конкретной женщиной. Это явление биологическое — ясное и простое. Прошло слишком много времени с тех пор, как он лежал с женщиной в постели.

— Пожалуйста, мэм, мой муж сказал, чтобы я отдала это вам, заплатила за операцию Билли и вообще. Доктору, который служит в полиции, платит правительство, но, если бы не было вас, наш Билли мог умереть. А мой Джим не хочет быть кому-то обязанным, понимаете?

Мэри Уиггинс сунула в руку Пейдж смятую пятидолларовую бумажку.

Это произошло на следующий день после несчастного случая, и Пейдж была рада, увидев, что рука Билли заживает: нет ни красноты, ни опухоли, которые, как она опасалась,

могли быть признаками заражения. Вероятно, чудовищная карболка доктора Болдуина сделала свое дело, и, конечно, не может быть никаких претензий к аккуратной работе, которую они проделали, поправляя руку мальчика.

Пейдж не хотела брать деньги с Мэри Уиггинс: по их дому и поношенной одежде было видно, что лишних денег в этой семье не водится.

Но здесь играл роль и фактор гордости. Она понимала, что для этих людей очень важно знать, что они оплачивают свои долги. Кроме того, видит Бог, Пейдж нуждалась в деньгах. Лулу Либерман еще не спрашивала у нее деньги за следующую неделю, но сделает это в любой момент.

— Благодарю вас, Мэри, но моя ставка три доллара, а не пять, — сымпровизировала Пейдж, обменяв пятидолларовую купюру на три помятых долларовых.

Эти три доллара оплатят следующую неделю в пансионе Либерман, а по облегчению на лице Мэри она поняла, что их семье эти два доллара весьма пригодятся.

«Что скажешь, Сэм Харрис? — мысленно обратилась она к своему партнеру по клинике, который был большим педантом по части бухгалтерских книг и денежных счетов. — Я только что взяла целых три доллара за срочную операцию и посещение больного на дому неизвестно сколько раз, что ты думаешь об этом?»

Мысль о Сэме принесла с собой тяжкую горечь, надавившую на ее грудь, как скала, и она заставила себя вернуться в тот мир, в котором она сейчас находилась. С течением дней ее шансы вернуться домой становились все более зыбкими.

Однако прошлой ночью у нее возникла идея, которая может позволить ей заработать прожиточный минимум на несколько недель, — во всяком случае она на это надеялась. Это будет зависеть от Северо-Западной Конной полиции и их позиции в отношении найма женщин.

— Это не соответствует правилам, главный врач Болдуин. Полиция не нанимает на работу женщин ни в каком качестве, вы это знаете, а тут еще женщина, претендующая на работу врача. Абсурд! Если вы спросите меня, то для меня это вопрос морального характера — то, что женщина хочет быть врачом. Я совершенно уверен, что комиссар этого не одобрит.

Инспектор Моррис нахмурился и стал крутить кончики усов.

Майлс продолжал стоять на своем.

— Я уверен, что доктор Рандольф хороший врач, сэр, а факт таков, что мне немедленно нужна помощь, а доктор Рандольф здесь, под руками. Учítывая, что я дважды посылал в штаб срочное требование прислать мне помощника хирурга и не получил ответа, похоже, что я должен взять решение этого вопроса в свои руки.

Майлс был совершенно уверен, что инспектор отклонит его предложение, чтобы полиция наняла доктора Рандольфа помогать ему на время вспышки эпидемии лихорадки.

Майлс и сам никогда не подумал бы о таком варианте, если бы не был измучен, ухаживая днем и ночью за все увеличивающимся числом больных и с военного поста, и из города.

По правде говоря, ему это и в голову не пришло бы, если бы доктор Рандольф не выдвинула нахально такое предложение. А когда она его высказала, то он не увидел оснований отказываться.

— Вы не будете возражать, инспектор, если я лично приглашу доктора Рандольфа

поработать на время вспышки лихорадки? Естественно, что я буду выплачивать ей жалованье из моей заработной платы. Если вы считаете это невозможным, я должен буду настаивать на том, чтобы вы немедленно прикомандировали ко мне четырех человек в качестве санитаров.

Брови инспектора Морриса поползли вверх.

— Четырех человек? Главный врач Болдуин, будьте разумны! Вы ведь прекрасно знаете, что из-за этой эпидемии у меня катастрофически не хватает людей. Я вынужден сократить несколько патрулей, а работы по строительству новых казарм откладывают, Бог знает, насколько. — Его голос повысился до крика: — И с каждым днем в строю людей становится все меньше!

Он ударил ладонью по столу, заставив затрепетать бумаги.

— Дать вам еще четырех здоровых мужчин помогать в госпитале — это совершенно исключено. Совершенно исключено!

— Тогда я полагаю, что буду лично договариваться с доктором Рандольф, так ведь, сэр? Лихорадка быстро распространяется среди гражданского населения, и мне необходима помощь.

Лицо Морриса побагровело. Майлс подумал, что старика, учитывая его темперамент, может однажды хватить апоплексический удар.

— Делайте то, что считаете нужным, главный врач Болдуин, и не морочьте мне голову всякими мелочами! — выпалил он наконец.

Майлс отдал ему честь и припрятал усталую, но победную улыбку.

Вчера было три новых случая лихорадки среди военных, а сегодня утром на построении обнаружили еще четверо больных для отправки в госпиталь. У Майлса на руках была еще дюжина больных в городе, которых ему надо было навестить. От молодых констеблей, которых посылали помогать в госпиталь, пользы было мало.

— Вы не в состоянии оказать медицинскую помощь всем больным, — говорила мисс Рандольф раздраженным голосом. — Я предлагаю вам серьезно подумать о том, чтобы нанять меня, доктор Болдуин. Вам это выгодно.

Ее зеленые глаза насмешливо поблескивали.

— Моя ставка восемь долларов в неделю при восьмичасовом рабочем дне, что для врача с моим опытом является смехотворным. Однако я нуждаюсь в работе так же, как вы в моей помощи. Найти меня вы можете у миссис Либерман.

Несносное поведение этой женщины приводило его в ярость, но после того, как большую часть прошлой ночи он провел, ухаживая за хроническими больными, он вынужден был с неохотой признать, что в ее предложении есть смысл.

Как только Майлс вышел из кабинета инспектора, он послал мальчика с короткой запиской, в которой извещал, что согласен на ее условия, и просил как можно скорее явиться в госпиталь.

Однако не прошло и часа после ее появления, как он уже жалел, что в порыве отчаяния нанял ее.

— Прежде всего откройте все окна в этом здании, — приказала она Арману Леклерку и двум констеблям. — А после этого мы будем отмывать все предметы в комнате этой отвратительной карболкой, которую вы здесь используете как дезинфицирующее средство. Я не могу поверить, что вы кладете новых больных в кровати, которые не продезинфицированы. Одежда должна быть выстирана и вывешена на солнце для просушки.

И каждый из вас должен тщательнейшим образом мыть руки каждый раз, когда вы прикасаетесь к больному.

Майлс выругался про себя и отправился туда, где она уже занималась приготовлением карболового раствора.

— Что бы я только ни отдала за какой-нибудь приличный антисептик и несколько дюжин ампул ампициллина, — бормотала она, — не говоря уже о нескольких квалифицированных нянечках и парочке приличных санитаров и... — Она глянула через плечо на Майлса, у видела выражение его лица и повернулась к нему, скрестив руки на груди, вздернув подбородок, готовая к схватке.

— Мадам, — начал он, сжав зубы, чтобы не вырвалась ярость, которую он испытал, глядя, как властно она берет в свои руки госпиталь. — Мадам, я думаю, что вы не вполне понимаете характер этой лихорадки.

Он не хотел, чтобы его слова звучали так напыщенно, но эта женщина, дьявол ее побери, пробуждает в нем самые худшие чувства.

— Мы хорошо знакомы с этой болезнью, доктор Рандольф. Мы называем ее «горной лихорадкой» или «тифозной малярией». Мы считаем ее незаразной. Причиной ее является дурной воздух от низкого уровня воды в реке. Мы держим окна и двери в домах крепко запертыми. Мы лечим больных хинином, крепким бульоном и молоком, и...

— И она распространяется, как лесной пожар. — Теперь Пейдж уперла руки в бока, ее зеленые глаза вызывающе засверкали. — Избавьте меня от этой давно вышедшей из моды чепухи, доктор. Причиной брюшного тифа, насколько я помню, служат бактерии, и передаются они обычно через насекомых, воду, пищу или бациллоносителями. При отсутствии антибиотиков лучшее, что мы можем сделать, это только стараться предотвратить его распространение. Мы будем кипятить воду перед тем, как пить ее, мыть все, особенно наши руки, этой отвратительной, вонючей, едкой карболкой, и мы откроем доступ в эту тюрьму свежему воздуху и солнцу. Хинин — это, я думаю, хорошо, а вот молоко я исключую: молоко усиливает понос, а нам это не нужно, так ведь? — Пейдж одарила его сахариновой улыбкой.

Майлс глянул на нее.

— Мадам, могу ли я напомнить вам, что здесь я — главный врач, и отвечаю...

— Сколько у вас было смертельных случаев от этой лихорадки, доктор Болдуин?

Он сердито посмотрел на нее.

— Пять за два месяца, — выпалил он. — Что можно считать минимальным, учитывая...

— Это возмутительно, учитывая, что гигиена, свежий воздух и солнце могут сделать чудеса и предотвратить новые смерти.

Они стояли друг против друга, зеленые глаза с вызовом смотрели в его серые, и ни один из них не отводил глаз.

Наконец она вздохнула и более примирительно сказала:

— Послушайте, ваши методы не оправдали себя. Почему бы вам не попробовать мои? Вымыть здесь все и впустить сюда свежий воздух — это еще нельзя рассматривать как мятеж, доктор. — Она оглядела комнату и округлила глаза. — Это довольно тяжелая работа, учитывая отсутствие каких-либо современных приспособлений, таких, как стиральные машины, машины для мойки посуды и стерилизаторы. — Она вызывающе посмотрела на него. — Только не говорите мне, что вы боитесь тяжелой работы, доктор.

Словами «тяжелая работа» трудно определить хаос, воцарившийся здесь в последующую

неделю. Сзади госпиталя появились веревки, на которых сушились мокрые одеяла, а констебли, выполнявшие работу санитаров, горько жаловались на покрасневшие руки и множество одеял, еще ждавших стирки.

С рассвета и до наступления темноты на кострах кипели чаны с водой, и от едкого запаха карболки у всех слезились глаза. Все констебли-санитары подверглись разносу со стороны Пейдж за то, что не мыли руки после того, как прикасались к больным, и все они жаловались Майлсу, возмущенные тем, что ими командует женщина.

Единственный человек помимо больных, кто принял Пейдж без всяких оговорок, был Арман Леклерк, что весьма злило Майлса, потому что Арман всегда был самым верным его помощником.

Болдуина огорчила измена старого метиса.

В течение первой недели работы Пейдж в форте был только один случай нового заболевания лихорадкой. Вторая неделя прошла вообще без единого нового больного, а на третью неделю многие больные стали выздоравливать. Смертей больше не было.

Пейдж приходила в форт на рассвете и частенько покидала госпиталь после наступления темноты. Обычно ее сопровождал Роб Камерон: считалось, что приличная женщина не должна вечерами появляться на улицах Баттлфорда одна. Падая от усталости, Пейдж добиралась до своей комнаты, умывалась ледяной водой, натягивала ночную рубашку, которую дал ей Майлс, и падала в постель.

В течение этих первых горячих дней оба врага трудились без отдыха, урывая минуты для еды. С монотонным постоянством они схватывались в спорах о том, как лечить больных, но вскоре стали так уставать, что уже не было сил на споры, и постепенно они начали работать как одна команда.

К концу второй недели напряжение несколько ослабло, настолько, что у них появилась возможность нормально перекусить. Арман соорудил самодельный столик и накрывал им там поесть.

Во время этих перерывов в работе Пейдж обнаружила, что Майлс Болдуин ведет себя подчеркнуто официально и неизменно вежливо с изысканными манерами южного джентльмена — пока они не схватывались в жарких спорах о медицинских проблемах.

Он вел себя так отчужденно и бесстрастно, вел разговор большей частью о погоде и о больных, пока однажды вечером она не взбунтовалась за торопливым обедом.

Пейдж проглотила полный рот репы и спросила в упор:

— Итак, доктор Болдуин, что же заставило вас проделать такой длинный путь от Чарлстона до Канады и вступить в Северо-Западную Конную?

На какое-то мгновение она увидела боль на его лице, но эта боль ушла раньше, чем Пейдж была уверена в этом. Его серые глаза скользнули по ее лицу и остановились на бесконечных веревках с бельем.

Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил, и голос его звучал уклончиво:

— Почему люди вступают в Конную полицию, мисс Пейдж? Мы все жаждем приключений на Великом Северо-Западе, правда ведь?

Ему не удалось так легко уйти от ответа.

— Я полагала, что участие в Гражданской войне на всю жизнь вполне удовлетворило вашу жажду приключений. Вы так далеко от дома. Вы не тоскуете по вашей семье?

Воспоминания о ее собственном брате и племянниках, а Сэме и клинике, о пациентках, которых она там оставила, обступили ее. Конечно, он тоже должен чувствовать себя

одинок. Бывает ли он когда-нибудь на Юге? Ему повезло: в конце концов его родственники живут в том же столетии, что и он.

— У меня нет семьи, мисс Рандольф. — Его тон был холоден и безразличен, и она не могла уловить и намека на эмоции на его красивом лице. — Большинство погибли в результате войны.

Она почувствовала себя назойливым ребенком, которому дали по костяшкам пальцев.

— Мне очень жаль, — сказала она тихо извиняющимся голосом. — Для вас это, должно быть, ужасно. — Она знала, что, вероятно, ей не следует продолжать, но по какой-то причине ей необходимо было узнать о нем, поэтому она отбросила осторожность. — Вы были женаты? У вас были дети?

Поначалу она подумала, что он не собирается отвечать. Между ними повисло долгое тяжелое молчание, а черты его лица, казалось, окаменели. Когда он заговорил, его голос звучал напряженно, но за короткими отрывистыми фразами она почувствовала горечь утрат.

— Да, я однажды был женат. Мою жену звали Бет. Я знал ее всю мою жизнь. Мы поженились после войны. — Он перевел дыхание. — Мы были женаты пять лет, когда она впервые забеременела. — Он прокашлялся, поднес к губам стакан воды и сделал глоток, прежде чем продолжил: — У нее случился выкидыш, и Бет умерла от кровотечения. Наш ребенок умер вместе с ней.

В паузах между его словами она ощутила ужас, в усилиях, которых ему стоили слова, — муку, боль в его серых глазах, в застывших чертах лица.

— Простите меня, я не должна была проявлять любопытство. — Ее глаза наполнились слезами, она дотянулась через стол и взяла в свои руки его длинную кисть хирурга. Его кожа казалась ледяной, и она могла почувствовать узлы мускулов на его руке. — Я любопытная негодяйка. Мне очень жаль.

В его слабой улыбке не было и тени юмора, и он не ответил.

Спустя мгновение она отняла свою руку, склонилась над тарелкой и занялась ножом и вилкой.

— А вы, мисс Рандольф?

Его мягкий голос с южным акцентом нарушил воцарившуюся между ними тишину. Она с удивлением посмотрела на него. Он снова владел собой и воспользовался ее же оружием.

— У вас есть семья, которая ждет вас на Западном побережье? Муж? Наверное, дети? Или только поклонник? В ваше время женщины все еще имеют поклонников?

Его холодные серые глаза смотрели на ее лицо в ожидании ответа.

Она знала, что он думает о той первой ночи, когда она сказала ему, откуда она. С той поры они не возвращались к этой теме, но теперь он хотел знать, расскажет ли она ему ту же историю. Он испытывал ее. На это раз Пейдж тщательно подбирала слова.

— Никого значительного, кого в мое время можно считать поклонником, доктор. Что касается семьи, то у меня есть только брат, Тони, он живет здесь, в Саскачеване. Он женат, и у него двое маленьких мальчиков. Он на пару лет моложе меня. У него ферма, довольно большая.

Майлс кивнул, по-прежнему разглядывая ее с напряженным вниманием, которое она не хотела воспринимать.

— И вы соединитесь с ним и его семьей в ближайшем будущем, мисс Рандольф?

Пейдж почувствовала, как слезы скопились у нее в горле, и боролась с ними. Если он может оставаться холодным и бесстрастным, говоря о своей семье, то, черт побери, она тоже

сумеет.

— Я не верю в это, — медленно произнесла она. — Во всяком случае не сейчас. Не в обозримое время. — Она посмотрела прямо в его непроницаемые серые глаза. — Вы должны понимать, что у меня нет пути вернуться туда, откуда я появилась. Во всяком случае я такого пути придумать не могу.

Ей было бесконечно больно признавать такое.

Он больше не расспрашивал ее, и это принесло ей облегчение.

— Значит, вы планируете остаться в Баттлфорде?

— Да.

Она поняла, что он на самом деле полагает, что у нее есть выбор. Абсурдность таких мыслей могла выглядеть смешной, но ей было не до смеха.

В тот день, когда он нанял ее, Майлс заплатил ей за две недели вперед шестнадцать долларов, показавшихся ей целым состоянием. Сейчас, после того как она заплатила Лулу и купила себе кое-что необходимое, у нее оставались еще шесть долларов.

Шесть долларов не открывают перед ней иного выбора, как оставаться в Баттлфорде, подумала она с горечью. И кроме того, куда бы она ни поехала, она все равно останется в этом чуждом ей столетии.

— Вы не обдумывали план открыть врачебный кабинет здесь, в городе, мисс Рандольф?

— Конечно, обдумывала.

Его вежливый вопрос и удивил ее, и вызвал раздражение, ибо это была проблема, которую она вновь и вновь взвешивала и не могла прийти к какому-то решению. Она вдруг разозлилась на него.

— Послушайте, мне до смерти осточертело это «мисс Рандольф». Вы не можете переломить себя и называть меня Пейдж? И, наконец, у вас тоже есть имя, так ведь, доктор? Там, откуда я сюда попала, мы не так чопорны, и ваши условности приводят меня в бешенство.

Одна бровь у него поползла вверх, и он кинул на нее загадочный взгляд. Потом прочистил горло.

— Имя у меня есть. Меня зовут Майлс.

— Ну вот, уже легче. А теперь, Майлс, мы можем обсудить, могу ли я открыть врачебный кабинет в этом городе. — Она нарочно подражала его формальному сухому тону. — Есть несколько моментов, в отношении которых я не знаю, как быть. Во-первых, у меня нет помещения, нет инструментов и очень мало денег. Во-вторых, я понятия не имею, какие лекарства здесь прописывают и даже какие лекарства доступны в этом конкретном историческом пункте, поскольку я училась в другой стране, можно сказать. — Она на мгновение замолчала и потом добавила уже другим тоном: — И последнее: судя по реакции, с которой я сталкиваюсь у большинства местных жителей, в этой эпохе быть женщиной и заводить врачебную практику взаимно исключается.

— Необязательно. — Он посмотрел на нее очень серьезно. — Вы можете лечить только женщин, Пейдж. Некоторые из них обращаются ко мне, но я уверен, что они будут чувствовать себя лучше, консультируясь с женщиной-врачом. Что же касается лекарств, то я могу помочь вам.

Не успела Пейдж ответить ему, как в дверь просунулась голова одного из констеблей из числа санитаров — глаза выпученные, лицо позеленело.

— Скорее, сэр, Аббота подбрасывает, и у него судороги. И потом, там шумят по поводу

одежд, которые мы сменили.

Майлс выругался и поспешил за констеблем. Пейдж последовала за ним, но не с такой поспешностью, думая о его неожиданном предложении и обещании помочь ей с лекарствами.

Каждый раз, когда ей кажется, что она понимает его, Майлс Болдуин умудряется удивить ее.

И кроме того, он впервые назвал ее Пейдж.

* * *

Спустя четыре дня Лулу Либерман сунула свой задорный носик в деньги, которые Пейдж протянула ей, но не взяла их. В ее пронзительном голосе прозвучало угрожающее удовлетворение:

— Мне очень жаль, мисс Рандольф, но наша договоренность прекращает свое действие. Вам придется искать себе другое место для жилья.

Пейдж открыла рот от изумления.

— Другое место для жилья? О чем вы говорите? Я ничего не понимаю.

Она пыталась вычислить, какое из строгих правил Лулу она могла нарушить, но все последние недели она приходила в меблированные комнаты только для того, чтобы вымыться и поспать. Однако эпидемия уже кончилась, и Майлс накануне вечером сказал ей, что больше не нуждается в ее помощи.

Она ожидала этого: в госпитале осталось всего три пациента, и уже в течение нескольких дней не поступали новые больные лихорадкой. И тем не менее это решение ее обескуражило; она сама не осознавала, как радуется этой изнурительной работе, до той поры, когда все кончилось.

Сегодня утром она проснулась без ощущения дела, которое давала ей работа в форте, но у нее по крайней мере осталось достаточно денег, чтобы свободно вздохнуть. Майлс был более чем щедр и настоял, чтобы она приняла премию.

— Вы должны съехать, — объявила Лулу, — вот и все. У меня благопристойное заведение, и я не могу допустить, чтобы мое доброе имя компрометировали. Мистер Равен дважды видел, как вас после наступления темноты провожали домой разные полицейские. Что там происходит в форте, это ваше дело, и я в него не вмешиваюсь — я не из тех, кто сует нос в чужие дела, — но идут разговоры. А я должна зарабатывать себе на жизнь.

— Какие разговоры, Бога ради?

Пейдж испытывала почти непреодолимое желание дотянуться и сбить самодовольную ухмылку с пухленького личика Лулу.

А Лулу получала полное удовольствие.

— В городе все говорят, что вы шлюха, мисс Рандольф. Вы каждый день проводите в форте с этими мужчинами, и вы там одна, а домой являетесь только после наступления темноты. Двое жителей города видели вас там, в госпитале, и они говорят, что это просто стыд: вы в госпитале среди полуодетых мужчин. Это неприлично.

Губы Лулу сложились в тугий маленький узел.

— Но я с самого начала говорила вам, что я врач, и вы знаете про эпидемию. Я объясняла, что работала вместе с доктором Болдуином. Или вы хотите, чтобы я привела его сюда и заставила его объяснить вам, какая у нас работа?

Пейдж была полна сарказма. Она скорее умрет, чем вовлечет Майлса Болдуина в эти дразги.

— Вы ведете себя со мной бесцеремонно, мисс Рандольф, — выпалила Лулу. — Я с самого начала сказала вам, что не потерплю такого поведения.

— Какого поведения? Я работала, как вол, чтобы заработать те деньги, которые плачу вам. Посмотрите на мои руки, они все потрескались от этой проклятой карболки. Будь оно все проклято, это просто смешно!

— Что за выражения, мисс Рандольф! — Лулу изобразила на своем лице ужас.

— Выражения?! Это нечестно, с вашей стороны, вышвыривать меня без предупреждения. — Пейдж неожиданно ощутила прилив вдохновения. — Хорошо, Лулу, но я, конечно, расскажу сержанту Робу Камерону, что вы выставили меня, даже не предупредив хотя бы за неделю. А он был о вас такого высокого мнения!

Как она и надеялась, упоминание именно Роба Камерона оказало немедленный эффект. Пейдж подозревала, что у Лулу есть свои планы в отношении ее и Камерона — планы, про которые, Пейдж была уверена, бедняга Роб ничего не знал.

— Сдерживайте себя, мисс Рандольф. Это дело между вами и мной, — пробормотала Лулу. — Незачем вмешивать в него сержанта Камерона. — Очень неохотно, кончиками пальцев, хозяйка меблированных комнат взяла три доллара, которые Пейдж держала в руке. — Я предупреждаю вас за неделю, мисс Рандольф, но это все. Я не могу рисковать своим добрым именем, даже вы должны понимать это.

Пейдж пропустила мимо ушей это оскорбление, хотя готова была взорваться от обиды и гнева.

— Через неделю я от вас съеду, можете на это рассчитывать.

Она повернулась на каблуках и вышла из кухни, хотя у нее чесались руки схватить Лулу и трясти до тех пор, пока не застучат все зубы в ее грязной голове.

Настойчивый стук пробился сквозь тяжелую пелену сна.

— Мисс Рандольф? Мисс Рандольф, проснитесь! — Голос Лулу заглушала дверь, но так колотила по ней, что Пейдж в конце концов проснулась. — Откройте дверь, мисс Рандольф.

Длинная ночная рубашка запуталась в ногах Пейдж, и она с трудом выбралась из постели и заковыляла к двери.

Она взялась за ручку, но вспомнила, что дверь заперта, повернула ключ и приоткрыла дверь.

Лулу стояла за дверью со свечой в руке, ее белокурые волосы падали на спину, рубашка завязана шнурком на шее.

— Там какой-то мужчина у дверей, он говорит, что его жена нуждается в вашей помощи, что мне кажется вполне возможным, — выпалила она.

Было очевидно, что Лулу не шутит.

— Сейчас три часа ночи. Надеюсь, вы это понимаете. — Глаза хозяйки припухли ото сна, и голос ее звучал отвратительно. — Еще два дня — это все что вам осталось, и я не могу дождаться конца недели, должна сказать вам.

Она повернулась с оскорбленным видом и стала спускаться вниз по лестнице. Пейдж накинула шаль и направилась следом за ней.

— Это просто скандал! — ворчала Лулу. — Странные мужчины стучат в мою дверь, будят моих постояльцев среди ночи.

— Хватит болтать, Лулу. — Пейдж проигнорировала новое фырканье хозяйки и устояла на мужчину, стоявшего внизу; он мял в руках свою поношенную коричневую шляпу, в глазах его застыл ужас.

— Теодор Флетчер, что случилось? В чем дело?

Пейдж не видела Флетчеров с того первого рокового дня в прерии, но поддерживала контакт с Кларой через Роба Камерона. Роб навещал Флетчеров каждый раз, когда его патрульная служба приводила его в те места, где они поселились, чтобы выращивать пшеницу, в двадцати милях к западу от Баттлфорда.

— Я отвезу вас туда, когда у меня будет свободный день, — предлагал Роб, и Пейдж собиралась воспользоваться его предложением, но она начала тогда работать в форте и времени у нее уже не было.

— Мисс Пейдж, — с трудом выговорил Тео, голос у него был хриплым, слова насканивали одно на другое. — Мисс Пейдж, Арман Леклерк в форте послал меня сюда. Он сказал, что вы можете помочь моей Кларе. Ей плохо уже почти два дня, повивальная бабка говорит, что нужен врач. Ребенок... — Он задохнулся и с трудом вернул себе самообладание, — ребенок не выходит. Клара ужасно страдает. Я не могу этого больше вынести. Я поехал за доктором Болдуином, но он уехал вчера вечером: какой-то мужчина в Бресейлоре прострелил себе ногу.

Тео был близок к панике, и Пейдж погладила его по руке.

Тео с трудом сглотнул и добавил:

— Леклерк послал за доктором всадника, чтобы он скакал на мою ферму, но он, конечно, не успеет вовремя.

Ощущение чудовищного бессилия охватило Пейдж. Что она может сделать для Клары без лекарств, без операционной, без инструментов?

— Вы поедете, мисс Рандольф? Пожалуйста! У меня тут фургон, запряженный лошадьми.

Отказать она не могла.

— Конечно, я поеду. Дайте мне только одеться. Я вернусь через минуту.

Она старалась, чтобы ее голос звучал успокаивающе, но сама чувствовала, что ее тошнит от страха.

Поездка по темной прерии была устрашающей — Тео заставлял лошадей бежать рысью, и фургон во тьме подпрыгивал, его бросало из стороны в сторону. Рассвет уже начал окрашивать горизонт в пурпурные и розовые краски, когда они наконец увидели далекий огонек фонаря, мерцающего в окне дома Флетчеров. Большой черный пес рванулся им навстречу с яростным лаем.

— Тихо, Барни! Мисс Пейдж, вы идите в дом, там повивальная бабка. А я распрягу лошадей.

По голосу Тео Пейдж могла определить, насколько он боится того, что могло произойти за время его отсутствия. Она и сама была не своя, вылезая из фургона и торопясь войти в грубую бревенчатую хижину.

Внутри горели несколько ламп, их свет отбрасывал по углам тени. Пейдж прикрыла за собой дверь и оказалась в единственной здесь комнате. Угол напротив двери был занавешен, очевидно, там находилась спальня. От железной печки шли волны жара, а на ней кипели котел с водой и два чайника, а рядом белый фарфоровый чайник.

Стены внутри были обклеены газетами. Круглые рукодельные коврики красочными пятнами лежали на голом деревянном полу. Около плиты стояло кресло-качалка, а у окна прочный кухонный стол и четыре стула. У Пейдж перехватило дыхание, когда она заметила отлично сделанную колыбельку для ребенка, стоявшую в углу. Несколько ящиков, используемых в качестве шкафчиков, завершали обстановку комнаты.

По-солдатски прямая женщина в идеально выглаженном белом фартуке выбежала из-за занавески — ее седые волосы затянуты в тугий узел, на лбу капельки пота.

— А вы кто, дорогая? — Ее шоколадного цвета глаза за очками в железной оправе были и умными, и встревоженными. — Я думала, мистер Флетчер привезет врача.

Пейдж глубоко вздохнула и медленно выговорила:

— Я доктор Пейдж Рандольф. Произошел несчастный случай, и доктора Болдуина сейчас в городе нет, поэтому я здесь вместо него.

— Вы врач? — Женщина изучала Пейдж прищуренными глазами и потом медленно кивнула. — Да, конечно, вы женщина-врач из форта. Теперь я сообразила, кто вы. Вы живете у Лулу Либерман. — Она оценивающе глянула на Пейдж и добавила: — Мое имя Абигайл Доналд.

Из-за занавески раздался безумный вопль.

Пейдж поспешила туда, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно, хотя она отнюдь не чувствовала себя уверенной.

— Клара? Как вы себя чувствуете, дорогая? Это Пейдж. Я приехала, чтобы помочь вам родить.

Поначалу она не услышала никакого отклика. Клара лежала на скомканных простынях, глаза закрыты, лицо страшно бледное и спокойное. Ее живот вздымался маленькой горой

под окровавленными простынями. Ее глаза медленно приоткрылись, и она посмотрела на Пейдж умоляющим взглядом.

— Пейдж... я помню, вы говорили... дети... многие женщины моего возраста...

Лицо Клары исказилось от нового приступа боли, и она не смогла закончить фразу. Ее голова начала метаться по пропотевшей подушке, когда боль усиливалась, и низкий гортанный стон, переходящий в агонизирующий вопль, заполнил комнату.

— Как часто повторяются схватки, миссис Доналд?

— Каждые четыре минуты. И это происходит уже более пятнадцати часов. Воды отошли уже давно, но у нее нет сил вытолкнуть плод. Ребенок лежит неправильно, поперек, и я не могу развернуть его. — Она похлопала Клару по руке. — Она не расслабляет свои мускулы настолько, чтобы я могла просунуть туда руку, бедняжка. Не может расслабиться — такая боль. Я несколько раз пыталась.

Миссис Доналд рассматривала Пейдж своими птичьими глазками.

— Простите меня, что я говорю вам об этом, но если вы настоящий врач, то где ваша медицинская сумка? Немного хлороформа, который применяет доктор Болдуин, и боль ослабнет. Тогда будет легче развернуть ребенка, и она сможет разродиться. Я видела, как доктор Болдуин пользуется хлороформом в подобных случаях.

На какое-то мгновение Пейдж испытала приступ паники. У нее не было ничего, чем она могла бы облегчить страдания Клары, она даже не может выяснить, жив или мертв ребенок. Она почувствовала себя плохо.

Повитуха наблюдала за ней. Пейдж не могла позволить себе, чтобы эта женщина поняла, насколько она беспомощна.

«Возьми себя в руки, доктор! — строго сказала она себе. — Все это смахивает на кошмар, но должно быть что-то, что ты можешь сделать. Придумай и осуществи!»

Ответ пришел неожиданно. У нее есть опыт, подумала Пейдж. У нее за плечами сотни успешных родов, она сильная, она обладает знаниями и желанием провести Клару и ребенка через это испытание. С инструментами или без них, она врач, и только это имеет сейчас значение.

Она отвела повитуху подальше от постели Клары, чтобы та ничего не слышала, и тихим уверенным голосом сказала:

— Уверю вас, миссис Доналд, что я принимала множество родов. Это моя профессия, та область медицины, с которой я лучше всего знакома. К несчастью, у меня нет ни инструментов, ни лекарств, поэтому мы должны воспользоваться нашими мозгами. — Ей было необходимо завоевать доверие этой женщины. — Мне потребуется ваша помощь. Я знаю, что вы очень опытная и что вы хотите, чтобы этот ребенок родился благополучно, не меньше, чем я.

Миссис Доналд ничего не ответила. Она посмотрела на Клару, потом снова на Пейдж и перевела взгляд на колыбельку в углу комнаты.

— Вы доверитесь мне? Поможете мне?

Пейдж смотрела в карие глаза этой женщины. Миссис Доналд казалась нерешительной, потом неуверенно кивнула.

— У меня ведь нет другого выхода.

— У нас у обеих нет выхода. Мы должны сделать все, чтобы ребенок родился, иначе мы потеряем их обоих.

Миссис Доналд снова кивнула.

— Вы правы. Давайте будем действовать.

Пейдж вздохнула с облегчением.

— Если вы присмотрите за ней, миссис Доналд, я вымою руки. У вас здесь, наверное, нет ничего дезинфицирующего?

— Сколько угодно! Карболка в коричневой бутылке на умывальнике. Доктор Болдуин снабжает меня.

При других обстоятельствах Пейдж улыбнулась бы. Опять Майлс и его карболка.

Пока она отмывала руки, запах карболки как-то успокоил ее, словно это Майлс вселял в нее уверенность.

Под умывальником лежала кипа поношенных, но выстиранных до белизны полотенец, она вытерла руки одним, другое повязала себе как передник. Она обратила внимание на то, что миссис Доналд отставила котелки с кипевшей водой, чтобы она немного остыла и можно было помыть Клару и ребенка. Повитуха явно отличалась чистотой и усердием, чему Пейдж была в высшей степени благодарна.

Затем Пейдж откинула простыню и осмотрела вагинальное отверстие. Миссис Доналд все сообщила ей правильно: ребенок находился в верхней части родового пути. К счастью, пуповина не порвалась и не было излишнего кровотечения.

Не имея даже стетоскопа, Пейдж не могла определить, жив ли ребенок.

«Будем считать, что жив», — вознесла молитву Пейдж. Она испытала знакомый прилив абсолютной уверенности, ощущение, озарявшее ее всякий раз, когда сталкивалась с трудными родами.

Она сделает все необходимое. Она применит каждую частицу своих знаний, своего опыта и интуиции. Она сделает все, чтобы ребенок родился благополучно.

Пейдж снова отвлекла повитуху от кровати и вполголоса объяснила ей, что она собирается предпринять, и попросила помогать ей во всем. Миссис Доналд, по всей видимости, была умной женщиной, настроенной скептически.

— Я никогда не слышала ни о чем подобном, но если есть шанс, что это оправдает себя, я буду помогать вам, — заверила она Пейдж.

Когда у Клары случился перерыв между схватками, Пейдж попыталась вывести ее из оцепенения, в котором та пребывала.

— Клара, слушайте меня. Проснитесь и слушайте. Мы хотим, чтобы ваш ребенок благополучно родился, но мне нужна ваша помощь.

Голос Пейдж, исполненный уверенности и энергии, которых она вовсе не испытывала, заставил Клару открыть глаза.

— Я хочу, чтобы вы самым внимательным образом выслушали меня и постарались проделать все, что я скажу, — внушала ей Пейдж. — Вашего ребенка нужно развернуть, прежде чем он сможет родиться, а для этого вы должны расслабить мускулы вашего родового канала. Вы можете проделать это, Клара, с помощью вашего разума и воли. Мы сможем действовать вместе? Вы попробуете?

Измученные глаза Клары наполнились слезами.

— Не могу, — прошептала она. — Слишком больно. Я так устала!

— Клара, я обещаю вам, что, если вы постараетесь сделать то, что я вам скажу, вам не будет так больно. И ваш ребенок нормально родится. Вы хотите здорового ребенка? Клара, вы ведь знаете, как Тео хочет этого ребенка? Сделайте ему подарок.

Конечно, это в какой-то мере походило на шантаж, но ничего другого Пейдж не могла

придумать, чтобы растормошить свою пациентку.

Губы Клары дрожали.

— Хорошо, я попробую, — прошептала она.

Пейдж много раз приходилось прибегать к гипнозу во время родов, но всегда этому предшествовали часы подготовки матери, по крайней мере пять сеансов, которые облегчали гипнотическое состояние во время фактических родов. Она понятия не имела, способна ли Клара собраться настолько, чтобы Пейдж смогла развернуть плод, но Пейдж мрачно пришла к выводу, что в настоящий момент у нее нет других возможностей.

Начались новые схватки, и Пейдж и повитуха массировали живот Клары и ее бедра, пытаясь облегчить боль. Миссис Доналд следовала указаниям Пейдж и быстро освоила новую технику массажа, которой Пейдж научилась у талантливой акушерки, с которой работала в двадцатом столетии.

В тот момент, когда боль утихла, Пейдж начала говорить тихим проникновенным голосом, жестом показав миссис Доналд, чтобы та продолжала массировать.

— Я хочу, чтобы вы закрыли глаза, Клара. Дышите глубже и направьте свою уверенность в свои зрачки. Заставьте их отдохнуть. Расслабьте каждый ваш мускул, чтобы ваши зрачки совершенно успокоились.

Она знала, как мало времени у нее остается до следующих схваток. Пейдж, естественно, хотелось ускорить процесс, но она заставила себя говорить медленно, убедительно, объясняя Кларе, на какую группу мышц она должна обратить внимание в этом продолжительном медленном путешествии, которое началось у нее в голове и продолжалось по всему телу.

Во время схваток Пейдж убеждала Клару расслабиться настолько это возможно, чтобы противостоять боли, и углубиться так глубоко, куда боль не может добраться.

Поначалу советы Пейдж не имели успеха. Клара корчилась и стонала, но постепенно ее судороги становились слабее, сначала незаметно, но потом все более явственно, и она начала дышать более ритмично.

Пейдж утратила всякое представление о времени, сконцентрировав все свое внимание на Кларе, повторяя ей все время свои уговоры.

Вошел Теодор, подбросил дров в печку и снова вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Где-то в прерии выли койоты. Начали щебетать птицы, и сквозь узкие окна хижины стал пробиваться рассвет, но в комнате время словно остановилось.

Каким-то чудом, но Клара оказалась превосходным объектом для гипноза. Когда Пейдж сочла, что Клара расслабилась настолько это возможно, она объяснила Кларе, что намерена повернуть ребенка, вновь и вновь напоминая ей, что она будет испытывать только давление, но не боль.

Для Пейдж было ужасно вводить свою руку во влагалище Клары без хирургических перчаток, но она изгнала из головы саму мысль об опасности заражения. Сейчас главное и единственное заключалось в том, чтобы развернуть ребенка так, чтобы он мог родиться.

Клара оставалась спокойной достаточно долго, чтобы Пейдж могла проделать все необходимое. С помощью миссис Доналд она повернула ребенка так, что головка его оказалась в родовом канале. В последний момент Клара потеряла контроль над собой, закричала и вся изогнулась в агонии, но все уже было позади.

Уже в ходе следующей родовой схватки Клара ощутила потребность вытолкнуть плод, и не прошло и получаса, как на свет появилась маленькая, испачканная кровью девочка.

Она была на удивление маленькой, с синеватой кожей. Она не дышала. Пейдж схватила

чистый кусок простыни, быстро вытерла рот ребенка и подняла девочку, похлопывая ее по ягодицам.

Давай, девочка... пожалуйста... дыши.

Никакого эффекта.

Знакомый ужас охватил Пейдж. Хватаясь за последний шанс, она прильнула ртом к маленькому личику и стала потихоньку вдвухать воздух в легкие девочки — один выдох, второй, после третьего девочка чмокнула, и ее легкие спазматически сократились. Она вздохнула раз, другой, потом заплакала, сначала слабенько, но с каждым вздохом она кричала все сильнее.

— Слава Богу! — прошептала миссис Доналд. Пейдж посмотрела на повитуху и увидела на ее лице отражение своего собственного страха, от которого побелели губы.

К их радости, девочка продолжала плакать, изгибаясь, издавая короткие сердитые вопли здорового новорожденного ребенка, и вскоре ее малюсенькие пальчики стали розовыми. Пейдж мысленно отмечала это появление краски, дыхание, напряжение мускулов.

— Вы знаете, я думаю, она будет прелестным ребенком, — пробормотала Пейдж.

Используя ножницы, имевшиеся у миссис Доналд, она обрезала пуповину и перевязала ее.

— Этот плач звучит как музыка! Вы только посмотрите на эту прелесть! — восклицала миссис Доналд.

Они с Пейдж улыбнулись друг другу, укладывая ребенка Клары на живот.

— Мои очки, — попросила Клара, баюкая свою доченьку. — Я хочу разглядеть ее.

— Она прелесть! Будет похожа на свою мамочку, — заверила Клару Пейдж, найдя очки и водрузив их на вздернутый носик матери.

Клара в полном изумлении разглядывала свою дочку.

— Вы должны благодарить леди доктора за этот маленький комочек, — сообщила Кларе миссис Доналд со свойственной ей прямоотой. — То, что она сделала, можно считать просто чудом. Никогда ничего подобного не видела.

Послед вышел вполне нормально, и Пейдж, убедившись, что Клара вне опасности, поспешила к двери. Миссис Доналд, умная и проворная, уже убрала все окровавленные простыни, обмыла и запеленала девочку, завернула ее в мягкое одеяло и положила на руки Кларе.

— Тео, — позвала Пейдж, и голос ее звенел от радости, — идите сюда и полюбуйтесь своей дочерью.

Он стоял, прислонившись к стене срубленного им амбара, уронив голову на грудь и сжав кулаки.

Услышав голос Пейдж, он вздернул голову и побежал к ней — его обветренное лицо осветилось надеждой и страхом.

— Как Клара? — выдохнул он. — Она?...

— Она прекрасно себя чувствует, а у вас теперь замечательная дочка. Идите и поздоровайтесь с ней.

Пейдж не могла сдержать широкую улыбку. Она глубоко вдохнула свежий утренний воздух, подумав, как давно она не дышала так глубоко и спокойно. Пейдж удивилась, обнаружив, что солнце уже поднялось над горизонтом, воздух прогрелся, обещая жаркий день.

Тео торопливо снял башмаки и в одних носках осторожно подошел к кровати, словно не

был уверен, что его там ожидает. Потом он увидел Клару, блаженную улыбку на ее утомленном лице, которая баюкала девочку.

— Смотри, Тео! Ты только посмотри, какая у нас прелестная дочка, — прошептала она, и лицо этого большого мужчины сморщилось. Его тело сотряслось от рыданий, и слезы покатались по его лицу. Не в силах выговорить ни слова, он опустился на колени и обнял свою семью.

Клира погладила его по голове, но глаза ее были прикованы к Пейдж.

— Я благословляю тот день, Пейдж Рандольф, когда мы встретили вас в открытой прерии, — сказала она дрожащим голосом. — Мы назовем ее Элли, как мать Тео, но второе ее имя будет Рандольф, в вашу честь, доктор Пейдж, если вы не возражаете. Она будет Элли Рандольф Флетчер.

— Я польщена, но она может возненавидеть такое имя, — отозвалась Пейдж, не в силах сдержать радостную улыбку.

Они с миссис Доналд оставили маленькую семью и опустили занавеску, чтобы дать возможность Кларе и Тео побыть наедине.

Миссис Доналд налила в кувшин чистой воды.

— Вы умывайтесь первой, — предложила она. Горячая вода была приятна лицу Пейдж. Она опустошила кувшин и передала его миссис Доналд.

Повитуха сняла очки, умылась и потом предложила:

— Давайте приготовим новой матери чай, как вы считаете, дорогая?

Пейдж услышала ласковую нотку в ее голосе и обрадовалась. Ей было лестно, что повитуха признала ее.

— Я с удовольствием выпью чашку чая и уверена, что вы тоже, — заметила миссис Доналд. — А может быть, и позавтракаем, как вы к этому относитесь?

Она начала суетиться в Клариной ослепительно чистой кухне, доставая бекон, свежий хлеб, овсянку с такой легкостью, словно сама их туда укладывала.

Усталость одолела Пейдж. Она пыталась помогать, резала хлеб для гренок, наливала воду в большой коричневый чайник, но руки ее дрожали. Она восхищалась энергией миссис Доналд.

Они внесли поднос в комнату, но Тео стал уверять, что он не голоден.

— У меня много работы по дому, — пробормотал он, надевая ботинки и выходя за дверь. Было ясно, что ему нужно успокоиться, вдали от женщин.

Клара, умытая, в свежей ночной рубашке, немного поела и задремала.

Новорожденную, завернутую в пеленки домашней выработки, которые Клара заготовила, уложили в колыбельку и поставили около кровати. Яркий солнечный свет пробивался сквозь тюлевые занавески на окне, в комнате воцарился покой, когда Пейдж и миссис Доналд сели наконец завтракать.

Несколько минут они ели молча. Когда Пейдж проглотила первую ложку овсяной каши со свежими и густыми сливками, она поняла, насколько была голодна. К тому моменту, когда она перешла к яичнице с беконом и гренок, она почувствовала себя ожившей, и обе женщины принялись болтать о детях и беременности, о трудных родах, найдя общую тему для разговора.

— Вы знаете, доктор, — сказала миссис Доналд спустя некоторое время, — Лулу Либерман распускает по городу о вас грязные сплетни. Поверьте мне, уж я выскажу ей кое-что, как только встречу. Она завистливая баба, уж такая она есть. Я всегда замечала, она

заигрывает с мужчинами.

— Спасибо за поддержку, — сказала Пейдж.

Это было прекрасно — обрести союзника. Миссис Доналд налила им еще по чашке крепкого чая и они, откинувшись на спинки стульев, потягивали горячую жидкость.

Потом миссис Доналд склонила голову набок и бросила на Пейдж долгий оценивающий взгляд.

— Вы мне не расскажете, дорогая, как вы стали врачом? — Она дотянулась через стол и похлопала Пейдж по руке. — Я понимаю, я похожа на женщину, которая всюду сует свой нос, но у меня есть причина задавать вам этот вопрос. Понимаете, я только однажды слышала о женщине-враче. Моя сестра Лиззи живет в Торонто, и у нее кое-какие женские неприятности. Она услышала про эту женщину-врача Эмили Стоув. Она обратилась к ней, и та ее вылечила. Но это единственная женщина-врач, о которой я слышала, пока здесь не появились вы.

Пейдж подумала о том, как бы ей лучше ответить. Миссис Доналд, это было видно, приняла ее, и это было очень важно для Пейдж.

Повитуха была настроена дружески, а Пейдж, один Бог знает как, нуждалась в друге. Она решила не повторять неправдоподобную историю о том, как она здесь оказалась. Она ограничится рассказом о том, почему стала врачом.

— Я вышла замуж еще совсем молодой. Мой муж был студент-медик, и я начала интересоваться медициной. Когда мой ребенок умер при родах, я решила изучать медицину и стать специалистом по родам.

— А где теперь ваш муж, дорогая?

— Мы развелись.

Миссис Доналд покачала головой и поцокала языком.

— Я так думаю, что он не мог согласиться иметь жену — «синий чулок», ученую женщину.

Пейдж уклончиво улыбнулась и отхлебнула чаю. На самом деле Ник Моррисон вообще не хотел иметь жену — «синий чулок» она или нет.

— Да, так бывает с некоторыми мужчинами, — заметила миссис Доналд. — Мой муж отправился искать золото двенадцать лет назад, и я с тех пор ничего о нем не знаю.

— Это, должно быть, тяжело для вас. У вас есть дети?

Миссис Доналд покачала головой.

— Нет, не было, хотя очень хотела. Наверное поэтому я стала принимать роды других детей. Кстати, о детях. — Она встала, чтобы посмотреть на Клару и ребенка, потом вернулась за стол. — Вы собираетесь заниматься медицинской практикой здесь, в Баттлфорде, мисс Рандольф?

Вопрос был задан как бы между прочим, но Пейдж почувствовала все его значение. Миссис Доналд зарабатывала себе на жизнь акушерством — вполне понятно, что она заинтересована в том, чтобы в Баттлфорде была женщина-врач, специалист по родам.

Эти мысли быстро пронесли в голове Пейдж, но, когда она открыла рот, чтобы ответить, собственная смелость поразила ее.

— Да, собираюсь. Я хочу заниматься женскими болезнями. Я хочу открыть свой врачебный кабинет, и, если мне это удастся, я хотела бы знать, не согласитесь ли вы работать со мной, миссис Доналд?

Святой Боже, о чем она думает? У нее нет ни денег, ни инструментов, а с будущей

пятницы ей и жить-то будет негде, а она нанимает помощницу для врачебной практики, которой у нее тоже нет. Этот проклятый круг в пшенице не только перебросил ее в другое время, но и повлиял на ее мозги.

Миссис Доналд поначалу выглядела ошарашенной. Потом она склонила голову набок и посмотрела на Пейдж долгим оценивающим взглядом.

— Я не могу сразу ответить вам, — медленно произнесла она, — я должна обдумать. Но вы очень добры ко мне, мисс Рандольф.

— Пожалуйста, называйте меня Пейдж. И доброта здесь не при чем. — Она показала жестом на занавеску, за которой спали Клара и ребенок. — Без вас я не справилась бы. На меня очень сильное впечатление произвели ваши знания и умение.

Морщинистые щеки повитухи зарделись от удовольствия.

— Меня многому научил доктор Болдуин, работающий в форте, — скромно отозвалась она. — Вы ведь его знаете?

— Мы работали вместе. Он хороший врач и отличный хирург.

Миссис Доналд удивила Пейдж, озорно подмигнув ей.

— Он хорошо сложенный мужчина. Если бы я была помоложе, то сказала бы, что он в любое время может скинуть свои ботинки у моей постели.

Пейдж ухмыльнулась и почувствовала, что покраснела. Она должна была признать, что и сама допускала сладострастные мысли о Майлсе Болдуине.

Смех миссис Доналд звучал молодо и приятно.

— Я вижу, что у вас такие же мысли. Что сказать, дорогая, если бы я имела вашу внешность, я бы не только думала, а постаралась бы женить на себе доктора Болдуина. — Она налила им обоим еще чая. — Меня зовут Абигайл. Вы не будете против, если я буду называть вас доктор Пейдж?

— Лучше просто Пейдж.

Следующий час они провели за уборкой, грели воду, потом отстирывали простыни и развешивали их на солнце, собрали на огороде у Клары морковь, репу и картошку и сварили хороший суп. Абигайл решила оставаться у Флетчеров до тех пор, пока Клара не окрепнет. Тео предложил Пейдж отвезти ее обратно в город после ланча.

Настал уже полдень, когда отчаянный лай пса известил о приезде всадника.

Пейдж выглянула в окно как раз в тот момент, когда Майлс спрыгнул со своего жеребца.

Тео поспешил ему навстречу, они о чем-то поговорили, потом Майлс улыбнулся и пожал Тео руку, видимо, поздравляя его с рождением дочери.

Через несколько минут они вошли в комнату. Высокие ботинки Майлса и коричневые бриджи были запылены, а около рта и глаз залегли морщины усталости. Однако он улыбался, а от его высокой фигуры небольшая хижина стала казаться еще меньше.

— Добрый день, дамы. — Он снял свою широкополую шляпу и отвесил им вежливый поклон. — Тео рассказал мне, что вы отлично справились с родами. Примите мои поздравления.

Его слова были обращены к ним обоим, но его серые глаза смотрели на Пейдж, и в них виделись уважение и восхищение.

В его глазах читался намек еще на что-то, и она почувствовала, как вспыхнула под его внимательным взглядом.

За те недели, что они работали вместе, между ними возникло какое-то

взаимопонимание двух врачей, старавшихся спасти жизнь и здоровье их пациентов.

Однако в этот момент, в маленькой хижине Флетчеров, Пейдж неожиданно для себя поняла, что то, что она чувствует к Майлсу Болдуину, не просто товарищеское отношение одного врача к другому.

Ее сердце застучало, кровь забурлила в венах. У нее перехватило дыхание, и она не могла отвести от него глаз.

Не могла же она влюбиться в Майлса Болдуина?!

Сиденье двуколки оказалось таким тесным, что Пейдж ощущала, как сильное бедро Майлса прижимается к ее бедру. Довольно часто одно из высоких колес двуколки попадало в выбоины, она накренялась то на один бок, то на другой, и контакт между двумя седоками становился еще теснее.

Когда Майлс предложил отвезти Пейдж обратно в Баттлфорд, Тео настоял на том, чтобы они воспользовались его двуколкой.

Вот так и получилось, что она и Майлс трясутся по неровной прерии в маленькой неудобной двуколке с брезентовым мешком в ногах, в который Абигайл Доналд насовала обильный ланч.

Жеребец Майлса Майор бежал рядом с двуколкой, и Пейдж не могла избавиться от ощущения, будто породистое животное поглядывает на своего хозяина с презрением, что он едет в таком непрезентабельном средстве передвижения.

В кармане юбки Пейдж лежала десятидолларовая бумажка, которую Тео насильно заставил ее взять в качестве гонорара за принятие родов. Пейдж пыталась отказываться, но было ясно, что для Тео это вопрос чести — заплатить ей, и в конце концов она из вежливости взяла деньги.

Когда они отъехали от хижины, Майлс захотел узнать подробности о том, как рожала Клара. Пейдж, усталая и довольная, рассказала ему, что применила гипноз.

Брови Майлса взметнулись вверх, и он повернул голову, чтобы удивленно посмотреть на нее.

— Я слышал о месмеризме, — сказал он. — В одном медицинском журнале я читал о профессоре неврологии в Париже. Шарко его фамилия. Он использовал месмеризм для лечения истерии. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то использовал эту технику при родах.

— О, в мое время это обычное дело, — объяснила Пейдж. — Мы используем при родах и наркотические средства, но гипноз никак не влияет на организм, и я считаю это замечательным. Когда какая-либо из моих пациенток выражает интерес к гипнозу, я охотно прибегаю к нему. Обычно это требует больших приготовлений, чем имела Клара, мне просто повезло, что она оказалась такой восприимчивой.

Пейдж стала рассказывать ему об ультразвуке, о фиксации на мониторе положения зародыша и об использовании тихой музыки и приглушенного света в некоторых родильных домах. Она поведала ему о различных трудных родах, которые ей доводилось принимать еще там, в том времени, подробно описав операцию кесарева сечения и ужасную смерть ребенка Дэйва и Лиз Джексон. Казалось, это произошло так давно, и, к ее удивлению, она могла говорить об этом, не возрождая в памяти тошноту и чувство вины, которые она тогда испытывала.

Беда заключалась в том, что она не могла остановиться. Она сообщила ему краткую историю главных медицинских открытий с 1883 года и до конца девятисотых годов, начиная с открытия рентгеновских лучей и кончая трансплантацией органов, генетической инженерией, операциями с помощью лазера.

— Хирурги начинают оперировать зародыш задолго до того, как он созревает для рождения, когда он еще в утробе матери. Это еще в стадии экспериментов, но в ряде случаев им удается удалить опухоль из тела еще нерожденного ребенка, которая должна убить его

раньше, чем он родится. Ребенок остается в утробе матери — он отчасти там, когда ему делают операцию. Потом его возвращают туда и, если повезет, есть шанс, чтобы ребенок вырос до нормальной величины до родов.

За все время этого монолога Пейдж Майлс не вымолвил ни слова. Она знала, что он слушает ее в высшей степени внимательно, судя по тому, как он небрежно управлял лошадью.

— Пейдж, пожалуйста, опишите мне точно каждый шаг в этой операции кесарева сечения, о которой вы упоминали, — попросил он.

Пейдж выполнила его просьбу, мысленно представляя себе, что она снова проделывает эту операцию, описывая каждую самую мелкую ее деталь, рассказывая о современной операционной, о ее запахах, звуках, о диагнозе для кесарева сечения.

Она рассказывала ему, как готовила мать, почему предпочла одного анестезиолога другому, о нянечках, с которыми любила работать, как готовились инструменты.

На какие-то минуты она опять мысленно была там, в знакомой обстановке больницы 1990-х годов, занимаясь тем делом, которое знала лучше всего на свете. Она описала ему все в мельчайших деталях, даже добавив описание техники наложения швов, к которым она прибегла, и особую заботу о ребенке со стороны специалистов.

Все это заняло довольно много времени, и, когда она закончила свой рассказ, слышались только цоканье лошадиных копыт и скрип колес двуколки. Доносились также непрерывное жужжание и чириканье, мелодия кузнечиков, шуршание полевых мышей и птиц, окружающих их в этой необъятной прерии.

Пейдж огляделась вокруг, словно проснувшись. День стоял жаркий, воздух недвижим, небо синим навесом раскинулось от горизонта до горизонта, и только несколько пушистых белых облаков плыли по небу к западу. Кругом виднелись холмы и разбросанные купы деревьев, весь этот мир, нетронутый цивилизацией.

Ни самолетов, ни линий электропередач, ни автомобильных дорог.

Она напомнила себе, что это год 1883-й и еще даже не изобретен пенициллин. Условия, которые она описывала Майлсу, были для нее потеряны, вероятно, навсегда.

То, что она не выпалась, напряжение при родах девочки Клары, все трудности ее нынешней ситуации неожиданно обрушились на нее, и она начала плакать.

— Пейдж, дорогая, в чем дело?

Заботливый голос Майлса, его нежные слова заставили ее заплакать еще горше.

Проклятье, у нее нет носового платка! Она вытирала глаза тыльной стороной ладоней, всхлипывая, пытаясь удержать рыдания, которые начинались как будто от пяток высоких ботинок, которые она в конце концов купила.

Майлс остановил лошадь и полез в карман, достав оттуда белоснежный кусок льняной ткани. Он не дал ей этот платок, вместо этого он повернулся на узком сиденье и стал нежно вытирать ее глаза и щеки, пока поток слез наконец иссяк.

Потом он сунул носовой платок ей в руку.

— А теперь высморкайте свой носик и расскажите мне, что вызвало ваши слезы, — сказал он.

Она вся расцвела и сказала:

— Я... я только что осознала, насколько изменилась моя жизнь и как многое я раньше принимала как должное. Еще не так давно у меня были деньги, я была хорошим специалистом в своей области, у меня была собственная клиника и небольшое состояние в

виде оборудования. — Она проглотила слюну. — А вчера, с Кларой, я должна была принимать роды даже без стетоскопа. Это чистая удача, что все удалось, потому что, если бы дело пошло плохо, у меня не было ничего, что могло бы помочь — ни зажимов, ни анестезии, ничего, что могло бы остановить у Клары кровотечение. Я была до смерти перепугана.

Она порывисто вздохнула, пытаясь остановить новый поток слез, который угрожал пролиться.

— Там, в моем времени, у меня была прелестная квартира с видом на Английскую бухту. А здесь, в Баттлфорде, к концу этой недели у меня не будет даже места, где жить. Лулу Либерман довела меня своими сплетнями.

Майлс напрягся.

— Каким это образом?

Пейдж ощутила истерический позыв захихикать.

— Благодаря сплетням Лулу я полагаю, что местные жительницы считают меня проституткой. По всей вероятности, она намекала, что именно этим я занималась во время эпидемии лихорадки. Бог мой, я должна была подумать о таком варианте, прикинуть, сколько денег я могла бы заработать за эти недели. А я заработала только руки, потрескавшиеся от вашей противной карболки.

Майлса раздирали два желания — расхохотаться от ее гневных слов или стукнуть ее как следует за предположение, что ее можно рассматривать как проститутку.

Его смутило воспоминание о том, что он поначалу именно так подумал о ней.

Самое умное, подумал он, будет сменить предмет разговора, и побыстрее, пока Пейдж не вспомнила те первые разговоры, которые у них были, и не припомнила их ему.

— Вы устали и, наверное, голодны, — сказал он. — Абигайл снабдила нас вполне хорошим обедом. — Он скосил глаза на окружающий пейзаж. — Вон там купа ив, давайте доедем туда и там поедем.

Он цыкнул на лошадь, и двуколка покатила к слабой тени.

Майлс привязал лошадей, а Пейдж разложила на сиденье двуколки еду на чистой салфетке, в которую та была завернута.

Там были толстые ломти домашнего хлеба, намазанного маслом, которое Клара сбила до того, как у нее начались схватки. Там лежали куски жареной солонины и маринованный ревень, который едят с хлебом. У Майлса во фляжке была вода, и, кроме того, имелась бутылка жирного молока, все еще холодного, и два добрых куска яблочного пирога, который испекла миссис Доналд и подала на ланч.

Майлс был голоден, и некоторое время они молча жевали. Потом Пейдж устроилась в тени на дне двуколки, а Майлс уселся рядом.

— Вы были правы, я умирала с голоду. Все очень вкусно, — со вздохом сказала Пейдж, дотянувшись до еще одного ломтя хлеба и положив на него кусок свинины и маринад. Она случайно подтянула юбку почти до колен, и стали видны ее красивые изящные ноги в фильдеперсовых чулках.

— Вы знаете, — продолжала она, — в тот первый день, когда Роб нашел меня, мы остановились на ланч, и Клара достала все, что у нее было. Я привыкла к совершенно иной пище и не оценила того, что она предложила.

— Там, откуда вы, и пища другая?

У Майлса любопытство смешивалось с двойственным отношением к ее другому миру.

Она кивнула.

— Да, конечно. Мы едим мясо, уже приготовленное для ланча, тонко нарезанные ломтики индейки, так что там только белое мясо. Запиваем содовой водой из банок.

Она описала все как могла лучше и потом на мгновение задумалась.

— Есть еще шипучие напитки, обеды из замороженных полуфабрикатов, быстрорастворимый кофе и пакеты с мороженым. — Она замолчала, жуя хлеб. — Иногда мне так хочется шоколадного мороженого, как ничего больше. Ну почти ничего.

Майлс слушал ее рассказы о ее другом мире, и в нем медленно нарастало странное чувство, в котором смешивались злость и негодование и что-то еще, что он поначалу не мог определить — до сих пор ему не приходилось испытывать чувство ревности.

Он не мог сказать, верит ли он всему, о чем она рассказывает: слишком уж фантастическими казались некоторые вещи.

Но он не мог ей не верить, он не представлял, чтобы кто-нибудь, как бы он ни был выведен из нормального состояния или как могло разыгаться его воображение, мог придумать такие невероятные вещи, о которых со знанием дела рассказывала Пейдж.

Он знал только одно — что сейчас не хочет ничего больше о них слышать. Ему хотелось, чтобы она вместо этого оглянулась вокруг и увидела прекрасную широкую прерию, синее небо, осеннее величие этой дикой и открытой земли.

Он хотел, чтобы она посмотрела на него, немедленно, чтобы сознание ее не было занято волшебными картинками какого-то иного времени и места, которые вызывают тоскующее выражение на ее милом лице.

Они закончили свою трапезу, попив воды из фляги Майлса. Как и перед едой, Пейдж полила себе немного воды на руки, сполоснула лицо, смыв серебристые следы высохших слез, потом вытерлась подолом своей юбки.

Она сняла соломенную шляпу, которую взяла по настоянию Клары, нашла в маленькой сумке подаренную им щетку для волос и постаралась привести в божеский вид свои непокорные, черные как смоль кудри. Они поблескивали на солнце, и, как только она проводила по ним щеткой, тут же вставали дыбом, словно жили своей упрямой жизнью.

Майлс испытал почти непреодолимое желание дотянуться и погладить эти кудри, ощутить их плотность, зарыться в них носом и навсегда запомнить запах духов, который уловили его ноздри, когда она сидела рядом с ним в двуколке.

Майлс наблюдал за ее возбуждением и вдруг осознал, что они здесь вдвоем, никого больше.

Ее щеки и нос, несмотря на шляпу, загорели и оказались усыпаны веснушками. Ее длинное гибкое тело под длинной темной юбкой и блузкой, украшенной узором, было стройным — естественно стройным, без помощи корсета. Он давно уже заметил, что она не носит искусственные подпорки, как большинство женщин. Это был смелый и чувственный жест — позволить своему телу оставаться под одеждой без всякого сдерживания.

Майлс припомнил красные шелковые кусочки одежды, которые были на ней, когда ее нашел Камерон. Он подумал, что с ними случилось.

Пейдж подняла руки, чтобы поправить на голове широкополую шляпу. Ее округлые груди натянули ткань блузки, и она неожиданно ощутила на себе его взгляд.

Она замерла, все еще с поднятыми руками, в ее зеленых глазах мелькнул испуг. Потом его руки оказались на ее плечах, притягивая ее к себе. Он почувствовал теплоту ее кожи под

толстой материей блузки.

— Пейдж, иди ко мне... — раздался его приглушенный шепот.

Она стала ловить ртом воздух, когда его руки скользнули по ее спине, прижимая к себе. Она вздернула голову, чтобы увидеть его глаза. В этих глазах она прочитала вопрос и вызов. Ее шляпа упала, а ее руки обняли его.

Он отыскивал ее рот, полные, мягкие, чувственные губы коснулись его губ, и, преодолевая все запреты, он поцеловал ее, исследуя, пробуя, сжимая, раздвигая ее губы своим языком, давая ей понять губами, языком, зубами всю силу его желания.

На каждую новую ласку она отвечала такой же.

Его руки гладили ее спину, потом соскользнули к ягодицам, он содрогнулся от ощущения ее тела, свободного и мягкого под его касаниями.

Они снова и снова целовали друг друга, и его тело, твердое, как скала, жаждущее ее, прижималось к ней. Он притянул ее еще ближе, раздвинул слегка свои ноги, завлекая ее в это пространство.

Она застонала, и ее бедра задвигались в том ритме, который он предложил.

Он ласкал ее, его ладони горели от прикосновения к ее обнаженной плоти, безостановочно двигались от ее бедер к грудям, ощущая их мягкую теплоту, его пальцы касались ее затвердевших сосков.

Это было так давно, так давно с тех пор, когда он разрешил себе переспать с женщиной, — и даже тогда это была женщина, которую он купил, которой заплатил.

Он был гораздо более одинок, чем готов был сам признать. Он хотел эту женщину, он хотел ее с той первой ночи, когда она надела его ночную рубашку и поносила его за то, что он запер ее. Но многолетняя привычка, с трудом обретенный покой, который ему удалось завоевать благодаря тому, что он замкнул свои чувства на ключ и выбросил этот ключ, слишком глубоко укоренились в нем, чтобы преодолеть его просто поцелуем.

По какому-то молчаливому одновременному согласию они оторвались друг от друга, громко дыша в окружающей их тишине.

Он все еще держал ее, его руки слегка касались ее талии, а ее пальцы лежали на его груди. Он видел, как бьется пульс у нее на шее, ощущал ладонями, с какой силой стучит ее сердце, заставляя дрожать все тело.

— Я извиняюсь, Пейдж, — произнес он, когда обрел голос. — Это была не лучшая идея.

Она отодвинулась от него, в ее зеленых глазах промелькнула настороженность.

— Да? А почему? Мне было чертовски приятно.

Ему было не просто приятно, но он должен был ей как-то объяснить, найти извинение, которое поможет ей сохранить достоинство. Это оказалось довольно трудно, когда все, чего он хотел, так это бросить ее на траву и сорвать с нее эти рейтузы...

— Потому что на этом дело не кончится, Пейдж. Не может кончиться. Для меня сегодня только начало...

Ее губы искривились и выглядели израненными, и он провел по ним дрожащим пальцем, убеждаясь в их влажности, теплоте. Он напрягал свои мозги в поисках разумного объяснения.

— Меньше всего я хочу, чтобы у вас в Баттлфорде возникли новые трудности, — сказал он. — Вы сейчас должны убедить город и всех сплетниц, что вы талантливый врач. Для этого вы должны оберегать свою репутацию. В таком маленьком городке секретов не бывает, и если вы станете моей любовницей, это навсегда погубит вашу репутацию.

Она теперь уже совсем отодвинулась от него. Она поправляла одежду, не глядя на него.

— Вы, конечно, правы. — Голос ее звучал почти легкомысленно. — Кроме того, меньше всего я хочу оказаться эмоционально связанной здесь с кем-то. В этой эпохе, я имею в виду. Я должна найти путь обратно, рано или поздно. Вернуться в мою жизнь, в мое время.

Ее слова ударили его сильнее, чем он мог вообразить. Чтобы она с такой легкостью отбросила его, как будто... как будто та ее проклятая иная жизнь реальна, а то, что происходит здесь и сейчас, не более чем фантазия.

Он запряг лошадь в двуколку и, не говоря ни слова, помог ей сесть на сиденье. Остаток дороги они проделали в полном молчании, каждый старался не коснуться другого.

Вернувшись в тот вечер в форт, Майлс не мог заснуть. Все его чувства были в смятении. воспоминание о том поцелуе сжигало, как лихорадка. Проклиная свою слабость, он в конце концов встал и зажег свечу на своем письменном столе.

Он сочинил срочную телеграмму в Торонто в знакомую ему торговую фирму, занимающуюся продажей медицинских инструментов, с просьбой прислать ему как можно скорее полный набор, включив туда самые современные французские зажимы, и новейшие стетоскопы, и большой запас лекарств.

На следующий день рано утром он проследил, чтобы телеграмма ушла. Весь день он сочинял длинный отчет в штаб Северо-Западной Конной полиции, перечисляя больных полицейских и хворых жителей Баттлфорда.

Один из этих гражданских лиц, приезжий из Онтарио, Джимми Джиллеспи, мужчина средних лет, переведенный в Баттлфорд счетоводом в магазине Компании Гудзонова залива, явился днем в кабинет Майлса, бледный, как бумага, опираясь на самодельный костыль. Его правая нога распухла, стала вдвое толще другой.

— Добрый день, док. Со мной произошел сегодня несчастный случай. Один из клерков уронил бочонок с черной патокой мне на ногу. Неуклюжий молодой олух!

У него перекошилось лицо, когда Майлс снимал у него с ноги окровавленную повязку.

Нога оказалась переломанной в нескольких местах, на подъеме виднелась глубокая рана, на которую нужно было накладывать швы.

Сделав все, что возможно, Майлс перевязал ногу бинтом, смоченным в карболке, и сказал:

— Вы должны не снимать эту повязку несколько недель, мистер Джиллеспи, чтобы все зажило.

У пострадавшего вспотел лоб, и он кивнул.

— Не одно, так другое, — вздохнул он. — Моя жена болеет с тех пор, как мы переехали сюда. Я ухаживал за ней, а теперь вот такая история.

— А что с вашей женой?

Майлс твердо знал, что миссис Джиллеспи с ним не консультировалась.

Джимми пожал плечами.

— Разные женские неприятности. Она считает, что это от нервов, но меня это волнует. Она не из тех, кто бездельничает, моя Элен. Я ей говорил, чтобы она пришла сюда к вам, но она и слышать не хочет. Заявляет, что не может говорить о таких вещах с посторонним мужчиной. Она всегда была застенчивой девушкой. Может, она и смогла бы пересилить себя, если бы у нас были дети, но их нам Бог не послал.

— В городе живет новая женщина-врач, — медленно произнес Майлс. — Ее зовут

доктор Рандольф. Я могу лично поручиться за ее компетентность как врача. Возможно, вашей жене будет легче разговаривать с женщиной-врачом?

Джиллеспи мгновение думал, потом его узкое лицо просветлело.

— Может, вы и правы, док. Где ее найти, эту леди врача?

— В настоящее время она живет в меблированных комнатах миссис Либерман, но останется она там день или два. Она ищет, где бы снять помещение, чтобы там можно было вести врачебный прием. Вы ничего подходящего не знаете?

Джиллеспи подумал.

— Есть один дом на холме, в нем жила мать управляющего нашим магазином. Во время наводнения восемьдесят второго года ее дом рухнул, и Уокер построил ей новый, подальше от реки. Но дом не очень большой. И он не совсем в городе. Старая леди прожила в нем всего шесть месяцев и померла. Он еще не сдавал дом, там полно ее вещей. Уокер сказал, что мы с женой можем арендовать его, если хотим. Мы посмотрели его, когда приехали, но мы привезли с собой всю нашу мебель, и, кроме того, Элен не захотела жить вне города. Уокер холостяк, он тоже не хочет жить там. У него есть маленький домик, который ему построила Компания, рядом с магазином, и это его вполне устраивает.

— Я уверен, что доктор Рандольф будет хорошим жильцом. У нее нет никакой своей мебели, так что она будет рада снять дом с обстановкой.

— Я спрошу его, док, немедленно. Надо возвращаться в магазин и покончить с бухгалтерией за день. Сколько я вам должен? — Джиллеспи с трудом поднялся, осторожно опираясь на свой костыль, и полез в карман за бумажником. — Это счастье, что у меня сидячая работа. Хорошенькое было бы дельце, если бы я потерял работу из-за бочонка с патокой.

— Вы ничего не должны, мистер Джиллеспи. Задача Конной полиции обслуживать здешних жителей.

— Спасибо, док, очень вам обязан.

«А я тебе, — подумал Майлс, когда тот удалился со своим костылем. — Это может решить проблему с жильем для Пейдж».

Быть может, он сегодня сможет заснуть, понадеялся Майлс, понимая, что сделал для нее все, что мог.

Какого черта, почему он чувствует ответственность за эту женщину?!

Как это бывало уже не раз, живая память об их поцелуе вспыхнула в его мозгу. С его стороны было слишком поспешно и глупо позволить себе поддаться сексуальному влечению к Пейдж Рандольф.

Он уверял себя, что это просто нормальное сексуальное влечение здорового мужчины к красивой женщине.

Ничего больше не было. Откуда могло быть что-нибудь еще? Если не считать их общих интересов в области медицины, у них нет ничего общего.

Ладно, он сделал все, чтобы загладить вину за этот поцелуй, и теперь может вернуться к нормальной жизни. Он напишет ей записку, в которой сообщит о доме, упомянет, что миссис Джиллеспи может стать ее пациенткой, а потом выбросит ее из головы.

Он сидел за письменным столом с пером в руке, написал одну записку, порвал ее, потом другую и тоже порвал.

Конверт был запечатан воском, бумага плотная. В верхнем левом углу герб Северо-

Западной Конной полиции и под ним печать с именем доктора Майлса Болдуина.

Шикарно. Пейдж рассматривала письмо, загнипнотизированная четкими буквами, которыми выведена ее фамилия черными чернилами, ничем не напоминающими шариковую ручку.

— Мне ждать ответа, мисс?

Мальчик, принесший письмо, стоял у задней двери дома миссис Либерман, переминаясь с ноги на ногу.

— Подожди минутку, я прочту.

Она разорвала конверт. «Мисс Рандольф», — начиналась записка. Она разозлилась. Боже милостивый, этот человек невозможен! Какого дьявола, как он может обращаться к ней как к мисс Рандольф, после того как целовал ее до потери сознания?

Она сердито фыркнула и стала читать: «Я случайно узнал, что управляющий магазином Компании Гудзонова залива мистер Уокер владеет маленьким домом, который он с удовольствием сдаст Вам. Кроме того, жена его счетовода, миссис Джиллеспи, будет, вероятно, советоваться с Вами по поводу женских болезней. Думаю, что Вам это подойдет. Имею честь, уважающий Вас Майлс Болдуин, главный врач».

Она перечитала скупые формальные слова, и лицо ее расплылось в улыбке.

Он, конечно, самый чопорный мужчина, какого она когда-либо встречала, несмотря на его поразительное умение целоваться, и из этой карикатуры на дружеское письмо очевидно, что он заботится о ее благополучии. Он пытается найти ей жилье и подсовывает пациентку.

Сердце ее потеплело, она испытывала благодарность, и облегчение, и нежность к этому сложному мужчине, написавшему эту записку... и отчаянное желание видеть того страстного мужчину, который целовал ее.

О Майлс, спасибо тебе!

— Ответа не будет, — сказала она мальчику, и он побежал восвояси.

Пейдж взлетела по лестнице, завязала волосы и схватила свою сумочку. Через минуту она уже торопливо шла по улице, направляясь к магазину Компании Гудзонова залива.

Днем Чарли Уокер, управляющий магазином, повел Пейдж смотреть дом его матери. Дом стоял на высоком плато между двумя реками, которые сливались в Баттлфорде. Он располагался за городом, но достаточно близко, так что у Пейдж не будет проблем с хождением в город за покупками.

Дом был одноэтажный и длинный. Перед домом был портик, дальше холл, по одну сторону которого была маленькая гостиная, по другую — большая гостиная. В глубине находились кухня и две небольшие спальни.

Пейдж оглядела портик и большую гостиную с точки зрения, можно ли здесь устроить приемную и кабинет для осмотра больных. Больше трех человек здесь не поместятся, но какого черта! Будет большим везением, если к ней придут одновременно три пациентки, подумала она с горьким юмором.

— Во всех окнах вставлены стекла, как видите, это хороший дом, я сам его строил, — с гордостью заявил мистер Уокер.

Пейдж уже знала, что стекло в Баттлфорд привозить сложно, и поэтому в большинстве домов в оконных проемах висит материя, которая пропускает немного света, но не уберегает от холода. Окна, которыми так гордился Уокер, были не больше квадратного фута. Пейдж подумала о своей квартире, где вся стена представляет собой одно гигантское окно, и чуть не заплакала.

— Вам ничего не надо привозить, вся мебель имеется, — похвастался Уокер.

В доме было безумно тесно, он был так забит всевозможными безделушками, мебелью и просто всяким хламом, что трудно было перебираться из комнаты в комнату. Все доступные плоскости были покрыты вышивками или вязанием, на спинках всех диванов и стульев висели шерстяные пледы, выдержанные в синих, серых и коричневых тонах.

— Мама всегда была чем-то занята, — объяснил Уокер. — Каким-нибудь рукоделием.

Пейдж кивнула. Отсюда придется вынести горы барахла. Ей придется также научиться зажигать масляные лампы и следить за ними.

О Боже, как тут не вспомнить электрический выключатель! Почему она никогда не задумывалась над тайной электричества, когда оно было так доступно? И туалет — отхожее место, как пробормотал Уокер, — находился позади дома.

Однако были и положительные стороны: дом был чистенький, если не считать слоя пыли, стены внутри выкрашены белой краской, а на всех окнах висели тюлевые занавески.

— У вас не будет проблем с отоплением в эту зиму, — похвастался хозяин дома. — В сарае за домом запасены дрова, и кроме того, вы можете вызвать из города мальчиков Маккинзи, чтобы они привезли еще дров, если вам понадобится, по вполне разумной цене.

Пейдж с тревогой посмотрела на печи. Ей понадобится много дров, она уже слышала, как холодно бывает здесь зимой. Уже теперь по ночам случались заморозки.

Конечно, здесь понятия не имеют о центральном отоплении. В комнате, которую Уокер назвал малой гостиной, был камин и на кухне большая плита. В одной из спален имелся даже обогреватель, работающий на дровах, — для тех случаев, когда термометр падает ниже 40 градусов по Фаренгейту, объяснил Уокер, не моргнув глазом.

Пейдж поежилась при одной мысли о такой возможности.

Дом был хорошо обеспечен всем необходимым. В нем имелись лоскутные одеяла,

подушки, простыни, полотенца, столовые приборы, тарелки, кастрюли, чайники. У задней двери стояла бочка для дождевой воды, было там и хитрое приспособление в стене кухни, именуемое холодильником, — ящик, открытый для доступа воздуха, в котором, как убеждал Уокер, можно хранить скоропортящиеся продукты — пока они не начнут замерзать, захохотал он.

Позади дома имелся запущенный садик, где, по словам Уокера, растут картошка и репа, если она потрудится выкапывать их. Был там и сарайчик, где старая леди держала козу, и сарай побольше, где раньше обитали куры и поросенок.

Она не собиралась заводить здесь живность, объяснила Пейдж Уокеру, когда тот предложил добыть ей цыплят.

— Цыплята — это хорошее вложение денег. Не так давно яйца продавались по двадцать центов штука, а ухода цыплята никакого не требуют.

Пейдж взвесила возможность заняться разведением домашней птицы. До сих пор ее знакомство с цыплятами ограничивалось маленькими ломтиками в пластиковых пакетах в супермаркете, а яйца она различала только как крупные и средние.

— Я сниму ваш дом, мистер Уокер, если вы будете настолько добры и покажете мне, как обращаться со всеми этими лампами и печами.

Пейдж отогнала ностальгические воспоминания об автоматических термостатах и заплатила своему новому домохозяину арендную плату за месяц вперед: спасибо Флетчерам, у нее осталось еще немного денег на приобретение продуктов. Она уже привыкла к тому, как растягивается доллар в эти времена, так же, как начала понимать, насколько трудно зарабатывать эти доллары.

Возбужденная, она вернулась в город в двуколке Уокера, закупила в магазине кое-что необходимое и попрощалась с Уильямом Суини, единственным настоящим другом, которого она приобрела в этих меблированных комнатах. Лулу где-то отсутствовала, и Пейдж написала ей записку, в которой благодарила за доброту и гостеприимство, в полной уверенности, что хозяйка меблирашек не поймет сарказма.

— Уильям, навещайте меня иногда. — Пейдж улыбнулась тучному мужчине, прежде чем краска залила его лицо и лысину.

— Обязательно, мисс Пейдж! И желаю вам удачи. Если я могу быть чем-то вам полезен, дайте мне знать.

Пейдж будет не хватать его. Единственный раз, когда он заметил на Пейдж что-то из одежды его жены, он выразился весьма вежливо:

— Вы прекрасно сегодня выглядите, мисс Пейдж.

Но, если не брать в расчет Уильяма, расставание с меблированными комнатами Лулу представлялось благословенным подарком.

Она наняла в платной конюшне двуколку, чтобы перевезти свои вещи, и это не заняло много времени.

Наконец она осталась одна в этом маленьком домике. Пейдж зажгла одну из керосиновых ламп, как научил ее Уокер, и повесила ее на крюк над кухонным столом. Она хотела затопить кухонную плиту, но не сумела разжечь достаточно жаркий огонь даже для того, чтобы вскипятить чайник. Там была хитрая штука, именуемая дымовой заслонкой, а Пейдж не могла припомнить, что следует делать с этой глупой штукой.

Она ограничилась тем, что взяла на ужин хлеб с сыром, яблоки и кружку воды для его завершения.

При мягком свете лампы она съела свой незамысловатый ужин и стала раздумывать над новым поворотом своей судьбы. Как бы ни был неудобен этот маленький дом, она хотя бы была здесь одна, у нее появилось собственное жилье. Она, слава Богу, может повесить сушиться свое нижнее белье где захочет, а если она понадобится кому-нибудь среди ночи, никто не будет выражать своего недовольства.

Но, видит Бог, она чувствовала себя одинокой. В доме Лулу Либерман она всегда знала, что внизу в холле есть люди, как это было в ее доме в Ванкувере. Оказаться одной в доме было совершенно новым ощущением — словно ей не хватало этих новых ощущений за последнее время.

Когда спустилась темнота, она закуталась в шаль Летиции и вышла на крыльцо, любуясь огнями фонарей в городе. Конечно, это не огни Ванкувера, подумала она, ощущая комок в горле. Позднее тот далекий город и вообще все, что было ее прошлой жизнью, станет казаться ей сладостным сном, после которого она просыпалась в этой жестокой действительности. Ее новый дом находился недалеко от форта, но оборонительный частокол закрывал все его огни. Она мечтательно подумала о Майлсе.

Чувствовал ли он себя когда-нибудь одиноким? Он казался таким отчужденным, таким самоуверенным, трудно было представить его переживающим, как переживает она, тоскующим по кому-то или чему-то. И все-таки в его защитной броне в тот день, когда она спросила его о семье, о его доме, образовалась брешь.

Потом был этот поцелуй в прерии.

И кроме того, он помогал ей. Это его она должна благодарить за этот дом. Утром она напишет ему записку о том, как она ему обязана. Она пригласит его на чашку кофе.

Пропади все пропадом, возможно, она даже соблазнит почтенного Майлса Болдуина. Она припомнила непристойные комплименты Абигайл по его адресу и ухмыльнулась, представив себе, как был бы он шокирован, услышав, что чопорная акушерка считает его сексуально привлекательным.

Она посмотрела на небо, на миллиарды звезд, сверкающих в холодном свежем воздухе. Ночи становились все холоднее, и люди обращали внимание на то, что до сих пор не выпал снег. Осень уже почти подошла к своей черте, и вскоре снег и мороз изменят облик прерии.

Она поежилась, представив долгие и суровые дни, когда будет завывать ветер и снег завалит ее портик. Ей придется покупать теплую одежду, плотное пальто, шарф и варежки — и о, Боже! — нижнее белье чуть ли не до пола, а на все это нужны деньги.

Вздыхнув, Пейдж вернулась в дом, к постели, где застелила чистые простыни и теплое одеяло. Поеживаясь в холодной спальне, она натянула на себя длинную ночную рубашку Майлса, зажгла свечу, которую сегодня купила, и решительно погасила лампу.

Забравшись в постель, она глубоко вздохнула и задула свечу. Маленькая спальня погрузилась в чернильную темноту. Окно осталось чуть приоткрытым, и она чувствовала на лице дуновение ветра.

За стенами дома ухали совы, завывали койоты, лаяли собаки. В доме потрескивала деревянная мебель, большие часы на туалетном столике тикали, как бомба с часовым механизмом. Никогда в своей жизни Пейдж не чувствовала себя такой заброшенной и одинокой.

Прошло немало времени, прежде чем она заснула.

На следующий день появился Роб Камерон, ведя в поводу рядом со своей лошадью

серую в яблоках кобылу.

Пейдж сидела в портике и пила чай, отдыхая от генеральной уборки дома, которой она занималась с раннего утра. Она перетаскала в подвал кучу вещей, и теперь стало возможным свободно передвигаться из комнаты в комнату.

— Роб, вы мой самый первый гость, — крикнула она ему, когда он подъехал. — Приветствую вас в моем новом доме.

Он спешился, его широкое загорелое лицо расплылось в улыбке.

— А я к вам на новоселье с маленьким подарком от Конной полиции, — объявил он, показывая на кобылу. — Ее зовут Минни, это доброе и спокойное существо.

Пейдж в изумлении уставилась на него.

— Роб, я не могу принять такой подарок...

— Тихо! — скомандовал он, махнув рукой. — Минни оставили в форте, потому что она хромала, бедняжка, а доктор Болдуин стал ее лечить, и теперь она в полном порядке, но он говорит, что ее нельзя оставить в полиции, она недостаточно вынослива. Ей нужен хороший дом, сказал он, а вам нужна лошадь, если вы собираетесь оставаться здесь жить. — Он обвел рукой поля вокруг дома Пейдж. — Здесь для нее полно трав, пока не выпадет снег. Все, что от вас требуется, это спутывать ей ноги, и все будет хорошо. — Он обошел вокруг дома и вернулся явно довольный. — Там за домом есть сарай, где ей будет тепло и сухо зимой. Я сделаю ей стойло и привезу мешок овса.

Пейдж понимала, что в эту эпоху лошадь равноценна автомобилю в ее время: она обеспечивает возможность передвигаться. Лошади здесь дорогие и весьма ценятся, как машины в ее время. Щедрость Роба вызвала у нее слезы на глазах, и она начала благодарить его.

— Это было предложение доктора Болдуина.

Опять Майлс. Она ощутила эмоциональный шок.

— Вы умеете ездить верхом? Я постараюсь достать дамское седло...

— Брат учил меня ездить верхом, но про дамское седло забудьте. Я буду сидеть по-мужски. И не смотрите на меня с таким потрясенным видом, Роб Камерон. Я вам никогда не рассказывала, что в мое время в Конной полиции служат и женщины?

Смотреть на его усатое лицо нельзя было без удовольствия.

— Заходите, садитесь и выпейте чашку чая, прежде чем упадете в обморок. А еще лучше будет, если вы сначала покажете мне, что я делаю неправильно с этой проклятой плитой, а то я никогда не смогу довести воду до кипения.

Прошла неделя. Пейдж истратила три доллара в магазине Компании Гудзонова залива, купив там пару мужских хлопчатобумажных брюк, которые надевала во время прогулок ранними утрами на Минни. Брюки сидели на ней не так хорошо, как ее сшитые по заказу джинсы, оставшиеся дома, но в общем устраивали ее. Они хорошо облегли бедра и живот, обшлага она подвернула и на поясе приспособила ремень.

Она старалась чем-то занять себя, чтобы не замечать, что почти все время проводит в одиночестве.

Роб приезжал дважды. В первый свой визит он смастерил стойло для Минни, а в следующий раз привез седло, которое, как он объяснил, неофициально одолжил на складе у интенданта. Он привез также два мешка овса, и Пейдж решила не спрашивать, не взят ли овес тоже в долг.

Роб учил ее верховой езде, объяснял, как определять направление в открытой прерии по солнцу и ветру.

Когда он в первый раз увидел ее в брюках, то ничего не сказал. Он только сглотнул слюну и старался смотреть ей только в лицо, словно она забыла одеть на себя какую-либо одежду ниже пояса. Пейдж не могла удержаться от того, чтобы немножко поддразнить стеснительного молодого полицейского.

— Поверите вы или нет, Роб, но там, откуда я, женщины все время ходят в таких брюках, только еще более облегающих, чем мои.

Она медленно повернулась, а он выглядел шокированным.

— Лучше не одевать их в церковь, — посоветовал он с непроницаемым лицом и смешинкой в глазах.

Две передние комнаты Пейдж переделала в удобную комнату для ожидания и кабинет для осмотра, где в настоящее время имелись только два стула и буфет, который Роб перетащил из кухни. В нем она будет хранить лекарства и инструменты, решила Пейдж, сказав себе, что она неисправимая оптимистка. Может, лучше поинтересоваться, не нужна ли им продавщица в дамском магазине Роуз Рафферти, ворчала она. Здесь можно умереть с голоду в ожидании несуществующих пациенток, чтобы осматривать их с помощью несуществующих инструментов.

Однажды утром после прогулки верхом Пейдж уселась за стол с календарем и чашкой кофе и стала подсчитывать, сколько прошло недель с того рокового дня, когда она прибежала на поле Тони, чтобы посмотреть на круг в пшенице.

Сегодня было пятое октября. Она находится в Баттлфорде шесть недель. За окном падали снежинки. Благодаря терпеливым инструкциям Роба она знала все секреты этих капризных печей, и теперь в ее доме было тепло и уютно — если только она не забывала подбрасывать дрова в их прожорливые пасти.

И — еще раз спасибо Робу! — она освоила кое-какие самые примитивные приемы приготовления пищи. Со смехом и шутками он показал ей, как варить фасолевый суп, овсяную кашу и печь лепешки. Она даже освоила приготовление бисквитов, что требовало некоторого умения и несколько расширило ее меню.

Сейчас она почувствовала себя более спокойной, чем когда-либо за эти шесть недель, если не считать постоянной заботы о деньгах.

Она осталась без единого цента. Не следовало далее обманывать себя, она должна выйти из дома и отправляться искать работу, любую работу. Она подумала о социальных программах ее времени и усмехнулась.

Она платила огромные налоги, помогавшие поддерживать эти социальные программы, а теперь, когда ей самой нужна помощь, никто об этих программах и понятия не имеет.

Резкий стук в дверь заставил ее подпрыгнуть.

Она побежала в холл, открыла дверь, и сердце ее заколотилось.

Там стоял Майлс, его красный мундир и широкополая шляпа засыпаны снегом. В одной руке он держал медицинскую сумку, а в другой большой тяжелый мешок.

— Майлс, заходите. Как хорошо, что вы заглянули ко мне!

В некотором смысле она ждала его. Она недвусмысленно пригласила его в своей благодарственной записке, а теперь, когда он приехал, она разволновалась. Все, о чем она могла думать, глядя на него, это о том, как его губы ласкали ее рот.

Держись, Рандольф!

— Приятно снова видеть вас. Заходите, у меня готов кофе, если вы не откажетесь от чашки.

Ей вдруг стало не хватать воздуха. При виде его, высокого и изящного, улыбающегося ей, Пейдж охватила необъяснимая радость.

Он пригнул голову, чтобы не задеть притолоку двери, а, оказавшись внутри, заставил холл выглядеть еще меньше, чем обычно. Он опустил сумки на пол и снял шляпу и перчатки. Она приняла их из его рук.

— Этот дом предназначен для людей маленького роста, — сказала она, укладывая перчатки на дно его шляпы и вешая ее на старую вешалку, установленную ею в холле. — Будьте осторожны или ваши мозги останутся на притолоке. Даже я уже пару раз стукнулась.

Она провела его в кухню. Ладони у нее вспотели.

— Садитесь, — предложила она, достала с полки чашку и налила кофе из эмалированного кофейника, стоявшего на плите. — Кофе только что приготовлен, вам повезло.

Пейдж вернулась от плиты и поставила чашку на стол перед ним, она уже забыла все, что только что говорила.

— Что?

Он уставился на синие хлопчатобумажные брюки, обтягивающие ее бедра и ноги. Она так привыкла ходить дома в брюках, что и забыла о них.

— Черт возьми, я и забыла, что женщины еще не начали носить брюки! Почему — я этого никогда не пойму. Эти идиотские длинные юбки тяжелы и неудобны.

Он все еще смотрел на нее, его серые глаза сузились, лицо стало непроницаемым, и она разозлилась.

— Бога ради, Майлс, вам не приходило в голову, что под всем этим дерьмом, которым они прикрывают нижнюю часть своего тела, у женщин есть ноги?

Его взгляд поднимался, пока он не посмотрел ей в глаза, и, к ее изумлению, она увидела, что он сердится. Если говорить точнее, то он разгневался. Гнев закипал в его глазах, и в его мягком южном акценте появилась сталь.

— Вы живете здесь одна, Пейдж, вдали от города. Вы молоды и красивы.

Это не было комплиментом, судя по тому, как он произнес эти слова. Они прозвучали скорее как обвинение.

— Знаете ли вы это или нет, но здесь все еще граница. Половина мужчин в городе воспримут вашу манеру одеваться как откровенное приглашение изнасиловать вас. — Его серые глаза поблескивали, как лед, и она почувствовала, как жар поднимается по ее шее и заливает щеки. Она уже открыла рот, чтобы обругать его, но он не дал ей этой возможности. — Я предупреждаю вас, если вы хотите заниматься врачебной практикой здесь, вы должны подчиниться условностям этого города. Уже по одному тому, что вы женщина и врач, вы бросаете вызов всему тому, что люди считают приличным для женщины.

Он протяжно вздохнул и продолжил:

— Если вы настаиваете на том, чтобы разгуливать в этих брюках, мадам, я гарантирую вам, что у вас никогда не будет ни одного пациента. Вы подвергнетесь полному остракизму со стороны женщин и окажетесь в серьезной опасности со стороны значительной части мужского населения.

Пейдж взволнованно фыркнула.

— О Боже, я не могу в это поверить! — взорвалась она. — Я одеваю эти брюки, когда

езжу верхом, а совсем не для того, чтобы, видит Бог, кататься по главной улице Баттлфорда.

Ее темперамент разыграл, хотя разумная ее часть признавала, что в том, что он говорит, есть логика.

Логика, будь она проклята! Каждая косточка в ее теле вопила в ярости от сознания несправедливости того, что он говорил.

— В своем доме я ношу то, что хочу. — Ее голос возвысился, и она перегнулась через стол, глядя ему в глаза. — И вообще, хотела бы я знать, почему женщина не может носить то, что хочет?

Он оглядел ее своими сузившимися глазами, его рот сжался в тонкую, жесткую линию.

— Женщины будут свободны делать все, что захотят, в идеальном мире. К сожалению, мир, в котором мы живем, таковым не является.

Он поднялся резким движением, оттолкнув стул, который чуть не упал.

— А теперь, мадам, если вы извините меня, я должен вернуться в форт.

Злость, охватившая Пейдж, была вызвана ее горьким разочарованием. Он уезжает, а они даже не поговорили. Ей так хотелось посидеть с ним в ее уютной кухоньке часок-другой, поговорить обо всем и ни о чем, вместе посмеяться.

Он был так нужен ей! Почему, во имя Бога, они так часто спорят?

Но будь она проклята, если попросит его задержаться! Она стояла, выпрямившаяся и высокая, вызывающая в своих узких брюках. Она даже нарочно засунула руки в задние карманы брюк, понимая, что выглядит по-детски, но ей было все равно.

Майлс молча посмотрел на нее и чопорно поклонился. Он прошел к холлу, взял свою шляпу и перчатки и уже закрывал за собой дверь, когда она сообразила, что он оставил свои сумки на коврик у двери.

Какой-то демон, сидевший в ней, шепнул ей: «Пусть уходит. Ему придется вернуться за ними, так ведь?»

Она помедлила, колеблясь, потом выругалась и взяла обе сумки. Ей потребовался какой-то момент, чтобы открыть дверь.

Майлс уже сидел на своем жеребце.

— Подождите! — крикнула она. — Майлс, подождите минутку, вы забыли ваши вещи.

Она подняла медицинскую сумку. Он повернул своего гнедого коня и поднял руку к шляпе в четком салюте.

— Это все ваше, Пейдж. Может быть, они принесут вам удачу.

Он тронул поводья своего Майора и не оглядываясь поскакал, исчезая в вихре белых снежинок.

Окаменевшая, Пейдж следила за ним, пока могла различить его очертания, потом медленно закрыла дверь. Она опустилась на колени на ковре в холле и дрожащими пальцами открыла медицинскую сумку. Потом начала извлекать ее содержимое.

Поблескивающий стетоскоп, вводное зеркало, серебряный диск, который она определила как примитивную выскабливающую кюретку, набор зажимов, бинты, другие перевязочные материалы, термометр и даже несколько пар коротких резиновых перчаток — все это выглядело архаичным по сравнению с тем, с чем она привыкла работать, но она понимала, что медицинская сумка щедро снабжена по стандартам 1880-х годов.

Парусиновый мешок содержал в себе прочный ящик, внутри которого Майлс тщательно упаковал наиболее употребительные в его времена лекарства: хинин, настойка опия, хлороформ, настойки трав, о которых она никогда не слышала, и большая уродливая бутылка

карболки.

— О Майлс, — прошептала она, когда комок застрял у нее в горле.

Он вложил в мешок и книгу в черном переплете с золотыми буквами на переплете — «Современная медицинская практика». Она пролиставала ее, улыбнувшись старинной терминологии, но с облегчением обнаружив, что книга дает точные дозы лекарств, подробные указания в применении хлороформа пациентами разного веса, инструкции по употреблению инструментов.

Когда она трогала пальцами эти сокровища, привезенные Майлсом, слезы капали на бутылки, ампулы и коробочки, и она хлюпала носом и вытирала его рукавом.

Здесь были все исходные материалы, в которых она так отчаянно нуждалась, чтобы зарабатывать на жизнь, инструменты, купить которые сама она не могла, медицинская информация, позволяющая ей использовать последние методы лечения.

Его подарок был самым продуманным из всех, какие она когда-либо получала. А они, подумала она, и у нее все сжалось в груди, ввязались в глупую ссору раньше, чем он успел лично вручить ей свой подарок.

Расстроенная, она сжала кулаки и уронила их на колени.

Черт тебя возьми, Майлс, за то, что ты такой заносчивый, самоуверенный, упрямый, сварливый, старомодный... Ее ладони разжались и плечи опустились. *Экстравагантный, внимательный, добрый, красивый джентльмен...*

И сексуальный, напомнила она себе с болезненной честностью. Не забудь его сексуальность. Будь она проклята, но Майлс Болдуин не более сексуален, чем любой другой мужчина, на которого она когда-либо положила глаз — в любом столетии! Почему она не встретила с ним? Она прикрыла глаза и затрясла головой от собственной глупости.

Она никак не могла встретить Майлса Болдуина в те времена, которым принадлежала. Он умер за многие годы до того, как она родилась.

Майлс дал Майору свободу, предоставив жеребцу самому выбирать дорогу по припорошенной снегом прерии.

Где-то внизу от реки серебряным облаком поднимался пар. Майлс глубоко вздохнул и выдохнул пар. Воздух охладил его легкие, но он чувствовал себя так, словно подступающая лихорадка начинает прокладывать свой горячий след.

Пейдж. Пейдж Рандольф.

Он весь горел, желая ее. Вот и сейчас он мог видеть мысленным взором четкие очертания ее мягких бедер, видел, как пояс этих проклятых брюк облегал ее талию и подпирает ее мягкие груди, представлял себе, как его руки могли бы расстегнуть этот пояс...

Он вновь видел ее ягодицы, выдающиеся соблазнительными холмами, заметными под плотным покровом брюк. Его ладони зачесались, и когда он представил себе, как возьмет ее в руки, прижмет к себе, ощутит, как эти длинные ноги сожмутся вокруг его ног, когда он...

Будь она проклята, она доведет его до безумия!

На следующий день в дверь Пейдж раздался стук.

Все утро она была занята приятным делом — стерилизовала и раскладывала инструменты и медикаменты в шкафчике в первой от входа комнате, в которой хотела устроить свою приемную.

Она перетащила туда длинный узкий стол, накрыла его одеялом, поверх одеяла

постелила белоснежную простыню, решив, что это будет стол для врачебного осмотра — если когда-нибудь придет время, когда реальному человеку понадобится, чтобы она его осмотрела, в чем Пейдж начала серьезно сомневаться.

Она помешивала в кастрюле на плите фасолевый суп, когда раздался стук в дверь, и первая ее мысль была о Майлсе. Сердце ее затрепыхалось от волнения.

Он вернулся, она знала, что он вернется. Она попыталась пригладить свои упрямые кудри, развязала передник и бросила его на стул, оглядела блузку, нет ли на ней пятен, разгладила складки на юбке.

Пейдж улыбнулась самой себе. По крайней мере сегодня она в юбке — это должно доставить удовольствие старому ханже.

Она прошла холлом к двери и распахнула ее с приветливой улыбкой на лице.

У ворот виднелась двуколка, а в дверях стоял мужчина, опирающийся на костыль, правая его нога в гипсе, а к боку жалась маленькая бледная женщина. Ее руки прятались в меховую муфту. На ней была большая коричневая шляпа с вуалью, падавшей ей на глаза и прикрывавшей тонкие черты ее лица.

— Доктор Рандольф?

Пейдж кивнула. Мужчина выглядел неуверенным, а женщина испуганной. Ее тонкие губы дрожали.

— Доктор Болдуин из форта сказал, чтобы мы поехали к вам. Моя фамилия Джиллеспи. А это моя жена Элен.

Эта фамилия звончком прозвучала в мозгу Пейдж. Речь шла об обращении за врачебной помощью по поводу «женских болезней», о чем упоминал Майлс в своем письме.

Ее охватил восторг. Перед ней стояла первая пациентка ее врачебного кабинета.

Пейдж приветливо улыбнулась.

— Заходите, на улице холодно.

Пейдж усадила их в комнате ожидания, сама тоже села, стараясь припомнить свою профессиональную манеру поведения.

— Чем я могу вам помочь?

— Вы уверены, что вы врач, мисс? Вы мне кажетесь такой молодой, — начал неуверенно мистер Джиллеспи.

Это было так похоже на реакцию пациентов на ее внешность в те времена, что Пейдж улыбнулась, хотя с болью осознавала, как не хватает окантованных дипломов на стене, подтверждающих ее право заниматься врачебной практикой.

— Видимо, я обречена на вечную молодость, — пошутила она, как делала это в том своем кабинете. — Уверяю вас, что приближаюсь к сорока, а врачебной практикой я занимаюсь около десяти лет.

Эти слова не совсем совпадали с истиной, но, похоже, они их убедили.

— Так в чем проблема?

Пейдж обращалась к Элен Джиллеспи, но ответил ей снова муж:

— У Элен женские трудности. Вчера днем она упала в обморок, и это не первый раз. Я сказал ей, что либо она добровольно поедет сегодня, либо я свяжу ее и отвезу силой.

Пейдж разглядывала Элен, но увидела немного. Ее руки спрятаны в муфту, вся она с ног до головы закутана в одежды, а шляпа затеняет лицо.

— Может быть, вы будете чувствовать себя удобнее, если мы поговорим с вами наедине, Элен, — предложила Пейдж, вставая. — Пойдемте со мной. И позвольте мне взять ваше пальто и шляпу, — добавила она.

Когда Элен освободилась от пальто, шляпы и муфты и уселась в кабинете для осмотра, Пейдж увидела перед собой хрупкую женщину, готовую вот-вот расплакаться. Светлые волосы развевались у нее вокруг головы, как пушок одуванчика, а ее кожа выглядела белосерой на одутловатом лице.

У нее анемия, предположила Пейдж, взяв ее узкую руку в свои и разглядывая бесцветные кончики пальцев и ногти.

— У вас проблемы с менструациями, Элен?

Глаза Элен наполнились слезами, она сглотнула слюну и кивнула. Она посмотрела на свои руки и прошептала:

— Да, у меня происходит что-то непонятное с месячными. Понимаете, они не прекращаются, продолжают и продолжают из месяца в месяц.

— Сколько вам лет, Элен?

— Сорок семь. Я понимаю, что это климакс, но я чувствую себя такой слабой.

В течение нескольких последующих минут Пейдж расспрашивала Элен, деликатно, но настойчиво, пытаясь установить, что является причиной — климакс или следует подозревать злокачественное заболевание.

Пейдж сразу же стало ясно, что Элен имеет самое убогое представление о своем теле и о его функциях. Пейдж взяла бумагу и карандаш, нарисовала контуры женской фигуры и отметила на этой схеме внутренние женские органы.

— Вот это ваш яичник, а вот это то, что происходит с нами, женщинами, каждый месяц, — объясняла Пейдж. — Вот это, что происходит во время овуляции... — Пейдж рисовала и разъясняла свою схему в самых простых выражениях. — Теперь что касается климактерического периода: стенки вашей матки...

По мере того, как Пейдж говорила, Элен постепенно успокаивалась, ее явно заинтересовала эта лекция, она даже начала задавать застенчивые вопросы, показывающие, как мало она знает о том, что в действительности с ней происходит.

— Нет никаких оснований беспокоиться или стесняться этих явлений, — заверяла ее Пейдж. — Это совершенно естественный процесс, о котором мы все знаем.

Потребовались еще долгие уговоры, прежде чем Элен в конце концов согласилась снять свои панталоны и лечь на самодельный стол, чтобы Пейдж смогла осмотреть ее. У нее было сильное кровотечение, но, насколько Пейдж могла определить, там не было никакой опухоли или каких-либо ненормальных явлений. Элементарная процедура осмотра для решения проблем Элен, доступная в этих условиях Пейдж, заставила ее в раздражении заскрежетать зубами.

Она не могла взять мазок для исследования, у нее не было ультразвука, гормональных средств, не было даже возможности сделать анализ крови или мочи. Ну и, конечно, никакой клиники, где можно было бы произвести удаление матки, если это понадобится.

Если кровотечение будет продолжаться, все, что она может сделать, это попробовать прибегнуть к растяжению и выскабливанию.

«Прибегают ли к таким операциям в этой эпохе?» — гадала она.

Ну что ж, если и не прибегают, она первая покажет им, подумала она с мрачной решимостью. Элен страдает тяжелой анемией в результате потери крови и, вполне возможно, умрет от этого, поскольку ввод железа в вену здесь еще не открыт. А как они лечат анемию?

Пейдж объяснила Элен опасность кровотечения.

— Я хочу, чтобы вы приехали ко мне через два дня, Элен. Я собираюсь осуществить самую малую операцию, чтобы остановить кровотечение.

Она растолковала Элен как могла проще и яснее сущность операции.

Мысль о том, что надо проводить растяжение и выскабливание в ее маленьком кабинете, устрашала ее, но осуществить это можно. Но ей понадобится помощь.

Пейдж подумала об Абигайл Доналд. Она попросит ее помочь.

Элен согласилась приехать еще раз, но выглядела она испуганной. Ну что ж, подумала

Пейдж, у нее есть причины бояться. Пейдж сама до смерти боится, но у нее нет иной возможности.

Когда Элен закончила одеваться, в голову Пейдж пришла идея насчет того, как бороться с анемией.

— Я хочу, чтобы вы каждый день утром и вечером выпивали столовую ложку черной патоки в чашке горячей воды, — проинструктировала ее Пейдж. В черной патоке содержится много железа, и ее здесь сколько угодно. — У вас есть железная кухонная посуда?

Элен кивнула.

— Есть, только она очень тяжелая, и я последнее время употребляю эмалированную.

— Пользуйтесь железной. Она принесет в ваш организм полезное вам железо.

Как только супруги Джиллеспи уехали, Пейдж торопливо написала записку Абигайл Доналд с просьбой помочь ей. Вторая записка потребовала больше времени, она разорвала три листка бумаги, прежде чем нашла нужные слова.

«Дорогой Майлс, — написала она. — От всего сердца благодарю Вас за то сокровище, которое Вы мне преподнесли. А еще благодарю Вас — у меня только что была первая пациентка, Элен Джиллеспи. Мне очень жаль, что мы тогда поссорились, — мне ужасно не хватает Вас, и я высоко ценю Вашу дружбу. Надеюсь в скором времени увидеть Вас. Пейдж».

Она подбросила дрова в огонь, надела пальто и отправилась на поиски какого-нибудь мальчишки, который отнес бы ее послания, надеясь, что Майлс поймет и примет ее попытку установить между ними мир.

* * *

Через два дня Пейдж чувствовала, как пот струится по ее лбу, а она стоит, склонившись над лежащей без сознания Элен Джиллеспи.

Как бы ейгодились ременные петли и настоящий стол — этот был слишком низким.

Она принесла три лампы и повесила их над столом, так что хотя бы света было достаточно. Беда заключалась в том, что жар от ламп превратил маленькую комнату просто в печку, а запах эфира становился еще сильнее.

И Абигайл, и Пейдж изнемогали от жары. Они облачились в белые передники, которые Пейдж скроила из простынь и потом стерилизовала их в печи, чтобы как-то приблизить их к халатам в операционных, и они обе надели маски, сделанные из кисеи.

— Следите за ее дыханием, Абигайл. Нам нужно держать ее под эфиром, чтобы она не дергалась, — сказала Пейдж. — И постарайтесь держать ее ноги. Когда пациенты без сознания, они весят как будто тонну.

Абигайл Доналд ей сам Бог послал. Спокойная и абсолютно надежная, она, казалось, интуитивно понимала, что требует от нее Пейдж, следила за пульсом пациентки, подавала Пейдж губки, когда они требовались.

Глаза Пейдж были прикованы к малейшей неровности внутри брюшной полости Элен, когда она на ощупь ввела выскабливающую кюретку в матку. Мысленно она представляла себе всю эту технику, которую проделывала столько раз раньше, вознося молитву, чтобы все

прошло успешно на этот раз, в таких трудных условиях.

Нечего было переживать по поводу того, чего у нее под руками не было, — она тысячу раз напоминала себе этим утром, что должна работать с тем, что здесь доступно.

Нужно было забыть, что на руке Элен нет иглы от капельницы, чтобы вводить лекарства, если они понадобятся, нет команды медсестер, нет анестезиолога, нет даже подноса с инструментами, расширяющими ей доступ.

Она даже не думала о кровотечении или о сердечной недостаточности, или еще о дюжине ситуаций, угрожающих жизни, которые могли случиться в это утро.

В кабинете были только три женщины — она, Элен и Абигайл, три женщины, решающие женские проблемы.

— Ну, как будто все, — облегченно вздохнула Пейдж. — Теперь мы можем использовать эту стерильную ткань для перевязки, и дело будет сделано.

— А как вы знаете, что все сделано, доктор? Выскабливание, я имею в виду. Вы же не можете видеть, что вы делаете.

Абигайл с восхищением следила за всей операцией.

— Надо выскабливать, пока нет ощущения твердой стенки матки. Это называют «плачем матки». Это достигается опытом.

Абигайл кивнула.

— Понимаю. Есть множество вещей, которые даются только опытом, так ведь, доктор? Вот так и я училась принимать роды.

Они убрали стерильные простыни, которыми Пейдж обложила бедра и ягодицы пациентки.

— Кровотечение уже остановилось, — подтвердила Абигайл. — Вы считаете, что ее месячные прекратятся и бедняжка будет чувствовать себя лучше?

Абигайл помогала Пейдж уложить Элен поудобнее.

— Так часто случается после растяжения и выскабливания.

Пейдж не стала объяснять, что никто не знает причины, это была одна из необъяснимых медицинских загадок. Важно было то, что в большинстве случаев это срабатывало.

Элен все еще находилась в глубоком сне и дышала тяжело, и Пейдж приставила стетоскоп к ее груди и удостоверилась, что сердце бьется ровно и сильно.

Необходимость использовать эфир в качестве анестезии приводила Пейдж в ужас. Половину прошлой ночи она провела, читая и перечитывая всю информацию, которая была в ее распоряжении, о том, как применять эфир, чтобы усыпить пациента. Когда она перебирала в памяти всю эту информацию, то в два часа ночи обнаружила, что ей отчаянно хочется посоветоваться с Майлсом.

Обе женщины снова вымыли руки в растворе карболки и сняли свои широкие передники, продолжая следить за пациенткой.

— Ну вот, она начинает приходить в себя, — объявила Абигайл через несколько секунд после того, как Элен застонала и пробормотала что-то неразборчивое.

Спасибо тебе, Господи, спасибо! Пейдж почувствовала невероятное облегчение, когда ресницы Элен затрепетали.

— Если я вам сейчас не нужна, доктор, я пойду и приготовлю нам по чашке крепкого кофе, — сказала Абигайл, направляясь к двери. — Я думаю, что бедный мистер Джиллесли томится сейчас на кухне. Он был вне себя, когда привез утром миссис Джиллесли. Наверняка он забыл подкинуть дров в печку. Я пойду скажу ему, что его жена в полном

порядке, и пошлю его наколоть дров, вы не против, доктор?

Пейдж улыбнулась Абигайл.

— Пошлите его наколоть побольше, пока он в хорошем настроении. Можете сказать ему, что Элен поправится, — добавила она, испытывая ликование.

Элен зашевелилась, и Пейдж взяла ее за руку, улыбнулась ей, заметив, как та борется, чтобы полностью вернуть себе сознание.

— Все прошло хорошо, Элен. Думаю, что отныне вы будете вполне здоровы. Через несколько минут мы перенесем вас в более удобную постель в запасной комнате, а завтра утром вы будете чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы уехать домой.

Элен ответила ей слабой улыбкой.

— Спасибо вам, доктор, — прошептала она, и Пейдж ощутила душевный подъем, какой испытывала всегда после удачной операции.

О Боже, как ей не хватало ее работы, профессии, которую она избрала на всю свою жизнь! Она неожиданно пожалела, что еще не изобретен телефон.

Ей так хотелось бы поднять трубку и позвонить Майлсу и рассказать ему, что ее первая операция здесь прошла с успехом. Она представила себе, как стала бы описывать ему в деталях всю процедуру, какие вопросы стала бы задавать ему насчет лекарств.

Черт побери, как ей его не хватало!

Спустя два дня она выходила из магазина Компании Гудзонова залива с руками, полными продуктов. Дул ледяной ветер, а Уокер только что предупредил ее, что ожидается сильная снежная буря — ему об этом сказали индейцы, а они никогда не ошибаются.

— Добрый день, Пейдж.

Его глубокий голос с медлительным южным акцентом ударил по всем ее нервным окончаниям, и она почувствовала, что стало теплее.

— Хелло, Майлс.

Он привязал своего жеребца к поручню перед магазином и подошел к ней, улыбка приподняла уголки его рта.

Она понадеялась, что он обратит внимание на то, что сегодня она в юбке.

— Могу я помочь вам с этими пакетами?

— Спасибо. Я хочу попробовать уложить их все в седельные сумки Минни.

Он взял у нее из рук самый тяжелый пакет с мукой и зашагал вслед за ней туда, где она привязала свою лошадь. Вдвоем они перенесли все покупки.

Она вдруг почувствовала, что язык у нее присох к гортани. Какого черта, что это с ней происходит? Она часами разыгрывала в своем воображении разговоры с этим мужчиной, а теперь, когда он рядом, она не может придумать, что бы сказать.

— Будет снег, — выпалила она.

Блистательно, Рандольф!

Он кивнул.

— Снег обычно выпадает в это время года.

Она вдруг ощутила истерический позыв захихикать. Они либо цапаются друг с другом, как кошка с собакой, либо вежливы, как банкиры.

Конечно, пока он не поцелует ее. Она украдкой кинула на него взгляд. Помнит ли он тот поцелуй в прерии?

— Ко мне приезжала за консультацией миссис Джиллеспи. Я сделала ей небольшую

операцию и думаю, что она будет в порядке. Я благодарна вам, что вы направили ее ко мне, Майлс.

Он наклонил голову.

— Я рад, что все так обернулось. Я надеюсь, вы заработали приличные деньги?

Она ухмыльнулась.

— Мистер Джиллеспи заплатил мне тут же, не дожидаясь, что я представлю ему счет. Двадцать долларов, с которыми я и явилась сюда за покупками. Я чувствую себя просто богатой.

— Это звучит обнадеживающе.

— Надеюсь. Боюсь только, что я толком не знаю сколько брать. — Она надеялась, что он предложит поехать вместе с ней в ее дом, где они смогли бы обсудить эту проблему, но он промолчал.

Она постояла еще с минуту, ломая себе голову, что бы еще ему сказать, сердце у нее падало в такие минуты молчания.

— Пожалуй, мне надо ехать домой, а то огонь в печке погаснет...

— Пейдж, вы не согласились бы поехать со мной покататься верхом как-нибудь днем, когда будет теплее?

Такое прямое приглашение застало ее врасплох.

— Конечно, — пробормотала она. — Да, в любое время. Я буду рада.

Он отвязал поводья Минни и погладил ее по носу. Минни тихо заржала и принялась обнюхивать его карман. Было очевидно, что она хорошо знает его.

— Сегодня яблок нет, старуха, извини. — Его улыбка адресовалась не только лошади, но и Пейдж. — У меня есть друзья, которые живут в нескольких милях от города. Мне хотелось бы познакомить вас с ними. У них мало кто бывает, особенно в это время года.

Он придерживал лошадь, пока Пейдж вдела ногу в стремя и села в седло боком, одернув при этом свою тяжелую юбку так, чтобы выглядеть достаточно скромной.

Конечно, как только она выедет из города. Пейдж сядет по-мужски, но ей хотелось, чтобы он увидел, что она приняла его совет. Не следовало без причины возбуждать неприязнь окружающих, хотя эта неудобная поза грозила ей тем, что она сломает себе шею.

— Как только стихнет этот приближающийся шторм, я приеду к вам, — пообещал он, приложив руку к шляпе.

Пейдж вот так скромненько проехала через город, кланяясь нескольким повстречавшимся знакомым. Но когда ее уже никто не мог увидеть, она перекинула ногу через холку Минни, сунула ее в стремя и издала радостный вопль, который сразу же взбодрил кобылу.

— Минни, ты мне не поверишь, но я действительно возлагаю большие надежды на свидание с нашим ускользящим доктором Болдуином.

Кобыла запрядала ушами и затанцевала, перебирая копытами, словно возбуждение Пейдж передалось и ей.

Снежная буря продолжалась три дня, холодный ветер швырял снег в окна и проникал в дом через трубы. Пейдж была благодарна Уокеру за щедрые запасы дров. Она поддерживала огонь в печке — научилась вставать ночью и подбрасывать дрова, чтобы в доме было тепло.

На четвертое утро она проснулась оттого, что в маленькие окошки ее спальни врвался яркий белый свет. Буря кончилась, и сияющие солнечные лучи преобразили заснеженный

мир в блистающее серебро.

Пейдж поспешно надела брюки и теплое пальто и вышла, чтобы дать Минни сена и овса, задержавшись, чтобы посмотреть на город, раскинувшийся внизу.

Из печных труб поднимался дым, клубясь в ярком синем морозном небе. Все вокруг казалось девственным, закутанным в снежный покров. Пейдж набрала поленьев в корзину и отнесла их в дом, потом вернулась, чтобы накачать ведро воды из колодца.

Потом она разожгла огонь в печке и проделала утреннее омовение с помощью двух тазов — в одном она умывалась, в другом ополаскивалась. Она оделась в длинное нижнее белье, накинула на плечи шаль и приготовила себе на завтрак овсянку, с ностальгическим чувством вспоминая электрические тостеры и пачки кукурузных хлопьев.

Она мыла кастрюлю в тазу с горячей водой, когда в кухонной двери возник Майлс, отряхивая снег со своих высоких ботинок и похлопывая своей широкополой шляпой по ногам.

Его густые золотистые волосы были примяты шляпой. Поверх мундира на нем был кожаный камзол, и от этого Майлс казался огромным. Морщинки вокруг его серых глаз стали глубже, когда он улыбнулся ей.

— Доброе утро, Пейдж. Отличный день, холодный, но ясный. Не хотите ли поехать вместе со мной в гости?

— Хочу.

Она не могла согнать улыбку с лица.

— Отлично. Тогда, пока вы собираетесь, я пойду и оседлаю Минни.

Прогулка верхом вдоль реки и потом через замерзшую прерию была такой, что от нее перехватило дыхание. Все сверкало алмазами в солнечных лучах, и чистый морозный воздух, врываясь в легкие Пейдж, возбуждал ее. Ехали они не торопясь, лошадям то и дело приходилось отыскивать под снегом дорогу. Первую часть пути Майлс был спокоен, но по мере того, как они приближались к цели своей поездки, он стал рассказывать Пейдж о Деннисе Куинлане и его индианке-жене Тананкоа, молодой паре, к которым они ехали в гости.

— Деннис — младший сын богатого банкира в Торонто, и вся семья была в ужасе, когда он вместо того, чтобы делать банковскую карьеру, вступил в Северо-Западную Конную, — рассказывал Майлс. — Деннис стал выдающимся полицейским и вскоре получил звание сержанта. Два года назад он расследовал убийство, в котором был замешан один молодой индеец из резервации Повелителя Грома, и там он повстречал Тананкоа. Она племянница Повелителя Грома. Деннис влюбился в нее, и они поженились.

— Могу держать пари, что это вызвало чуть ли не бунт. — Пейдж уже достаточно знала о жестоком моральном кодексе этой эпохи, чтобы представить себе реакцию на смешанный брак.

— На самом деле Северо-Западная Конная не возражала, — сказал в ответ ей Майлс. — Деннис был офицером и мог жениться на ком захочет, а командование хорошо знало о недостатке молодых белых девушек здесь, на Западе. Самое яростное сопротивление оказали люди из племени Тананкоа. Понимаете, эти люди утратили всякое уважение к белым. Они все меньше доверяют обещаниям, которые выдают индейцам политики в Оттаве. Эти обещания никогда не выполняются, и индейцы считают, что их предали.

Как мало изменилось между этим временем и ее эпохой, подумала Пейдж. В ее мире не только исконные жители считают, что политики предают их, — все люди девяностых годов

разочарованы политиками и обещаниями, которые те не держат.

— Деннис и Тананкоа поначалу жили в форте, — рассказывал Майлс, — в доме для женатых офицеров. Но офицерские жены и некоторые женщины в Баттлфорде сделали жизнь Тананкоа несчастной.

Пейдж испытала прилив симпатии к молодой женщине. Она по личному опыту знала, каково это — чувствовать себя одинокой.

— Деннис вышел в отставку и купил здесь участок земли. Он приобрел скот и пытается наладить бизнес по снабжению мясом Северо-Западной Конной и города.

— Он на это живет?

— Думаю, что да. Деннис хороший работник, и Тананкоа трудится рядом с ним. Она отличная женщина. И к тому же красивая.

— Похоже, что они замечательные люди. Я не дожусь, когда встречу с ними.

Тананкоа как раз кончала раскладывать тесто для лепешек, которые должны были идти под суп, когда пес начал лаять.

Деннис все трудился в амбаре, сбрасывая сено с сеновала. Любопытная Тананкоа поспешила к окну и изумилась, увидев, как Майлс помогает спешиться женщине в синем пальто и шляпе. Женщина улыбалась Майлсу, а его руки обнимали ее талию.

Тананкоа ощутила в себе нервное напряжение.

Белая женщина. Как мог Майлс Болдуин привезти белую женщину сюда, в дом Тананкоа? Женщину из города, с улыбкой на устах и презрением в глазах к индейской жене Денниса Куинлана.

Они шли через двор к дому.

Тананкоа отступила от окна, сердце ее билось. Если бы у нее в доме была задняя дверь, она выбежала бы, вскочила на своего пони и ускакала прочь.

Но задней двери не было. Она еще раз глянула в окно и с облегчением увидела, что Деннис вышел из амбара и заторопился им навстречу.

Он что-то крикнул Майлсу, и Тананкоа видела в узкое окно, как Майлс и женщина остановились, ожидая Денниса. Начались улыбки, кивки и рукопожатия, а потом они все трое направились к дому.

Путей к бегству не было. Тананкоа поправила черную косу, свешивающуюся ей на спину, сняла передник, стряхнула муку со своей блузки, глубоко вздохнула, выпрямилась, и, когда дверь отворилась, она стояла, высокая и спокойная, со вздернутым подбородком.

Она напомнила себе, что она племянница великого вождя, заставляя себя выглядеть со спокойным достоинством.

В ней течет кровь Повелителя Грома. Она жена Денниса Куинлана.

Эта женщина — Тананкоа посмотрела на нее и сдержала себя — эта красивая белая женщина гостя в ее доме, ее привез мужчина, к которому ее муж относится как к брату.

Поэтому Тананкоа будет обращаться с этой женщиной уважительно, предложит ей еду, не выкажет обиду, которая кипит в ней по отношению ко всем таким женщинам, женщинам с белой кожей и надменными глазами, которые убеждены, что Тананкоа и весь ее народ не более чем грязь у них под ногами.

Они покончили с вкусным супом и горячими лепешками, которые поставила перед ними Тананкоа, выпили по кружке горячего кофе и съели по куску яблочного пирога.

— Майлс, я был бы тебе благодарен, если бы ты вышел вместе со мной в амбар, — сказал Деннис. — Там у меня телка, и я хочу, чтобы ты взглянул на нее. Она ничего не ест, и я боюсь, что потеряю ее.

Пейдж ощутила панику, когда дверь за мужчинами закрылась и она осталась наедине с этой необщительной индейской женщиной.

С того момента, как они вошли в ее дом более двух часов назад, Тананкоа не сказала Пейдж ни одного необязательного слова. Только «здравствуйте», «не хотите ли еще кофе», она ни разу не обратилась непосредственно к Пейдж, даже не посмотрела в ее сторону.

Пейдж дважды пыталась завязать разговор, спрашивала о великолепно выкрашенном меховом ковре на полу, похвалила яблочный пирог, спросила, как хозяйка готовит его, но оба раза Тананкоа отделялась односложными ответами и уходила в дальний конец комнаты.

Мужчины, похоже, не замечали этих подводных течений, но для Пейдж напряженность в комнате и молчание хозяйки были частью графически четкого послания.

Тананкоа возмущена ее присутствием. Было совершенно очевидно, что жена Денниса не хочет видеть ее здесь и у нее нет никакого желания держаться дружелюбно. Чувствуя себя весьма неуютно, Пейдж сидела за столом, гадая, сколько миллиардов лет пройдет, пока мужчины наконец вернуться.

Поленья в очаге зашипели, молчание тянулось как резина.

— Я помогу вам с мытьем тарелок. — Пейдж в отчаянии встала и начала выскабливать посуду.

— Я сама вымою.

Спокойные слова прозвучали скорее как приказ, а не предложение.

Теперь или никогда. Пейдж подошла к Тананкоа и положила руку на ее рукав, стараясь вложить в свою улыбку всю теплоту, на какую способна.

— Пожалуйста, Тананкоа, позвольте мне помочь вам. Понимаете, там, откуда я, есть золотое правило: тот, кто готовил, не моет посуду.

Огромные черные глаза Тананкоа изучали Пейдж довольно долго, потом тень улыбки промелькнула по ее классически прекрасным чертам лица.

— А мужчины вашего племени соглашаются с этим правилом?

Пейдж усмехнулась.

— На самом деле, я думаю, именно они его и придумали, после того, как женщины стали заставляя их готовить.

Пейдж заметила недоверие на лице Тананкоа.

— Мужчины готовят?

— Иногда. Я появилась здесь из совсем другого мира. — Она чувствовала, что входит в глубокую воду. — Очень далеко отсюда.

Каждый раз, когда ей приходилось объяснять разницу между ее временем и этим, она ощущала, как вся напрягается, видя на лицах недоверчивость.

— Там, откуда я появилась, совершенно другие обычаи. Я жила в городе, и там работа, которую выполняют мужчины и женщины, не так четко отделены друг от друга, как здесь. Я была... я и есть... врач. В мое время многие женщины работают врачами, адвокатами, бизнесменами. Даже полицейскими. Женщины обладают там гораздо большей свободой, чем здесь.

Пейдж в расстройстве махнула рукой, обращаясь больше к себе, чем к Тананкоа.

— Будь я проклята, но это так трудно объяснить, насколько время все изменило, что никто не знает, о чем я говорю, когда упоминаю автомобиль или самолет.

Тананкоа слушала ее молча. Она внимательно вглядывалась в лицо Пейдж, и теперь она кивнула головой. Ее голос стал более теплым, из него ушла натянутость.

— Я так думаю, что вы та женщина, о которой однажды говорил нам Майлс. Женщина, которая идет между мирами. Это так? Это вы?

У Пейдж по спине пробежала дрожь.

— Да. Наверное, это я.

Неожиданно для самой себя она рассказала о том, что случилось в то утро, которое казалось таким далеким.

Когда Пейдж закончила, Тананкоа кивнула.

— Значит, вы перешли из тогда в сейчас, — сказала она.

Это было очень точное и поэтичное описание того, что случилось с Пейдж. Более того, Тананкоа, похоже, приняла без всяких вопросов, что такое может случиться.

Пейдж могла только уставиться на эту прекрасную индейскую женщину, ошеломленная тем, как спокойно та все воспринимала. Без всяких объяснений, без подробностей, которые требовали от нее все, кто слушали ее рассказ и потом отказывались верить. Тананкоа просто поверила ей.

Слезы благодарности навернулись у Пейдж на глаза.

— О Тананкоа, да! — сказала она, когда сумела проглотить комок в горле и заговорить. Пейдж вся дрожала от возбуждения, и чувство благодарности переполняло ее. Так радостно, когда тебе верят. — Да, со мной произошло именно это. Я прошла между мирами, прошла из тогда в сейчас. О Боже, вы первый человек, встретившийся мне, который не считает меня сумасшедшей!

Она взяла руку Тананкоа в обе свои руки и сжала ее, пытаясь выразить то, что она чувствует, но не может выразить.

Тананкоа только кивнула, лицо ее было спокойным. Ее пальцы обвились вокруг пальцев Пейдж.

— Иногда мой народ тоже проходит между мирами, Пейдж Рандольф. Но выбирают один из них.

Пейдж потребовалось какое-то время, чтобы осознать то, что сказала Тананкоа. До ее сознания медленно доходил тот факт, что есть люди, знающие про этот феномен, случившийся с ней, люди, которые, быть может, испытали его на себе, как испытала она. Она не одна и она не сумасшедшая.

Но в том, что сказала Тананкоа, проскользнуло, что люди ее племени делают это по своей воле.

Сердце Пейдж стучало о ее ребра.

Если кто-то знает, как переместиться отсюда туда... тогда, быть может... О Боже! Быть может...

Может быть, для нее есть путь обратно.

— Майлс, Тананкоа сказала мне, что кое-кто из ее племени испытал то, что произошло со мной, это передвижение во времени. Это как чудо — встретить кого-то, кто слышал о таких случаях раньше.

Они возвращались в Баттлфорд, и взволнованный голос Пейдж звучал колокольчиком над замерзшими полями.

В ранних сумерках снег отливал синими тенями. Где-то вдалеке завыл волк. Этот вой и поскрипывание упряжи лошадей были единственными звуками, нарушившими тишину, если не считать монолога Пейдж.

Каким-то кусочком своего мозга Майлс замечал следы зайца, отпечатки лап койота, преследовавшего этого зайца.

Он оторвал взгляд от дороги и глянул на женщину, ехавшую рядом с ним. Буйные смоляные кудри Пейдж выбивались из-под шляпки, которую она небрежно надела. Ее шея была закутана красным шарфом, а лицо порозовело от морозного воздуха. Ее зеленые глаза казались в этом полусвете бирюзовыми, сияя, как драгоценные камни, на светло-кремовой коже ее лица.

Она выглядела такой оживленной, полной энергии, такой привлекательной среди этого замерзшего ландшафта. Она сидела на лошади по-мужски, юбка задралась почти до колен, ее красивые ноги в толстых черных чулках были видны между верхом ботинок и подолом ее юбки.

Она не замечала, что он разглядывает ее. Голос ее возвышался и падал, слова вырывались непрерывным потоком.

— У нас не было времени обсудить подробности, потому что вернулись вы с Деннисом, но основа нашей дружбы заложена. Тананкоа пригласила меня приехать к ней, и я собираюсь осуществить это. Я уверена, что смогу сама найти дорогу.

В его мозгу зазвенел колокол тревоги.

— Известите меня, когда захотите поехать к ним, и либо я поеду с вами, либо, если я буду занят, пришлю вам эскорт. Здесь женщине путешествовать одной небезопасно.

— Чепуха, — с отвращением сказала она. — Что может случиться со мной между Баттлфордом и домом Куинланов? Дорога пустынная, она не займет и часа, чтобы добраться туда. Мне не нужен телохранитель, чтобы проехать несколько миль по безлюдной дороге.

— Именно потому, что дорога безлюдна, я и беспокоюсь. Здесь бывают опасности, о которых вы и не подозреваете. Здесь, например, все еще бродят изменники-индейцы, — предупредил ее Майлс.

— О, Бога ради, Майлс! Индейцам не придет в голову скальпировать женщину, которая едет навестить свою подругу.

— Есть еще и дикие животные, Пейдж, и белые люди, совершенно нецивилизованные. — Майлс явно терял терпение. — Вы ничего не знаете, как защитить себя, у вас нет револьвера, и вы понятия не имеете, как стрелять. Поэтому нужен кто-то, кто будет сопровождать вас, если вы захотите одна путешествовать по прерии.

Он старался вести себя разумно, сдерживать свой характер. Почему она всегда спорит с ним? Он офицер Северо-Западной Конной, он привык, чтобы ему подчинялись. Он управлял своим госпиталем железной рукой, ни один из его подчиненных никогда не возражал ему,

как она это делает постоянно.

— Но я не хочу, чтобы меня кто-нибудь сопровождал, — настаивала она, выставив вперед свой подбородок. — Я хочу навестить Тананкоа одна. Я хочу разговаривать с ней с глазу на глаз, чтобы обе мы могли расслабиться и ближе познакомиться друг с другом. Я хочу узнать побольше о ее народе и его обычаях. Я должна узнать о путешествии между мирами. Неужели вы этого не понимаете, Майлс? Это мой единственный шанс вернуться в девяностые годы, которым я принадлежу. Это может оказаться для меня дорогой домой.

Он почувствовал, как у него внутри все опустилось. Теперь он понял ее возбуждение. До сих пор он не понимал, куда ведут все эти разговоры о Тананкоа и какой-то темной процедуре, которую устраивает ее племя.

Он должен был понять это сразу, но не понял. Не хотел понять, признался он себе, не хотел, потому что не желал думать об этой стороне Пейдж, о тайне, окружающей ее происхождение, о месте и времени, из которых, как она настаивала, она появилась здесь, вообразить которые он не мог.

Холодный воздух неожиданно словно превратил его кровь в лед, и дрожь пробежала по его телу. Он не хотел, чтобы она пыталась вернуться туда, откуда бы она ни появилась. Он нечасто виделся с ней, но подсознательно каждую минуту знал, что она поблизости, что если он захочет, то может сесть на Майора и через десять минут оказаться у ее двери.

Он не хотел потерять ее раньше, чем у него будет шанс действительно узнать ее.

* * *

— Майлс, я вам ужасно благодарна, что вы взяли меня сегодня с собой. Я не знаю, когда еще я так радовалась.

Они доехали до ее дома. Уже почти совсем стемнело, короткие зимние сумерки быстро переходили в ночь. Уже зажглись звезды, и в окнах загорелись желтые лампы. Дом Пейдж выглядел холодным и пустым, из трубы не шел дым.

Последние полчаса она обдумывала, не пригласить ли его на импровизированный ужин, но понимала, что у нее уйдет по крайней мере час на то, чтобы разжечь плиту и вскипятить чайник. От вчерашнего ужина остались суп и пол-ломтя хлеба, и ничего больше.

Он спешил и поймал ее на руки, когда она сползла со спины Минни. Поездка была долгой, и ноги у нее немного затекли. На один сладостный момент она прильнула к его сильному телу, это отняло у нее чуть больше времени, чем было необходимо, прежде чем она нехотя выпрямилась.

От него удивительно пахло — мокрой шерстью, табаком и свежим воздухом. В его дыхании слышался запах горячего рома, которым угостил его Деннис перед тем, как они уехали.

— Идите вперед, — распорядился он так, словно они вот так, вместе, приезжают домой каждый вечер. — Я позабочусь о лошадях, а потом принесу дров и разожгу для вас плиту.

Она зажгла свечу, которую держала около двери, и через несколько минут засветилась лампа. Пейдж с облегчением убедилась, что в доме не так уж холодно: оставленный ею в печке огонь горел, должно быть, большую часть дня.

Майлс принес охапку щепок, и вскоре печка начала выдавать волны тепла. Было странно и одновременно волнительно видеть, как этот высокий широкоплечий мужчина в красном мундире ведет себя в ее кухне как у себя дома.

— У меня есть кастрюля перлового супа, — предложила Пейдж. — Хотите остаться и разделить ее со мной?

— Спасибо. Суп — это будет хорошо.

— Вы только не очень-то возбуждайтесь, — предупредила она со сдержанной улыбкой. — Я не очень-то хорошо готовлю. Но вам повезло — это первая кастрюля супа, которую я не сожгла.

Пейдж подогрела суп и подала вместе с хлебом и куском сыра, и они ели эту простую еду, сидя перед очагом. Разговор протекал легко, они говорили о Деннисе и его ферме, о маленькой хирургической, которую Пейдж оборудовала в соседней комнате.

Она провела Майлса по дому и расцвела, когда он одобрил все, что она сделала, чтобы ее хирургический кабинет был удобен и приспособлен для операций.

Теперь Майлс сидел в кресле, а Пейдж, сбросив ботинки и оставшись в одних чулках, устроилась с ногами на диванчике, прикрыла ноги накидкой и обняла колени руками. Лампа бросала яркий свет, придававший комнате ощущение интимности. Искры вспыхивали в трубе от дров, которые Майлс время от времени шевелил кочергой, старые часы медленно тикали.

— Теперь, когда я сообщила вам во всех деталях операцию по растяжению и выскабливанию у Элен Джиллесли, расскажите мне, что происходит в госпитале.

Майлс начал перечислять все травмы, которыми ему пришлось заниматься последнюю неделю: укусы лошадей, обмороженные губы оттого, что трубили при температуре ниже нуля, старые огнестрельные раны, ленточные черви, прострелы, был и такой случай, когда он удалял ноготь на ноге у констебля, которому на ногу наступила копытом лошадь.

Пейдж ничего не могла с собой поделать — она начала хихикать.

— Я не совсем понимаю, почему вам эти несчастные случаи представляются такими смешными, — поддел ее Майлс, улыбаясь. — Мои бедные пациенты отнюдь не считают их таковыми.

— Я знаю, и я не должна смеяться. Просто я представила себе клинику в Ванкувере, куда является человек, пострадавший, скажем, от укуса лошади, — попыталась она объяснить. — Бог мой, у Сэма глаза вылезли бы из орбит!

— У Сэма? — Вопрос Майлса прозвучал как бы между прочим.

— Это доктор Сэм Харрис, мой партнер. — Пейдж смотрела на огонь, ее голове упиралась в ее колени. — Да, он был моим партнером. Думаю, что теперь он предпринял юридические шаги, чтобы взять целиком на себя руководство клиникой. Я бы сделала то же самое, если бы он исчез, как исчезла я.

В ее голосе звучала ностальгия, но к своему изумлению, она обнаружила, что совсем не печалится, думая о клинике и о Сэме. Уж слишком хорошо она чувствовала себя здесь сегодня вечером с Майлсом, чтобы думать о другой жизни, как она обычно думала.

— Он был влюблен в вас, этот Сэм Харрис?

Пейдж оторвала взгляд от огня и посмотрела на Майлса. Он разглядывал пустую чашку из-под кофе так, словно в ней заключались ответы на все вопросы мироздания.

— Да, думаю, что был.

— А вы? Вы были влюблены в него, Пейдж?

Теперь он посмотрел на нее своими непроницаемыми серыми глазами.

Она покачала головой, чувствуя, как ее непокорные кудри щекочут ей шею.

— Нет. Я не раз хотела бы полюбить его. Сэм был... вернее, есть... замечательный парень, из него получился бы изумительный муж. Но я не любила его.

Потому что он не вы, хотелось ей сболтнуть. Никогда я не ощущала с Сэмом этого головокружительного, сладостного возбуждения, этого страстного желания оказаться в его руках, стремления, чтобы он познал меня, познать его, глубже и глубже, как жажду я тебя.

Она хотела, чтобы Майлс понял, кто она и что она такое. Она хотела честности и правды между ними.

— Я влюблялась до сих пор только однажды, — начала она, не совсем уверенная в том, в чем только что призналась. — Мне было семнадцать лет, я только что поступила в университет.

Она чувствовала на себе глаза Майлса, но сама на него не смотрела. Ей было легче смотреть на огонь.

— Он был лихой студент-медик на шесть лет старше меня, звали его Ник Моррисон, и мы оба понятия не имели о противозачаточных средствах, потому что через два месяца я забеременела. Он хотел, чтобы я сделала аборт, но я не могла пойти на это. Ребенок... — Она проглотила комок в горле и попробовала продолжить: — Видит Бог, я не могла убить моего ребенка. Он уже стал для меня личностью. Ник был в ярости. Думаю, что он к тому же перепугался.

Даже после стольких лет ей было трудно рассказывать все это. Пейдж прокашлялась, все еще избегая смотреть в глаза Майлсу.

— Я доверилась подруге, которая знала Ника. Она позвонила его родителям, и поднялся большой скандал. Они были люди высокоморальные и стали давить на него, чтобы он женился на мне, угрожая в противном случае лишиться его финансовой поддержки. А она ему была необходима, он хотел стать врачом. Я была слишком перепугана, слишком молода и слишком влюблена, чтобы понять, какая это ошибка. Все, о чем я могла подумать, так это что мы справимся и у моего ребенка будет семья.

Пейдж вспомнила, как она была влюблена в Ника, бессонные ночи, когда он не являлся домой и не звонил, ужасный день, когда она увидела, как он в библиотеке целовал другую студентку, как она нашла кружевные трусики в кармане его твидового пиджака. Сама она в это время носила большие трусы для беременных. Те же трусики были розовые и очень маленькие.

— Вскоре я поняла, что он меня не любит. Моя жизнь начала концентрироваться вокруг моего будущего ребенка.

Она не могла забыть ночь, когда у нее начались родовые схватки, и даже теперь, после стольких лет, ее всю передернуло. Как обычно, Ника поблизости не было, и даже первые схватки превратились в агонию, боль не отпускала ее ни на минуту.

Она вызвала такси, пошатываясь, вышла, чтобы встретить машину. Все было сплошным кошмаром. Родильный дом находился за городом, молодой врач, занимавшийся ею, неопытен.

— Они так и не нашли Ника в ту ночь. У меня был узкий таз, схватки продолжались и продолжались. В конце концов ребенка извлекли с помощью кесарева сечения. Я была без сознания. Когда я пришла в себя, мне сказали, что ребенок родился мертвым, хорошо сложенная девочка, которая только не смогла дышать. Я разрыдалась и рыдала до тех пор,

пока они не разрешили посмотреть на нее, поддержать минуту-другую. Она была исключительно крупным ребенком, поэтому-то я и испытывала такие трудности. Она выросла бы в прелестную девочку. — Пейдж давно уже не плакала, вспоминая свою дочку, но сейчас не могла удержаться от слез. — Я так отчетливо помню, как она выглядела. О Майлс, я полюбила ее за эти несколько минут.

Она поняла, что Майлс сел рядом с ней на узкий диванчик. Его мускулистая рука обняла ее за плечи, прижала к себе, и ей стало так хорошо ощущать своей щекой грубую шерсть его красного мундира.

— В ходе операции были осложнения и потом заражение. Они сказали мне, что вряд ли я когда-нибудь еще забеременею.

Она услышала звук, который он издал, бормотание, в котором было понимание и сочувствие, и это ее утешило.

Прошло несколько часов после того, как унесли ее ребенка, когда приехал Ник. Он где-то выпивал, Пейдж ощутила запах виски и сладких резких духов, когда он наклонился и коснулся губами ее лба.

— Мы развелись.

Пейдж припоминала ужасную пустоту в теле, агонию похорон ребенка. Временами ей казалось, что она сходит с ума, и тогда она погрузилась в учебники, чтобы отвлечься, увести свои мысли от мысленной картины ее обнаженного синеватого тельца, заставить себя вспомнить, что было в учебнике, который читала. Она всегда была хорошей студенткой, теперь она стала выдающейся. Постепенно учебники сменились специальными медицинскими трудами, и когда пришло время, она без труда определилась на медицинский факультет.

— Наверное, я была не права, но я жила с ощущением, что при правильном медицинском уходе девочка могла бы выжить, — тихо проговорила Пейдж. — Вот я и стала гинекологом.

Медицинское обучение было очень тяжелым. На медицинском факультете процветал мужской шовинизм. Она овладела искусством выживания, научилась быть грубой, игнорировать приставания мужчин. Когда она закончила, ей предложили поступить в ординатуру в Больнице Милосердия, славившейся своим гинекологическим отделением.

— Я встретила Сэма, когда училась в ординатуре, и мы с самого начала подружились. Мы вместе занялись врачебной практикой и со временем открыли собственную клинику.

В очаге сдвинулось полено, масло в лампе выгорело, огонь замигал и потух.

Пейдж спустила ноги с диванчика, намереваясь встать и заправить лампу, но руки Майлса, обнимавшие ее плечи, удерживали ее.

— Вы раньше кое-что сказали, Пейдж. Вы сказали: «До сих пор я влюблялась только один раз». Что вы имели в виду? Что значит «до сих пор»?

Она в ужасе приоткрыла рот и возблагодарила темноту, потому что лицо ее горело так, словно искры из очага подожгли ее кожу.

— Пейдж?

Он не даст ей увильнуть, она это знала. Она уже разобралась в нем. Под внешностью спокойного южного джентльмена скрывалась закаленная сталь, упрямый характер, который может потягаться с ее нравом.

О Боже, почему она так распустила язык? Не зря говорят о фрейдистских оговорках...

Ладно, она не жеманная викторианская дамочка, он теперь это хорошо понимает. И

если он слишком толстокожий, чтобы раскусить ее, она сама растолкует ему. Она глубоко вздохнула.

— Я имела в виду, что каким-то образом я умудрилась влюбиться в вас, Майлс Болдуин.

О Боже, она действительно сказала это! Она перевела дыхание и снова попыталась подняться.

Ей нужно отодвинуться от него, она уверена, что он слышит, как бьется ее сердце. У нее в груди застрял комок, который поднимался к горлу, угрожая задушить ее.

Но он крепко держал ее в руках, без особых усилий не позволяя ей двинуться. Он глубоко вздохнул, вздрогнув всем телом.

— Я подумал, что именно это вы могли иметь в виду, мисс Рандольф.

Голос его слегка дрожал. Потом он повернул ее лицом к себе, приподнял так, что ее груди прижались к его груди. Она оказалась у него на коленях.

— Я надеялся, что вы именно это имели в виду, дорогая Пейдж. Потому что я думаю, что влюбился в вас в первый же момент, когда увидел.

И, прежде чем она успела осознать его слова, его рот оказался у ее рта, его губы, поначалу мягкие и нежные, коснулись ее губ.

Однако вскоре нежность сменилась требовательностью. Пейдж почувствовала себя так, словно жар от огня проникает в ее поры. Ей казалось, что она тает, волна вулканической лавы, медленная и сладкая, поплыла вниз, откликаясь на ласку его языка, его сильных губ, поглаживающих ее тело.

— Я хочу тебя, Пейдж. — Голос его был хриплым и настойчивым. — День и ночь я думаю только о тебе. Ты сводишь меня с ума.

Его дрожащие пальцы коснулись ее шеи, нащупывая дюжины пуговиц, застегивавших ее блузку. В нетерпении она подняла руку и проворно расстегнула их, забыв на минутку, что на ней все еще длинное нижнее белье, которое она надела утром.

С этими большими пуговицами он справился быстро, освобождая ее от блузки с длинными рукавами, от фланелевых штанишек, открывая ее плечи и руки, и обнаружил ее кружевной бюстгальтер.

Он удивленно вздохнул, взял ее набухшие груди в свои ладони и какое-то мгновение разглядывал бюстгальтер, перед тем как его губы начали двигаться вниз от ее горла, его язык ощутил биение пульса, нашел дорогу к одному соску, потом к другому.

Она задохнулась, когда его рот коснулся ее сосков, когда жар и влага проникли сквозь тонкое кружево до самой ее сущности.

Недовольное ворчание вырвалось из его горла, когда он безуспешно отыскивал застежку на ее бюстгальтере.

— Что за дьявольское изобретение! — выругался он.

Она нервно рассмеялась, показывая ее скрытую застежку и позволяя этой кружевной штучке медленно, возбуждающе сползти с нее.

Теперь его губы упорно, мастерски играли с ее грудями, посасывая, облизывая, его зубы заставили ее задохнуться от наслаждения, его язык посылал эти сладкие язычки пламени, пронизывающие все ее тело. Его руки со знанием дела нашли застежку ее юбки, одним нетерпеливым движением он снял с нее штанишки и нижнее белье, оставив ее обнаженной.

— Это несправедливо, — прошептала она. — Я голая, а ты нет.

Он оторвался от нее, встал, и вся его одежда в один миг уже валялась на полу вместе с ее одеяниями. Он положил ее снова на диван, встал на колени рядом и начал ласкать ее

своими длинными пальцами.

У нее перехватило дыхание, когда отсвет огня упал на его обнаженное тело. Он обладал великолепной фигурой, с длинными ногами, широкоплечий, со стройными бедрами, на груди у него курчавились волосы, отливающие золотом в мерцающем свете огня. Его серые глаза блестели, исполненные восхищения, когда он рассматривал ее обнаженное тело, оглядывая его таким напряженным взглядом, что она чувствовала, как пробегает по ней сладостная дрожь.

Улыбка заиграла на его губах.

— У меня хорошее воображение, но на этот раз оно потерялось при столкновении с реальностью, — выдохнул он. — Ты восхитительна, любовь моя!

Теперь его губы отправились в путешествие по пути, которым за секунду до этого блуждали его глаза, они проложили горячий след по ее грудям, к животу, его сильные руки нежно повернули ее, раздвинув ее ноги.

Она задохнулась, когда его язык прикоснулся к ней. Она закрыла глаза, когда серебряные пузырьки наслаждения пробежали по всему ее телу. Ее руки впились в его волосы, пузырьки стали волнами, которые трудно было вынести.

Его рот был горячим и сладким, а его язык...

О Боже, его язык...

Ее тело дергалось в судороге, из горла вырвался крик, когда этот жар сконцентрировался, взорвался, окатил ее волной экстаза.

— Пейдж, иди ко мне!

Голос его был глухим. Он нетерпеливо, охваченный страстью, расстелил вязаный плед и одним движением перенес ее на ковер. Она вскрикнула, когда он вошел в нее, и сразу же начала двигаться. Это был крик радости, триумфа, благодарности!

Она находилась теперь именно там, где ей надлежало быть, в его руках, распятая под его длинным, сильным телом.

В их соитии не было никакой нежности. Он вторгся в нее с неистовой силой, их тела вскоре покрылись потом.

Она обвилась вокруг него, ее руки и ноги удерживали его в нужном ей положении, тело ее трепетало, подбираясь, сначала медленно, а потом с гортанным криком, отозвавшимся в каждой частичке ее тела, к сотрясшему всю ее оргазму, перелившемуся в сладостный теплый покой, летаргическую неподвижность, такую безграничную, что она не была уверена, сможет ли когда-нибудь вообще двигаться.

Он оказался на ковре рядом с ней, его ноги все еще сплетались с ее ногами, его руки сжимали ее, его глаза закрыты. Он приподнял голову и ткнулся в ее подбородок с ленивым удовольствием.

— Ты пахнешь розами.

— Угу. — Ее голос был медлителен и ленив. — Я купила розовую воду. Я привыкла к этим духам, настоенным на розах, и мне их не хватало.

Они лежали неподвижно, потом она сказала:

— Ты знаешь, ты в этом очень хорош. — Ее дыхание понемногу выравнивалось, но сладостные толчки наслаждения все еще пробегали по ее нервным окончаниям. — У тебя было, очевидно, больше практики, чем у меня.

Мысль о нем и других женщинах вызвала у нее укол ревности.

— Я очень надеюсь на это. — Он устроил ее голову поудобнее на своем плече. —

Женщины не могут обладать большим опытом в подобных делах.

— Ты хочешь сказать, приличные незамужние женщины вашей эпохи.

Она почувствовала, как он кивнул.

— Да, я имею в виду приличных незамужних женщин.

Ею овладело любопытство.

— Отсюда я делаю вывод, что ты практиковался с женщинами иного сорта, с женщинами, которые не являются приличными?

Его голос звучал сонно:

— Джентльмен не обсуждает такие вещи с леди.

Она издала резкий звук.

— Меньше всего я хотела бы, чтобы меня считали леди. Судя по тому, что я вижу, нынешние леди не очень-то развлекаются.

— И к тому же они не носят такое белье. — Она была уверена, что он улыбается. — Если это образец нижнего белья из твоего времени, я бы сказал, что мир неплохо прогрессирует.

Пейдж обдумала эти его слова. Она приподнялась и оперлась на локоть, чтобы глянуть на него. Глаза его были закрыты, и она отметила, что у него неправдоподобно длинные золотистые ресницы.

Она провела пальцем по его лицу, по высоким скулам, впалым щекам, сильному подбородку, слегка загрубевшей коже, там, где с утра, когда он брился, начала отрастать борода.

— Теперь ты мне веришь, Майлс? Что я появилась из девятьсот девяностых годов?

Она сама не знала, почему ей это было так важно, чтобы он поверил ей.

Он открыл глаза и посмотрел на нее, весь его облик выражал удовлетворение, так же, как и его любовь к ней.

— Да, моя дорогая, верю. Я уже какое-то время как поверил тебе, хотя раньше я был настроен скептически. — Он снова прикрыл глаза. — Но с той минуты, как я увидел тебя в этих проклятых брюках, я понял, что все, что ты говоришь, это реально и это правда.

Она нахмурилась, озадаченная.

— Мои джинсы? Но я не понимаю, почему убедили тебя именно мои джинсы, когда было так много вещей, о которых я тебе рассказывала, — о развитии медицинской науки, о микроволновых печах, о моечных машинах, — да почти обо всем.

Он обнял ее за плечи и перетащил на себя, взял ее голову в руки, запустив пальцы в ее буйные кудри, глянул в ее зеленые глаза своими глазами, казавшимися серебряными в отблесках огня.

— Ты чувствовала себя абсолютно удобно в этих ужасных штанах, Пейдж. Ты даже не помнила, что ты в них, пока я не обратил твое внимание.

Она все еще не понимала.

— Конечно, я чувствовала себя удобно. А почему бы и нет? Я привыкла всегда носить такие брюки. Они были моей любимой одеждой.

Он улыбнулся, и она подумала, что это грустная улыбка.

— Совершенно верно. Когда я преодолел шок, увидев тебя в них, я подумал, что ты, должно быть, носила их раньше, чтобы чувствовать себя в них так свободно, и вряд ли это могло быть, если ты действительно не из другой эпохи, как ты и настаивала. Здесь женщины не носят такие брюки.

— Значит, я спасена благодаря моим брюкам, — вздохнула она, оборачивая все в шутку, потому что была близка к тому, чтобы заплакать.

Он взял в руки ее ягодицы, и она могла ощутить, как напрягается его член, упираясь в ее живот.

— Я категорически запрещаю тебе носить эти штаны при ком-либо, кроме меня, — прорычал он. — Мне снились по ночам кошмары, в которых фигурировали ты и эти проклятые штаны. Дай мне слово, Пейдж!

Она ухмыльнулась, прижимаясь щекой к мягким волосам на его груди и чувствуя, как в глубине ее тела, как спящий котенок, начинает шевелиться вождение.

— А что я получу в обмен на обещание?

Он издал нетерпеливый звук и поймал ее рот в поцелуе, выдававшем желание. Он прижался к ней таким образом, который нельзя было истолковать как-то иначе.

— Ладно, — задохнулась она. — Ты победил. Я даю тебе слово.

Она приподняла свои бедра и приняла его в себя, такого знакомого и тем не менее такого нового и странного, положив руки ему на грудь, запрокинув голову, прикрыв глаза и двигаясь в извечном ритме, а их страсть достигла невероятных высот.

Она услышала, как он пробормотал:

— Я люблю тебя, Пейдж.

Она хотела ответить, но страсть лишила ее способности произносить слова.

Ему отвечали ее тело, ее душа, она закричала на мгновение раньше, чем он, потом, измученная, упала ему на грудь, испытывая глубокий покой. Это было странное чувство, которое ей еще предстояло расшифровать.

Постепенно она поняла, что в первый раз за многие годы — а может быть, впервые за всю свою взрослую жизнь — она больше не одинока.

— Огонь прогорит, если я не принесу дров. И вообще мне нужно возвращаться в форт.

Они лежали, обнявшись, на ковре, а огонь в очаге превращался уже в угли, и холод закрадывался в комнату.

Майлс встал и поднял ее, переложив на диванчик и укутав покрывалом, когда она начала дрожать. Он надел свое нижнее белье, носки и брюки и занялся огнем.

— Я хотела бы, чтобы ты остался, — вздохнула она.

Это было бы райским наслаждением — проснуться рядом с ним утром, лежа в его объятиях.

Он положил небольшое полено на тлеющие угли и подождал, пока оно разгорится, и только после этого обернулся и улыбнулся ей.

— Я тоже хотел бы, дорогая, — но ведь форт, а потом и весь город будут знать, что я утром приехал от тебя.

Он нахмурил брови.

— Мы должны быть очень осторожны, Пейдж. Конечно, если ты хочешь иметь пациентов и чтобы о тебе в городе говорили как об уважаемой женщине-враче. Если станет известно, что ты моя любовница, мне это мало чем повредит, а тебе очень.

Все ее чувства сопротивлялись, но она знала, что он прав.

Занимаясь Элен Джиллесли, она поняла, как хочет практиковать как врач, а теперь уже знала, какой жестокий моральный кодекс действует в этой эпохе.

Одевшись, Майлс взял ее на руки и отнес в спальню. Он нашел ее ночную рубашку — его ночную рубашку — и надел на Пейдж.

— Кто сшил тебе эту рубашку? — Этот вопрос давно ее интересовал.

— Моя мать. — Голос его был полон нежности. — Она была прекрасна, совсем как ты.

— Но я не смогу сшить ничего, разве только хирургические разрезы.

Он засмеялся и начал тискать ее под простынями, как если бы она была ребенком. Но поцелуй, который он подарил ей, был отнюдь не отеческим.

— Спи спокойно, миледи. Я скоро вернусь.

Изнеможенная после ночи любви, да еще после долгой поездки верхом, Пейдж еще лежала в постели, когда на следующее утро у ее дверей возник Роб Камерон.

Еще полусонная, она вскочила, когда стук в дверь разбудил ее, и пыталась найти халат, чтобы накинуть его поверх ночной рубашки. В спальне было тепло: Майлс перед тем, как уехать, зажег маленький обогреватель и сунул дрова и в другие очаги.

Так и не найдя халат, Пейдж накинула на плечи большую шаль и, пошатываясь, направилась к двери, ощущая себя как после наркоза.

— Роб, доброе утро. — Почти ослепленная ярким солнцем, она косилась на коренастого полицейского. — О Боже, который же сейчас час?

— Мои извинения, Пейдж. — Его загорелое лицо стало совсем красным при виде ее ночной рубашки. — Мне очень жаль, что я вас разбудил. Я был уверен, что вы уже встали. Я приехал, потому что подумал, что вы захотите свежего мяса. Я вчера во время патрулирования подстрелил оленя. — Он показал завернутый в парусину пакет. — Я положу его на холод и поеду дальше.

Он выглядел таким разочарованным, словно маленький мальчик, которому обещали удовольствие, а потом его лишили, что Пейдж почувствовала себя виноватой.

— Нет-нет, не торопитесь уезжать, Роб. Дайте мне только несколько минут, чтобы умыться, одеться и поставить кофейник на огонь, и тогда вы можете войти и разделить со мной завтрак.

Черт побери! Она закрыла дверь и нахмурилась. В это утро ей не хотелось находиться в чьей-либо компании. Она предпочла бы побездельничать и мысленно перебирать события прошедшей ночи.

Это напомнило ей кое о чем. Она заторопилась в холл, чтобы собрать кучу одежды, бюстгальтер и трусики, нижнее белье и нижнюю юбку, разбросанные по ковру.

Спустя полчаса Роб сидел за кухонным столом, в его широких обветренных ладонях дымилась кружка кофе.

— Я научилась хорошо готовить овсяную кашу, — похвасталась Пейдж, бросая в кастрюлю две полные горсти. — И, благодаря вам, я не так уж плохо справляюсь с супом и лепешками.

Она улыбнулась ему, думая о том, как высоко ценит его дружбу.

— Вы прекрасный учитель, Роб. — Она поставила кружку на стол и села в кресло. — И вы хороший друг.

Неожиданно Роб резко поставил свою кружку, и Пейдж заметила, что у него дрожат руки. На лбу у него выступил пот, он двумя пальцами приглаживал усы. Потом он поднялся, встал по стойке «смирно», руки с сжатыми кулаками прижаты к бокам. Лицо у него покраснело, как его мундир, даже веснушки перестали быть видны.

Пейдж в изумлении уставилась на него.

— Бог мой! Что случилось, Роб? Или это виновата овсянка?

Он сделал три быстрых шага и упал на одно колено.

— Пейдж, я влюбился в вас. Вы мне окажете честь стать моей женой?

Он с трудом выговаривал слова, его шотландский акцент звучал так сильно, как никогда раньше, широкое серьезное лицо исказилось как от боли.

Она долго молчала, не в силах вымолвить ни слова. Его пунцовое лицо находилось всего в каком-нибудь футе от ее лица. Она смотрела на него, не зная, что сказать.

Роб откашлялся.

— Я понимаю, что сейчас не время, Пейдж. Я все хотел выбрать подходящий момент, но он никак не подворачивался.

Пейдж страстно желала оставаться в постели. В это утро она не была готова к такому разговору. Но взгляд на серьезное, открытое лицо Роба заставил ее оторваться от мыслей о своих неудобствах и подумать о том, что он должен сейчас переживать.

Она нерешительно протянула руку и коснулась его щеки, горячей, как в лихорадке.

— Роб, дорогой. О Боже, Роб, пожалуйста, встаньте, садитесь к столу и давайте... давайте поговорим.

Он поднялся, прямой, как марионетка, сел на стул, глядя ей в лицо, стараясь оценить ее реакцию, взволнованный поток слов вырывался у него:

— Я понимаю, что тороплюсь. Я знаю, вам нужно время, чтобы обдумать все, Пейдж. Я понимаю, что не ухаживал за вами, как это положено, не появлялся вместе с вами на людях, как должен был бы. Я все сделаю, мы будем гулять как положено. Вот, на следующей неделе собираются устроить катание на санях, вы пойдете туда со мной? Пойдете?

Сначала он сделал ей предложение, а теперь просит ее о свидании. От абсурдности всей ситуации у нее закружилась голова и в горле застрял истерический смех. Она подавила его, ибо подумала, что должна вести себя осторожно и тактично, а иначе она обидит Роба и потеряет его дружбу, которой очень дорожит.

Ей в голову пришла тревожная мысль. Слышал ли он что-нибудь о ней и о Майлсе? Откуда он мог узнать? Слухи быстро разлетаются по этому городу, но чтобы между полночью и сегодняшним утром?

Тем не менее она почувствовала, что вся вспыхнула, как виноватая школьница. Святой Боже, эти здешние нравы просто достали ее!

— Роб, я вот чего не понимаю... — Она запнулась. — Что-нибудь случилось? Это так неожиданно, я не знаю... — Она молча проклинала себя за то, что избрала такой путь. — Роб, что заставило вас делать мне предложение сегодня утром? Для меня это полная неожиданность.

Он опустил глаза и она могла заметить, как движется его адамово яблоко — раз, другой.

— Похоже, что мои визиты к вам компрометируют вас, — выдавил он наконец из себя. — Я все равно собирался в скором времени просить вас, когда почувствую, что время пришло. Но я тут повстречал Лулу, и кое-что, что она мне сказала, заставило меня понять...

Опять эта Лулу Либерман! Пейдж представила себе, как она идет к меблированным комнатам и врзает кулаком прямо по зубам Лулу.

— Послушайте, Роб.

Она пыталась сообразить, как бы ему объяснить и в конце концов решила сказать ему правду — так мягко, как могла.

— Я не могу выйти за вас замуж.

Если бы она думала, что его предложение продиктовано чем-либо иным, а не любовью, то убедилась бы, глядя на потерянное выражение его лица, на нежность в его глазах. Она ненавидела себя за то, что причиняет ему боль, но у нее не было другого выхода — она должна поставить все на свои места, здесь и сейчас.

— Это замечательно, что вы делаете мне предложение, и я в ужасе, что могу потерять в вашем лице лучшего моего друга, но правда такова... — У нее перехватило дыхание. Пейдж сделала судорожный глоток и продолжала: — Правда заключается в том, что я связана с другим человеком.

«Связана». Да будь все проклято, никто еще не произнес такого слова, в этом она была уверена! Но так уж у нее вырвалось.

— Вы обручены? — От потрясения это слово прозвучало, как кашель. — Вы уже обручены с кем-то?

Все с каждой минутой становилось все хуже. Она затрясла головой.

— Нет, не обручена. Не помолвлена, — поправила она.

Как объяснить этому простому, удивительному человеку сложные отношения, возникшие между ней и Майлсом?

— Но я люблю его, — произнесла она твердо. И даже при этих обстоятельствах сердце ее воспарилось, когда она добавила: — И он любит меня.

Лицо Роба побледнело, хотя до сих пор было пунцовым, веснушки на нем проступили, как капли краски.

— Кто? — С трудом выговорил он. — Кто он. — Его хорошие манеры взяли верх, и он торопливо добавил: — Простите меня, Пейдж, я был груб. — Его переживания вновь

пересилили, и он взорвался: — Но вы должны сказать мне, кто он, будь он проклят!

— Вы имеете право знать, Роб. Это... это Майлс, Майлс Болдуин. Но об этом пока никто не знает.

— Главный врач Болдуин?

Роб был потрясен. Он не был бы больше потрясен или не поверил бы ей, если бы она сказала, что у нее любовь с Повелителем Грома. Пейдж ощутила, что в ней поднимается раздражение против него. Во имя Господа Бога, почему ему кажется таким невероятным, что она и Майлс влюблены друг в друга?

— Я думал... Я хочу сказать... вы оба... вы цапались, как кошка с собакой. Кроме того, все знают, что главный врач Болдуин держится сам по себе, он не из тех, кто ухаживает за дамами. Я имею в виду, что многие женщины здесь пытались, но... — Роб вдруг понял, что он говорит, и замолчал.

Для Пейдж было облегчением услышать, что Майлс не крутит любовь с половиной города, но она не могла придумать, что ей сказать Робу.

Наступило долгое тягостное молчание. В конце концов Роб снова встал, и Пейдж тоже поднялась, ощущая свое бессилие исправить положение.

— Роб, неужели мы не можем остаться друзьями? Я рада, что вы заезжаете ко мне, я жду ваших визитов. Мне будет очень не хватать вас, если у нас из-за этого возникнут проблемы.

В том, как он накинул свое тяжелое пальто и натянул ондатровую шапку на уши, было трогательное достоинство. Он ответил на ее вопрошающий взгляд грустной, кривой улыбкой, от которой у нее защемило сердце.

— Да, мы останемся друзьями, Пейдж, не бойтесь. Просто мне нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Он отсалютовал ей одетой в перчатку рукой и вышел через заднюю дверь, аккуратно закрыв ее за собой.

После его ухода Пейдж дрожащими руками налила себе кружку кофе и упала в кресло, не зная, чего она хочет — смеяться или плакать. На протяжении двадцати четырех часов она заявила о своей любви к одному мужчине и ей сделал предложение другой.

Ничего подобного с ней никогда не случалось в той, как она теперь ее называла, «другой жизни».

Она однажды слышала, как кто-то тогда, в девятьсот девяностых годах, сказал, что жизнь, должно быть, была гораздо проще, прежде чем на мир обрушился шквал новых технологий.

Они не учитывали одного обстоятельства, что люди и тогда были людьми, и чувства были такими же вне зависимости от календаря.

Ее врачебная практика начала процветать.

Пейдж это казалось чудом, что женщины, нуждающиеся в медицинском уходе и совете, начали появляться у ее дверей.

Похоже было, что Элен Джиллеспи и Клара Флетчер распустили среди женщин Баттлфорда слух о том, что есть женщина-врач, которая спасла им жизнь, но главную рекламу Пейдж, ее репутации и бизнесу в действительности делала Абигайл Доналд.

Абигайл не скупясь расхваливала опытность Пейдж как врача по женским болезням и хирурга, а пользуясь своим положением повитухи, стала посылать женщин с

гинекологическими проблемами к Пейдж, которая установила часы и дни приема: понедельник, среда и пятница, с десяти до четырех.

В назначенные дни женщины выстраивались в очередь в комнате ожидания у Пейдж. Неотложные операции Пейдж назначала на те дни, когда Абигайл могла прийти и помогать ей. Все сложные операции осуществлялись в госпитале форта, где Майлс мыл руки рядом с ней.

Определив часы приема на три дня в неделю, Пейдж создала для себя вполне удобную ситуацию — у нее оставалось свободное время для покупок и домашних дел.

Абигайл приходила помогать Пейдж всегда, когда та в ней нуждалась, и между ними царил полное согласие.

С большинством случаев, с которыми приходилось сталкиваться Пейдж, было бы довольно просто справиться в двадцатом веке: у многих пациенток было слишком много беременностей и слишком частых.

Решением этих проблем мог бы стать контроль за рождаемостью, но в те времена он не существовал. Как и в случае с Элен Джиллеспи, Пейдж обнаружила, что большинство женщин имеют самое смутное представление о своей анатомии. Ее работа частично была образовательной, но и разочаровывающей — многие женщины и слышать не хотели о предотвращении беременности, считая, что это, как они полагали, вмешательство в «функции природы» является грехом.

Для тех же, кто приходил к ней, желая контролировать свою беременность, Пейдж делала все, что могла. Она консультировалась с Майлсом, заказала запас губок и учила женщин, как обвязывать их шнурком и вкладывать внутрь, используя раствор уксуса для поглощения спермы.

Холодным декабрьским утром Пейдж как раз заканчивала такую процедуру.

— До свидания, миссис Годд. Приходите теперь через две недели.

— Но это будет как раз Рождество, доктор.

Пейдж глянула на календарь, удивившись тому, что женщина, оказывается, права.

— Действительно. Тогда, миссис Годд, через три, но не позже.

Пейдж открыла дверь, чтобы проводить миссис Годд, и увидела, как в холл входит Клара Флетчер с белым свертком в руках.

— Клара! — обрадовалась Пейдж. — Как приятно видеть вас! — Пейдж бросилась навстречу и обняла и Клару и маленькую Элли. — Здравствуй, маленькая Элли Рандольф, как ты поживаешь?

С тех пор как Элли родилась, Пейдж видела ее только один раз и буквально несколько минут. Несколько недель назад Флетчеры приезжали в город за покупками и заглянули к Пейдж, но надвигающаяся буря заставила их заторопиться домой.

— Иди ко мне на руки, сладкая девочка, пока мама вытрет очки от морозного инея.

Пейдж взяла ребенка и начала разворачивать все, во что она была завернута, улыбаясь своей маленькой тезке, когда вынула ее из теплого одеяла.

— Жаль, что Абигайл сегодня здесь нет. Она будет в ярости, когда узнает, что ей не пришлось увидеть вас... — Пейдж резко оборвала поток взволнованных слов. — Клара, что это?

Она подняла глаза и увидела застывший ужас на круглом лице Клары.

— Заходите и садитесь, — распорядилась Пейдж, проводя Клару в комнату для осмотра.

Она показала Кларе на стул, а сама положила ребенка на стол и проворно развернула

оставшиеся на ней одеяла.

— Ну, в чем проблема?

— У нее судороги, — пробормотала Клара. — Ужасные судороги, глаза закатываются, и, если бы Тео не засунул ей палец в рот и не прижал язык, она, наверное, задохнулась бы. О Пейдж, этому, казалось, не будет конца! Это случилось сегодня утром, около пяти. Мы тут же повезли ее к вам.

Клара была расстроена и близка к тому, чтобы разрыдаться.

Элли проснулась и лежала очень спокойно, она казалась сонной и вялой. На ее маленьком треугольном личике виднелись большие голубые глаза, премилая розочка рта и казавшаяся совершенно неуместной персикового цвета прядка волос на самой макушке. Она вела себя инертно, никак не отвечая на все усилия Пейдж расшевелить ее.

Пейдж дотошно расспрашивала Клару, продолжая осматривать девочку.

— Вчера вечером она казалась немножко более капризной, не хотела, чтобы ее укачивали, — рассказывала Клара. — Но у нее не было никакой лихорадки или чего-нибудь в этом роде. Мы подумали, что, может, у нее режутся зубки или что она слегка простудилась.

Слезы вот-вот готовы были хлынуть у Клары из глаз.

Пейдж распеленала Элли и склонилась над девочкой, запеленывая ее снова, завязывая тесемочки, боясь обернуться и посмотреть в глаза Клары, опасаясь, что бессилие, которое она испытывает, отражается на ее лице.

Будь оно все проклято, она просто ничего не могла сказать! Ей нужен был анализ крови, сканирование мозга, электроэнцефалография, все совершенное медицинское оборудование, которого у нее нет, чтобы поставить диагноз Элли Рандольф Флетчер.

Без всех этих технологий Пейдж могла только предполагать, и предположения ее отнюдь не успокаивали.

Судорога была скорее симптомом, а не самой болезнью.

Повреждения при родах? Конечно, там были осложнения, достаточные, чтобы не исключать такую возможность. Врожденный дефект мозга? Ничего нельзя утверждать, надо только ждать и следить за тем, как будет развиваться Элли.

Недостаток кислорода в крови, внутричерепное кровоизлияние, поражение центральной нервной системы — прогрессирующее дегенеративное заболевание? Пейдж внимательно осмотрела маленький череп девочки в поисках опухоли, но ничего не нашла.

Перечень возможных вариантов был бесконечен, и ни одно из предположений ничего хорошего не сулило. И даже если Пейдж поставит правильный диагноз, что она может сделать? Об операциях брюшной полости здесь еще и не слышали, не говоря уже о мозговых операциях. Пейдж почувствовала себя плохо.

Однако она заставила себя улыбнуться, заворачивая девочку и передавая ее на руки Кларе.

— Она сейчас немного вялая, но это естественно после таких тяжелых судорог, которые вы описывали, — сказала Пейдж. — В остальном она выглядит нормально. Я даже не могу предположить, что вызвало у нее судороги. Все, что мы можем сделать, это только молиться, чтобы не было новых. Но не надо так уж волноваться — у семи детей из ста бывают судороги, Клара, и только немногие из них становятся постоянными.

Это была маленькая невинная ложь, потому что кроме нее Пейдж нечего было предложить: у нее не было лекарств, не было возможности провести анализы. Она даже не могла оставить ребенка у себя, чтобы пронаблюдать за ней, — Флетчеры должны вернуться

на ферму к своему домашнему скоту, и вообще наблюдение будет безрезультатным, если нет лечения.

— Я хочу знать, будут ли еще судороги и когда.

В это утро других пациентов у Пейдж не было, и когда Тео, позаботившись о лошадях, зашел в дом. Пейдж пригласила Флетчеров в свою теплую кухню и угостила сэндвичами и горячим супом, который грелся у нее на плите.

Пейдж старалась выглядеть веселой и оживленной до того момента, когда Флетчеры, приободренные ее поведением, не вскарабкались на свою двуколку уже в конце дня и помахали ей руками на прощание.

Когда скрип и стук колес замер вдали. Пейдж наконец-то могла перестать улыбаться. Она прикрыла за ними дверь, прислонилась к дверному косяку и разразилась потоком самых грязных ругательств, какие только знала.

Что хорошего от всех ее учебников, от всех лет практики, если она не может помочь одной крошечной девочке?!

В такие моменты все ее знания казались просто горькой насмешкой.

Она сидела, уронив голову на кухонный стол, на котором стыл нетронутый ею обед, когда поздно вечером в заднюю дверь проскользнул Майлс.

Она все еще была в своих джинсах — она переделалась в них, чтобы заняться домашними делами вне дома, принести дрова и воду, почистить стойло Минни и положить ей свежего сена и вообще за всеми этими делами забыться и избавиться от тяжелого ощущения, нависшего над ней грозовой тучей.

Она уже не надеялась, что Майлс сможет приехать сегодня вечером, проклиная, как всегда, отсутствие телефона, в итоге она никогда не знала, приедет он и когда.

— Майлс! Бог ты мой, Майлс, я так рада видеть тебя!

Она бросилась в его объятия, не дожидаясь, когда он сбросит свое тяжелое меховое пальто, не обращая внимания на снег, облепивший мех.

— Я вижу, ты оделась специально для меня.

Его рука в перчатке похлопала ее по заднице, которую облегали тесные брюки. Он крепко обнял ее и поцеловал, потом отстранился, чтобы снять пальто, шляпу и перчатки. Он сел на стул, расшнуровал свои мокасины из оленьей кожи и потом посадил ее к себе на колени, ожидая еще более страстного поцелуя.

Этот поцелуй затянулся надолго, пока он не встал и не поднял ее на руки. Через несколько секунд они уже были в ее спальне, и он швырнул ее джинсы на пол, где уже валялись его брюки.

Он не отвлекался на то, чтобы снять с нее остальную одежду, да и свою собственную — Пейдж дала ему понять, что она не хочет и не нуждается в предваряющей ласке. Они как безумные бросились в постель, и их взаимная страсть заставила их начать извиваться в тот же момент, когда Майлс вошел в нее.

Потом, лежа в объятиях друг друга, успокоенная его присутствием, Пейдж рассказала ему об Элли.

— Я чуть с ума не сошла, когда поняла, что ничего не могу сделать, — шептала она. — Маловероятно, что Клара и Тео когда-либо смогут заиметь другого ребенка, потому что у Клары скоро наступит климакс. И если она потеряет Элли...

Пейдж вздрогнула, и он еще теснее прижал ее к себе.

— Никто из нас не обладает божественной силой, дорогая. И одна судорога еще не

означает смертный приговор. Как ты справедливо заметила Кларе, у некоторых детей бывают судороги по неизвестным причинам.

— Ты когда-нибудь испытываешь какие-то чувства к своим пациентам, Майлс? Просто ощущение у тебя в кишках, что что-то неправильно, хотя ты и не видишь никакой проблемы?

Она почувствовала, как он кивнул.

— Я хорошо это знаю. Это шестое чувство, которое развивается у некоторых врачей.

— Так вот, я испытываю такое чувство к девочке Элли. — Она вздохнула. — Пропавши все пропадом, Майлс, но если бы я была пьющей женщиной, я бы сегодня напилась!

Он молча погладил ее по волосам и потом сказал со своим медленным акцентом:

— После смерти Бет я сильно пил.

— Бет... так звали твою жену?

Пейдж взяла его руку в свою и стала перебирать его пальцы, желая узнать что-нибудь о прошлом Майлса.

— Элизабет, но все ее называли Бет. Ты знаешь, Пейдж, когда у нее началось кровотечение, я чувствовал, что могу спасти ее. — Он издал звук, который можно было принять и за смешок, и за всхлип. — До сих пор мне так кажется, хотя прошло уже более девяти лет.

— Ты мог бы рассказать мне о том, как ты был молодым, Майлс? О своей семье?

Он глубоко вздохнул.

— Мой папа, генерал Джеймс Фрэнсис Болдуин, был профессиональным офицером в армии конфедератов. Он был человек жесткий, этот генерал. У него были четкие идеи о том, что и как должно происходить, чем должны заниматься его сыновья. — Голос его смягчился: — Мама была красавицей. Мне всегда говорили, что она была одной из самых красивых девушек в графстве, когда папа и она поженились. У нас была прекрасная жизнь, мы ни в чем не нуждались. Жили мы на хлопковой плантации около Чарлстона, эта земля в течение многих поколений принадлежала нашей семье.

Пейдж припомнила, как смотрела фильм «Унесенные ветром», и ее поразила невероятная мысль, от которой у нее дрожь пробежала по спине.

— У твоей семьи были рабы, Майлс?

— Конечно. — В его голосе прозвучало даже удивление, что она задает такой вопрос. — Все знают, что у нас были рабы, это была часть нашей культуры. И меня, и моих братьев воспитывала Манди, наша черная няня. Так была устроена жизнь на Юге. Мало кто из них остался там после войны, после смерти Бет.

— У тебя было много братьев и сестер?

— Два брата, а из сестер никого не осталось в живых. У мамы было шестеро детей, нас, трое мальчиков, и две дочери и еще мальчик, который умер совсем еще маленьким. Я был средним. Мать нас баловала, отец редко бывал дома, поэтому мы, когда росли, пользовались большой свободой.

Пейдж по его голосу могла сказать, что он улыбается.

— Пожилые люди в округе называли нас повесами и запрещали своим внучкам разговаривать с этими дикими парнями Болдуинами, что очень привлекало к нам девушек.

Пейдж улыбнулась, представляя себе эти картины.

— Я особенно помню одно лето, перед тем, как началась война. Чапс был на два года старше меня, он приехал домой из колледжа, где изучал право. Я осенью должен был возвращаться в медицинское училище в Чарлстоне. Бо, который был на два года меня

младше, учился еще в школе. Стояла очень жаркая погода, ни одного дождя за все лето. Папа был вне дома. Мы все были как дьяволята. Мы играли в азартные игры, дрались, крали хранившееся у папы самогонное виски, ездили на рыбную ловлю, носились на горячих конях, ухаживали за соседскими девушками. — Он громко рассмеялся. — Бедная мама все это лето просто с ума сходила.

Он замолчал, а Пейдж ждала продолжения его рассказа.

— Потом началась война. — Голос Майлса изменился, стал каким-то безжизненным. — Чапс умер в Манассасе. Бо заболел тифом в концентрационном лагере федератов и умер там за три месяца до окончания войны. Папа был убит в Гетисберге. Мама в действительности не была сильной женщиной, она всегда была избалованной, около нее всегда крутились служанки и слуги, которые защищали ее и ухаживали за ней. После войны она укрылась в какое-то царство грез, не хотела видеть мир таким, каким он стал.

Он зашевелился, лежа на спине, и поудобнее устроил ее голову на своем плече.

— Я пытался вернуть плантацию в рабочее состояние, но это оказалось безнадежным. Часть дома еще стояла, но поля погибли, а у меня не было ни времени, ни денег, ни желания налаживать хозяйство. Я был очень занят, после войны ощущалась большая нехватка врачей. Мама так и не смогла пережить смерть папы и мальчиков и гибель имения. Она умерла от сердечного приступа через год после того, как мы с Бет поженились.

Голос его звучал устало.

— Мы уже готовы были отказаться от идеи создать семью, когда Бет забеременела, и она была так счастлива, я никогда ее такой и не видел, узнав, что у нее будет ребенок. Для меня этот ребенок представлялся началом новой жизни, новым поколением Болдуинов, тем хорошим, что вознаградит нас после всех ужасов.

Он молчал так долго, что Пейдж уже подумала, что он, вероятно, задремал, но потом он снова заговорил:

— Я никогда никому об этом не рассказывал, тебе первой. Мне трудно было выразить все словами. После смерти Бет мне казалось, что все во мне умерло. Ничего не представляло никакой ценности. Я перестал ходить в госпиталь каждый день, как обычно. Я начал пить, чтобы заглушить боль, и алкоголь стал для меня побудительной причиной вставать по утрам. В течение месяцев бутылка «бурбона» всегда была у меня под рукой. Но однажды меня позвали к соседу, которого я знал всю мою жизнь. Он почти совсем отрезал себе косою стопу. Я старался, но я был слишком пьян и даже не мог наложить жгут, чтобы остановить кровотечение. Он был близок к смерти, когда его удалось перевезти в госпиталь.

Пейдж вздрогнула, ощутив в его голосе самоуничтожение.

— И тогда ты перестал выпивать?

— Да, мэм. Я посмотрел на себя в зеркало, увидел, во что я превратился, и я себе не понравился. Я продал землю и уехал из Чарлстона, отправился на Запад, не имея никакой конкретной цели. Я хотел уехать как можно дальше от Юга.

— И как ты начал снова заниматься медициной?

Он поднес ее пальцы ко рту и поцеловал их.

— Как ты прекрасно знаешь, врача обычно ищет работа. Я лечил жителей границы и поселенцев то в одном поселении, то в другом. Случайно я услышал о создании в Канаде Северо-Западной Конной и предложил свои услуги в качестве хирурга. Канадская граница и скитальческая жизнь конного полицейского вполне меня устраивали.

— Жизнь здесь, со всем этим снегом и льдом и с индейцами должна была показаться

тебе совершенно другим миром.

При этом она думала о себе, о том потрясении, которое испытала. Но Майлс с ней не согласился.

— Все не так уж разнится, как можно подумать, — настаивал он. — Люди заболевают, бывают несчастные случаи, и я убедился, что люди в основе своей все одинаковы — хорошие и плохие, слабые и сильные.

Он попытался отбросить хмурость, возникшую между ними, неожиданно повернулся и оказался на ней, голос его стал дразнящим:

— Женщины — теплые и желанные.

Она пнула его под ребра, и между ними завязалась борьба, завершившаяся любовной игрой. Она так и не сказала ему о предложении жениться, которое сделал ей Роб.

Рождество в Баттлфорде было веселым временем, временем вечеринок, катания на санях, танцев и концертов. Многие эти развлечения устраивались офицерами Конной полиции и проходили в форте. Приглашений не рассылали, просто ожидали, что каждый житель города, кто может себе это позволить, появится на этих праздничных увеселениях — и почти каждый действительно появлялся.

Пейдж, ощущая себя богатой женщиной благодаря доходам от своих пациенток, расшиковалась и купила себе в дамском магазине два новых платья — одно в зеленоватых тонах, подходящих к цвету ее глаз, другое темно-красное. Впервые она обнаружила, что начинает считать пышные аляповатые туалеты того времени весьма романтичными и женственными — пока она не сможет сменить их на свои джинсы после завершения вечера.

Ее даже смущала собственная популярность на этих празднествах. Майлс сопровождал ее на многие вечера, но Пейдж настояла на том, чтобы на некоторые она выезжала одна, чтобы избежать усердных сплетниц, против которых он ее предупреждал.

В первый раз Майлс заревновал, когда однажды она слишком часто танцевала с одним красивым полицейским. Пейдж была удивлена и, хотя ее несколько это смутило, польщена.

Никто никогда раньше не ревновал ее, но, с другой стороны, она никогда раньше не оказывалась в роли царицы бала. Она напомнила себе, что ее популярность обусловлена малым количеством женщин в Баттлфорде и обилием здесь одиноких молодых полицейских и поселенцев.

Единственным мужчиной, который ни разу не пригласил ее на танец, был Роб Камерон. Когда они столкнулись, он приветствовал ее со сдержанной вежливостью, но держался на расстоянии.

Пейдж несколько раз пыталась поговорить с ним, чтобы восстановить их дружеские отношения, но было ясно, что он чувствует себя неловко в ее присутствии. В конце концов она оставила эти попытки, хотя и жалела, что утратила его дружбу.

На Рождество Майлс подарил ей вывеску для ее входной двери, на которой было вырезано по дереву: «Пейдж Рандольф, доктор медицины, специальность — женские болезни». На другой табличке, размером поменьше, на одной стороне было вырезано: «Заходите», а на обратной — «Закрыто. Приходите еще раз». Еще он подарил ей флакон дорогих духов из роз с французской этикеткой.

А она подарила ему брюки «леви», похожие на те, которые она носила.

Однажды утром в шесть часов, это было в конце января, Пейдж чистила стойло Минни.

Накануне весь вечер и большую часть ночи Майлс провел у нее — когда его обязанности позволяли, они были вместе, вот и в это утро ее тело сладко ныло после ночи любви.

Пыхтя от напряжения, она вышла из конюшни, чтобы вдохнуть свежий воздух после едкого запаха лошадиного помета и мочи.

Погода уже несколько дней стояла холодная и облачная, но в это утро небо очистилось, видны были только несколько звезд, все еще висевших на востоке. Она сделала несколько глубоких вдохов, очищая свои легкие.

Внизу, в городе, в домах зажигались лампы, и из труб начинал виться дымок — хозяйки разжигали огонь и готовили завтрак.

Со стороны форта донесся звук горна, трубившего утреннюю зарю, чистые звуки плыли в морозном воздухе.

Незнакомое чувство охватило Пейдж, оно сжало ей грудь и вызвало на глазах слезы. Во всем теле и в голове она ощущала легкость, чувство единения со всем окружающим.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы проанализировать это странное состояние, и когда обнаружила причину, то сама изумилась.

Она испытывала счастье, глубокое и полное счастье, удовлетворение собой и своей жизнью, какого никогда раньше не испытывала.

Она постаралась разобраться в своих ощущениях, складывая их по кусочкам, как в картинке-загадке.

Она делала работу, которая доставляла ей радость, у нее был свой дом, она была обеспечена в финансовом отношении, она влюблена, как сумасшедшая, в мужчину, который любит ее с такой же силой, и впервые в жизни она обрела друзей-женщин — Клару, Абигайл, и она пообещала себе, что сблизится с Тананкоа Куинлан.

Пейдж часто думала о Тананкоа с того дня, когда она и Майлс были у них в гостях, но она до сих пор не могла выбраться к ним на ферму так, как ей хотелось бы.

Майлс уезжал на следующий день в пятницу инспектировать два аванпоста, откуда поступали донесения о заболеваниях. Он будет отсутствовать большую часть недели.

Ей, конечно, будет не хватать его, но она решила воспользоваться его отсутствием и в воскресенье одной отправиться к Тананкоа.

Пейдж выехала из дома в воскресенье рано утром, поездка в одиночестве по полузамерзшей прерии очень ее возбуждала.

Когда она въехала во двор фермы Куинланов, Тананкоа выбежала из дома и побежала ей навстречу. Пейдж соскочила с Минни и обняла Тананкоа.

— Привет, Тананкоа. Ты не возражаешь, что я заехала так неожиданно, у меня не было никакой возможности предупредить тебя.

— Я всегда рада тебе, Пейдж Рандольф. — Черные глаза Тананкоа блестели, она улыбалась так же широко, как Пейдж. — Заходи в дом. Деннис охотится на волка, который зарезал нашего теленка. Он вернется поздно, к самой ночи, а я варю мыло. Самое прекрасное время, чтобы нам поболтать.

Пейдж никогда не видела, как варят мыло, хотя и знала, что большинство женщин-поселянок сами изготавливают себе мыло. Это занятие располагало к легкому разговору с Тананкоа — Пейдж задавала бесконечные вопросы, а Тананкоа охотно объясняла ей весь ход процесса.

— Лучше всего использовать золу от тополя. Я собираю ее все лето. Потом я ее варю, все время размешивая. Я вчера этим занималась. Сегодня утром я процедила жидкость, которая обладает большой силой: если она попадает на кожу, то обжигает. Потом я смешала ее с салом — я вырастила несколько гусей, мы съели их на Рождество. Я сберегла их жир — этот жир самый лучший для мыла, которое мы употребляем для нашей кожи, — а теперь я все это кипячу.

Пейдж принялась ей помогать, помешивая пахучую массу деревянной палкой. Когда Тананкоа сочла массу готовой, они вынесли котел с мылом в пристройку у задней стены дома и аккуратно разлили содержимое в деревянные формы, изготовленные Деннисом для этой цели.

— Когда это остынет, я разрежу на бруски, и у нас будет достаточно мыла до конца зимы, — с удовлетворением заметила Тананкоа. — Спасибо за помощь.

Пейдж очень понравились маленькие деревянные кузовки, выстроившиеся на длинной полке, и Тананкоа открыла некоторые из них, чтобы показать Пейдж свою коллекцию высушенных трав.

— Моя бабушка, Хромая Сова, считается в нашем народе могущественной шаманкой, — пояснила она. — До того, как мы с Деннисом поженились, я считалась ее наследницей. Она отказалась дальше учить меня, но я все еще надеюсь, что она изменит свое решение. С тех пор, как я была еще маленьким ребенком, она учила меня собирать и употреблять лекарственные травы.

Пейдж пришла в восторг. Майлс передавал ей кое-что из его любимых народных лекарств, но почти все они использовались только в таких случаях, как пулевые ранения или заражения; он признавался, что незнаком со многими женскими болезнями.

— А это для чего? — Пейдж дотронулась пальцем до темной мелко разрезанной массы в соломенном кузовке.

— Это излечивает от головной боли или от больных рук и ног. Это кора ивы. Я ее вымачиваю, а потом готовлю из нее чай.

— А это? — Пейдж показала на другой кузовок.

— Это дикая черная вишня. Помогает справляться с болями при родах, а в более мелких дозах облегчает судороги при женских месячных.

Пейдж долго расспрашивала Тананкоа, уверенная в том, что эти лечебные травы в течение столетий употребляются индейцами, и их эффективность, многократно подтвержденная, может считаться доказанной. Она все больше возбуждалась, знакомясь с содержимым одного кузовка за другим.

— А это, Тананкоа?

— Я не знаю, как это называется по-английски. Когда это превращают в мазь и накладывают на место ожога, он быстро залечивается и не бывает пузырей на коже. Мы используем его для преждевременно рождающихся детей. — Тананкоа положила Пейдж в ладонь горсть сухих красных ягод. — А вот это дикий шиповник. Его заваривают с чаем, он помогает при простудах и зимнем гриппе.

Ну, конечно, это естественный источник витамина С. Пейдж была очарована. Она рассматривала содержимое каждого кузовка, а Тананкоа перечисляла, против каких болезней помогает его содержимое.

— Грушанка против простуды. Кошачья мята против колик. Кора белой сосны против кашля.

Пейдж была совершенно заинтригована. Лекарства, которыми снабдил ее Майлс, оказывались, к ее большому сожалению, неподходящими для лечения многих болезней, на которые жаловались ее пациентки и их дети. Пейдж подумала, что на эти лечебные средства можно полагаться как на добротные и эффективные не меньше, чем на лекарства, применяемые сейчас в медицине.

— Я не знаю, продашь ли ты мне кое-что из этих трав, чтобы я могла лечить ими моих пациенток? — неуверенно спросила Пейдж. — Многие из них соответствуют патентованным лекарствам, вроде «Лидия Пикхэм» или того, что называется «Перри Дэвис, органический устранитель боли». Бог мой, там же чистый алкоголь с каким-то количеством опиума! Как ты думаешь, ты могла бы продать мне какие-то твои лекарственные травы и рассказать, как ими пользоваться?

Тананкоа была удивлена и польщена. Она с готовностью согласилась снабдить Пейдж кое-какими своими травами.

— Некоторых у меня немного, — объяснила она. — А другие требуют тщательных инструкций, как их изготавливать, но я могу научить тебя. Весной и летом я соберу и приготовлю хороший запас, если ты найдешь их полезными.

Она проворно запаковала кое-какие травы, которые у нее были, и Пейдж аккуратно напечатала пакетики, помечая дозировку и инструкции, которые давала ей Тананкоа. Трудно было устанавливать цены, поэтому они выработали систему, при которой принимались во внимание полезность травы и то, насколько трудно их собирать.

Тананкоа была очень взволнована перспективой заработать какие-то собственные деньги.

— Деннис мечтает об особом ноже для свеживания кож. Я сберегу эти деньги и куплю ему такой нож, — поделилась она с Пейдж.

Пейдж улыбнулась своей новой подруге, ощущая, какая глубокая связь существует между этой необычной парой, и благодаря судьбу, что та подарила ей такую же связь с Майлсом.

Пока они перебирали травы, Тананкоа расспрашивала Пейдж о ее работе врача, как

сейчас, так и в прошлой жизни, которую просто обозначала словом «раньше».

Она задавала умные вопросы и о том, как Пейдж лечит определенные болезни, рассказывая, в свою очередь, как ее бабушка справляется с аналогичными проблемами.

В ходе разговора Пейдж высказала свою озабоченность по поводу некоторых своих пациенток, ощущая потребность излить ее другой женщине.

— Это ужасная практика — носить корсет и затягивать его так туго, что почти невозможно дышать, а все внутренние органы спрессованы, эти корсеты являются одной из причин, почему у женщин возникают проблемы с деторождением и менструациями. Это варварский обычай.

Тананкоа кивнула.

— Когда я жила в форте с Деннисом, одна из молодых жен сказала мне, что я должна носить корсет и сильно зашнуровывать его, и что ходить без него неприлично. Я попробовала, но мне от него стало плохо. И я его сожгла.

— Умно поступила.

Пейдж рассказала Тананкоа, как она в первый раз пришла в магазин для дам и какой скандал там разразился, когда она отказалась одеть корсет. Они вместе похихикали, и контакт между ними еще более окреп. Наконец Пейдж почувствовала, что настал момент, когда она может расспросить Тананкоа о церемонии, о которой та упоминала, когда люди путешествуют между мирами.

— Прodelьвать такое позволено только некоторым шаманкам, — объяснила Тананкоа. — Они хранители духов земли, особые смотрительницы, назначенные следить, чтобы люди не причиняли вреда Матери Земле.

Пейдж подумала о разрушении окружающей среды в ее время. Она спросила Тананкоа, что могут сделать такие путешественники из одного мира в другой.

— Они путешествуют за пределы нашего времени, и когда они возвращаются, то осуществляют большое колдовство, чтобы предотвратить любое разрушение, которое видели.

У Пейдж возник миллион вопросов.

— А могут они выбрать определенное время, определенный год в будущем, например, и отправиться туда?

— Я не знаю. Я многого не знаю об этой церемонии, она тайная даже среди шаманов. Мне никогда не было разрешено присутствовать на ней. Теперь осталось очень мало шаманов, которые знают весь ритуал — старые обычаи умирают. Хромая Сова одна из последних, кто обладает этим особым знанием. Поэтому она так разочаровалась во мне: она хотела научить меня всему, что сама знает, чтобы я могла помочь хранителям в их путешествии и вернуть их обратно.

— А часто твоя бабушка устраивает такие церемонии?

Тананкоа покачала головой.

— Не думаю. Я ее уже много месяцев не видела, но, когда погода станет лучше, я поеду к ней.

— Когда ты поедешь к ней, ты можешь спросить у нее, есть ли у меня какой-нибудь шанс отправиться таким способом в мое время?

— Я спрошу, но сомневаюсь, что она мне ответит. Она очень упрямая старуха.

«Похоже, что мои шансы весьма шаткие», — подумала Пейдж и удивилась, что ее это не так уж волнует. Она должна была бы чувствовать себя более обескураженной. То, что она влюбилась в Майлса, сильно изменило ее, в этом не приходилось сомневаться.

Тананкоа сервировала обед пораньше — тушеные степные тетерева и только что испеченные лепешки. Их разговор перескакивал с медицины на одежду, на еду.

Пейдж развлекала Тананкоа рассказами о быстро приготавливаемой пище девяностых годов — гамбургерах, пицце, молочных коктейлях, как люди едят пищу самых разных народов — китайцев, греков, итальянцев.

— В Ванкувере есть очень знаменитый ресторан, где готовят традиционные блюда индейцев Западного побережья — копченую лососину, пирог по-саскатунски, — вспоминала Пейдж.

Она называла цены различных блюд, и у Тананкоа от удивления раскрылся рот. Она прижала ладони ко рту и захихикала.

— Теперь каждый раз, когда я готовлю, я буду вспоминать, сколько стоят эти блюда. Это будет помогать мне, когда не хочется готовить.

Любопытная Пейдж расспрашивала Тананкоа о традиционных блюдах, которые употребляли индейцы до прихода сюда белых людей. Тананкоа перечислила внушительный список натуральных блюд: дикий рис, клюква, дикая земляника, корнеплоды и, конечно, самое важное — мясо бизонов.

— Мой народ очень обеспокоен тем, что бизоны исчезают, — сказала она, и ее прелестное лицо стало грустным.

— А почему это происходит?

Майлс упоминал эту проблему, но Пейдж тогда не обратила внимания.

— Мой народ издавна охотился с помощью лука и стрел, — объяснила Тананкоа, — и убивали столько, сколько нужно, чтобы насытиться. Когда здесь появились белые люди со своими скорострельными ружьями, они начали уничтожать бизонов тысячами ради спорта, а не для еды. Теперь их стало так мало, чтобы мы могли на них охотиться, и это очень серьезная проблема, потому что для нас бизоны не только пища, мы используем их шкуры для одежды, укрываемся ими, когда спим, мы шьем из этих шкур мешки, в которых носят сушеное мясо, их кости дробят и готовят мозговой горох. Сухожилия используются для шитья, рога вычищаются внутри, и в них держат порох.

Пейдж кивнула.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. — Она дотянулась и взяла руку Тананкоа в свои. — Мне очень жаль.

Что еще она могла сказать? Она испытывала злость и смущение за свою белую расу, и ей было стыдно, когда она думала, сколь малому они научились за последующую сотню лет.

Они болтали еще о многом, пока не пришло время для Пейдж ехать домой, пока зимний день не перешел в сумерки, а потом и в темноту.

Она натянула свои ботинки. Тананкоа вручила ей пакет с травами.

— До свидания, Пейдж. Я надеюсь, что ты вскоре опять приедешь.

— Обязательно, — пообещала Пейдж. — А когда вы с Деннисом приедете в город за покупками, вы должны заехать ко мне. Мне хочется показать тебе мой врачебный кабинет.

По лицу Тананкоа пробежала тень.

— Я не езжу с Деннисом в город за покупками. Я говорю ему, что мне нужно, и он все покупает.

Пейдж все поняла и рассердилась, что Тананкоа вынуждена жить в таком изгнании.

— В следующий раз приезжай и проведешь весь день у меня. Деннис может завезти тебя ко мне, а потом забрать тебя, когда покончит с покупками. Тебе нужно вырваться

иногда отсюда, Танны. Тебе здесь очень одиноко.

— Когда Деннис уезжает, я хожу навещать своих в резервации Повелителя Грома. Но к тебе я, наверное, приеду. Мне хочется посмотреть, как ты живешь.

Они обнялись на прощание.

По дороге домой Пейдж переводила Минни на рысь каждый раз, когда дорога позволяла, она ощущала бодрость во всем теле.

— Я полагал, что сказал тебе не ездить одной к Куинланам, Пейдж. — Серые глаза Майлса сузились, глядя в ее глаза, челюсти сжались, в голосе сплошная сталь. — Чего ты, дьявол меня побери, добиваешься — чтобы тебя убили? Когда я даю тебе прямой приказ, я ожидаю, что ты будешь ему подчиняться.

Пейдж с трудом поверила в то, что услышала.

— Подчиняться? Ты ожидаешь, что я буду тебе подчиняться? — Ее голос поднялся до самых высоких нот. — Я не вхожу в число ваших констеблей, Майлс Болдуин, чтобы поворачиваться как вам это нравится. Я не подчиняюсь приказам ни от тебя, ни от кого другого.

Злость и горькое разочарование усиливали ее раздражение. Сегодня была пятница, он отсутствовал всю неделю. Он подъехал к ее задней двери менее получаса назад, и она бросилась в его объятия, помня о том, как ей было одиноко без него, сообщая ему поцелуем, как она рада его возвращению.

Ей так не хватало страстных занятий любовью, сокровенных разговоров, простого и острого наслаждения от сознания, что у тебя есть лучший друг, которому ты можешь поведать все, что произошло за эти дни.

А он вместо того, чтобы схватить ее в свои объятия и отнести в постель, как он обязан сделать, этот невозможный мужчина стоит, уперев руки в бока, и смотрит на нее, словно она нашаливший ребенок.

— Черт побери, Пейдж, не будь такой упрямой! Я предупреждал тебя насчет мародеров-индейцев и волков, и... белых людей, которые ничуть не лучше диких зверей. В это время года даже погода может резко измениться, может начаться снегопад, и ты заблудишься.

— Майлс, послушай сам себя. В том, что ты говоришь, нет никакого смысла. Все, что я сделала, это совершила маленькую поездку к подруге.

Он оглядел ее ледяным взглядом.

— Ты не сообщила ни одной живой душе, куда поехала и когда можешь вернуться, так ведь? Есть правила, которым ты должна следовать, если ты собираешься ехать одной по прерии. — Его лицо окаменело. — Правила, Пейдж, ты слышишь? — Он понизил голос, но все равно в его словах не было и тени нежности. — Я не хочу, чтобы ты игнорировала все, что я говорю тебе, подвергала свою жизнь опасности, как только я отлучаюсь. Я этого не потерплю. У тебя вообще есть здравый смысл?

Этот саркастический вопрос переполнил чашу ее терпения, и она вышла из себя. Пейдж выругалась и стукнула кулаком по столу с такой силой, что сахарница подпрыгнула, а ложки задребезжали.

— Вот еще, здравый смысл! Не будь мелодраматичен, Майлс Болдуин! Я взрослая женщина, и я привыкла ездить туда, куда захочу. Я привыкла ездить по большому городу в любое время дня и ночи. Я привыкла...

К ее изумлению, Майлс схватил ее за плечи своими сильными руками, глаза его горели

яростью.

— Забудь, к черту, к чему ты привыкла! — выговорил он сквозь сжатые зубы, дергая ее при каждом слове взад и вперед. — Забудь, ты меня слышишь. Пейдж? Мне уже до смерти надоело слушать твои рассказы о твоей другой, такой замечательной жизни.

— Майлс... Майлс, прекрати, ты делаешь мне больно!

Его пальцы впивались в мягкую плоть ее плеч.

Он отпустил ее так неожиданно, что она чуть не упала ничком. Он ее быстро подхватил, его прикосновение вновь стало нежным, и она поняла, что он так же поражен своей выходкой, как и она.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, потом она, вся дрожа, прижалась к нему, обняв его, пока его руки не поднялись медленно и не заключили ее в свои объятия.

— О Боже, прости меня, Пейдж! — Голос его прерывался и был полон раскаяния. — Мне очень жаль. Я сам не знаю, что на меня накатило.

Но если он этого не знал, то знала она. Как гром среди ясного неба, она неожиданно поняла причину его злости, и ее злоба испарилась.

— Мне тоже очень жаль, Майлс.

Это же было так ясно, она должна была понять это раньше. Он боится потерять ее. Вся его жизнь состояла из одних потерь, и, полюбив ее, он снова оказался уязвимым. У нее защемило сердце от этого открытия, и огромность ее любви вызвала слезы у нее на глазах.

Потом уже, когда ее нагое тело прижималось к нему, она прошептала:

— Майлс?

Уже полусонный, он пробормотал что-то в ответ.

— Ты знаешь, насколько была совершенна та моя жизнь, о которой тебе тошно слышать.

По тому, как напряглись его мускулы, она почувствовала, что разбудила его, но он не вымолвил ни единого слов.

— Она вовсе не была совершенной, ничего похожего. Я гораздо счастливее здесь, чем была там. В той жизни не было ничего, что могло бы сравниться с тем, что мы испытываем вместе.

Его мускулистая рука, прижимавшая ее, расслабилась, и она услышала у своей шеи тихий вздох облегчения.

— Ничего похожего на это.

Она чуть пошевелила мускулами живота, достаточно, чтобы возбудить его, ее рука скользнула вниз по его телу и коснулась его члена. Она тут же почувствовала немедленную и мощную реакцию и услышала, как у него перехватило дыхание.

— Вот теперь я понимаю, что такое совершенство, Майлс Болдуин, — прошептала она, когда он лег на нее.

Майлс больше ничего не говорил о том, чтобы Пейдж не ездила одна к Тананкоа, — вместо этого он дал ей револьвер и научил стрелять из него.

Он убедил ее брать с собой оружие и некоторый запас еды, если она собирается ехать куда-нибудь одна. Поначалу ей было страшно даже прикоснуться к оружию, но потом она обнаружила в Майлсе прекрасного учителя и вскоре стала прекрасным стрелком. Когда она в следующий раз поехала к Куинланам, то последовала его совету.

В течение февраля и марта, когда только позволяла погода, она отправлялась навестить Тананкоа, часто вместе с Майлсом, иногда одна. Поездки эти отчасти были деловыми:

Пейдж нужно было постоянно обновлять запас лекарственных трав, которыми она теперь с большим успехом лечила своих пациентов.

Но и помимо дел их дружба и привязанность становились все прочнее.

Эти две женщины нравились друг другу. Их объединял глубокий интерес к медицине, они часто смеялись над одним и тем же. Когда Пейдж приезжала к Куинланам, они безостановочно болтали обо всем и ни о чем. Их прошлые жизни были настолько различны, что каждая находила воспоминания другой увлекательными, теперь, когда они абсолютно доверяли друг другу, они разговаривали и о более интимных вещах, о мужчинах, которых любили.

Однажды холодным воскресеньем, когда Деннис и Майлс отправились на подледный лов рыбы, Пейдж рассказала Тананкоа историю своего несчастливого замужества, рождения мертвого ребенка, физического расстройства после этих трагических родов, означавшего, что она не будет больше иметь детей, и о том, как все это повлияло на нее.

— Я посвятила все свое время и силы моей работе, я боялась даже мечтать о том, что встречу кого-то, кто будет любить меня, как Майлс, — задумчиво говорила она, осознавая всю правоту этих слов, только когда произнесла их. — И мне очень грустно, что я не смогу родить ему ребенка.

Тананкоа слушала ее, и слезы катились по ее смуглым щекам.

— Я тоже хотела бы родить Деннису ребенка, — вырвалось у нее, голос ее прерывался рыданиями. — О Пейдж, больше всего на свете я мечтаю родить Деннису сына, которого он так хочет, но за три года замужества я не смогла зачать и сомневаюсь, что когда-нибудь смогу. — Она стряхнула слезы ладонью. — Деннис говорит, что для него не имеет значения, есть у нас ребенок или нет, но я знаю лучше. Мужчине нужны сыновья, чтобы продолжить их фамилию. Я вижу тоску в его глазах, когда он смотрит на других мужчин с детьми.

Рыдание вырвалось из ее горла.

— Я говорила ему, что мы должны развестись, что мужчина не должен жить с бесплодной женой. У моего народа не считается постыдным развестись с бесплодной женой, но Деннис сердится, когда я говорю такое, и тогда мы ссоримся.

Слезы снова потекли по ее щекам.

Пейдж взяла ее руки в свои, ужаснувшись глубине горя Тананкоа.

— Деннис прав, когда он сердится по поводу твоих разговоров о разводе, Танни. Ты ведь знаешь, как он любит тебя, — мягко сказала она. — Я совершенно уверена, что главное для него — это ты. И ты не должна винить себя, — возразила она. — А может быть, это вина Денниса, что у тебя нет детей.

Тананкоа покачала головой.

— Была девушка, давно уже, когда он был совсем юным. Она забеременела, но потеряла ребенка. Он однажды сказал мне об этом во время одной нашей ссоры.

Пейдж молчала, не зная, что сказать. По всей видимости, это была серьезная проблема в браке Куинланов.

— Я испробовала все способы, какие только знаю, — продолжала Тананкоа голосом, полным отчаяния. — Все, чему учила меня Хромая Сова, что должна делать женщина, которая хочет забеременеть, все приемы, о каких только я слышала от других шаманок. Ничто мне не помогло.

Пейдж раньше не раз удивлялась, что использует Тананкоа в качестве противозачаточного средства. Она думала, что, быть может, Куинланы боятся иметь ребенка

со смешанной кровью и предпочитают выжидать. Теперь же, видя горе на лице подруги, слыша отчаяние в ее голосе, Пейдж поняла, насколько была неправа.

— Тананкоа, может быть, и нельзя ничего сделать, но почему бы тебе не приехать в мой врачебный кабинет, чтобы я осмотрела тебя? — Пейдж нашла носовой платок и протянула его Тананкоа. — Я видела многих женщин, которые хотели иметь детей, но испытывали трудности с тем, чтобы забеременеть. Иногда находилось простое решение, просто какая-нибудь мелочь, требующая устранения. Мы можем кое-что попробовать.

Тананкоа вытерла нос.

— Я думаю, что для меня это безнадежно, но, наверное, я приеду. Я подумаю об этом.

Пейдж попыталась нажать на нее, договориться о дате, но Тананкоа не могла принять такое решение.

— Я подумаю, — повторяла она.

Однажды, в начале марта, ранним штормовым утром, когда валил снег и казалось, что затянувшаяся зима набирает новую силу, хотя на дворе уже должна быть весна, Клара и Тео снова привезли к Пейдж девочку Элли.

Припадки у девочки повторяются довольно регулярно, сказала Клара, но они обычно довольно слабые. А вот в последние дни они стали очень тяжелыми, приводя в ужас Клару и Тео, а Элли после таких припадков бывает совершенно измученной.

Пейдж осмотрела маленькую девочку, и все дурные предчувствия, которые она испытала в последний раз, вспыхнули с новой силой. Теперь уже было ясно как никогда, что Элли не развивается нормально.

По словам Клары, ребенок много спит. Она слишком пассивна, очень маленькая и слабенькая, вес у нее меньше нормального, хотя Клара кормит ее все время грудью. При этом она трогательно нежный ребенок, несмотря на ее слабое здоровье, — каждый раз, когда Элли улыбалась ей, у Пейдж от вида этой обаятельной девочки щемило сердце.

Клара, которая раньше была цветущей крепкой женщиной, похудела от горя. Она все время кашляла, и Пейдж дала ей чай, настоящий на коре белой березы, которую дала ей Тананкоа. Элли почти все время была на руках у матери, а Тео становился все сдержаннее и молчаливее.

Ощущая свою полную беспомощность, Пейдж выписала Элли несколько тонизирующих лекарств, безвредные препараты, содержащие витамины и минералы, но при этом она знала, что по существу эти лекарства ничем не помогут.

Пейдж настояла на том, чтобы Флетчеры остались поужинать и провели у нее ночь. Не говоря уже о том, что ей было приятно провести вечер с этими ее первыми друзьями в этом мире, она хотела понаблюдать за Элли.

Майлс заехал поздно вечером, как и предполагала Пейдж, и они с Тео расположились в малой гостиной и обсуждали политические проблемы, в то время как Пейдж и Клара мыли посуду после ужина и разговаривали.

Элли спала, а когда она проснулась, Пейдж попросила Майлса посмотреть ее. Она перенесла девочку в комнату для осмотров и положила на стол. Тео и Клара стояли в дверях.

Майлс нежно улыбался ребенку и бормотал какие-то бессмысленные слова. Элли лежала голенькая, прикрытая только пеленкой, но оставалась спокойной. Она гугукала и очаровывала его.

Когда Майлс закончил осмотр и поднял глаза, сердце у Пейдж упало. Она прочитала в

его глазах тот же страх и безнадежность, которые испытывала сама, глядя на это нежное создание. Тем не менее Майлс вполне искренне обнадежил Клару и Тео, и они после разговора с ним несколько успокоились.

Вскоре Майлс собрался уезжать, и Пейдж, накинув шаль, вышла вслед за ним. Он поджидал ее в тени сарая.

— Ты схватишь воспаление легких, — сказал он, распахнул свое пальто из шкуры бизона и укрыл ее полами. При этом он крепко поцеловал ее. — А что подумают Флетчеры, когда увидят, что вы преследуете меня, доктор Рандольф?

— Клара знает про нас, она сказала мне, когда мы мыли посуду, что счастлива видеть, что мы вместе. — Она прижалась к его теплому телу. — А что ты скажешь про Элли, Майлс?

Он слишком долго колебался, продолжая крепко обнимать ее.

— Я и раньше сталкивался со случаями, казавшимися безнадежными, а потом пациенты выздоравливали, — произнес он наконец. — Дети часто оказываются крепче, чем они выглядят.

— Но не этот ребенок, так ведь? — прошептала Пейдж и постаралась удержать слезы, когда он вздохнул и покачал головой.

— Нет, я не думаю, что Элли справится, моя дорогая.

Лежа в эту ночь в постели, одна, — Флетчеры устроились в ее запасной спальне, а Майлс вернулся в форт, — Пейдж проклинала ограниченные возможности медицины в 1880-х годах.

Она прикинула, какие бы анализы она распорядилась проделать с Элли в ее время, всех специалистов, которых пригласила бы для консультаций.

Тянулись часы, а она придумывала воображаемые диагнозы и методы лечения, лежа с открытыми глазами, пока наконец ее не осенила простая мысль и принесла с собой умиротворение.

Даже в двадцатом веке дети умирают.

Может, и не составляет большой разницы, родилась ли Элли тогда или сейчас.

Майлс точно определил — мы не боги, сказал он ей однажды.

Он был прав. В конце концов она расслабилась и заснула.

В середине мая Тананкоа приехала к Пейдж.

Был шумный весенний день, с севера дул холодный ветер. На почве еще лежал снег, но он быстро превращался в грязь, а когда выглядывало солнышко, оно несло со своими лучами обещание летней жары.

Тананкоа приехала рано утром, еще не было девяти часов, когда она робко проскользнула в главную дверь.

Обе женщины обнялись, и Пейдж проводила свою гостью на кухню, где на плите стоял кофейник.

Они немного поболтали, потом Тананкоа поставила свою чашку и с мрачным выражением лица посмотрела на Пейдж.

— Я решила, — сказала она, — что, если я в этом году не забеременею от Денниса, я уйду от него. Я вернусь к моему народу. Но прежде я хочу попробовать твоё лечение.

Было ясно, что она приняла решение. Пейдж подавила в себе все аргументы, которые пришли ей в голову.

— Пойдем в кабинет, и я осмотрю тебя, — сказала она.

Она могла только молиться, чтобы ее знания оказались полезными. Если это не произойдет, брак ее подруги обречен, что обернется трагедией — Пейдж редко приходилось видеть двух людей, которые так любили бы друг друга, как Тананкоа и Деннис, разве только она и Майлс.

Со своей эгоистической точки зрения, Пейдж предполагала, что если Тананкоа вернется к своему народу, то она потеряет связь с подругой, которой она так дорожила.

Она никогда там не бывала, но не думала, что резервация Повелителя Грома то место, куда ей будет удобно ездить.

Пейдж подробно объяснила Тананкоа, что она собирается делать, натянула перчатки и стерильный халат и вознесла быструю молитву непостоянному богу плодородия.

Нет в этом мире равновесия, подумала она, улыбнулась, глядя в испуганные глаза Тананкоа, и приступила к тщательному осмотру влагалища.

Большинство ее пациенток измучены обилием детей, а тут перед ней лежит Тананкоа, мечтающая забеременеть.

— Судя по тому, что я могу сказать, Танни, у тебя нет никаких физических причин не беременеть.

Пейдж предпочла обойти молчанием тот факт, что ее осмотр по необходимости ограничен по сравнению с тем, что она проделала бы, если бы у нее были инструменты и время было другое.

Она хотела бы провести продувание фаллопиевых труб, чтобы убедиться в их проходимости, но для такого испытания ей нужна была двуокись углерода. Она хотела бы исследовать щитовидную железу, но в Баттлфорде возможности исследовать что бы то ни было не представлялось, разве только потерянную лошадиную подкову.

Черт побери, она уже начинает привыкать к тому, что должна полагаться на собственные глаза и уши и ставить диагнозы, как если бы настоящие анализы были доступны.

— Что мы собираемся проделать, так это вот что: когда у тебя происходит овуляция, то первым делом, когда ты просыпаешься утром и еще не оторвала голову от подушки, измерь температуру.

Пейдж нарисовала и повесила на стену своего кабинета схему женских половых органов и сейчас она воспользовалась этой схемой, чтобы объяснить, почему она просит Тананкоа делать это. Она показала, как фиксирует градусник температуру тела, и потом сказала:

— Когда температура поднимается, это означает, что в твоем теле происходит овуляция, это значит, что ты готова забеременеть. Так что когда это случается, ты должна мобилизовать Денниса, чтобы он немедленно начал заниматься с тобой любовью и как можно чаще в течение всего периода овуляции.

У Тананкоа расширились глаза, и в первый раз за утро она прижала руку ко рту и захихикала.

Пейдж тоже рассмеялась.

— Я понимаю, что это звучит смешно, но есть шанс, что это даст результат. Попробуешь?

Уныние, проглядывавшее в глазах Тананкоа все утро, вернулось, и она кивнула.

— Я сказала, что попробую твоё лечение, Пейдж, и я это сделаю, хотя сомневаюсь, что это принесет успех. — Тень улыбки промелькнула в ее глазах. — Некоторые лекарства у Хромой Совы гораздо противнее, чем это.

Она уехала, вооруженная термометром, а Пейдж подумала, как будет реагировать Деннис, когда Тананкоа будет требовать от него ласки в непривычные часы дня и ночи.

Она представила себя и Майлса в такой ситуации, и на лице у нее появилась грустная улыбка. Если Деннис хоть немного похож на Майлса, то проблем у него не должно быть.

Настал июнь, пришло лето. Буквально за одну ночь прерия покрылась лютиками и одуванчиками, а горожане начали усердно трудиться на своих огородах.

Однажды утром Пейдж вышла дать корм Минни и обнаружила у себя на заднем дворе Армана Леклерка с лопатой в руках, сажавшего семена.

— Арман, как ты? — Удивленная и обрадованная, Пейдж подошла, чтобы пожать грязноватую руку старика. — Это очень мило с твоей стороны, но я должна предупредить

тебя, что я ничего не понимаю в сельском хозяйстве.

Его кустистые белые брови приподнялись над озорными черными глазами.

— Арман будет ухаживать за вашим огородом, мадам.

— А мне казалось, ты однажды сказал мне, что, когда наступит весна, ты вернешься на свою ферму.

Он покачал головой.

— У меня нет фермы. Правительство забрало эту землю, мадам доктор.

— Но как они могли это сделать, Арман?

Он пожал плечами, на его лице пролегли жесткие морщины.

— Мы, метисы, получили землю от наших отцов, но у нас нет бумаг, подтверждающих, что земля принадлежит нам.

Пейдж была возмущена.

— Но это ужасно! И вы ничего не можете поделать?

Он ничего не ответил, взял лопату и снова начал копать.

— Здесь мы посадим картошку, да? А здесь морковь, вон там шпинат.

Арман приходил каждый день. Когда овощи были посажены, он принес луковицы цветов и черенки, и вскоре на грядках перед маленьким беленьким домиком росли розовый алфей, мак, маргаритки и подсолнечник.

Пейдж пыталась заплатить старику за работу, но он отказался.

— Вы пришли издалека, мадам доктор. Я думаю, что вы принесли с собой магию.

Озадаченная, Пейдж спросила у Майлса, что имел в виду старик.

— Метисы, дорогая, люди в высшей степени суеверные и очень религиозные. Арман был в форте в тот день, когда ты приехала, он слышал твой рассказ и поверил в него. Он думает, что это было чудо. — Майлс поцеловал ее. — Иногда я тоже так думаю, — добавил он, и это было только наполовину шуткой.

На третьей неделе июня Майлс должен был поехать на дальний пост посмотреть офицера, получившего пулевое ранение в ногу, и он предложил Пейдж поехать вместе с ним. Поездка должна была занять всего один день, а дорога проходила неподалеку от фермы Клары и Тео. Пейдж могла побыть у них, пока Майлс не вернется.

Клара обрадовалась неожиданным гостям, но Пейдж потребовалось все ее самообладание, чтобы скрыть потрясение, которое она испытала, увидев Элли.

Девочка выглядела еще хуже, чем несколько недель назад, когда Пейдж последний раз видела ее. Ей исполнилось уже девять месяцев, ее большие голубые глаза казались слишком большими на маленьком истрадавшемся личике. Она по-прежнему не могла сидеть прямо и не ползала. Однако она начала говорить, что убеждало Пейдж, что проблемы у девочки скорее физические, чем умственные.

Было больно слушать этот тоненький голосок, обращавшийся к маме, к папе, к собаке. Как всегда, Элли вела себя очень мило, играла с Пейдж в ладушки и в прятки, улыбаясь своей ангельской улыбкой, но она быстро уставала и значительную часть времени спала.

— У нее теперь судороги примерно каждый третий день, — сказала Клара, в глазах и в голосе которой звучала ужасная усталость. — Обычно эти судороги не очень тяжелые. Я все еще надеюсь, что она избавится от них, как полагает доктор Болдуин.

Пейдж уловила в голосе Клары мольбу, надежду услышать подтверждение, но Пейдж не могла заставить себя говорить Кларе заведомую ложь, что со временем Элли будет лучше.

Элли ни от чего не избавится. Пейдж было ясно, что ребенок умирает.

Возвращение домой в тот вечер должно было бы стать беззаботным. Вместо этого Пейдж не могла избавиться от тяжелого впечатления, которое все усиливалось с того момента, когда она утром увидела Элли. Она рассказывала об этом Майлсу, пока их лошади выбирали дорогу по прерии.

— На следующей неделе во вторник Клара и Тео приедут за тонизирующим лекарством, которое я прописала Элли, и я ощущаю себя мощенницей, Майлс. Эта ерунда ничему не поможет, только даст ей витамины.

За несколько минут до этого солнце село, и небо на западе было окрашено яркими цветами. Ветер поутих, и прерия расстилалась перед ними спокойная и тихая, то там то здесь виднелись кучи низкорослых сосен, окруженных полынью и цветущими дикими розами, но Пейдж не замечала окружающую красоту. Все ее мысли были об Элли.

— Майлс, — попросила она, — во всех твоих скитаниях или в твоём опыте врача во время войны ты не можешь вспомнить о чем-нибудь, что могло бы помочь Элли? Все что угодно, Майлс, как бы это ни казалось необычным или неподходящим. Что угодно, о чем ты, может быть, слышал, что мы могли бы сделать, чтобы помочь ей? — Пейдж беспокойно ерзала в седле. — Если бы это был наш ребенок, Майлс, что бы ты сделал?

Майлс натянул поводья и остановил Майора, и Пейдж придержала Минни и оказалась рядом с ним. Майлс сидел неподвижно, глядя на прерию.

— Несколько лет назад, дорогая, я прочитал в «Медицинском ежемесячнике Вирджинии» статью доктора Джейкоба Тонера, — начал он. — Никогда не имел удовольствия встречаться с этим джентльменом, но его статья застряла у меня в мозгу.

Майор заржал и встал на дыбы, и Майлсу потребовалось время, чтобы успокоить его.

— Статья эта представляла собой изложение доклада доктора Тонера в семьдесят седьмом году перед Медицинской Ассоциацией Скалистых Гор. В этом докладе он воздавал должное индейским лекарям за то, как они используют спринцовки, наложение швов, клизму, за их знания анатомии, за их опыт в приеме родов. Он зашел так далеко, что заявил, что индейские шаманы умеют вылечивать такие заболевания, которые мы, обучавшиеся европейской медицине, считаем безнадежными. Многие врачи посмеиваются над индейской медициной, считают ее фокусом дикарей.

Майлс глянул на нее, его красивое лицо было серьезным.

— Я не смеюсь над ней, Пейдж. Я видывал раны, от которых человек должен был умереть, а индейцы их вылечивали. Если бы Элли была моя дочь, я повез бы ее к шаману.

Он причмокнул, подгоняя Майора, и большой жеребец снова двинулся вперед, стук подков и поскрипывание кожаных седел приятно сливались с песней жаворонка и шелестом ветерка, знаменующего приближение ночи.

— Беда в том, — продолжал Майлс, — что может оказаться невозможным убедить Флетчеров доверить их дочь индейскому шаману. К сожалению, в здешних местах поселенцы плохо относятся к индейцам, и боюсь, что вряд ли Флетчеры согласятся, чтобы Элли помогли люди, которых они боятся и на которых смотрят сверху вниз.

— Может быть, они и не захотят, но я твердо решила, — объявила Пейдж, вздернув подбородок и давая понять, что она решение приняла.

Тананкоа училась врачеванию у индейских шаманов. Тананкоа и Клара — обе ее подруги, хотя они никогда не встречались. Обе они любят детей так же, как и Пейдж.

Все, что она должна проделать, планировала она, это придумать, как свести этих двух женщин. И как можно скорее.

По крайней мере часть ее плана оказалось нетрудно осуществить. Деннис каждую неделю привозил в форт мясо. Пейдж послала Тананкоа срочную записку, где писала, что ей необходимо увидеть ее во вторник — это был тот день, когда должна приехать Клара. Она вручила эту записку Майлсу, чтобы он передал ее Деннису, надеясь, что Тананкоа откликнется на ее призыв.

Та приехала, приехала и Клара.

Они сидели, как каменные изваяния, по обе стороны кухонного стола Пейдж, и напряженное молчание нарушалось только отчаянными попытками Пейдж завести разговор.

Элли спала в соседней комнате, а Пейдж в течение получаса сражалась, при том что ни одна из этих двух женщин не выказывала ни малейшего желания разговаривать.

— Еще чаю, Клара? А ты, Тананкоа?

Будьте вы все прокляты, она готова была вылить тот чай им на головы!

Элли проснулась и захныкала, Клара вскочила и побежала к дочке.

Тананкоа встала, в ее лице было жесткое, непроницаемое достоинство.

— Я поеду, Пейдж Рандольф.

— Нет, ты никуда не поедешь, — зашипела Пейдж, сердито глянув на свою подругу. — Сядь. Сейчас же! — приказала она сквозь сжатые зубы. — Ты мне нужна здесь!

Тананкоа была сильно удивлена, но тем не менее села, глядя на Пейдж так, словно та сошла с ума.

Клара с перепеленутой и чистенькой Элли вернулась и села за стол.

Пейдж наблюдала, как глаза Тананкоа тянутся к ребенку. Она заметила также понимание на лице Тананкоа, когда стали очевидны хрупкость и худоба Элли.

— Элли Рандольф, иди сюда, посмотри на свою тетю Пейдж.

Девочка улыбнулась и протянула ей навстречу ручки.

Пейдж взяла тоненькое тельце и склонилась с ним к коленям Тананкоа.

— Поздоровайся и с другой тетей, — ворковала она, не обращая внимания на выражение лица Клары. — Это Танни, ты здороваешься с ней, Элли?

Девочка что-то мурлыкала, а потом дотянулась до ярко-красной юбки Тананкоа, схватила ее в горсть и пыталась засунуть себе в рот. Тананкоа улыбнулась и погладила пальцем шелковистую кожу на впалой щеке Элли.

Пейдж положила девочку на колени Тананкоа, и Элли переключила свое внимание на блестящее ожерелье Тананкоа.

Хитрость Пейдж сработала как нельзя лучше. Тананкоа в первый раз за все утро расслабилась и начала укачивать Элли, наклонившись, чтобы ощутить запах золотистых волосиков этой сладкой девочки.

— Какая ты красивая, маленькая, — пробормотала Тананкоа, и лицо Клары смягчилось и осветилось материнской гордостью.

Три женщины образовали круг, центром которого была девочка. Когда Тананкоа спросила: «Сколько ей времени?», Клара ответила, и только Пейдж заметила, как слегка нахмурилось лицо Тананкоа. Элли из-за своего маленького роста и хрупкости казалась младше, чем на самом деле.

— Она начинает болтать, — сказала Клара. — На днях она соединила два слова. Тео

был на дворе, и, когда он вошел, Элли засмеялась и сказала: «Па-па при-шел».

Пейдж и Тананкоа издали подобающие возгласы, и Пейдж начала успокаиваться, когда Элли вдруг издала странный звук. Ее спина напряглась и выгнулась, глаза закатились так, что видны стали только белки. Ее тельце начало судорожно дергаться.

— Господи, спаси нас, у нее опять судороги! — закричала Клара и поспешила к Тананкоа. Она пыталась взять девочку на руки, но взять у Тананкоа дико дергающуюся Элли оказалось невозможно.

Клара начала всхлипывать, тоненький отчаянный крик вырвался у нее из горла, смешиваясь с задыхающимися звуками, которые издавала Элли.

Пейдж схватила ложку, чтобы засунуть Элли в рот, чтобы та не могла проглотить свой язык, но Тананкоа уже успела воткнуть свой палец между тоненькими сжатыми губами.

Пейдж смахнула тарелки со стола и бросила на него несколько чистых скатертей, чтобы положить на них девочку.

Тананкоа бережно опустила маленькое тельце на стол, и Клара, все еще всхлипывая, распустила все, во что была завернута Элли, чтобы ей легче дышалось.

Пейдж побежала за своей медицинской сумкой. У нее там было средство для инъекции, которым она могла воспользоваться, если судороги будут усиливаться, но, когда она вернулась, приступ почти прошел.

Тананкоа, чей палец Элли все еще сжимала во рту, издавала тихие баюкающие звуки над девочкой, пока ее ручки и ножки постепенно перестали дергаться. Рот Элли расслабился.

Тананкоа вынула свой палец, который слегка кровоточил от сжатых зубов Элли, и через какое-то время, показавшееся им вечностью, девочка зашевелилась. Она открыла свои карие глазки и безразлично уставилась в потолок. Рот у нее дрожал, и она дважды громко всхлипнула.

Тананкоа бережно передала девочку на руки Кларе, и та предприняла усилие, чтобы не плакать, и попыталась улыбнуться, глядя на худенькое маленькое личико.

— Ничего-ничего, моя любимая, мама здесь, с тобой, — прошептала она, и слезы снова потекли по ее щекам. — Она... она не растет так, как должна расти.

Неожиданно, словно рухнула дамба, лицо Клары исказилось, и она, задыхаясь, выпалила:

— Я боюсь, я все время боюсь! Я вижу, как люди смотрят на нее, сравнивая ее со своими детьми. Я так боюсь, что она... что она... умрет.

Она обернулась к Пейдж, лицо ее превратилось в маску беспомощной ярости, ее руки с такой силой сжимали Элли, что девочка тоже начала всхлипывать.

— Вы доктор. Вы говорите, что вы доктор! Неужели вы ничего не можете сделать, чтобы остановить это?

Не в силах сдержать рыдания, сотрясавшие все ее тело, Клара не глядя сунула Элли на руки Тананкоа и выбежала из комнаты.

Тананкоа стала успокаивать плачущую девочку. Она встретила взглядом с Пейдж, и в глазах у нее был молчаливый вопрос.

— В данном случае, Тананкоа, моя медицина бессильна, — вздохнув, сказала Пейдж. — Вот почему я хотела, чтобы ты приехала ко мне сегодня. Как ты думаешь, ты не смогла бы что-то сделать для Элли?

Тананкоа ответила не сразу. Она прижимала девочку к себе, качала ее и напевала

баюкающую песенку на своем языке, ритмичный мотив, звучащий так, словно ручеек журчит по камешкам.

Потом она посмотрела на Пейдж и коротко кивнула.

— Есть церемония излечения. Я видела, как Хромая Сова прибежала к такому обряду с ребенком вроде нее.

Как раз в эту минуту в комнату вернулась Клара, нос и глаза у нее покраснели, в руке сжат мокрый носовой платок.

— Простите меня, — заикаясь, произнесла она. — Я перебиваю вас. — Она взяла руки Пейдж в свои. — Я извиняюсь, Пейдж. Я знаю, ты сделала все, что в твоих силах, но порой я чувствую себя такой беспомощной. Такой бессильной!

Пейдж обняла ее.

— Забудь об этом, Клара. Видит Бог, я сама так себя чувствую. А теперь я предлагаю выпить свежего чая, — сказала она, подумав при этом, сколько женщин за всю историю человечества прибегали к чаю, чтобы уменьшить боль и успокоить сердце.

Тананкоа все еще держала на руках спящую девочку. Клара не пыталась забрать у нее Элли. Вместо этого она коснулась пальца Тананкоа, все еще кровоточащего от зубов Элли.

— Я очень благодарна тебе, Тананкоа. — В первый раз Клара назвала ее по имени. — Ты так быстро сообразила и положила ей палец в рот. — Она коснулась рукой кудрей своей дочери. — Она доверяет тебе, посмотри, как она заснула у тебя на плече.

Пейдж решила воспользоваться моментом.

— Клара, Танни врачеватель. Ее бабушка знаменитая шаманка, индейская врачевательница, и она учила своему ремеслу Тананкоа.

Пейдж почувствовала, как сердце у нее колотится о ребра, понимая, что каждая из этих женщин — или обе — могут отказаться от того, что она намерена им предложить.

— Клара, ни я, ни любой другой врач, которого я знаю, ничем не можем помочь Элли, — сказала она. — Как ты сама видишь, ей становится все хуже. — Притворяться дальше было бессмысленно. — Есть обряд, который знает Тананкоа, врачевательный обряд, который может помочь Элли. Если Тананкоа согласится попробовать...

Пейдж бросила на Тананкоа умоляющий взгляд, и черноволосая женщина, поколебавшись одну томительную секунду, кивнула головой в знак согласия.

Пейдж посмотрела на Клару, затаив дыхание. Но Клара смотрела на своего ребенка уютно свернувшегося на руках у Тананкоа.

— Ты попробуешь? — Голос ее звучал просительно. — Пожалуйста. Тананкоа, ты попробуешь помочь ей?

Тананкоа посмотрела на Элли.

— Я попробую. Но я не могу ничего обещать, — предупредила она. — Если Великий Дух захочет взять ее, ему надо подчиниться. Но если я смогу изгнать тьму и помочь ей, я это сделаю. Привези ее завтра утром в мой дом сразу после восхода солнца. Пейдж покажет тебе дорогу.

Тео, к их удивлению, сразу согласился, когда Клара рассказала ему.

— Насколько я понимаю, мы должны попробовать все, что можем, — сказал он, нежно улыбаясь своей дочке, которая дергала его за бороду.

На следующий день еще до восхода солнца он посадил их всех в фургон, и Пейдж стала показывать ему дорогу к дому Куинланов.

Деннис и Тео не были знакомы друг с другом, но, как фермеры, они вскоре увлеклись обсуждением проблем содержания скота и видов на урожай. Они зашагали в сторону амбара, а Тананкоа провела Пейдж и Клару в дом.

Сегодня Тананкоа была в национальном костюме. Пейдж впервые увидела ее в индейском одеянии. Ее платье из шкуры бизона и гетры были красиво вышиты замысловатыми узорами, изображениями птиц и цветов на светло-сером фоне, хорошо оттенявшем ее природную смуглость и большие черные глаза.

Но сегодня она вела себя как чужая, Пейдж почувствовала в своей подруге отрешенность.

Когда они вошли в дом. Тананкоа взяла Элли на руки и дала ей выпить приготовленный ею отвар из трав.

Видимо, он был невкусный, потому что Элли состроила гримасу и передернулась. Женщины улыбнулись, а Тананкоа влила ей еще одну ложку, потом третью.

Когда Элли отказалась больше пить этот настой, Тананкоа положила на пол выдубленную шкуру бизона, поверх постелила одеяло и положила на него Элли.

— Клара, ты будешь сидеть здесь, у ее ног, а ты, Пейдж, по другую сторону.

Тананкоа опустилась на колени у головы девочки, а Клара и Пейдж заняли указанные ею места. Пейдж испытала укол дурного предчувствия, гадая, каков будет этот обряд, задуманный Тананкоа.

Тананкоа сама выпила какой-то напиток из бизоньего рога, глаза ее были закрыты, похоже было, что она молится или занята медитацией. Через некоторое время она достала из кожаного мешка, лежавшего рядом с ней, маленький камень, несколько перьев и кусочек блестящего кварца. Она разложила эти предметы на равном расстоянии вокруг девочки, которая, спокойная и довольная, рассматривала все происходящее любопытными глазками. Время от времени Элли хлопала в ладошки или размахивала ручками, что-то болтая, но не пытаясь уползти.

Волнение Пейдж усилилось, когда Тананкоа запела старинную монотонную песню, гипнотизирующий ритм она подчеркивала, встряхивая трещоткой, которую достала из мешка. Держа в руке орлиное перо, она стала размахивать им над лежащей девочкой, сопровождая это пением.

Обряд все тянулся, и Пейдж боялась посмотреть в сторону Клары. Она была подавлена всей этой церемонией. Она чувствовала, как разгорячились ее щеки от дурного предчувствия. Она была уверена, что в любой момент Клара может схватить Элли с одеяла и настоит на том, чтобы уехать, но когда Пейдж все-таки глянула в ее сторону, то увидела, что Клара внимательно следит за тем, что происходит, и отнюдь не настроена так скептически, как Пейдж.

Теперь Тананкоа отбросила перо, но пение ее стало громче, требовательнее, проникновеннее. Она склонилась над Элли, и было похоже, что она вытягивает что-то из головы ребенка, нечто невидимое, но сильное.

Пейдж смотрела, не в силах осмыслить, что же происходит.

Тананкоа вспотела от усилий, вытягивая то, что могло быть невидимым шнуром, вылезавшим из самой середины черепа Элли.

Элли лежала совершенно спокойно. Глаза ее казались отсутствующими, как накануне, после судорог. Внезапно ее тело начало корчиться в спазмах, руки и ноги задергались.

— У нее судороги!

Встревоженная Пейдж хотела вскочить на ноги, но Клара дотянулась до нее и тронула за руку, покачала головой и приложила палец к губам, призывая к молчанию.

Вскоре Пейдж поняла, видимо, как и Клара, что на этот раз у Элли не судороги, а нечто совсем иное. Хрупкое тельце девочки двигалось гораздо более неистово, потом она успокоилась, ее большие ясные глаза были устремлены на Тананкоа.

В тот момент, когда девочка затихла, Тананкоа резко оборвала свое пение. Элли начала тужиться.

Тананкоа подняла ее на руки и поднесла к маленькому тазу, и Элли вырвало странной темной массой.

Клара, перепуганная, дрожала.

— Ей плохо, почему ей так плохо?

Но Тананкоа подбадривающе улыбнулась Кларе.

— Ее будет рвать еще несколько раз, и ее внутренности очистятся. Она освобождается от злых духов, от которых она больна. С сегодняшнего дня она будет выздоравливать.

Последующие два часа у Элли сильный понос чередовался с жестокой рвотой. Пейдж начала волноваться насчет обезвоживания организма, но Тананкоа, похоже, видела в очищении кишечника положительный момент и настояла на том, чтобы не давать Элли пить.

Клара занималась тем, что меняла пеленки, стирала их и развешивала для просушки.

Тананкоа, похоже, точно знала, когда кончится понос. Когда прошло два часа и Элли лежала совершенно измученная на руках у Пейдж, Тананкоа бросила маленькую горсточку каких-то трав в чашку тепловатой воды и напоила ею с ложки девочку.

— Худшее позади, — объявила Тананкоа после того, как Элли проглотила несколько ложек. — Теперь она будет спать. А нам нужно приготовить ланч, мужчины скоро вернутся. — Тананкоа уложила девочку на тюфячок из меха и тепло закутала ее. — В течение следующих двух дней она должна быть в покое и не получать ничего, кроме вашего молока, Клара, — проинструктировала она.

Потом, словно вся утренняя процедура была таким же обычным делом, как компания дам, занимающихся шитьем, Тананкоа смахнула со стола свой кожаный мешок, вымыла руки в тазике, стоявшем в углу, и занялась приготовлением лепешек и помешиванием тушеного мяса, булькающего в кастрюле.

Флетчеры, торопившиеся поскорее оказаться у себя дома, подвезли в конце дня Пейдж к ее дому и поспешили к себе. Большую часть дня Элли спала, просыпаясь только для того, чтобы несколько раз сосать грудь матери. Молоко стекало, а девочка выглядела не хуже, чем до утреннего обряда.

— Но главный вопрос в том, будет ли ей лучше?

Пейдж и Майлс, которым не хотелось в такую теплую летнюю ночь оставаться в доме, прогуливались по берегу реки. Пейдж рассказала Майлсу во всех подробностях, что происходило с Элли.

Он молча слушал ее.

— Видит Бог, Майлс, я была в таком замешательстве от всех этих мумбо-юмбо, которые устраивала Тананкоа, — призналась Пейдж, крепко сжимая его руку.

Майлс улыбнулся ей.

— Когда ты в первый раз видишь такой обряд, он кажется ужасно странным. Но он

срабатывает, не всегда, но достаточно часто. Индейцы верят в то, что болезни появляются от присутствия злых духов. Я наблюдал многих шаманов, когда они за работой, и мне кажется, что духовное влияние обряда на пациента так же важно, как травяной настой, который они употребляют.

— Психология и безвредные лекарства, употребляемые для успокоения больного, — согласилась Пейдж и объяснила, что она имеет в виду. — Но самое таинственное началось, когда Тананкоа как будто на самом деле вытаскивала что-то из головы Элли, — добавила она. — Я могла понять, когда она использовала обряд, чтобы произвести на Клару впечатление, что она лечит девочку, но почему мне это показалось таким реальным, когда она вытягивала... или что это могло быть?

— Может быть, она действительно вытягивала что-то из головы Элли, кто знает? Есть множество вещей, которые существуют, хотя мы и не можем их увидеть, — сказал Майлс рассудительным тоном, а когда Пейдж начала хохотать, посмотрел на нее и нахмурился. — Что тут смешного?

— Ничего. Все смешно. Понимаешь, это я должна рассказывать тебе о вещах, которые мы не можем увидеть, ты, сумасшедший, поразительный мужчина! Это я знаю про атомы, про электронные микроскопы, про вирусы, а оказывается, нужно, чтобы ты напоминал мне, чтобы я не была такой ограниченной. О Майлс, ты понимаешь, что ты далеко опередил свое время?

Он обнял ее.

— Я не хочу опережать свое время, — заявил он, подчеркивая медленным выговором значение своих слов. — Все, что я хочу, — это тебя, здесь, в моих объятиях, дорогая моя Пейдж.

— Я тоже.

Она приподняла голову для поцелуя, пораженная тем, что это правда. То, другое время, будущая эпоха, из которой она пришла, начинала казаться туманной и такой отдаленной.

В какой момент она перестала мечтать о том, чтобы найти способ вернуться туда?

— Могу ли я поговорить с вами, сэр, по личному вопросу?

Роб Камерон стоял по стойке «смирно», Майлс вопросительно посмотрел на него. Камерон не встретил его взгляда.

— Ладно, сержант. — Майлс глянул на других мужчин, ожидающих его в очереди заболевших, и жестом показал ему на дверь своего кабинета.

— Прошу сюда. — Он пропустил Роба вперед и прикрыл за собой дверь, надеясь, что этот разговор не займет много времени. — В чем проблемы, Роб?

Лицо молодого констебля стало красным, как его мундир, и Майлс вздохнул, будучи уверенным, что Роб собирается сказать ему.

За последнюю неделю Майлсу пришлось лечить четырех мужиков, подхвативших венерические болезни от одной из местных проституток, и он был уверен, что перед ним пятая жертва.

Он уже нанес визит Дженни, мадам, хозяйке здешнего борделя, и настаивал на том, чтобы ее девушки пришли на обследование, пока еще не все мужчины в форте подхватили сифилис. А Дженни настаивала на том, что ее девушки чистые, и когда Майлс осматривал их, то вынужден был признать ее правоту. Где же тогда эти молодые парни подхватили заразу? Он расспрашивал каждого из них, но ни один не признался, с кем он путался.

— Ну, Роб?

Этим молодым констеблям очень трудно рассказывать о симптомах их болезни. Майлс держался доброжелательно, но он должен был думать о всех тех мужчинах, которые за стенами его кабинета ждали у него приема. Он уже готов был приказать Робу спускать штаны, когда сержант с трудом сглотнул и выпалил:

— Это насчет мисс Рандольф, сэр.

Пейдж? Майлс нахмурился. Что может иметь общего Пейдж с проблемами Роба?

— Идут разговоры. Говорят, что она ваша любовница.

Роб словно выплевывал слова, а Майлс был ошарашен.

Он понимал, что обязательно пойдут сплетни, когда станет известно, что он многие ночи проводит не в своей комнате, но тут он ничего поделать не мог, кроме как игнорировать эти слухи.

— Я ждал, что услышу о вашей помолвке, но совершенно очевидно, что ваши намерения неблагоприятны, — продолжал Роб злобным голосом. — У этой девушки нет ни отца, ни брата, которые защитили бы ее честь, поэтому я вызываю вас, главный врач Болдуин.

Майлс лишился дара речи и остолбенел. Потом он наконец пришел в себя настолько, чтобы вымолвить:

— Я правильно тебя понял? Ты вызываешь меня на дуэль?

— Да, сэр, вызываю.

Роб стоял навтыжку, глядя на Майлса с болью и решимостью в глазах.

Майлс оперся на стол для осмотра и показал жестом на единственный деревянный стул.

— Садись, Роб. Мы должны поговорить.

Роб отказался, мотнув головой.

— Я сказал все, что хотел.

Его усы оцетинились, а подбородок вздернулся в твердой решимости.

— Ты влюблен в нее, сержант?

Этот вопрос был излишним — ответ был очевиден по лицу Роба.

Плечи Роба опустились, и смотрел он в сторону от Майлса. Потом он кивнул одним резким движением головы.

— Да, я люблю ее. Но я никогда не пытался воспользоваться ею так, как делаете вы, — с горячностью обвинил он. — Я уже просил ее выйти за меня замуж.

Осознав, что он сказал, Роб запнулся и замолк.

Майлс почувствовал острый укол ревности, но потом подумал о своем собеседнике.

— Я так понимаю, что она отвергла твоё предложение? — спросил он так мягко, как мог.

Роб с несчастным видом опустил голову.

— Да. Она сказала, что... что любит вас. Это было в ноябре, и казалось, что она ожидает... что она думает... я все ждал, что будет объявлено о предстоящей свадьбе, но ничего не произошло, так ведь? А я видел, как вы ездите к ее дому и возвращаетесь ночью.

— Это правда, что о нас идут толки?

Роб поколебался, потом отрицательно мотнул головой.

— Я размозжу голову любому, кто скажет о ней худое слово! Разговоры идут о вас, вот и все. — Он постучал пальцем в свою грудь. — Это о ней я беспокоюсь. Я не хотел говорить, что это Пейдж сказала мне о вас обоих.

Майлс облегченно вздохнул, услышав, что ее имя не перемалывают втихую в форте. Но как ему вести себя в этой ситуации с Робом? Потом он решил, что поможет ему только правда.

— Я влюблен в нее, Роб. Влюблен по уши, — признался он, чувствуя, как заливается краской его лицо. Майлс не привык обсуждать свои чувства с другими людьми. — Я могу сказать тебе только одно: я никогда не причиню ей вреда. И не позволю никому другому. — Голос его стал жестким. — Но соглашение между нами двумя дело абсолютно личное и никого больше не касается. Ты должен это понять.

— Но вы намерены жениться на ней, доктор Болдуин? Я имею ваше слово на этот счет?

Дьявол его побери, неужели этот упрямый молодой шотландец никогда от него не отстанет?

— Да, будь я проклят, я собираюсь жениться на ней!

Майлс метнул в сторону Камерона уничтожающий взгляд, который заставил бы другого ретироваться, но шотландец твердо стоял на своем, и Майлс почувствовал невольное к нему уважение.

— Ты имеешь мое слово, сержант. И я не собираюсь драться с тобой на дуэли по этому поводу. А сейчас убирайся отсюда! У меня больные, которых я должен осматривать.

— Сэр. — Роб отдал ему честь и захлопнул за собой дверь.

Майлс вытер холодный пот со лба, сознавая, что за этим его возбуждением кроется мучительное понимание того, что Камерон прав: он должен жениться на Пейдж, будет непростительно ставить таким образом под удар ее репутацию.

Если говорить правду, то он за последнее время все чаще думал о том, чтобы жениться на ней, но каждый раз, когда он взвешивал такую возможность, он испытывал страх, страх по многим причинам, страх потерять ее, страх перед тем, чтобы вновь испытывать судьбу и потерять себя, когда все будет кончено.

Он почти убедил себя, что, когда придет время, им будет легче расставаться, если они

не будут женаты, если их не будут связывать законные узы.

Потому что он не сомневался, что рано или поздно он ее потеряет. Хотя последнее время она не заговаривала об этом, вопрос о ее возвращении туда, откуда она появилась, всегда оставался па повестке дня, если к тому окажется возможность. А если она появится, Майлс был уверен, что Пейдж ею воспользуется.

Если это случится, он вновь окажется одинок, так одинок, как никогда раньше. То, что происходит между ним и Пейдж, не похоже ни на что, испытанное им в его жизни, даже с Бет. Это было физическое, эмоциональное и духовное единение с Пейдж, поработившее его. Даже то, что он запросто называл любовью, оказалось совсем иным.

Потерять ее, понимал он, будет мучительно, станет ли она его женой или останется любовницей.

Ладно, подвел он итог, пригладив свои волосы и одернув мундир перед тем, как вызвать очередного больного. Теперь от него ничего не зависело.

Он дал Камерону слово, а это обязывало. При первой же возможности он сделает Пейдж предложение.

В среду утром первой пациенткой Пейдж оказалась Элен Джиллеспи. Ее здоровье после процедуры, проведенной Пейдж, стало прекрасным. К радости Элен, ее кровотечения полностью прекратились, а в результате прошла и ее анемия. Сегодня она выглядела просто хорошенькой. Она пришла за новой порцией трав, которые Пейдж прописала ей против повышения температуры в климактерический период. Когда она вышла, Пейдж открыла дверь в комнату ожидания, чтобы пригласить очередную пациентку.

— Заходите... Лулу?

Пейдж не поверила собственным глазам — Лулу Либерман ожидает у нее приема?!

Пейдж понимала, что в ее голосе зазвучало удивление, когда она обнаружила свою бывшую квартирную хозяйку сидящей у нее в приемной.

— Заходите, Лулу. — Пейдж показала ей вход в кабинет и закрыла за ней дверь, гадая, что могло привести к ней Лулу.

Ей было нелегко скрыть свои чувства, когда она увидела эту женщину, все те чувства, которые та вызывала у нее, неприятные воспоминания о ее первых трудных неделях в Баттлфорде всколыхнулись в ней, вызвав желание выгнать эту опасную женщину, способную на любую ложь.

Однако Пейдж сумела обрести свою профессиональную манеру поведения.

— Какие у вас проблемы, Лулу? Я полагаю, что вы пришли сюда за медицинским советом?

Лицо Лулу пошло красными пятнами, и она старалась не смотреть в глаза Пейдж.

— Я подозреваю, что у меня раздражение из-за того, что я пользовалась той же уборной, что и мои жильцы, — сказала она, и ее визгливый голос дрожал. — Я хочу, чтобы вы дали мне какое-нибудь лекарство против этого.

Пейдж стала настаивать на необходимости осмотра, и после длительного спора Лулу наконец согласилась.

Пейдж была поражена тем, что она обнаружила. Определить без анализов истинное происхождение было трудно, но ей стало ясно, что Лулу подхватила венерическое заболевание. Пейдж готова была держать пари на подаренный ей стетоскоп, что добродетельная Лулу не могла заполучить эту заразу через сиденье в туалете — было

совершенно очевидно, что это результат сексуального общения.

Конечно, было очень соблазнительно припереть Лулу фактами, однако это неизбежно вызвало бы яростное отрицание с ее стороны, за которым последовало бы бегство и никакой речи о лечении не могло бы быть.

Профессиональное чувство ответственности взяло в Пейдж верх. Насколько она знала эту женщину, самое умное было делать вид, что она принимает на веру совершенно неубедительное объяснение Лулу, что она, сама того не зная, оказалась жертвой.

Пейдж так и поступила, с трудом сдерживая понимающую улыбку, когда эта пышечка лицемерно кляла «этих грязных животных, которые могут сделать такое с невинной женщиной».

Проблемой было лечение. В который раз Пейдж мечтала об антибиотиках.

На счастье, у нее как-то был разговор с Майлсом по поводу венерических болезней в армии — Майлс говорил, что это явление обычное.

Он объяснил ей, что принятое в настоящее время лечение является, по его мнению, опасным — она с ним полностью согласилась, когда он напомнил ей, в чем оно заключается. Она и забыла, что в девятнадцатом веке врачи впрыскивали больным сифилисом жуткую дозу мышьяка с золотом.

Майлс объяснил ей, что он вместо этого использует отвар золы и напиток, получаемого из вываренных корней чертополоха, — эффективное лечение, о котором он узнал от одного пожилого врача во время Гражданской войны. Майлс уверял Пейдж, что этот отвар излечивал почти все случаи, которые ему приходилось лечить.

У Пейдж не оказалось таких лекарств под рукой: это был первый случай, когда она сталкивалась с венерическими болезнями.

Они договорились, что Пейдж днем прийдет в меблированные комнаты мальчика-посыльного с лекарствами, продала Лулу целебную мазь, приготовленную Тананкоа, которая должна была облегчить хроническую боль от открытых ранок и жжения в области лобка.

— Никаких сексуальных контактов до тех пор, пока все не пройдет, — предупредила Пейдж. — Иначе вы заразите вашего партнера.

В ответ она получила мерзкий взгляд.

Пейдж не могла забыть, как Лулу распускала о ней грязные сплетни и почти выбросила ее на улицу, и, не моргнув глазом, увеличила свой обычный гонорар вдвое. Лулу заплатила, не говоря ни слова.

Когда эта женщина уехала. Пейдж присела на минутку и вспомнила слова, которые любил повторять ее партнер Сэм Харрис: «Каждый получает по заслугам».

Злобность Лулу отозвалась ей как следует, подумала Пейдж.

В воскресенье Майлс удивил ее: он запаковал ланч и повез ее на пикник в уединенное местечко вверх по реке, где тихая заводь, окруженная ивами, образовывала естественный плавательный бассейн.

Он продумал все, привез с собой одеяло, керамическую флягу с холодным лимонадом и брезентовый мешок, в котором запасов еды было достаточно, чтобы накормить целый батальон.

По дороге они разговаривали о Лулу. Майлс был поражен, как раньше была поражена Пейдж, когда узнал, кому понадобилось его средство от сифилиса. Он объяснил Пейдж, что уже лечил им в последнее время в форте четырех молодых констеблей.

Он тогда обвинил в распространении болезней девушек из заведения Дженни.

— Я вызову каждого из этих парней по отдельности и поговорю с ними, — сказал он в тот вечер, когда Лулу приезжала к Пейдж.

Результат был ошеломляющий, и он поведал о нем Пейдж, пока они ехали.

— Похоже, что мадам Либерман талантливая актриса, — объяснил он. — Каждый из этих молодых людей уверен, что его осчастливили, что он единственный, кто удостоился ее милостей, каждый уверен, что она безумно влюблена именно в него. Когда они обнаруживали, что заразились, она разражалась истерическим плачем и рассказывала каждому о неопрятном жильце и уборной во дворе, а эти легковверные парни готовы были защищать ее честь и скорее умереть за нее, чем раскрыть мне, от кого они заразились. Похоже, что она развлекалась со всеми четырьмя в одно и то же время, и, конечно, должен был быть кто-то пятый, кто наградил ее сифилисом. Она просто ненасытная баба, наша Лулу.

— Надеюсь, Роб Камерон не один из них, — воскликнула Пейдж и рассердилась, когда Майлс загадочно глянул на нее. — Она положила глаз на него, а он такой невинный и честный парень, что я буду вне себя, если ей удастся соблазнить его.

— Ты можешь успокоиться, Пейдж. Невинный Роб Камерон в полной безопасности, — сухо отозвался Майлс.

Они забыли про Лулу и Роба, когда расстелили одеяло и выложили обильный ланч, который Майлс упросил приготовить повара в казармах.

Стоял жаркий июльский день, Пейдж вспотела от долгой поездки верхом.

— Майлс, ты будешь купаться? Вода такая приятная, что грех не поплавать.

— Конечно, буду.

Он начал расстегивать мундир.

— Прекрасно. Кто отстанет, тот тухлое яйцо.

Она расстегнула свою блузку, и через несколько секунд вся ее одежда кучей валялась на траве.

Было так приятно оказаться голой на свежем воздухе. Она побежала и нырнула, взвизгнув, когда очутилась в холодной воде. Майлс догнал ее через несколько секунд, чуть не утопив ее при прыжке, схватил и окунул под воду, успев поцеловать раньше, чем она высунулась из воды.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я нарушаю устав, сняв форму и оставшись без оружия, — пошутил он.

— Я никому не расскажу.

Они резвились, как дети, и их смех и дразнящие голоса разносились в тихом воздухе.

Пейдж плыла на спине, она перевернулась, чтобы взглянуть на лошадей и вскрикнула.

Четверо индейцев спокойно сидели на лошадях, наблюдая за тем, что происходит в заводи. Они находились всего в нескольких ярдах от их брошенной одежды — и от револьвера и ружья Майлса.

— Спокойно, Пейдж.

Майлс тоже увидел их и встал между индейцами и Пейдж.

— О Боже, Майлс, что нам делать? Они рядом с нашей одеждой. И... их четверо. — Пейдж понимала, что в ее голосе звучит истерика, но ей было все равно. — И они... они намерены...

Она представила себе картины изнасилования и убийства, и вздрогнула.

— Майлс, мне страшно!

— Я разберусь.

Майлс крикнул им что-то на гортанном языке, и один из индейцев ответил ему.

— Они не воюют. Я не думаю, что они причинят нам какой-нибудь вред, — сказал он, когда разговор закончился. — Они охотились, когда слышали наши легкомысленные крики. Пожалуй, им просто любопытно.

Он старался успокоить ее, но Пейдж видела, с каким напряжением он следил за тем, как они стреножили своих лошадей и уселись на корточках на траве.

— Черта с два любопытно! Они... паршивые извращенцы. — У нее начали стучать зубы — и от страха, и от холодной воды. — Ты не можешь сказать им, чтобы они убирались? Или хотя бы отвернулись, пока я вылезу?

Она была совершенно голая, а четверо мужчин, похоже, совершенно не собирались вести себя вежливо и уехать в сторону заката, чтобы она могла вылезти из воды и ее скромность не пострадала.

— Майлс, ты ничего не можешь сделать, чтобы избавиться от них?

— У нас не лучшая позиция для того, чтобы торговаться с ними, дорогая. — В его голосе звучала ирония. — Мы будем вести себя нагло. Я вылезу из воды и надену свои брюки в кобуру, потом я подниму одеяло и ты прибежишь.

Никогда Пейдж не чувствовала себя такой одинокой, как в течение последующих нескольких минут. Майлс проделал то, что собирался: не торопясь вышел из воды, наклонился и сказал что-то индейцам, пока натягивал брюки и застегивал ремень.

Она видела, как он сдвинул еду и поднял одеяло. Она выплыла на отмель, ощущая, как четыре пары глаз смотрят на нее. Майлс вошел в воду и заслонил ее своим телом, когда она встала во весь рост.

— Улыбайся и будь вежлива, любимая, — сказал он тихо, заворачивая ее в одеяло и помогая ей выйти из воды. — Боюсь, что у нас будет компания за ланчем.

Менее всего Пейдж хотелось улыбаться. Она бросала на индейцев сердитый взгляд, подняла свою одежду и отправилась за кусты, чтобы одеться. Когда она вышла, то увидела, что индейцы накинулись на еду, разговаривая с Майлсом, в то время как сэндвичи с холодным ростбифом, яблоки и сладкое быстро исчезали в их животах.

На нее они не обращали ни малейшего внимания, но истребили всю еду. Пейдж чувствовала, как она становится все более голодной по мере того, как тянулся день, а индейцы не подавали вида, что собираются уезжать. Их разговор с Майлсом все продолжался, и Пейдж отодвинулась на некоторое расстояние и прислонилась к стволу тополя.

В конце дня стало душно, и небо на севере приобрело грязно-коричневый оттенок. Угрожающе прогремел гром, и на лицо Пейдж упали несколько капель дождя.

Индейцы как по сигналу встали, оседлали своих пони и, подняв каждый руку в знак прощания с Майлсом, уехали.

— Слава Богу, — вздохнула Пейдж, пытаясь встать на ноги. — Моя задница вся затекла, — пожаловалась она. — Я уже думала, что они останутся с нами до конца наших дней. Съели всю еду до крошки, а я умираю с голоду. И начинается дождь. — Она понимала, что ведет себя как капризный ребенок, но день, который они собирались провести вместе, пошел прахом, и она чувствовала себя разочарованной. — О чем ты с ним все это время разговаривал?

Майлс нагнулся и взял ее руки в свои, помогая ей встать.

— Мне очень жаль, но не оставалось ничего другого, как выслушать их, они из племени кри, из резервации Большого Медведя. — Он нахмурился и покачал головой, в голосе его звучала злость и досада. — Они рассказывали мне все ту же историю, которую в эти дни рассказывают все индейцы, о том, что исчезают бизоны, о позоре, как их загнали в резервации вместо того, чтобы они могли свободно скитаться и охотиться, как делали это всегда, а сейчас они испытывают боль и злость, видя, как голодают их семьи, потому что правительство белых людей не держит своего обещания кормить и одевать индейские племена. Дело плохо, будет мятеж...

Громкий удар грома и ослепительная вспышка молнии заставили Пейдж вскрикнуть от испуга и искать укрытия в его объятиях. Спустя мгновение хлынул дождь, и Майлс схватил одеяло и побежал с Пейдж к сомнительному убежищу под ивами. Прежде чем они добежали до деревьев, они промокли до нитки.

Майлс обернул вокруг них обоих одеяло и прижал ее к себе, пытаясь уберечь от потопа.

— Нам надо переждать этот ливень, будь он проклят! — Он выругался долгими, сочными ругательствами, что ее удивило — он никогда не выражался при ней. — Я хотел, чтобы сегодня все было хорошо, а вместо этого ты застыла и голодна, а нам еще два часа ехать до дома, — удрученно сказал он.

— Ладно, могло быть хуже, — сказала она, стараясь выглядеть оптимисткой. Ее руки обнимали его, и эту близость вряд ли можно было считать неприятной. — Ты знаешь, а ведь они могли унести нашу одежду.

Мысль о въезде в Баттлфорд в виде леди Годивы неожиданно заставила ее захихикать. Похожая мысль, видимо, посетила и Майлса, потому что он начал хохотать.

Потом он нагнулся и поцеловал ее, и вскоре они оказались лежащими на траве. Каким-то необъяснимым образом его брюки оказались расстегнутыми, ее нижнее белье соскользнуло, а одеяло плотно обернулось вокруг их тел. Дождь перестал, но они этого не заметили.

* * *

Ураган наконец-то ушел на запад, и они отправились в долгое путешествие домой.

Промокшая, растрепанная, все косточки ноют, голодная, Пейдж старалась отвлечься от всех этих неудобств и забыть, сколько ей еще предстоит ехать верхом, чтобы добраться до дома.

Вместо этого она думала обо всем, что случилось сегодня, об индейцах и о том, как они часами беседовали с Майлсом, и о том, как с ними обращаются, о глупости правительства, и о том, что говорил Майлс о надвигающихся неприятностях. Она вспомнила лицо Армана, когда он говорил, что у него отобрали его землю.

Она подумала о передачах новостей по телевидению в той, другой жизни, о более сложных, но таких же по существу проблемах, на которые жалуются коренные жители этих мест, и ощутила свою вину за то, как мало внимания она уделяла этим сообщениям.

Майлс сказал, что дело дойдет до мятежа.

Давняя лекция по истории всплыла в ее памяти, и она натянула поводья Минни так неожиданно, что низкорослая кобыла попятилась, чуть не скинув Пейдж с седла.

— В чем дело? — Майлс оглядывал окрестности, держа руку на ружье, предвидя неприятности.

— Восстание. О Боже, Майлс! Я... я сейчас вспомнила, не могу поверить, как я не подумала об этом раньше. — Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Это потому, что у меня всегда были нелады с историей, и я перестала обращать внимание на даты.

Она начала заикаться, торопясь предупредить его.

— Майлс, это случилось именно так, как ты говоришь. Было восстание, большое сражение, индейцы и метисы против белых. Это то самое, о чем говорили сегодня эти индейцы, — недостаток еды, земли у них отняли, правительство не выполняло своих обещаний. Возглавлял восстание Луи Райел, народный герой.

— Райел? — Майлс придержал Майора и нахмурился. — Я знаю о Райеле, он возглавлял восстание на Ред Ривер в 1869-м, задолго до того, как я вступил в Конную полицию. Ты уверена, что имеешь в виду не это сражение?

Пейдж не была уверена. Ее память на даты и события была очень плохой.

— Была битва у деревни, называемой Батош? Я припоминаю что-то о битве при Батоше, когда их возглавлял Райел.

Майлс уставился на нее.

— Битвы при Батоше не было. Батош — это деревня метисов около реки Саскачеван милях в ста к востоку от Баттлфорда.

Пейдж причмокнула, понукая Минни, и они снова двинулись в путь.

— Я припоминаю, что его повесили за участие в восстании, — заметила она.

— Кого повесили? — Майлс ехал вплотную рядом с ней.

— Луи Райела. Его повесили, как предателя, но потом он стал героем Канады. — Она напрягала свою память, пытаясь вспомнить какие-то детали, но они ускользали. — Была даже почтовая марка с его портретом.

— Райел жив, Пейдж. Последние несколько лет он провел в психиатрической больнице в Бьюпорте, около Монреаля. У него расстроенная психика.

— Я припоминаю, что его считали шизофреником, что-то писали о нем, что он скакал голый на белом коне в самой гуще битвы. — Она на мгновение задумалась. — Но, если он жив, значит, не было восстания на Ред Ривер, о котором я говорю? Они называли это восстание по его имени — «Бунт Райела».

— Когда это было, Пейдж? В каком году случилось это восстание?

Она пыталась вспомнить, но не могла.

— Мне кажется, оно случилось весной, — сказала она неопределенно. — В восьмидесятых годах, весной.

Майлс, взволнованный, чертыхнулся про себя.

— Было бы лучше, если бы ты была более внимательна в школе.

Пейдж рассердила жесткая нотка в его голосе.

— Ладно, Майлс, Бога ради, это история! — выпалила она. — Чертовски скучная история, все эти даты и битвы. Я запоминала достаточно, чтобы сдать экзамены, а потом забывала напрочь. Да я даже в самых страшных ночных кошмарах никогда не представляла себе, что попаду сюда.

У Майлса сжался рот.

— Значит, вот что это значит для тебя? Ночной кошмар? Нечто вроде ада?

Она устала, была голодна и вообще не в себе.

— Да, есть моменты, вроде этого, когда чувствуешь себя именно так, — бездумно сказала она.

Он схватил Минни за поводья и остановил обеих лошадей. Пейдж чуть не свалилась с седла, и, когда она обрела равновесие и глянула на него, ее глаза сузились, когда она поняла, насколько он рассержен.

— Я полный дурак. Последнее время я начал верить, когда ты уверяла, что счастлива и довольна жизнью здесь, что ты больше не мечтаешь вернуться в свое время. — Глаза его стали холодными, голос насмешливым. — Я собирался сегодня просить тебя выйти за меня замуж. Это очень хорошо, что я не имел такой возможности, так ведь, Пейдж? Потому что если все это кошмар, то какое место я в нем занимаю? Где буду я, когда в одно прекрасное утро ты проснешься там, где хочешь быть?

Она, ошеломленная, воззрилась на него. Потом весь этот день неудач обрушился на нее, и она заорала:

— Ты занимаешь место мужчины-шовиниста, вот какое место ты занимаешь! Значит, ты хочешь облагодетельствовать меня? Поступить благородно, сделать из меня честную женщину? В этом нет никакой необходимости, потому что, как бы странно это ни выглядело, я не хочу выходить замуж, Майлс Болдуин.

Она знала, что говорит несправедливые слова, но остановиться уже не могла.

— Я не собираюсь выходить замуж ни за тебя, ни за кого другого. Каждый день в моем врачебном кабинете я вижу, что означает для женщин замужество в вашу эпоху, и, поверь мне, вот это и есть настоящий кошмар.

Она пожалела об этих словах в тот же момент, когда произнесла их. Пропади все пропадом, она не хотела нападать на него вот так! Просто его сарказм задел ее, ноги у нее горели от усталости, и больше всего ей хотелось слезть с этой проклятой лошади. Она хотела бы выкупаться в горячей воде в большой ванне, поужинать, глядя телевизор, и съесть большой кусок шоколадного мороженого.

Он собирался сделать ей предложение, так он сказал.

Сколько раз за последнее время она фантазировала, каково это будет — выйти за него замуж?

Ну что ж, это был шанс, который она теперь никогда не получит.

Она почувствовала себя совершенно больной, и ей с большим трудом удалось перебороть себя и не заплакать.

Остаток долгого пути они проехали в мрачном молчании.

Майлс с ледяной вежливостью проводил Пейдж до ее дверей и вернулся в форт, кипя от негодования. Ужин в столовой уже кончился. Майлс взял несколько яблок и ломоть хлеба с сыром и отправился в свою комнату.

Он сбросил ботинки, снял мундир, встряхнул его от пыли, набравшейся за поездку. Умылся над тазом, стоявшим в углу, и уселся в кресле, вытянув ноги на деревянный ящик и уставившись на поднос со своим скудным ужином.

Будь оно все проклято! Он стукнул кулаком по столу, и тарелка с едой соскользнула на пол, яблоки покатались под кровать.

Черт с ним, с ужином, он не ощущал голода. Как так случилось, что этот день, который он спланировал с аккуратностью хирургической операции, обернулся таким абсолютным провалом?

Он испытывал злость и отвращение к самому себе за многое: прежде всего за свою невнимательность. Что это на него нашло — прыгать голым в заводь, оставив оружие вне досягаемости? Его передернуло от сознания собственной глупости.

Если бы индейцы были настроены воинственно, могли быть страшные последствия. Он подумал о том, что могло случиться с Пейдж, и почувствовал тошноту в животе.

Черт побери эту женщину, она обладает способностью лишать его рассудка! Он сошел с ума от страсти к ней, она доводит его до ярости своим упрямством и своим характером. Сегодня он разозлился настолько, что почти готов был ускакать и бросить ее одну в этой забытой Богом прерии.

Его рот искривился в насмешливой полуулыбке. Что заставило его подумать, что он мог уехать и бросить Пейдж Рандольф? Она последовала бы за ним со своей упрямой решительностью и устроила бы ему адскую жизнь, когда поймала бы его.

Его мысли обратились к страсти, которую они испытывали сегодня под проливным дождем, к воспоминанию о том, как ее широко открытые глаза смотрели прямо в его глаза в полутьме одеяла, и в них было только примитивное желание, ее любовь к нему. Одно это воспоминание заставило его тело содрогаться от потребности иметь ее.

Однако, с горечью напомнил он себе, единственное время, когда она действительно принадлежит ему, это когда он держит ее в своих объятиях, когда ее память отступает, и остается только сиюминутное желание.

Никогда в самых страшных ночных кошмарах она не думала о возвращении в это время. Ее слова прозвучали уничтожающе. Даже сейчас от этих слов все в нем переворачивалось. Он встал, сорвал с себя остававшуюся на нем одежду, задул лампу и залез в свою узкую постель.

Далекое будущее, время, из которого она появилась, казалось таким невероятным, что его уже не удивляло все, что она рассказывала ему о странных вещах, обо всех этих автомобилях, самолетах, телевидении.

Однако сегодня она удивила его своим разговором о Райеле, потому что несколько дней назад Арман сказал Майлсу, что Луи Райел вернулся в Батош с женой, маленьким сыном и дочерью. Арман признался, что метисы просили Райела помочь им с земельными претензиями.

Майлс сомневался, что даже инспектор Моррис знает о возвращении Райела.

То, что Пейдж рассказывала о предстоящем восстании, имело свой смысл. Индейцам и метисам нужен герой, а Майлс не раз слышал о способностях Райела как оратора, способного зажечь огонь в крови его горячих соотечественников.

Значит, кровавое восстание предстоит.

Майлс видел столько битв, войн, и мысль о еще одном кровопролитии удручала его. Но его знание будущего позволяло подготовиться.

Если бы только Пейдж могла точно вспомнить, когда произойдет восстание!

Сентябрь оказался жарким, даже жарче, чем были июль и август. Старожилы говорили Пейдж, что они не припомнят такого жаркого сентября, и она верила им, с раздражением думая, почему она не знакомилась с устройством кондиционеров, когда у нее были к тому возможности.

В ее доме было жарко, как в печке, и ей жалко бывало смотреть на пациенток в их длинных платьях и корсетах.

Она и Майлс извинились друг перед другом после того рокового воскресенья в июне, и хотя поначалу все между ними выглядело прекрасным, Пейдж с сожалением понимала, что он никогда уже не поднимет разговора о женитьбе. Шли недели, и она поняла, что есть и другие вещи, о которых они не заговаривают. Пейдж избегала каких-либо упоминаний о своем прошлом. Они ни разу больше не вспоминали Райела. Порой между ними воцарялось долгое молчание, трудное молчание.

Хуже того, пострадали их любовные отношения. То, что было буйным и свободным, становилось сдержанным. Правильно, сказала она себе с отвращением, когда ты обрываешь связь в одном вопросе, он затормаживает все остальное.

Два события, произошедшие в том сентябре, отвлекли внимание Пейдж от мучительной жары и от ее отношений с Майлсом.

Первым таким событием оказалась Элли Рандольф Флетчер, а вторым Тананкоа Куинлан.

Клара и Тео приехали к ней однажды в конце дня.

— Тео сломал нож плуга, так что мы должны были срочно ехать в город, и мы хотели, чтобы ты посмотрела Элли, — сказала Клара, широко улыбаясь. — Поздоровайся с твоей тетей Пейдж, солнышко, — скомандовала она.

Пейдж протянула руки, и Элли, как всегда, изысканно одетая в вышитое Кларой платье, охотно пошла к ней на руки.

— Ну, как ты, солнышко?

Пейдж заметила, что девочка прибавила в весе, что болезненный цвет ее кожи сменился на загорелый, розовый. Большие голубые глаза с длинными ресницами больше не выглядели запавшими и пустыми.

Пейдж не поверила своим глазам. Элли улыбнулась ей, продемонстрировав два новых зуба. Она дотянулась и потрогала щеку Пейдж, по предложению Клары прижалась губами к ее лицу и подарила ей влажный поцелуй. Потом она засмеялась и захлопала в ладошки.

— Гу-гу, бэби, — пролепетала она.

— Клара, она выглядит замечательно! — сказала Пейдж, пораженная такой переменной в ребенке.

Элли заерзала и потребовала, чтобы ей позволили сесть, и, когда Пейдж спустила ее на

ковер. Элли энергично поползла к корзине с яркими цветами.

— О Боже, она уже ползает!

Пейдж вспомнила, какой она видела в последний раз эту девочку, — бледную и неподвижную на руках у матери, неспособную держать голову, уж не говоря о том, чтобы ползать.

— У нее больше не было судорог, — сообщила Клара. — Она ест почти все, что и мы, хотя я все еще кормлю ее грудью, как сказала Тананкоа. — Простенькое лицо Клары светилось гордостью, любовью и благодарностью. — Тананкоа тогда ее вылечила, Пейдж. Она вернула нам нашего ребенка. — В ее голосе были слезы. — Мы будем благодарны ей до конца наших дней, и тебе тоже, потому что ты устроила нашу встречу. — Она глянула на дочку и поспешила к ней. — Элли, негодяйка, не трогай это!

Девочка с ликованием трепала букет цветов в корзине, и Пейдж подумала, что никогда не видела ничего прекраснее.

— Мы собираемся повидать Тананкоа сами, — сказала Клара, забирая свою дочку на руки, — как только соберем урожай, но пока что я хотела бы, чтобы ты передала ей этот пакет. — Она протянула Пейдж большой сверток в коричневой бумаге. — В тот день Тананкоа отказалась взять у нас какие-либо деньги, так что вот здесь некоторые вещи, которые я сшила для нее, чтобы поблагодарить.

Элли начала извиваться, стараясь, чтобы ее опустили на ковер, а Клара мягко добавила:

— Мы никогда не сможем отблагодарить ее. Я хочу сказать, так, как надо. Как можно отблагодарить человека, вернувшего тебе сердце?

* * *

Пейдж некоторое время не видела Тананкоа, поэтому в конце месяца она воспользовалась пакетом Клары как поводом, чтобы съездить к ней.

Стараясь укрыться от жары. Пейдж выехала из дома еще до рассвета, хотя и опасалась, что может застать Куинланов еще в постели.

Но, когда она приехала, Деннис был уже в поле, косил сено. Он остановил упряжку и помахал рукой в знак приветствия.

— Танни готовит завтрак. Заходи, она будет счастлива видеть тебя! — завопил он, и его грубоватое лицо расплылось в широкой улыбке.

Дверь дома была широко распахнута.

— Танни, это я. Где ты?

Пейдж постучала, но Тананкоа нигде не было видно.

На огне кипел горшок с овсяной кашей. Пейдж сняла его с плиты и бросила туда немного солонины. Свежие яйца лежали, завернутые в фартук, на столе, ожидая, когда их разобьют и бросят на сковородку. Хлеб уже был разрезан, чтобы его поджаривать. Похоже было, что Тананкоа в спешке оставила все это.

— Пейдж Рандольф, как я рада видеть тебя!

Пейдж, улыбаясь, обернулась, чтобы поздороваться со своей подругой, но улыбка ее погасла, когда она заметила зеленоватые пятна на смуглой коже Тананкоа и тяжелые тени у

нее под глазами.

— Слушай, Танни, ты больна, ты ужасно выглядишь, — сказала она, протянув руку, чтобы попробовать лоб Тананкоа и проверить, нет ли у нее лихорадки.

— Только по утрам, когда я должна готовить эту соленую свинину Деннису на завтрак. — Танни передернула плечами, но потом ее лицо расплылось в сияющей улыбке. — Я беременна, Пейдж Рандольф. Думаю, что уже больше двух месяцев.

Пейдж довольно вздохнула и обняла Танни, дружески похлопав ее.

— Это сработало, я так рада, я боялась даже надеяться.

— Поначалу, когда я объяснила, что мы, по твоим словам, должны делать, Деннис решил, что я чокнутая, но... — Тананкоа метнула на нее косой взгляд и закатила глаза, — но потом он решил, что ему нравится твой способ лечения. Это счастье, что к нам редко кто приезжает.

Они захихикали, а потом Пейдж взяла дальнейшее приготовление завтрака в свои руки. Танни выпила чашку чая, настоянного на собранных ею травах, чтобы очистить кишечник.

— Как только я убедилась, — рассказывала она Пейдж, — я поехала в резервацию, чтобы повидаться с Хромой Совой и сообщить ей о ребенке. Я сказала ей, что это твое колдовство, которое меня вылечило. Она хочет, чтобы я привезла тебя и познакомила с ней. Я говорила ей, что ты могущественная шаманка, путешествующая между мирами.

— Боюсь, что мне будет трудно оправдать такие рекомендации, — пробормотала Пейдж. А когда Тананкоа метнула в ее сторону заинтригованный взгляд, поспешно добавила: — Я не могу дождаться, когда увижу твою бабушку. Когда мы сможем поехать к ней?

— Скоро. Как только погода установится. Эта жара может за один день смениться на холод и снег.

— Может, это не совсем удачная мысль, чтобы ты ехала верхом сейчас, на ранней стадии твоей беременности, — забеспокоилась Пейдж, но Тананкоа только рассмеялась.

— Я все время езжу. Я уже была в резервации, с тех пор как забеременела, — напомнила она Пейдж. — Женщины моего племени считают беременность естественным состоянием, а физические нагрузки необходимыми и полезными. У нас редко случаются выкидыши, и наши женщины легко рожают.

Такую лекцию Пейдж не раз читала своим беременным пациенткам. В этом была доля иронии, что Тананкоа читает ей лекцию ее собственными словами.

— Как насчет этого четверга?

Пейдж подумала, что сможет поместить в местной еженедельной газете извещение, что в пятницу приема у нее не будет.

Они договорились о дате и позвали Денниса завтракать.

Когда они кончили завтракать и Деннис вернулся к своим делам, Пейдж достала пакет, который вручила ей Клара, и рассказала Тананкоа про Элли.

— Я до сих пор не знаю, что ты сделала и как, но это граничит с чудом. Флетчеры так благодарны тебе!

Тананкоа развязала пакет. В нем оказались две замечательные блузки из белого батиста с кружевными вставочками и маленькими жемчужными пуговками на груди и на манжетах.

Обе женщины вскрикнули от восторга, увидев такое мастерство — на эту вышивку, без сомнения, ушло много часов. В подарок был вложен маленький листок бумаги, исписанный витиеватым почерком Клары. Записка гласила: «Тананкоа от ее преданного друга Клары»

Флетчер. Благослови вас Бог за то, что вы сделали для нашей дочери! Пожалуйста, приезжайте поскорее, навестите нас».

Тананкоа довольно долго смотрела на записку, потом аккуратно сложила ее и спрятала в одну из своих корзинок вместе с блузками.

— Когда я жила в форте, я начала ненавидеть белых женщин, — произнесла она задумчиво. — И я разозлилась на Майлса Болдуина, когда он в первый раз привез тебя к нам, Пейдж Рандольф. Я думала, что никогда больше не захочу иметь дело с белыми женщинами. А теперь у меня две подруги, и обе белые.

— Сделай выводы сама, — сказала Пейдж, нежно улыбнувшись.

Тананкоа кивнула и серьезно повторила «сделай выводы сама» своим мягким голосом с небольшим акцентом так, словно она употребляла эту фразу всю свою жизнь.

Погода установилась, и в четверг утром женщины в сопровождении Денниса и Майлса отправились в резервацию Повелителя Грома.

— Я хочу встретиться с Хромой Совой, — объяснила Пейдж Майлсу, предложив ему поехать вместе с ней. — Судя по тому, что рассказывала мне Тананкоа, Хромая Сова в своем народе считается врачевательницей, как ты и я среди белых. Я могу у нее очень многому научиться.

Она старательно избегала упоминания о таинственном обряде, позволяющем путешествовать во времени, хотя понимала, что именно об этом должен думать Майлс, когда она упомянула Хромую Сову. Конечно, это было у нее на уме.

Ей вдруг захотелось, чтобы он что-то сказал об этом, чтобы тягостная напряженность между ними каким-то образом исчезла, даже если они поссорятся, это будет лучше, чем это вежливое уклонение от разговора. Но Майлс не заговаривал на эту тему, а у нее не хватало смелости начать первой.

— Я и сам хотел бы побеседовать с Повелителем Грома, — сказал он. — Я давно не был в резервации.

Поездка оказалась приятной. Женщины безостановочно болтали, Тананкоа несколько раз просила остановиться, чтобы она могла собрать кое-какие лечебные цветы или растения, рассказывая при этом Пейдж об их приготовлении и применении.

В середине дня они неторопливо перекусили в тени тополей, и, пока женщины отдыхали, Деннис и Майлс отправились охотиться на оленей, чтобы привезти мясо в подарок жителям резервации. Они подстрелили двух оленей, освежевали их и упаковали мясо в брезентовые мешки, которые Майлс захватил для этой цели.

Вскоре они добрались до места. Вдалеке показались вигвамы, составляющие резервацию Повелителя Грома. Несколько молодых воинов поскакали им навстречу, чтобы сопровождать их до лагеря. Там их окружила шумная толпа возбужденных детей.

Сердце Пейдж стучало от волнения. Пыльная индейская деревня выглядела именно так, как их изображали в каждом фильме-вестерне, какие она видела, — она бы не удивилась, увидев голливудского режиссера, возникшего откуда-то и начавшего отдавать команды.

Лаяли собаки, женщины сидели вокруг дымных костров, на которых что-то готовилось. Тут же бродили маленькие дети, валялись в грязи, любопытные лица выглядывали из вигвамов, укрытых бизоньими шкурами.

Высокий, сильный на вид мужчина, закутанный в одеяло, вышел из вигвама и пошел им навстречу, чтобы приветствовать гостей.

— Это мой дядя, Повелитель Грома, — шепнула на ухо Пейдж Тананкоа.

Повелитель Грома был физически мощным мужчиной, более шести футов ростом, широкоплечий и мускулистый, в одежде из оленьих шкур. Пейдж нашла его интересным мужчиной, его внешность производила приятное впечатление: в нем чувствовалось достоинство, вызывающее уважение; у него были точеные черты лица и пронзительные черные глаза под нависшими бровями.

Майлс и Деннис спешили и пошли ему навстречу, они пожали друг другу руки. Майлс что-то сказал на языке племени кри, на что Повелитель Грома ему ответил. Женщины тоже спешили и присоединились к мужчинам, и Тананкоа представила Пейдж вождю.

— Моя племянница рассказывала мне о вашей могущественной магии, — сказал он по-английски гортанным голосом.

Его черные глаза обладали гипнотической силой.

— Вы желанные гости в моей деревне.

Он повернулся к Майлсу и Деннису и снова заговорил с ними на языке кри, не обращая более никакого внимания на женщин.

Тананкоа поманила рукой двух мальчиков, слонявшихся поблизости, они взяли лошадей под уздцы и повели их в кораль.

— Пойдем, я представлю тебя женщинам.

Тананкоа направилась к группе женщин, старых и молодых.

Она поговорила с ними, потом каждая из женщин подходила к Пейдж, брала ее за руку и называла свое имя.

Некоторые из них говорили по-английски и очень этим гордились.

— Как вы поживаете? — спросила одна.

— Приятно вас видеть, — выговорила другая.

Они, весело хихикая, принесли чай и еду, сухие фрукты и сладковатое мясо, про которое Тананкоа объяснила, что оно медвежье.

Пейдж восхитилась детьми, прелестными, веселыми созданиями, привязанными в красиво расписанных сумках из оленьей кожи, висевших у матерей за спиной, или бегущими около вигвама.

Все они выглядели здоровыми и счастливыми. Пейдж обратила внимание на то, как одна молодая мать развязала своего ребенка и сменила ему сухой и очищенный мох, заменявший пеленки. Пейдж минутку подержала его на руках, пухленького, голенького херувимчика, пахнущего древесным дымом и каким-то сладким маслом, которым мать смазывала его нежную кожу. Она прижала к себе его маленькое тельце и поцеловала в головку. Все маленькие дети привлекательны — и все ведут себя одинаково. Пейдж посмеялась вместе с другими женщинами, когда маленькая пискля малышка опрыскала ее всю.

— Пойдем к моей бабушке, — сказала Тананкоа.

Это был тот момент, которого ждала Пейдж, о котором мечтала, шанс встретить женщину, владеющую, быть может, ключом к двери, ведущей в будущее.

Внезапно ею овладела паника, когда она шла вслед за Тананкоа по лабиринту вигвамов. Что она сделает, если Хромая Сова согласится допустить ее к обряду, который может открыть ей ту дверь? Если ей представится такая возможность, выберет ли она дорогу в будущее, в свое время, или предпочтет остаться? Она подумала о Майлсе, об их любви.

Сможет ли она оставить его?

Теперь она уже не знала ответа, но ей хотелось, чтобы у нее был выбор, знать, что есть способ вернуться в ту жизнь.

Испытывая одновременно и страх, и предчувствия, Пейдж проскользнула вслед за Танни в дыру, служившую входом в вигвам.

Внутри пол был покрыт бизоньими шкурами, воздух — тяжелым от дыма и запаха лекарств. Вдоль стен были аккуратно расставлены кухонная посуда и спальные принадлежности, а с шестов свешивались длинные ломти сушеного мяса, бутылки из тыкв и замысловато сплетенные корзины.

На первый взгляд, Хромая Сова не выглядела импозантно. Маленькая, беззубая, коричневая кожа так обтягивала ее скулы и выступающий нос, что она напоминала Пейдж дикую птицу.

Ее все еще черные волосы были такими жидкими, что сквозь косички, выложенные вокруг головы, просвечивал череп. Она курила трубку, и маленькие клубочки белого дыма ритмично вырывались из ее ноздрей. Хромая Сова сидела, съежившись, перед небольшим очагом, закутанная в одеяло, несмотря на жаркий день. Ее черные, круглые, как пуговики, глаза казались яркими и быстрыми, но Пейдж она рассматривала с непроницаемым выражением лица.

Тананкоа почтительно поклонилась старухе и опустилась на колени рядом с ней, объясняя ей что-то на языке кри и показывая на Пейдж.

Майлс посоветовал Пейдж привезти Хромой Сова подарок. Тананкоа предложила привезти табак — ее бабушка, сказала она, очень привержена своей трубке.

Пейдж вручила старухе пакет. К нему она присовокупила красивые бусы, которые купила в магазине, и пачку сахара. Хромая Сова, судя по всему, осталась довольна подарками. Она произнесла длинную речь, обращенную к Тананкоа, из ее беззубого рта выплескивались слюни.

— Она приветствует тебя и благодарит за подарки. Она хочет узнать, какую магию ты привела в действие, чтобы во мне зародилось дитя, — перевела Тананкоа. — Она спрашивает, была ли ты великой шаманкой в твоей земле, прежде чем отправилась в путешествие между мирами.

Все еще нервничая в присутствии этой таинственной старухи, Пейдж недоумевала, что ей ответить. Несмотря на лесть Хромой Совы, у Пейдж возникло ощущение, что старуха хитра, что испытывает ее, что она хочет вынести собственное суждение насчет того, насколько могучими оказываются врачебные приемы этой странной белой женщины и насколько правдива ее история.

Пейдж решила начать с самых простых терминов, как ей это приходилось раньше, объясняя, как функционируют женские половые органы и как срабатывают противозачаточные средства.

Хромая Сова слушала, кивала головой, выражение лица у нее было уклончивое.

Повинуясь какому-то импульсу, Пейдж углубилась в описание процесса оплодотворения, лекарств, способствующих зачатию, искусственного осеменения — всех этих странных и удивительных технологий, которые разработала медицинская наука, чтобы помогать зачатию.

Тананкоа спотыкалась на словах, трудных для перевода, но теперь Хромая Сова явно заинтересовалась. Она наклонилась вперед, внимательно слушая, даже забывая попыхивать своей трубкой.

Через посредство Танны она задавала вопросы, умные вопросы, и Пейдж на них отвечала.

Вскоре Пейдж освоилась настолько, чтобы задавать свои вопросы об особой технике, о которой Тананкоа рассказывала ей, что бабушка использует ее при трудных родах, о травяных настоях для особых случаев, с которыми сталкивалась со своими пациентками, в отношении которых современная медицина не знает средств.

Их разговор продолжался, пока Тананкоа, уставшая от перевода, попросила о чашке чая. Пейдж и Хромая Сова прихлебывали крепкий сладкий настой, который предложила им Тананкоа, а старуха все кивала головой и улыбалась Пейдж.

Пейдж выпила чай и, когда Хромая Сова шумно допила свой, решила, что теперь или никогда. Она должна спросить об обряде, который посылает людей через времена, или такая возможность больше не повторится. Она сказала Тананкоа, о чем хочет узнать, и добавила:

— Спроси у нее, пожалуйста, могу ли я присутствовать в следующий раз на таком обряде.

Как только Тананкоа перевела ее вопрос на язык кри, Пейдж поняла, что допустила ошибку. Хромая Сова прервала Тананкоа раньше, чем та закончила переводить. Она затрясла головой и замахала руками. Ее речь была страстной, почти сердитой. У Пейдж упало сердце.

Когда Хромая Сова кончила говорить, она с трудом встала на ноги и вышла, даже не посмотрев в сторону Пейдж.

Тананкоа вздохнула и покачала головой.

— Моя бабушка стара, и у нее свои заскоки. Ты должна извинить ее.

— Это ты меня прости, Тананкоа. Это я ее рассердила.

Тананкоа пожала плечами.

— Она очень остро все переживает, моя бабушка. Она считает, что белые люди слишком многое отняли у индейцев — их бизонов, их свободу, — а взамен мало что дали. Ты одна из немногих белых, с кем она когда-либо разговаривала. Кое-чем из наших знаний, говорит бабушка, она с тобой поделится, потому что ты помогла мне забеременеть, и потому, что ты тоже врачеватель, но наши обряды — это все, что у нас осталось, то, что белые люди не смогли отнять у нас. Поэтому она не будет говорить с тобой об обрядах.

— Я могу понять, что она чувствует.

Пейдж вспомнила, что говорили индейцы Майлсу в то воскресенье во время их пикника, об обещаниях, которые были даны и не выполнены, о том, что навсегда сломан их образ жизни. Ей стало грустно, возникло ощущение бесполезности и бессмысленности.

— Становится поздно. Женщины готовят пир из мяса, которое мы привезли. Он скоро будет готов, — сказала Тананкоа, пытаясь разрядить обстановку. Тут поблизости есть ручей, где мы можем умыться. А потом я покажу тебе, где ты будешь спать.

Уже смеркалось. Тананкоа показала маленький вигвам, около которого уже были сложены все вещи Пейдж вместе с седлами Майлса и скатанной постелью.

Значит, здесь приняли как должное, что она женщина Майлса Болдуина и что она будет спать вместе с ним в этом убежище из бизоньих шкур. У них никогда еще не было возможности провести вместе всю ночь.

Пейдж разложила свое полотенце, кусок мыла, щетку для волос и потом, усмехнувшись, что играет роль прилежной женщины, развернула закатанные постели и уложила их рядышком на мягком пологе из шкур бизонов, покрывавшем пол.

Может быть, здесь, подумала она, в объятиях друг друга, в индейском поселке, в ночь,

когда полная луна обещает залить прерию расплавленным серебром, может быть, здесь она и Майлс сумеют как-то починить то, что грозит сломаться между ними.

Пейдж не очень охотно подошла к шумной толпе женщин, собравшихся вокруг костров, на которых готовилась еда.

Пока они с Танни беседовали с Хромой Совой, в деревню Повелителя Грома приехали еще двое гостей. Это были смуглые мужчины с длинными волосами, в штанах из оленьей кожи, на талии у каждого красный пояс, обозначавший, что они метисы.

Они передавали по кругу бутылку виски и пронзительно и нагло хохотали.

Пейдж, ощущая застенчивость, стояла вне круга женщин, пока Майлс не заметил ее. Он подошел и провел ее ближе к огню, его рука как надежная защита обнимала ее плечо.

— А, доктор нашел себе прекрасную женщину, — воскликнул доброжелательно один из метисов. Это был красивый молодой парень, высокий, черноволосый, с яркими синими глазами. Он подошел к Пейдж, вежливо ей поклонился и протянул бутылку виски.

— Немножко виски, мадам?

Пейдж улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо, но я предпочитаю чай.

Она чувствовала руку Майлса на своем плече, он прижал ее ближе к себе, когда тот мужчина разглядывал ее с восхищением в своих синих глазах.

— Представьте меня вашей очаровательной даме, мсье доктор Болдуин. Или вы прячете ее только для себя?

Тон этого красивого мужчины звучал насмешливо, при этом он подмигнул Пейдж. Он флиртовал слишком откровенно, и Пейдж не могла удержаться, чтобы не улыбнуться ему.

— Пьер Делорм, доктор Пейдж Рандольф, — кратко и холодно произнес Майлс.

Синие глаза Пьера расширились от удивления, и он протянул ей руку.

— Ах, значит, вы и есть та прекрасная женщина издалека, о которой говорил Арман Леклерк?

Пейдж вложила свою руку в его, и Пьер с вежливым поклоном поцеловал ее.

— Арман Леклерк мой кузен, мадам, и благодаря ему ваша слава далеко пошла. Это большая честь познакомиться с вами.

Он обернулся и крикнул своему товарищу, весело болтавшему с группой молодых воинов:

— Габриэль, подойти сюда!

Второй мужчина, поменьше ростом и более коренастый, чем Пьер, отошел от индейцев и направился к ним.

Между ними произошел короткий и быстрый разговор по-французски. Пейдж разобрала только свое имя и часто повторявшееся слово «доктор». В школе она плохо успевала по французскому языку, но ей было понятно, что Пьер рассказывал своему товарищу все, что знает о ней.

— Мадам доктор, это Габриэль Дюмон, самый лучший среди нас, метисов, охотник на бизонов, — с гордостью представил его Пьер. — Мы называем его Принцем воинов.

Принц он или нет, но Пейдж ощутила, что в нем нет никакой физической привлекательности Пьера. Он был меньше ростом, чем Пьер, примерно пяти футов и семи дюймов, коренастый, широкогрудый с высокими индейскими скулами, густой бородой, суровыми глазами и толстоватыми губами. Он не пошевелился, чтобы пожать ей руку,

только кивнул в ответ на ее «хелло», внимательно изучая ее своими темными глазами.

Пейдж в свою очередь разглядывала его. Она была уверена, что никогда раньше не встречала его, но что-то в этом Габриэле Дюмоне было знакомым.

Майлс заговорил с ним:

— Хелло, Габриэль, как идут дела в Батоше?

Дюмон пожал своими массивными плечами.

— Мы стараемся выжить, — сказал он, в его баритоне слышался сильный акцент. — Урожай в этом году плохой. Да вы и сами знаете, — он устремил на Майлса обвиняющий взгляд, — больше нет бизонов. Может, еще есть несколько голов, но большие стада, какие мы знали, ушли навсегда. А теперь мы живем под угрозой, что у нас отнимут наши фермы. Вы об этом знаете?

Майлс кивнул.

— Арман говорил мне, что для вас настали тяжелые времена. Мне очень жаль.

Майлс слишком хорошо знал проблемы метисов. Сэр Джон А. Макдональд, премьер-министр Канады, возмечтал построить железную дорогу, которая соединит атлантическое побережье с тихоокеанским, и безжалостно проводил эту идею в жизнь. Железную дорогу тянули все дальше на Запад, и фермы метисов, от которых зависела их жизнь, конфисковывали спекулянты землей с Востока. Метисы, как и индейцы, во многом зависели от бизонов, обеспечивающих их семьи едой.

— Плохие дела, — заметил Майлс. Пейдж чувствовала, как он напряжен, хотя голос у него звучал непринужденно и дружески. — Я слышал, что ваш народ послал петицию в Оттаву.

Дюмон фыркнул.

— Пустая трата времени. Какое дело политикам до нас, невежественных метисов? — Он показал жестом на шумную толпу, окружавшую костер, и на его бородатом лице были горечь и негодование. — Или до наших братьев-индейцев? Они теперь тоже голодают. Они лишены и свободы кочевать, куда хотят, и бизонов, чтобы кушать.

— Я желаю вам и вашему народу успеха с вашей петицией, — сказал Майлс ровным голосом.

Дюмон нахмурился, стараясь, как показалось Пейдж, попять, искренен ли Майлс. Потом он снова кивнул и, не сказав больше ни слова, вернулся к костру, где его друг Пьер смеялся и шутил, стоя в центре группы молодых воинов.

Веселье там продолжалось еще долго. Все ели, барабаны гремели, мужчины и женщины танцевали в свете костра.

Пейдж сидела рядом с Майлсом, и вскоре ей пришлось бороться со сном. Все происходящее вокруг стало казаться сюрреалистической картиной, когда она то засыпала, то просыпалась, и в какой-то момент Майлс взял ее за руку, и они вместе ускользнули от неистового веселья и при свете луны нашли свой вигвам.

Внутри пахло мускусом и было жарко от нагретых за день бизоньих шкур, образующих стены вигвама. Майлс опустил ее на колени, расшнуровал ее ботинки и снял их с ног, потом осторожно расстегнул ее одежды и бросил их рядом со своими.

Сонная и вялая, совершенно голая, Пейдж утонула в мягкой постели, которую приготовила еще раньше, а сильные руки Майлса обняли ее.

Поначалу он ласкал ее нежно, и отчужденность, которая тревожила ее, отступала. Полусонная, она пассивно отвечала на его поцелуи, когда его губы и язык дразнили ее.

Мышцы ее оставались расслабленными, мысли какими-то размытыми. Она слышала барабаны и только через некоторое время они стали биением ее собственного сердца.

Постепенно ее кожа обрела чувствительность, груди начали побаливать от ласки Майлса. Ее пульс участился, бедра начали ритмично двигаться, по мере того как его пальцы искали и находили нужные знакомые местечки.

Он не торопился. Она могла ощутить, как он сдерживает себя, в каждом его вздохе, в том, как дрожат его мышцы при малейшем прикосновении, и что-то, глубоко скрытое в ней, жаждало, чтобы он пошел дальше и уничтожил бы стесненность, образовавшуюся в последнее время между ними. Она хотела, чтобы он овладел ею.

Его поцелуи стали жарче и влажнее, одурманивая ее. Она вся дрожала, ее окатывала волна наслаждения. Она захотела его всем своим существом. Ее пальцы скользнули вниз по его телу, ее губы следовали за ее пальцами по его груди, животу.

Она взяла его член в рот, и барабаны застучали в ее крови.

Наконец он больше не мог терпеть, он подтянул ее выше, накрыл ее тело своим, его кожа с курчавыми волосами на груди прильнула к ее коже, дразня, но не принося еще удовлетворения.

Он тяжело дышал, словно бежал, но все-таки он чего-то ждал.

Она задвигалась под ним.

— Майлс, пожалуйста, я хочу...

— Чего? Скажи мне, чего ты на самом деле хочешь? — Его голос, низкий, медленный и сладкий, запинаящийся от желания, был настойчив. — Скажи мне, Пейдж.

— Я хочу тебя... Я жажду тебя... Я хочу, чтобы ты любил меня, — выдохнула она.

— Почему?

В его голосе была беспощадность, было нечто, что он хотел услышать от нее, прежде чем пойдет дальше.

— Потому что я люблю тебя. Потому что я всегда любила тебя. Навсегда, сейчас, всегда...

— Дорогая!

Он перестал сдерживаться и, слегка вскрикнув, раздвинул ее бедра и вонзил в нее свой член, когда его рот прижался к ее рту и приглушил ее крик оргазма.

Их совокупление было неистовым, страстным и свободным. Облегчение слилось с экстазом.

Потом Пейдж заснула. Когда она проснулась, было еще темно, но она почувствовала, что Майлс не спит и все еще прижимает ее к себе.

— Майлс? Который сейчас час? — Она была как пьяная, и ей казалось очень важным знать время. — Почему ты не спишь?

— Около трех. С час назад веселье наконец закончилось, и все разошлись по вигвамам.

— Метисы, должно быть, покончили с виски, — сказала она, слегка поворачиваясь, чтобы удобнее было лежать рядом с ним.

Она снова закрыла глаза, вспоминая сцену у костра, и где-то между сном и бодрствованием в ее подсознании возник портрет, когда-то давно увиденный еще в университете. Она вновь услышала бубнивший голос преподавателя и увидела в учебнике бледную фотографию и без всяких усилий со своей стороны вдруг поняла, где она видела Габриэля Дюмона.

— О Боже, вот оно! Это он! — вырвалось у нее.

— В чем дело? — Встревоженный Майлс приподнялся, опираясь на локоть, его рука потянулась к револьверу, лежавшему рядом с подушкой. — Что случилось?

— Этот метис, с которым ты сегодня вечером разговаривал, Габриэль Дюмон? Сейчас я поняла, кто он.

Майлс снова растянулся на спине. Его голос, казалось, доносился откуда-то издалека.

— Ну и кто он? Что ты знаешь о Габриэле Дюмоне?

— Он военачальник у Райела. Он был военачальником у Райела, — поправились она. — Он планировал сражения во время восстания. Он чуть было не разбил всю британскую армию с горсткой своих воинов. Я помню, как профессор Вуд снова и снова говорил о нем, что этот человек был гением тактической войны. И я помню, что его звали Габриэль Дюмон. Все это кончилось очень грустно, потому что после восстания он бежал в Соединенные Штаты и кончил тем, что выступал в спектакле «Дикий Запад Буффало Билла». Поэтому он и застрял в моей памяти. Я помню, насколько унижительным мне показалось, что такой человек выступает в цирковом аттракционе. Там были его фотографии.

— Иди сюда, ляг рядом со мной.

Майлс потянул ее к себе, в теплоту их постели.

— Ты дрожишь. У тебя замерзли плечи.

— Майлс, ты мне веришь?

Она неожиданно ужаснулась, что опять ее предательская память создаст между ними новые проблемы. Он вздохнул.

— Да, я верю тебе. И меня совершенно не удивляет, что Дюмон оказался одним из тех, кто будет руководить сражениями. Габриэль — мужик неграмотный, он с трудом говорит по-английски, но все равно он человек блистательный, вождь своего народа. — Майлс тихо лежал некоторое время, потом добавил мрачно: — Сегодня он был здесь с определенной целью, Пейдж. Дюмон и Райел объединяют индейские племена вокруг дела метисов, которое по существу и дело индейцев.

— Но мне казалось, ты говорил, что Райел в психиатрической больнице.

Майлс кивнул.

— Он был там некоторое время. Когда он вышел оттуда, то уехал в Монтану и стал там работать школьным учителем. По форту ходили слухи, что Дюмон нынешним летом ездил в Монтану и просил Райела вернуться домой и взять на себя роль политического выразителя нужд метисов. Тот согласился и вот он уже несколько месяцев обретается в Батоше.

В голосе Майлса слышались раздражение и гнев.

— Я не виню метисов. Конечно, их требования законны. Но, будь они все прокляты, готовится кровавое восстание, а эти идиоты в Оттаве не обращают никакого внимания!

Ей хотелось сказать, что «я ведь тебе это говорила», но здравый смысл взял верх. Вместо этого она мягко сказала:

— Ты поэтому и не мог заснуть?

Она прижалась к нему, чувствуя напряжение его длинного, сильного тела.

— Да, поэтому. У меня ощущение, что я должен что-то сделать, чтобы предотвратить кровопролитие.

Она вздохнула, ее рука ласкала знакомый контур его груди.

— Я не думаю, что можно переделать историю, Майлс. — Она на какое-то мгновение задумалась. — Когда я только очутилась здесь, меня многое приводило в ярость: отсутствие удобств, отсутствие медицинских средств, которые я обычно применяла. Я считала, что там,

откуда я пришла, все лучше, я это знала, видела. Но с течением времени я начала думать иначе. Сейчас и то, что происходит здесь, и то, как живут здесь люди, так и должно быть в это время.

— И все-таки должно быть что-то, что мы можем сделать.

Она заметила, что он перешел с местоимения «я» на «мы». Он включал ее в свои планы, и это, несмотря на все обстоятельства, сделало ее безумно счастливой.

— Я думаю, что мы можем подготовиться. Мы можем заготовить медицинские средства, питание, одеяла, одежду и хранить все это в форте.

— Тебе кажется, что восстание произошло этой весной?

Она задумалась.

— Весной восемьсот восемьдесят пятого. Я почти уверена.

— Значит, через пять месяцев.

Они долго еще говорили. Сдержанность, существовавшая между ними, исчезла.

Во всяком случае значительная ее часть. Пейдж отметила, что Майлс по-прежнему не заговаривает о браке, но, наверное, со временем это произойдет. Она, в свою очередь, не рассказывала ему о своем разговоре с Хромой Совой. Зачем раскачивать лодку, когда она вернулась в тихую заводь?

Заснули они только перед рассветом, держа друг друга в объятиях.

В тот год лето перешло в зиму без обычной постепенной смены времени года. Не прошло и недели после их поездки в резервацию Повелителя Грома, как необычная сентябрьская жара сменилась ледяным дождем, который лил изо дня в день, а вскоре выпал снег.

Такая неожиданная перемена погоды принесла грипп, смертельную эпидемию, заставившую и Пейдж, и Майлса весь октябрь отдавать все свое время уходу за больными, так что у них почти не оставалось времени быть вместе.

Пришел ноябрь, а эпидемия гриппа все еще свирепствовала в городе и окружающей его местности. Несколько старых людей и двое детей умерли от гриппа.

Редкий день проходил, чтобы не шел снег, и Пейдж испытывала немалые трудности, стараясь поддерживать в своем доме относительную теплоту, — ее и днем и ночью приглашали к больным, а огонь в доме имел утомительную привычку гаснуть, когда она уезжала и не могла подбрасывать дрова.

Потом, в середине ноября, и снег, и эпидемия кончились. Задул теплый ветер чинук и значительная часть снега растаяла буквально за один день. Теплый ветер продолжался, и воздух начал благоухать.

Прошло два дня, потом три, когда ее не вызывали к постели какого-нибудь больного, и однажды утром Пейдж проснулась, впервые за многие недели ощущая себя отдохнувшей. Она посмотрела на календарь и сообразила, что до Рождества остается всего десять дней.

Это будет ее второе Рождество в Баттлфорде, и, повинувшись неожиданному импульсу, она решила отметить его рождественским обедом, пригласив всех своих друзей.

Не давая себе времени передумать, она тут же сочинила записки Флетчерам, Куинланам и Абигайл Доналд, приглашая их к себе на Рождество, если, конечно, погода позволит. Майлсу она поручила пригласить и Армана.

Восемь человек, подумала она, плюс маленькая Элли. Такое количество людей ее маленький домик вместит с трудом, но в конце концов, сказала она себе, Рождество для

этого и существует.

В свободное от пациентов время она занялась уборкой, продумыванием меню и упаковкой подарков. Ее кулинарные способности по-прежнему оставляли желать лучшего, и она все что возможно покупала.

В мясной лавке она заказала большой окорок. В городе недавно открылась небольшая пекарня, и Пейдж заказала пышненькой женщине, которая владела пекарней, благоухающие буханки ржаного хлеба, пирог с мясом и с тыквой.

В магазине Компании Гудзонова залива она купила сухие фрукты, орехи и апельсины — редкость в Баттлфорде. Приобрела она также бутылку вишневой наливки и бутылку виски для мужчин, и маленькие подарки для всех.

Накануне Рождества она пребывала в нервном шоке от того, сколько ей предстоит приготовить, чтобы накормить восемь человек. Она как-то не учла того обстоятельства, что никогда в своей жизни не готовила такой обед на целую компанию.

Нервничая по поводу того, как ей удастся запечь окорок, она решила зажарить еще и индейку. Здесь никто не разводил индеек, так что она вместо этого купила гуся — к счастью, фермер согласился отрезать ему голову, а жена фермера за небольшую плату ощипала его и вынула все внутренности. Но теперь Пейдж оказалась перед ужаснувшей ее задачей начинить эту ужасную тушку. Абигайл предлагала ей свою помощь, но Пейдж упрямо настаивала, что сделает все сама.

Вечером накануне Рождества она проклинала себя за то, что вела себя как оптимистическая дура. Сидя за кухонным столом перед распластанным гусем, она пыталась разобраться в неясных инструкциях, которые написала для нее Абигайл, когда приехал Майлс.

Он вошел, вытерев ботинки о коврик у задней двери.

— Слава Богу, что ты появился! — Пейдж вскочила и поцеловала его, держа в руке инструкцию по начинке гуся. — Снимай пальто и помоги мне. Удалить у кого-нибудь желчный пузырь — сушая чепуха по сравнению с этой процедурой, — простонала она. — Как ты думаешь, если написано «несколько луковиц», сколько это штук?

— Штук шесть, может быть.

Майлс был в таком же смущении, как и Пейдж. Вместе они принялись изучать рецепт и следовать имевшимся в нем указаниям. Вскоре стол оказался завален посудой, тарелками, пряностями.

Майлс вышел за дровами и подбросил их в очаг, так что вскоре кухня превратилась в жаркую печку.

Он снял свой китель, открыв ее глазам серую нижнюю рубашку и широкие подтяжки. Потев и ругаясь про себя, он принялся чистить лук, вытирая глаза кухонным полотенцем.

Пейдж казалось, что каждый раз, когда она отворачивалась, соус, который они поставили на плиту, чтобы он «слегка поджарился», начинает подгорать.

К тому времени, когда они начинили гуся, завязали его и приготовили для того, чтобы сунуть в печь, оба они были без сил.

— О Боже, я вся пропахла жареным луком, — пожаловалась Пейдж. — Мы оба так пахнем. Я должна найти кого-нибудь, кто оборудует в этом доме ванну с душем. Интересно, когда изобрели душ? О Майлс, я надеюсь, что мы не переборщили с перцем.

Майлс мыл тарелки в тазу, рукава его нижней рубашки были закатаны до локтей.

— Написано «побольше перца», вот мы и положили побольше перца. Не волнуйся,

дорогая. Я уверен, все будет вкусно.

— Твоя мать когда-нибудь готовила гуся? Ты можешь припомнить, как он должен выглядеть?

Пейдж, хмурясь, рассматривала нафаршированную птицу.

— Моя мать была бы шокирована при одной мысли о том, чтобы самой готовить гуся. У нас были рабы, которые занимались этим. Я помню только, как гуся приносили на стол, золотисто-коричневого, готового к тому, чтобы есть его. — Он выскребал кастрюлю. — А как праздновали Рождество, когда ты была маленькой девочкой, Пейдж?

Она с удивлением глянула на него. Он никогда не спрашивал о ее детстве — это относилось к той действительности, которая вызывала между ними такие трения.

— Рождество? Оно не приносило много радостей. — Она взяла кухонное полотенце и принялась вытирать тарелки. — В моем детстве вообще было мало радостей. Моя мама умерла, когда мне было пять лет, и папа заново женился уже через год. Джоан ее звали. — Пейдж покачала головой. — Если говорить о жестоких мачехах, то эта женщина могла бы быть образцом. Она вела себя дьявольски жестоко по отношению ко мне и к Тони, когда оставалась с нами одна, а если мы пытались пожаловаться отцу, она объявляла нас лгунами. А мы были всего лишь маленькими детьми, мы не могли перехитрить ее.

— Ты с твоим братом были очень близки. — Это прозвучало как утверждение, и Пейдж кивнула.

— Да, мы были очень дружны. Мы несколько разошлись, когда выросли, а маленькими мы были просто неразлучны. — Она ухмыльнулась, оттирая стакан до полного блеска. — Если я заболела и не могла пойти в школу, Тони тоже оставался дома. Джоан шлепала его, пока у нее рука не уставала, но он все равно не отправлялся без меня.

— Тебе его не хватает.

Пейдж кивнула.

— Очень. И моих племянников тоже. — Она описала мальчиков, как она запомнила их. — Они, должно быть, выросли. Они бывали очень возбуждены перед Рождеством, — сказала она задумчиво. — Но я могу держать пари, что Джейсон уже больше не верит в Санта Клауса. — Она покачала головой, — Нет, конечно, не верит, ему уже почти восемь. А Мэттью девять, десятый. Они уже слишком выросли, чтобы верить в Санта Клауса.

Майлс вылил грязную воду от посуды в бадью, стоявшую под кухонным столом, вытер руки полотенцем и резко переменял тему разговора.

— Я никогда не спрашивал тебя, говорила ли тебе Хромая Сова об обряде, про который ты хотела узнать и который позволяет людям путешествовать во времени?

Вопрос был задан намеренно безразличным тоном.

— Да, я ее спрашивала. Она рассердилась на меня и ушла.

— Ты больше не пыталась говорить с ней об этом?

Пейдж нахмурилась и повесила кухонное полотенце на спинку стула, чтобы оно высохло. Она понимала, что разговор уже не носит случайный характер.

— Нет, Майлс. — Она старалась найти точные слова, выражающие то, что она чувствует. — Конечно, иногда мне ужасно не хватает моего брата и мальчиков, есть и другие вещи, которые я оставила в Ванкувере и мне их жалко, но... я нашла свое место здесь. У меня здесь друзья, врачебная практика, пациенты, за которых я чувствую ответственность. — Она смело встретила его взгляд. — У меня есть ты, это очень важно. В той жизни у меня никогда не было никого вроде тебя. Я никогда не испытывала то... то фантастическое

ощущение, которое мы испытываем вместе.

Она коснулась пальцем его подбородка, жмурясь от усилия выразить то, что чувствует, выразить правильно и точно.

— Я думаю, что это похоже на то, что испытываешь ты, вспоминая свой дом в Чарлстоне, людей, которых ты там знал. Это всегда будет твой дом, и ты всегда будешь тосковать по нему, но его уже нет. У тебя теперь другая жизнь, так ведь? — Она посмотрела ему прямо в глаза, ее слова прозвучали легко и честно: — Я счастлива здесь, Майлс. Я не хочу возвращаться туда.

Он закашлялся, словно что-то застряло у него в горле.

— Сейчас не то время и не то место, когда я собирался сказать тебе это, Пейдж, у тебя на кухне, с кучей тарелок и этим проклятым фаршированным гусем. — Печальная улыбка промелькнула по его лицу и исчезла. — Хотя, если подумать, то, когда я планировал этот разговор, получилось не очень ладно.

Его голос звучал все громче и уже грохотал у нее в ушах.

— Я люблю тебя, Пейдж, как не любил никого и ничего в жизни. Если ты намерена остаться здесь, я думаю, дорогая, что мы должны пожениться.

Она давно ждала, когда снова услышит от него эти слова, а теперь, когда он их произнес, то застал ее врасплох.

— Ты действительно так считаешь? — Она вздрогнула и дала волю словам: — О Майлс, я тоже так считаю. Я тоже думаю, что мы должны пожениться.

Он притянул ее к себе, и его поцелуй был целомудренным, словно знаменовал нечто новое.

Он отвернулся и начал рыться в кармане своего мундира, потом вытащил синюю бархатную коробочку, открыл ее и достал кольцо с бриллиантом и изумрудом и надел ей на палец. Оно показалось сначала тесноватым, но потом оказалось удобным. Кольцо сидело на пальце замечательно. Похоже было, что она уже никогда не снимет его.

При свете камни вспыхнули огнем.

— Какое великолепие! — выдохнула она. Кольцо смотрелось необыкновенно и выглядело очень дорогим.

— Это кольцо моей матери. Она хотела бы, чтобы оно стало твоим.

— Спасибо. — Она подняла на него глаза, зная, что они блестят от слез. — Итак, доктор, когда вы хотели бы, чтобы мы поженились?

— Как можно скорее. Я давно хочу превратить тебя в приличную женщину, любимая моя. Я завтра же пошлю рапорт комиссару с просьбой разрешить мне жениться.

У Пейдж расширились глаза.

— Ты на самом деле должен спрашивать разрешения у комиссара жениться на мне?

— Да, мэм. Северо-Западная Конная зиждется на формальных традициях британской армии.

— А что, если твой комиссар откажет?

В его серых глазах сверкнула искра юмора.

— Тогда я выпущу на него тебя. Не думаю, что он долго продержится в такой схватке.

Она уперлась руками в бока, глаза ее загорелись.

— Только дай команду!

Он рассмеялся, потушил лампу и схватил Пейдж в охапку.

— Время ложиться в постель, моя дорогая.

Он понес ее через холл.

В эту ночь в их любовной игре появилось нечто новое: Майлс медленно и бесконечно нежно восхищался ее телом.

* * *

На следующий день каждая из приглашенных женщин внесла свой вклад в обед, и это несколько уменьшило ужас Пейдж, что еды окажется мало.

Первыми приехали Танни и Деннис. Тананкоа привезла очень вкусный пудинг и дикую клюкву под гуся.

Клара появилась с фруктовым тортом и песочным печеньем, изготовленным на масле, которое она сама сбивала.

— Веселого Рождества, — сказала она, сияя улыбкой и вручая свои приношения Пейдж, которая встречала ее и Тео в дверях.

С того момента, как Тео гордо внес Элли в комнату, она оказалась в центре внимания. Одета в платье из красного бархата и белые кружевные панталончики, с красной лентой, придерживающей ее единственный локон на золотистой головке, она была царицей бала и чувствовала это. Ей исполнилось пятнадцать месяцев, она начала ходить и разговаривала так, словно она в два раза старше.

— Эта девочка доставит Тео немало забот, когда ей стукнет шестнадцать, — заметила Пейдж, глядя, как девочка начала откровенно флиртовать с мужчинами даже раньше, чем Тео освободил ее от теплой шубки и шапочки. Тоненькая для своего возраста, Элли являла собой образчик здоровья. Судороги остались далеким воспоминанием.

Мужчины, поиграв по очереди с Элли, устроились в маленькой гостиной, чтобы поговорить о политике, о проблемах сельского хозяйства и о полиции.

Лицо Клары осветилось, когда она вошла на кухню и увидела Танни с ее вздутым животом. Она поспешно обняла ее.

— Ты собираешься увеличить семью. Я так и подумала, когда встретила тебя осенью, но не была уверена. Когда ты будешь рожать?

Тананкоа излучала здоровье и гордость.

— В конце апреля.

— Ты должна позволить мне прислать тебе кое-какие свободные платья, которые я сшила, когда забеременела Элли. Они по моей собственной выкройке, и я находила их очень удобными вплоть до самых родов, когда ничего другого уже нельзя было надеть. Конечно, я сошью и все приданое новорожденному ребенку.

— Только после того, как ты сошьешь мне свадебное платье, Клара, — сказала Пейдж, изо всех сил стараясь, чтобы эта фраза прозвучала как бы между прочим, но ощущая, что краска залила все ее лицо.

Клара и Тананкоа на мгновение уставились на нее, а потом разразились радостными криками. Пейдж показала им свое кольцо, они обнимали ее, требовали подробностей и даты свадьбы.

Пейдж, вся пунцовая, рассказала им, что Майлс должен получить разрешение.

— Как только комиссар даст свое благословение, мы назначим день, — пообещала она. Конечно, Тананкоа знала об этом странном обычае, да и Клара вовсе не удивилась.

Новость насчет обручения повторили, когда появилась Абигайл, которая принесла маринованные дикие яблоки и бочонок засахаренных пирожков, которые она испекла сегодня утром.

— В свое время, — воскликнула Абигайл, и ее чистенькое маленькое личико сияло от удовольствия, когда она обняла Пейдж, — я сказала вам, чтобы вы обратили внимание на этого красивого доктора Болдуина.

Арман принес свой аккордеон, и, пока женщины наносили последние штрихи, накладывая подливку и картофельное пюре, в комнате звучали прелестные песни метисов.

Рождественский обед удался на славу, если не считать того, что кожа гуся оказалась настолько переперченной, что все чихали.

Деннис и Тананкоа в сумерках уехали домой, а Флетчеры остались до утра. Пейдж вышла вместе с Майлсом, когда он отправился седлать Майора, чтобы ехать домой.

Ночь становилась холодной, мороз накладывал свои узоры на окна, небо было усыпано далекими звездами, половинка луны встала над городом.

Он поцеловал ее нежным и долгим поцелуем.

— Необходимость ночью уезжать от тебя убивает меня, — проворчал он. — Я сегодня утром отправил комиссару телеграмму, что разрешение жениться нужно немедленно.

— Бог мой, Майлс, он подумает, что я беременна! — Пейдж произнесла эти слова не подумав, а в мозгу у нее вспыхнула картина, как Майлс держит у себя на коленях Элли и смешит ее.

Давнее чувство утраты примешалось к ощущению счастья, испытываемого Пейдж.

— Ты очень переживаешь, что мы не сможем родить своего ребенка?

— Я хочу только тебя, Пейдж. — Он наклонился и нежно поцеловал ее. — Тебя мне вполне достаточно, так что не начинай переживать по поводу детей. Если мы захотим завести потомство, то есть множество сирот, нуждающихся в семье.

Становилось холоднее, и он неохотно отпустил ее, сел на Майора и наклонился, чтобы еще раз поцеловать ее.

Пейдж смотрела, как он уезжал. Он обернулся, чтобы помахать ей рукой, когда доехал до дороги, ведущей к форту, она помахала ему в ответ и побежала в теплый дом, дрожа от холода, ругая себя за такую глупость. Она ведь счастлива, правда? Счастлива, как никогда не была. Ей достаточно любви к Майлсу. Это глупо с ее стороны так тяжело и так долго переживать о том, что, как она знала, никогда не может осуществиться.

Элли спала на двух сдвинутых креслах. Пейдж на цыпочках подошла к ней. Элли спала на животике, кругленькая попка торчала вверх, палец засунут в ротик.

Пейдж поправила одеяло на спящей девочке, наклонилась, чтобы поцеловать ее, не в силах воздержаться от опасного миража — маленьких девочек с серыми глазами и длинными ресницами и мальчиков с черными кудрями и ямочками на подбородке, как у их отца.

Майлс и Пейдж поженились 12 января 1885 года в два часа дня. В первую неделю после Рождества мела метель, но, когда Пейдж проснулась утром в день своей свадьбы и соскребла иней с окошка в своей спальне, она увидела синее небо и солнце, превращавшее снежные сугробы в россыпи драгоценных камней.

Ее свадебное платье висело на дверце шкафа, и она не могла удержаться от того, чтобы не погладить его рукой каждый раз, когда проходила мимо. Клара за короткое время, которое выпало ей на шитье, совершила чудеса. Платье было сшито из тафты цвета меда, строгого стиля, на чем настаивала Пейдж. Умеренный вырез на груди, тесно облегающий корсаж, элегантно переходящий в расшитую юбку. На спине шел длинный ряд маленьких перламутровых пуговиц, а с рукавами Клара позволила себе некоторую вольность, скроив очень пышными у плеч, сужающимися у локтей и застегивающимися на запястье еще рядами перламутровых пуговиц.

Пейдж кое-как прожила эти часы до венчания. Она нервничала гораздо больше, чем ожидала, и к тому времени, когда к ней в дом приехали Клара и Тананкоа. Пейдж с раздражением спрашивала себя, почему она не настояла на скромной церемонии гражданского бракосочетания, как хотела с самого начала.

К ее удивлению, Майлс настоял на церковной церемонии со всеми аксессуарами.

— Я собираюсь проделать это только один раз в жизни, Пейдж, и не намерен скомкать такое событие. Я хочу такого торжества, которое все надолго запомнят. Предоставь все детали мне — мы устроим все это в форте, и зал будет приготовлен для свадебного ужина.

В конце концов это и его свадьба, напомнила себе Пейдж, и на все согласилась.

Майлс попросил Денниса быть его шафером, а Пейдж — Клару и Тананкоа выступить ее подружками, но Тананкоа деликатно отказалась.

— Спасибо тебе, подруга. Для меня такое предложение большая честь, но мой живот слишком велик, чтобы я стояла рядом с тобой перед всеми этими людьми, — пробормотала она. — Может, Клара позволит мне вместо этого побыть с Элли.

К часу дня Пейдж вымылась, надела новое белье, лифчик и шелковые чулки, купленные ею в магазине дамских вещей.

Клара помогала Пейдж одеваться, пока Тананкоа играла с Элли на кухне.

Пейдж сидела перед зеркалом в своей спальне, отчаянно пытаясь привести в какой-то порядок свои черные курчавые волосы. Утром она вымыла голову, и теперь волосы совершенно не поддавались щетке.

— Я должна была давно постричь их, — простонала она. — Почему никто не додумался устроить салон красоты в Баттлфорде? — Она дергала щетку по волосам. — Я знала, что они слишком отросли, но я завязывала их сзади, а теперь ты только посмотри на это безобразие! Не знаю, что бы я только не отдала за флакончик лака и спрей.

— Дай мне эту щетку.

Клара, с очками, державшимися на кончике ее вздернутого носика, взяла дело в свои руки, и уже через несколько секунд волосы Пейдж были причесаны и уложены с помощью шпилек в высокую свободную корону со свисающими локонами. Клара застегнула на ней платье и позвала Тананкоа и Элли, чтобы они полюбовались.

— Ой! — вскрикнула Элли, захлопав в ладоши при виде Пейдж.

Женщины засмеялись, и Пейдж несколько успокоилась.

Однако спустя час, входя под руку с Тео в маленькую церковь, она чувствовала, что колени у нее дрожат. В церковь ее сопровождала, как ей показалось, вооруженная стража — четыре высоких офицера Конной полиции, сверкающие в своих алых мундирах, заехали за ней в экипаже. Церковь была битком набита. И всюду, куда бы она ни глянула, виднелись алые мундиры. Были и знакомые лица. Она заметила Уильяма Суини в лоснящемся черном костюме и Абигайл, выглядевшую, как птичка.

Тео похлопал ее по руке, органист начал играть, и на какое-то мгновение сердце Пейдж готово было разорваться от тоски по брату.

Это Тони должен был идти рядом с ней по этому проходу в церкви...

Но около алтаря стоял Майлс, выпрямившийся, высокий и неправдоподобно красивый в мундире, украшенном золотым галуном, его рыжеватые волосы падали на лоб, серые глаза лучились любовью и восхищением, когда он смотрел, как она приближается к нему.

Впоследствии она вспоминала тот момент, когда она сказала «да», момент, когда священник объявил их мужем и женой. Запомнила она и влюбленный взгляд Майлса, когда он наклонил голову и поцеловал ее, но вся остальная церемония осталась в памяти как какой-то сон наяву.

Она шла под руку с Майлсом к дверям церкви, орган исполнял свадебный марш, и, когда двери распахнулись, Пейдж застыла в изумлении.

По обе стороны дорожки выстроились конные воины, почетный караул, лошади поглядывали друг на друга, стальные наконечники бамбуковых копий длиной в десять футов образовали арку, под которой она и Майлс прошли к украшенному экипажу, который должен был доставить их в форт на свадебный обед.

На каждом копье висел вымпел, красный сверху и белый внизу. Позднее Майлс объяснил Пейдж значение копий и вымпела.

— Арка из копий означает, что Северо-Западная Конная принимает тебя под свою защиту, потому что ты моя жена. Вымпелы — это символы от тех времен, когда копья использовались в битвах. Кровь стекала от наконечника к рукоятке и держать копье становилось трудно, поэтому копье ниже наконечника перевязывали повязкой, чтобы она впитывала кровь. Отсюда красный и белый цвет вымпела.

Майлс ничего ужасного в этом не видел, но Пейдж подумала, что лучше бы она его не спрашивала.

Изысканный обед и последовавшие за ним танцы заняли всю остальную часть дня. Пейдж переходила из одних военных рук в другие, потому что каждый офицер хотел потанцевать с ней, не говоря уже о Тео, Деннисе и Уильяме Суини.

Она вальсировала с белокурый офицером, когда ее оторвал от партнера Роб Камерон и закружил в танце, едва доставая ей до носа.

— Главный врач Болдуин — счастливый человек, — сказал он, его широкое веснушчатое лицо было мрачно, движения не слишком уверенными. Пейдж заметила, что от него пахнет вином. — Я надеюсь, что вы будете счастливы, Пейдж.

Их дружеские отношения так и не восстановились, о чем Пейдж искренне сожалела.

— Я знаю, что мы будем счастливы, — сказала она и, повинувшись импульсу, добавила: — Мне вас очень не хватает, друг мой. Вы должны как можно скорее навестить нас.

Камерон вежливо принял это приглашение, но Пейдж подозревала, что он никогда им не воспользуется. Вальс кончился, и Роб сдержанно поклонился.

— Если когда-нибудь настанет день, когда вам что-то понадобится, вам нужно только попросить меня, — выпалил он, несколько неуклюже отсалютовал ей и отошел.

Уже почти начало светать, когда Майлс привез свою новобрачную в дом на холме.

Он открыл входную дверь и, подняв Пейдж на руки, внес в дом. Она повисла у него на шее, слишком усталая, чтобы идти самой, ее лицо зарылось в его китель.

— Здесь тепло, Майлс, — удивленно сказала она. — Кто-то приходил сюда и подбрасывал дрова в огонь.

— Деннис позаботился об этом по моей просьбе.

Он отнес ее прямо в спальню и положил на кровать. Маленькая лампа горела, фитиль был приспущен.

Она дотронулась до покрывала и воскликнула:

— Майлс, посмотри на это!

Когда она утром уезжала, постель была покрыта лоскутным одеялом. Сейчас его не было, и на его месте лежал великолепный шерстяной плед ручной работы, расшитый яркими замысловатыми индейскими узорами.

— Это Тананкоа, — прошептала Пейдж, прижимая к лицу плед. — Она вышила его для нас. О Майлс, сегодня все делали мне просто сказочные подарки! Ты знаешь, Клара, помимо свадебного платья, сшила мне прекрасный ночной халат.

— Тебе не придется сейчас надевать его, — зарычал он.

Весь этот день, каждую минуту, он наблюдал за ней, за своей прекрасной новобрачной, от одного вида которой перехватывает дыхание, он видел восхищенные лица всех мужчин, которые кружились с ней в вальсе, гибкой и сияющей.

Если бы он мог, он умыкнул бы ее еще раньше. Он предвкушал это мгновение, когда они наконец окажутся вдвоем в их собственной спальне, когда он сможет спать с нее одежду и получить то, что принадлежит ему отныне и навсегда, — свою жену.

Он шарил пальцами по ее спине, и в голосе его прозвучало нетерпение:

— Как расстегиваются эти проклятые пуговицы? Их тут штук пятьдесят!

Она пожалала плечами.

— Я не знаю. Клара шила это платье и застегивала его на мне.

Он выругался про себя.

— Я клянусь, что с помощью этого ночного халата и пуговиц Клара пытается сохранить твою девственность.

Пейдж хихикнула.

— Несколько позновато.

И как это ни странно, несмотря на все ночи, которые они провели в объятиях друг друга, он почувствовал, что она неожиданно начала стесняться, и это его тронуло.

Наконец платье было расстегнуто, и он принялся целовать ее спину сверху донизу. Но, когда он попытался вытащить ее руки из рукавов. Пейдж вытянула ему навстречу руки, и он увидел еще добрую дюжину пуговиц на каждой.

Он покачал головой и пробормотал:

— А я-то всегда думал, что Клара Флетчер хорошо ко мне относится.

В конце концов последняя петелька была расстегнута, и он стянул с нее прохладную материю, позволив своим рукам скользнуть по ее шелковистой коже, по ее плечам. Он снял с ее плеч бретельки комбинации, и его брюки взметнулись вверх, когда он увидел ее новый

бюстгальтер, тонкий и вызывающий, сшитый из того же атласа, что и свадебное платье.

Он ничего не сказал, пока не снял с нее и платье и комбинацию, обнаружив крохотные трусики из того же материала и тоненький пояс с резинками, поддерживавшими кремовые шелковые чулки.

Он посмотрел в насмешливые зеленые глаза и заметил краску, заливающую ее шею.

— Да, — сказала она, защищаясь, — я не собиралась надевать старое белье на мою свадьбу, в магазине ничего подходящего не водится, так что я попросила Клару сшить мне.

И вновь на ее лице и в голосе проступила очаровательная застенчивость.

— Они... они тебе нравятся, Майлс? — Она помолчала, потом тихо сказала: — Я подумала, что это может стать моим свадебным подарком тебе. — Она нервно хихикнула. — Клара была совершенно потрясена, когда я показала ей, чего я хочу. Я даже подумала, что она намерена бросить эту затею, но после всего она проделала отличную работу.

— Я не могу представить себе лучшего подарка.

Он решил про себя, что купит Кларе самую большую коробку шоколадных конфет, какая только есть в продаже в магазине Компании Гудзонова залива.

Чувственная красота Пейдж, открывшаяся его глазам и все еще прикрытая тонким бельем, заставила его задохнуться. Он взял ее лицо в свои ладони и заглянул ей в глаза, стараясь выразить хотя бы малую толику любви и желания, которые он испытывал к ней.

— Ты так прекрасна! — прошептал он. — Так совершенна! Я не могу поверить, что все это на самом деле принадлежит мне. Что ты моя жена. — Он с трудом перевел дыхание. — Я люблю тебя, Пейдж. Я буду тебе самым хорошим мужем, каким только смогу. Я буду любить тебя и заботиться о тебе до конца моих дней.

Мягкий свет лампы бросал на ее кожу тени, и Майлс губами шел по следам этих теней, вдыхая ноздрями ее благоухание, ощущая сладость ее губ, спускаясь к подбородку, задержавшись на пульсирующей ниточке у ее горла.

Он взял в рот сначала один ее сосок, прикрытый атласом, потом другой, с гордостью ощутив, как она судорожно вздохнула. Он поискал и нашел крючок, на котором держался ее бюстгальтер, и одним движением расстегнул его.

Он научился обращаться с этим новомодным нижним бельем, это совершенно точно. Все, что ему нужно, — это практика.

Он исследовал поверхность под узеньким пояском для чулок и с утонченной медлительностью начал стягивать с нее чулки. Усилие, к которому ему пришлось прибегнуть, чтобы делать это медленно, заставило его затрепетать.

Когда их тела наконец сплелись, он смотрел в ее глаза, широко открытые, с тяжелыми веками, ищущие в его лице решимость, и, похоже, обнаруживавшие то, что она ищет. Улыбка тронула ее губы, и он поцеловал их.

Когда он уже больше не мог терпеть, он выговорил ее имя, и она отозвалась всем своим телом, открыв то сокровенное место, которое он искал, за секунду до него и вобрав его в себя.

Через неделю после свадьбы Майлс купил у Чарли Уокера этот маленький белый домик за справедливую цену и вручил купчую на него Пейдж в качестве своего свадебного подарка.

Он перевез сюда все свои вещи из форта, и каждый вечер, подъезжая к этому дому, он ликовал: «Это наш дом. Я живу здесь вместе с моей женой». Он невольно улыбался, и радость расpirала его сердце.

Однако дела в форте отнюдь не радовали. Там все время росли напряжение и тревога по мере того, как приходили все новые сообщения о том, что у индейцев начинают греметь барабаны войны, а метисы все больше озлобляются.

Майлс начал потихоньку накапливать медикаменты, одеяла и сухие продукты еще осенью, когда Пейдж предупредила его о приближающемся восстании.

После разговора с Дюмоном в резервации Повелителя Грома в сентябре Майлс написал комиссару, выразив свое сочувствие положению метисов и озабоченность создавшейся ситуацией, предупреждая о неминуемой катастрофе, если правительство будет по-прежнему игнорировать требования исконных жителей здешних мест и будет и дальше позволять, чтобы у них отнимали их фермы.

Единственным ответом ему были выговор и высказанное в самых жестких выражениях напоминание, что ему следует заниматься своим делом, а правительство будет заниматься своим.

В декабре Майлс узнал, что Луи Райел выгащил на свет Божий Билль о правах, требуя, в частности, более либерального отношения к индейцам и подтверждения права собственности на землю, занимаемую метисами, — разумные и вполне умеренные требования, по мнению Майлса.

Он с нетерпением ожидал ответной реакции и в начале января узнал, что сэр Джон Макдональд отшвырнул в сторону эти требования, как он поступал и со всеми предшествующими.

Точные слова Макдональда прозвучали провокационно и были типичными для того пренебрежения канадского правительства к исконным жителям этих мест.

— Если вы ждете, когда индейцы и полукровки будут удовлетворены, — пошутил он в кругу своих коллег, — вы можете ждать до второго пришествия.

Однако в феврале, когда донесения о волнениях стали поступать в правительственную резиденцию в Оттаве, Макдональд отдал секретный приказ Конной полиции усилить свои гарнизоны во всех фортах.

Конечно, слух об этом секретном приказе разлетелся по всему Западу. Когда метисы узнали, что более пятисот солдат Конной полиции направляются сюда, Луи Райел стал созывать своих сторонников.

К концу февраля Майлс знал без всяких сомнений, что восстание, которое предсказывала Пейдж, быстро разрастается, подобно пожару в прерии, угрожая уничтожить все на своем пути. Не оставалось ничего другого, как готовиться и ждать.

На второй неделе марта Пейдж утром меняла повязку на обожженной руке одного ребенка, когда мальчик-индеец принес ей записку.

«Пожалуйста, приезжай, — прочитала она наспех нацарапанные слова. — Тананкоа нуждается в твоей помощи».

Пейдж тут же представила себе картину преждевременных родов у Тананкоа, возможно даже кровотечение; мелькнула мысль, что Тананкоа может потерять ребенка, которого носит под сердцем, которого так ждет.

Пейдж прикидывала, что ребенок должен родиться в конце апреля. Конечно, если он родится сейчас, он выживет. Пейдж предполагала, что ребенок крупный, последний раз, когда обследовала Тананкоа две недели назад, ребенок вполне созрел для родов.

Взволнованная, она сказала мальчику, который назвался Проворным Бегуном, посидеть

на кухне и съесть кусок хлеба с молоком, пока она закончит перевязку. На счастье, больше пациентов не было, ее приемная была пуста. Абигайл отправилась к одной роженице и в это утро отсутствовала.

— Старайтесь, чтобы перевязка оставалась чистой, меняйте ее каждый день и мажьте место ожога вот этой мазью, — проинструктировала Пейдж молодую мать, вручая ей плачущего младенца и стараясь скрыть свое нетерпение.

Когда дверь за женщиной закрылась, Пейдж вернулась к мальчику-индейцу. На вид ему было лет пятнадцать, и Пейдж подумала, что он, должно быть, один из родственников Тананкоа в резервации.

— Ты не знаешь, что именно случилось с Тананкоа Куинлан?

Естественно, что он ничего не знал, но настаивал на том, чтобы скорее выехать.

— Скорее! — повторял он. — Надо скорее. Вы хотите, чтобы я оседлал вашу лошадь?

Пейдж приняла его предложение, и он побежал в конюшню. Она же в спешке стала собирать все, что может понадобится, в свою медицинскую сумку, переделалась в костюм для верховой езды, упаковала спальный мешок и написала записку Майлсу, оставив ее на столе около сахарницы.

О револьвере, лежавшем в ящике комода, она совершенно забыла.

Через несколько минут она уже сидела на Минни, следуя за индейским мальчиком на его пегом пони за город.

Мальчик погонял своего пони, и Пейдж перевела Минни на рысь. На дороге еще лежал снег, но сегодня он таял — солнце пробивалось сквозь редкие облака.

Когда четверо всадников возникли неизвестно откуда и окружили ее, Пейдж была озабочена проблемами, с которыми она может столкнуться, когда доберется до Тананкоа, и поначалу подумала, что они собираются сопроводить ее до фермы Куинланов.

— Бонжур, мадам доктор.

Веселый этот возглас исходил от молодого всадника, ехавшего рядом с ней, который дотянулся и ловко схватил Минни за поводья.

Испуганная Пейдж ударила свою кобылу по бокам, пытаясь освободиться, но он крепко держал поводья.

— Отпустите меня! — закричала она. — Сию же минуту отпустите поводья! Кто вы такие, что вы себе позволяете? Я врач, я еду к больной подруге, и я должна...

Она остановилась на полужазе. Проворный Бегун, который, как предполагалось, должен был доставить ее к Тананкоа, присоединился к этим мужчинам, и они приветствовали его как своего.

Ужаснувшись, Пейдж поняла, что ее обманули. Потом ужас уступил место смертельному страху.

Они собираются убить ее? Изнасиловать? Она оглядела каждого из них. Это были бородатые, грубые, запыленные мужики, выглядевшие так, словно провели в седле не один день. Не считая Проворного Бегуна, еще двое были индейцами, их длинные черные волосы в беспорядке свешивались на лица. Двое других были метисами с отличительными красными поясами.

Один из метисов подъехал вплотную к ее лошади и приподнял свою шляпу жестом, который при других обстоятельствах мог бы считаться вежливым.

— Добрый день, мадам Пейдж. — Он довольно хорошо говорил по-английски, хотя акцент выдавал, что он наполовину француз. — Я Урбейн Лангуа, а это мой друг Пьер

Жерве. Пожалуйста, не пугайтесь, мы люди Луи Райела из Батоша. Мы проводим вас туда, чтобы вы встретились с ним.

— Райел? — Сердце Пейдж застучало, и дыхание застряло в горле. — Луи Райел? Не что... я ничего не понимаю. Это какое-то безумие. Что нужно от меня Райелу?

Этот человек говорит, что они повезут ее в Батош. Но ведь Батош по крайней мере в ста милях отсюда, где-то на востоке от Баттлфорда.

Майлс... О Боже, Майлс, помоги мне!..

Мужчина сдвинул шляпу на затылок и внимательно оглядел ее.

— Это ведь вы попали сюда из другого времени? Из тех лет, которые впереди?

— Да, это так. Но какое это...

— Вы ведь врач, друг Армана Леклерка?

— Да, я знаю Армана. Но какое это имеет отношение?...

Он поднял руку, чтобы остановить поток ее слов.

— Арман рассказал Луи все про вас, начиная с того дня, когда полицейский доставил вас в форт. Он сказал, что вы знаете все про будущее, что вы могущественная шаманка, которая излечивает лихорадку и даже знает, как зачать ребенка, если женщина бесплодна. Дюмон тоже знает вас. Он слышал о вашем могуществе от Повелителя Грома. Вот Луи и послал нас, чтобы мы доставили вас к нему. Вы нужны нам, мадам доктор, сейчас и в дальнейшем.

Страх в ней уступил место гневу.

— Это безумие! Вы не можете вот так вот похитить меня. Мой муж...

— Да, мы знаем и уважаем вашего мужа, мадам, но он офицер Конной полиции и больше не друг нам. Он из тех, кто вместе с англесами.

Он протянул руку, и другой мужчина вложил ему в руку конец веревки. Он закрутил ее вокруг луки седла.

— Поехали, нам предстоит далекий путь. Батош далеко отсюда.

У Пейдж не было другого выхода, как ехать вслед за ними.

Майлс зажег свечу, войдя через заднюю дверь, удивляясь, где может быть Пейдж. Когда он утром уезжал, она ничего не говорила о том, что куда-то собирается. Она ушла уже некоторое время назад, он мог определить это по тому, что в доме было холодно. Огонь везде погас.

Он снял шляпу и отстегнул кобуру, положив ее на маленький столик у задней двери. Он чувствовал себя усталым и расстроенным до глубины души новостями, поступившими в форт в конце дня по телеграфу. Эта новость взбудоражила весь отряд.

Луи Райел с Дюмоном в качестве генерала собрал армию из метисов и индейцев. Он потребовал от майора Крозье, возглавлявшего Конную полицию в форте Карлтон в двадцати милях на запад от Батоша, отдать им все продовольственные запасы и оружие. Крозье, конечно, отказался.

Это было ничем иным, как объявлением войны, и Майлс понимал, что в любой момент может пролиться кровь. Он хотел поговорить обо всем этом с Пейдж сегодня ночью. Он нуждался в ее знаниях — хотел обрести уверенность, что наступит время, когда война закончится и в прерии снова воцарится мир.

Он испытывал раздражение от того, что она уехала как раз тогда, когда он в ней нуждался. Куда она, черт побери, делась?!

Он прошел к столу, снял с лампы стекло и зажег фитиль, потушив свечу, когда лампа осветила комнату.

К сахарнице была прислонена записка, он взял ее и поднес к огню, чтобы прочитать:

«Дорогой мой Майлс, Тананкоа может родить. Я поехала к ней, вернусь домой как только смогу. Люблю тебя. Пейдж».

Майлс в ужасе уставился на записку. Когда ее смысл дошел до него, он почувствовал себя так, словно получил удар в грудь, и у него сжалось сердце.

Сегодня в конце дня Деннис приезжал в форт с недельным, как обычно, запасом мяса, и Майлс спрашивал его про Тананкоа.

— Она чувствует себя прекрасно, — ответил Деннис с ухмылкой. — Стала большая, как дом. Я думаю, что она принесет нам большого хулигана-мальчишку.

Если с Тананкоа все в порядке, то кто же выманил Пейдж из дома?

Майлс бросился в комнату, где она осматривала пациентов. Пейдж всегда записывала в журнале, каких клиентов принимала. Журнал лежал открытым на узкой полочке рядом со столом.

«Десять часов утра, ребенок Фрейер, обожженная рука».

Это была последняя запись. Майлс напряг память, пытаясь вспомнить, знает ли он кого-нибудь по фамилии Фрейер. Если мать ребенка была еще здесь, когда появился посланец...

Он застегнул мундир, надел кобуру с револьвером и уже собирался выйти за дверь, когда ему пришлось в голову посмотреть, на месте ли оружие, про которое он настаивал, чтобы Пейдж брала с собой, когда уезжает одна.

Он открыл ящик комода, в котором она держала оружие. Револьвер лежал на месте.

Несколько драгоценных минут ушло на то, чтобы снова оседлать Майора, а мозг Майлса в это время лихорадочно работал.

Чарли Уокер, продавец в магазине Компании Гудзонова залива, должен знать, где живут Фрейеры. Чарли знает всех.

У Майлса ушло более часа на то, чтобы добраться до дома Фрейеров, находившегося в добрых десяти милях от города. Он дважды в темноте терял дорогу, и ему пришлось призвать на помощь все свое терпение, чтобы удержаться от крика, когда он наконец разговаривал с молодой матерью. Ей понадобилось некоторое время, чтобы, широко раскрыв глаза, нервничая, заикаясь, выдать из себя рассказ об индейском мальчике и срочном послании.

Было уже около полуночи, темно и холодно, когда Майлс прискакал в форт. Он обругал часового, который спрашивал у него пропуск, и побежал в госпиталь.

Ему нужен был следопыт — Арман Леклерк был лучшим из них. Арман поможет ему найти след Пейдж, он молился на нее.

Им придется дожидаться рассвета, и тогда Арман, возможно, сумеет обнаружить, сколько их было и в каком направлении они уехали.

Но Армана нигде не было. Майлс ворвался в маленькую комнатку на задах госпиталя, где обычно спал Арман, но обнаружил, что она пуста. Одежда Армана, спальный мешок и ружье исчезли, и Майлс с ужасом понял, куда делся старик.

Арман уехал, чтобы вступить в армию Райела.

К утру третьего дня непрерывной скачки Пейдж чувствовала себя совершенно без сил. Кожа у нее на ногах и ягодицах стерлась до мяса от непривычно долгой езды в седле и горела огнем с каждым шагом Минни. Никакой надежды на ванну не было, а она ощущала себя грязной.

Мужчины торопились поскорее добраться до Батоша и ехали с рассвета и до тех пор, пока темнота не заставляла их останавливаться.

Физически Пейдж чувствовала себя совершенно несчастной, но эмоционально она словно окаменела. Первые два дня она переживала из-за Майлса, гадая, что он предпринял, обнаружив, что ее нет. Она проклинала себя за то, что оказалась такой доверчивой душой и поехала с этим мальчиком по имени Проворный Бегун. Но, когда физическая усталость одолела ее, эмоциональные переживания отступили на второй план.

Теперь она могла думать только о бесконечной дороге, о том, чтобы добраться до такого места, где она могла бы принять ванну, где будет кровать, на которой можно будет поспать, а не в тонком спальном мешке на жесткой, холодной земле, где можно будет съесть что-нибудь, кроме вяленого мяса, которое вместе с горьковатым чаем и сухими лепешками составляли всю еду этих мужчин.

Пейдж больше не боялась их — они вели себя по отношению к ней уважительно и старались, чтобы она чувствовала себя удобнее. Торопясь к какому-нибудь убежищу, где она сможет принять ванну, они даже дали ей толстую бизонью шкуру, на которой расстлали ее спальный мешок, и каждые несколько часов останавливались на несколько минут, чтобы она могла отдохнуть и размять ноги, которые с трудом держали ее.

Несмотря на физические страдания, она в это утро не могла как следует проснуться. Голова у нее то и дело падала на грудь, а несколько раз она чуть не свалилась со спины Минни. За время путешествия пейзаж сильно изменился. Сегодня они ехали по лесистой местности, где еще лежал глубокий снег, и лошади выбивались из сил, прокладывая дорогу.

— Мадам, мы уже почти приехали, — разбудил ее голос Пьера.

Впереди протекала широкая река. Южный Саскачеван, и на другом берегу Пейдж разглядела несколько бревенчатых хижин и два дома побольше.

Мужчины, обрадовавшись, что они уже почти дома, пустили лошадей в галоп, и вскоре все они оказались на берегу реки среди тополей и осин. Они называли это место «Переправа Габриэля». Они рассказали Пейдж, что здесь Дюмон построил паром. До Батоша оставалось десять миль.

Однако мужчина, причаливший на пароме, чтобы переправить их на другой берег, оказался не Дюмоном. Он начал что-то кричать похитителям Пейдж еще до того, как паром причалил к берегу, кричал он очень возбужденно, а его быстрый французский язык Пейдж разобрать не могла. Урбейн и Пьер принялись громко восторженно выкрикивать что-то, переводя одновременно то, что он сказал, индейцам.

Какая это была новость, Пейдж не разобрала, но у мужчин она вызвала страшное волнение. Они ликовали и прыгали, чуть не опрокидывая плоскодонку, используемую как паром.

— В чем дело? Что происходит? — Пейдж дернула Пьера за рукав. — Что он сообщил вам?

— Райел и Дюмон напали на торговые фактории и захватили там оружие, в котором мы нуждаемся для нашего дела. Теперь мы проучим этих проклятых англес.

Пейдж ухватилась за борт парома, будучи не в состоянии стоять после всех часов, проведенных в седле. Она дрожала от холодного ветра, дувшего с реки. Чрезмерная усталость и ощущение нереальности всего происходящего вызвали у нее головокружение. Она начала истерически хихикать и не могла остановиться, хотя мужчины уставились на нее хмурясь.

Ее преподаватель истории был бы потрясен. Она находилась в Батоше, в 1885 году, и похоже, что она оказалась в самом центре восстания. Если бы профессор Вуд узнал об этом, он пришел бы в восторг.

Смех у нее быстро перешел в слезы, которые она не могла сдержать. Мужчины расстроились при виде такого ее припадка. Они начали горячо спорить между собой, и, когда паром причалил к берегу, они поспешно повели ее в большой двухэтажный бревенчатый дом.

В дверях появилась маленькая толстенькая женщина с пунцовыми щеками, ее седеющие волосы были заплетены в косу, уложенную короной на голове. На ней было темное платье и белый фартук, и Пейдж заметила, какой чистенькой выглядит эта женщина. Мужчины стали что-то ей объяснять, по всей видимости, про Пейдж.

Пейдж, подавленная своими слезами, которые она не могла остановить, все еще всхлипывала. Маленькая женщина поцокала языком, обняла Пейдж и бережно провела ее в теплый дом. Она обернулась, чтобы выпалить по-французски что-то сердитое смущенным мужчинам, толпившимся на пороге. Она хлопнула перед ними дверь и проводила Пейдж в большую кухню, усадила на стул, полезла за пазуху своего платья и достала оттуда большой белый носовой платок.

— Вот, мадам, вытрите ваши глазки, — сказала она мягко. — Я — Мадлен Дюмон, жена Габриэля, — добавила она.

В ее английском слышался акцент. Она сняла с плиты эмалированный кофейник, палила кофе в кружку, добавила туда молока и большую ложку сахара и протянула ее Пейдж. Потом налила из кастрюли густой суп.

— Пейте-пейте, — распорядилась она. — Вы согреетесь, а потом мы наполним лохань, чтобы вы выкупались.

Голодная Пейдж зачерпнула ложкой суп и проглотила между всхлипываниями, которые никак не останавливались. Уже через минуту тепло комнаты и горячая еда помогли ей взять себя в руки. Она высморкалась и вытерла глаза чистеньким платком Мадлен, который от грязи на лице сразу же стал грязным, и Пейдж сообразила, что руки у нее тоже грязные. Ее волосы, казалось, склеились от грязи, все тело зудело. Она, должно быть, выглядела страшилищем — так она себя и чувствовала.

— Благодарю вас за все, Мадлен, — с трудом выговорила она. — О Боже, как я хочу вымыться! Меня зовут... — начала она, но Мадлен покачала головой и показала на кастрюлю.

— Помолчите сейчас и ешьте. Я знаю, кто вы, мадам доктор. Мы все знаем, Арман рассказывал нам о вас. Эти глупые мужчины измучили вас, вы должны поесть и восстановить силы. Потом вы примете ванну и отдохнете.

Эти слова прозвучали, как благовест. В первый раз за все эти дни Пейдж согрелась. Перед ней стояла вкусная еда, и ей обещали горячую воду и мыло и даже постель с

простынями и подушкой.

Эти простые удобства казались ей сейчас потрясающей роскошью, и она не могла думать ни о чем другом.

Она постепенно расслаблялась, отдаваясь материнской заботе Мадлен.

Новость об исчезновении Пейдж быстро распространилась в ту же ночь по форту, и на следующее утро еще до рассвета Майлса разыскал Роб Камерон.

— Сэр, я еду с вами. Я хочу помочь вам найти ее. Прошлым летом я охотился вместе с Арманом, и он многому меня научил, как разыскивать и распознавать следы.

Майлс смотрел на молодого шотландца, и чувство благодарности переполняло его. Ему, конечно, нужна помощь, и он знал, что в связи с последними тревожными донесениями, поступающими по телеграфу о восстании метисов и индейцев, трудно выделить людей на поиски Пейдж.

Он сообщил Робу те немногие детали, которые ему удалось собрать.

— Я думаю, что Пейдж и этот индейский мальчик поехали в направлении фермы Куинланов. Как только рассветет, мы поедем этой дорогой.

Всю ночь Майлс ходил по двору госпиталя, не в силах не только заснуть, но даже присесть. Он испытал огромное облегчение, когда в конце концов чернота ночи медленно начала сереть, и он и Роб могли оседлать своих лошадей, наполнить седельные сумки провизией, приготовленной Майлсом, и выехать.

Благодаря теплой погоде земля начала оттаивать, и Роб легко нашел следы неподкованного индейского пони, как только они с Майлсом выехали из города. На протяжении нескольких миль Роб ехал по их следам, а потом около ивовой рощи он придержал свою лошадь и спешился.

Некоторое время он ходил кругами, разглядывая следы на земле, а Майлс старался сдерживать свое нетерпение.

— Здесь к ним присоединились еще несколько лошадей. — Лицо Роба было мрачным. — Они свернули с дороги и поехали прямо на восток. Две лошади подкованы, а остальные, я думаю, индейские пони.

С болью в сердце Майлс повернул Майора на восток.

Ехали они не без труда, потому что Роб часто останавливался, чтобы убедиться, что они следуют правильно. Так они проехали около двух часов, когда в холодном воздухе до них донесся запах дыма и звук ружейных выстрелов.

— Это за тем холмом, — предположил Майлс.

Плоская прерия перешла здесь в плавные холмы с кущами деревьев.

Майлс и Роб перевели своих коней в галоп и поднялись на вершину холма. Там, на другом склоне, начиналась ровная долина, где какой-то поселенец выстроил у подножья холма дом и несколько хозяйственных построек.

Майлс посмотрел туда, не веря своим глазам, настолько ужасное зрелище открылось его взору. Было ясно, что поселенцу и его семье грозит смертельная опасность.

Человек шесть индейцев, раскрашенных в боевые цвета, скакали взад и вперед среди невысоких тополей, окружавших бревенчатый дом, с дикими криками и стрельбой. Зажженными стрелами они подожгли толеву крышу, которая теперь ярко пылала, и как раз в тот момент, когда Майлс и Роб в ужасе смотрели на эту картину, дверь хижины распахнулась, в проеме показался мужчина с ружьем, отчаянно пытавшийся прикрыть своим

телом женщину и двух цепляющихся за нее детей. Крыша готова была обвалиться, и они вынуждены были спасаться из дома.

Майлс быстро махнул Робу, чтобы тот проехал по гребню холма и скакал к индейцам, делая вид, что их не двое, а больше. Насколько он мог судить, индейцы их не заметили, хотя их силуэты четко вырисовывались на фоне утреннего неба.

Майлс вытащил свое заряженное ружье из седельного чехла и прицелился в одного из индейцев. Первая пуля не попала в цель, зато вторая выбила индейца из седла, обратив тем самым внимание других, которые теперь заметили его присутствие.

Он пустил Майора в галоп, пригнувшись низко к луке седла, пока не спрыгнул с коня и укрылся за кустами.

Поселенец подстрелил одного из индейцев, но больше зарядов у него в ружье не оказалось, и он отчаянно пытался перезарядить его. Майлс старался прикрыть его и привлечь внимание индейцев к себе — он торопливо дважды выстрелил, но увидел вопящего воина, который, пригнувшись к спине лошади, поднял ружье, прицелился и выстрелил.

Мужчина в дверях согнулся и упал. Индеец снова поднял ружье, целясь в женщину, которая пыталась найти убежище, прижимая одного ребенка к груди и волоча другого за руку.

Неожиданно с противоположной стороны показался Роб, который на полном галопе скакал в самую гущу схватки с револьвером в руке. Прежде чем индеец успел нажать на курок, Роб застрелил его, но при этом оказался среди трех индейцев, а его красный мундир представлял собой отличную цель.

— Роб, не надо, назад! — Майлс не был уверен, что закричал.

Ружья загремели почти одновременно, и Майлс увидел, как Роб завалился в седле и рухнул лицом вниз на землю.

Майлс стоял теперь во весь рост, забыв, какую цель он собой представляет. В его ружье кончились патроны, и он стрелял из револьвера, отчаянно пытаясь попасть в сумасшедшего индейца с томагавком, который догонял женщину с детьми, добежавшую уже до сарая.

Томагавк обрушился на голову женщины как раз в тот момент, когда пуля Майлса нашла цель. Женщина рухнула на землю, и ребенок, которого она держала, вывалился из ее рук, как тряпичная кукла.

Оставались двое индейцев, они с кровавыми воплями скакали прямо на Майлса с ружьями наготове.

Он тщательно прицелился, уверенный, что сам он вне досягаемости их пуль. Майлс нажал на курок и индеец, в которого он целился, вскрикнул и свалился с лошади. Майлс пытался выстрелить в последнего индейца, скакавшего по направлению к нему, но патронов в револьвере не осталось. Он спрятался за Майором, когда визжавший индеец выстрелил в него и скрылся за гребнем холма.

Наступила неожиданная тишина, нарушаемая только истерическим плачем ребенка. Майлс вскочил на ноги как раз тогда, когда у Майора подкосились передние ноги, и большое животное рухнуло на землю. Майор был мертв.

Майлс быстро перезарядил свой револьвер, понимая, что индеец в любую минуту может вернуться. Он поспешил к тому месту, где бросил ружье, и его тоже перезарядил, а потом побежал во двор.

Здесь повсюду валялись трупы. Индейцы были мертвы, было очевидно, что такая же участь постигла и поселенца, но в отношении Роба Майлс не был уверен. Он взял Роба под

мышки, потащил к амбару и уложил его там за дверь. После этого он вернулся во двор посмотреть, что с детьми.

Мальчик сидел на земле, ошеломленный, и молчал, а маленькая девочка цеплялась за тело матери и вопила во всю силу своих легких.

Майлс взял их на руки и поспешил с ними в безопасность амбара. Девочка вопила и билась, как маленькое животное, не желая разлучаться с матерью. Майлс был вынужден прижать ее маленькое извивающееся тело к своему плечу, осматривая окрестности. Не было никаких признаков того, что индеец возвращается. Майлс опустился на колени рядом с Робом и тут же понял, что молодой констебль мертв.

Его отчаянная храбрость спасла жизнь девочки, бившейся на руках у Майлса, и мальчика, молча сидевшего в углу амбара, где оставил его Майлс. Глядя на веснушчатое молодое лицо констебля, Майлс ощущал пожирающую его ярость на обстоятельства, которые привели Роба Камерона сюда, где он встретил свою смерть.

Уже многие годы индейцы не вступали на тропу войны и не убивали поселенцев. Майлс не сомневался, что эта трагедия связана с восстанием метисов.

Майлс долго стоял в дверях амбара, наблюдая и выжидая, но никаких признаков возвращения индейцев не было видно. Наконец маленькая девочка затихла, ее вопли сменились судорожными всхлипываниями на плече у Майлса. Дом был охвачен пламенем — это был единственный звук, нарушавший тишину. Все лошади убитых индейцев и конь Роба ускакали. Несколько цыплят кудахтали из-за загородки вдалеке, и никаких других признаков жизни не было.

Майлс подошел к мальчику и присел рядом, чтобы видеть его лицо.

— Как тебя зовут, сынок?

Глаза у мальчика казались безжизненными от потрясения, он сидел, крепко обнимая свои колени. Он посмотрел на Майлса, горло у него сдавило, когда он пытался ответить:

— Да... Данни.

— А как зовут твою сестру?

— Мисси.

— Ну, Данни, ты большой, сильный мальчик. Сколько тебе лет?

— Шесть. А Мисси только три. — Он сглотнул и спросил дрожащим голосом: — Вы из Конной полиции?

Майлс кивнул.

— Да, и кроме того я еще и доктор.

Данни обдумал этот ответ.

— Я должен называть вас «док»?

— Меня зовут Майлс, но ты, конечно, называй меня доком. Понимаешь, сынок, теперь мы с тобой должны заботиться о Мисси, мы ведь мужчины. Как ты считаешь, ты можешь сейчас помочь мне — посидеть на этой куче сена и подержать ее несколько минут? Мне нужно кое-что сделать снаружи.

Данни встал и пошел к тому месту, которое указал ему Майлс, и тот передал ему пухленькую девочку. Она зарыла свое личико в его грязную фланелевую рубашку, сжала ручонкой край рубашки и снова принялась плакать, тихо и безнадежно. У нее были длинные вьющиеся рыжеватые волосы, такие же буйные и непослушные, как и у Пейдж.

Майлс судорожно глотнул воздух, глядя на этих двух детей.

— Она хочет маму, — произнес Данни безутешным голосом.

— Я даже не могу выразить словами, Данни, как я сожалею о том, что случилось с твоими родителями.

Майлс потрепал соломенные волосы мальчика, переживая, что он не сумел каким-то образом спасти отца и мать Данни.

— Порой то, что происходит, кажется таким бессмысленным. — Майлс подумал о Пейдж и должен был сдержаться, прежде чем подбадривающе подмигнуть мальчику, укачивавшему сестру. — Данни, я хочу убедиться, что эти индейцы уехали, поэтому я должен на несколько минут оставить тебя и Мисси здесь. Но я быстро вернусь, так что ты оставайся тут. Договорились, сынок?

Данни кивнул, и Майлс выскользнул за дверь амбара, перебегая от одного прикрытия к другому. Он обошел амбар и все вокруг. Никаких признаков чьего-либо присутствия.

Он переходил от одного трупа к другому, подбирал ружья и патроны и складывал их за дверью амбара. Потом он найдет для всего этого безопасное потайное место.

Вернувшись на двор, он понял, что у него нет ни времени, ни сил на то, чтобы рыть могилы, но, памятуя о детях, он перенес тела их родителей под маленький навес, где хранились тележка и кое-какие инструменты, и уложил там покойников. Потом он перенес туда же труп Роба, закрыл ему глаза, пробормотал поспешную молитву, вышел и плотно закрыл дверь, приперев ее большим камнем.

Индейцев он оставил лежать там, где они валялись.

К задней стене амбара была прислонена лестница, он перенес ее к фасаду и вскарабкался по ней. Отсюда ему открывался вид довольно далеко в трех направлениях. Ни следа, ни одного живого существа, включая лошадь Роба.

Майлс спустился с лестницы и вернулся в амбар. Мисси уснула на руках у брата, но оба ребенка дрожали от холода. На них не было никаких пальтишек, только у Данни на ногах имелись ботинки, а Мисси была босая.

Майлс снял с себя запачканный кровью китель и закутал в него девочку, устроив для нее постель в стогу сена.

— Мы дадим Мисси поспать здесь, а у нас с тобой есть дела.

Он взял Данни за руку и повел на двор. Мальчик сразу же посмотрел туда, где остались лежать его родители.

— Я перенес твоих маму и папу туда, под навес, — мягко пояснил Майлс.

Глаза Данни наполнились слезами, но он кивнул головой.

— Мне нужна твоя помощь, сынок. Моего коня застрелили, и я должен подняться на холм и забрать седло и кое-какие вещи. Понимаешь, одно из правил полицейского заключается в том, чтобы никогда не оставлять ничего врагу. Я пойду вон туда. — Майлс показал в ту сторону, где лежал Майор. — От тебя я хочу, чтобы ты влез на эту лестницу и внимательно следил, не появится ли что-нибудь движущееся. Если ты что-нибудь увидишь, крикни мне, быстро спускайся и беги в амбар.

Данни вскарабкался вверх по лестнице, проворный, как кошка. Майлс побежал на склон холма. У него ушло немало времени на то, чтобы вытащить седло из-под крупа коня. Майлсу пришлось использовать нож, чтобы разрезать подпругу и высвободить седло.

В знак прощания он положил руку на мертвую голову коня. Майор был отличным и верным скакуном.

Майлс принес седло, седельные мешки, медицинскую сумку и скатанную постель к амбару.

— Ты хороший часовой, сынок, — сказал он.

Данни сполз о лестницы и помог Майлсу занести часть вещей в амбар.

Майлс развязал скатанную постель и завернул в нее Мисси, надев на себя свой китель, потом он вытащил из седельного мешка пальто из оленьей кожи и протянул его Данни.

— Одень, а то замерзнешь.

Данни просунул руки в рукава. Они свисали дюймов на восемь с его ладошек. Майлс закутал мальчика в пальто, повязав поверх ремнем от скатанной постели, рукава он подвернул насколько мог.

Майлсу казалось, что он здесь уже бесконечное количество часов, но он знал, что сейчас всего часа два пополудни. В уме он перебирал все возможности, как спасти свою жизнь и жизни этих двоих детей.

Он не сомневался, что индейцы рано или поздно вернуться, чтобы забрать своих убитых. Он должен как-то вывезти отсюда этих детей и как можно скорее доставить их в форт. Если здесь были шесть озверевших индейцев, вышедших на тропу войны, то есть все основания предполагать, что их будет еще больше.

При дневном свете Майлс и дети будут легкими мишенями в открытой прерии. Единственный шанс у них спастись — это пробираться ночью, но ночи все еще очень холодные, а у Майлса нет лошади. Если идти пешком, то дети могут умереть, прежде чем они доберутся до форта. Майлс проклял про себя лошадь Роба — она была молодая и пугливая, и очень мало шансов, что она вернется, как это сделал бы Майор при аналогичных обстоятельствах.

Идти пешком до форта с двумя маленькими детьми в ночной тьме почти невозможно. Необходимы какие-то средства передвижения.

— Данни, у твоего отца есть лошади?

Данни горделиво кивнул.

— У нас есть Коди, верховая лошадь, и еще Трупер и Бак, рабочие лошадки.

Лошади наверняка ускакали, испугавшись пожара, вместе с кобылой Роба и пони индейцев. Скорее всего, индеец, который спасся, поймал их и увел.

— Они были ночью в конюшне?

— Коди был в конюшне, а Трупера и Бака папа оставил на пастбище. — Слезы выступили на глазах у Данни, когда он упомянул отца, и он стряхнул их тыльной стороной ладони. — Папа всегда держал их там, — поправил он себя с несчастным видом.

— Где это?

В первый раз Майлс увидел легкий просвет надежды: а вдруг рабочие лошади все еще там?

Майлс посмотрел на спящую девочку. Она засунула пальчик в рот и крепко спала. Ему очень не хотелось оставлять ее одну, но брать ее с собой было нельзя: помешало бы ему двигаться быстро и попытаться поймать лошадей — если они все еще в пределах досягаемости.

— Мы оставим Мисси здесь, пусть она спит, а мы пойдем посмотрим, не сможем ли мы найти лошадей.

Майлс наполнил ведро овсом, взял уздечку, и они с Данни отправились.

Дорога шла между деревьев, и Майлс возблагодарил судьбу, что она даровала им прикрытие, он шел осторожно и так быстро, насколько успевал за ним спотыкающийся Данни, путающийся в длинном пальто, пока они не добрались до открытого пастбища с

прудом, стоячая вода в котором еще не совсем растаяла ото льда.

— А вот Трупер! Эй, Трупер, сюда!

Разволновавшийся Данни забыл наказ Майлса вести себя тихо, а лошадь услышала его голос и поскакала к нему. Майлс проворно накинул на нее уздечку. Второй лошади не было видно, и Майлс предположил, что она ускакала с остальными. Он посадил Данни на спину лошади, и они тронулись в обратный путь.

Майлс с облегчением обнаружил, что Мисси все еще спит. Он поставил Трупера в стойло и насыпал ему овса. Это заставило его вспомнить, что не мешало бы ему и детям тоже поесть. Он достал из своей седельной сумки сухие лепешки, и они с Данни принялись жевать их.

И вновь Майлс пожалел о пропаже лошади Роба. Из-за его медицинской сумки большую часть провизии вез Роб. Хижина и все, что в ней было, сгорели дотла. Майлс стал думать, и в голову ему пришла идея.

— Данни, у твоего папы есть погреб?

— Да, я покажу его вам.

Мальчик провел Майлса на задний двор к тому месту, где кусты были более густыми и отчасти маскировали двойные двери вровень с землей, служившие входом в холодный темный погреб.

Майлс открыл двери и шагнул внутрь, испытав огромное облегчение. Дети по крайней мере не будут голодны. Здесь лежали большие куски вяленого мяса, стояли банки с яблочным вареньем, висели связки сушеных ягод. Сушеные яблоки в плетеных корзинах вперемежку с картошкой и репой.

— Мы приготовим на обед хороший бифштекс, Дан.

Он припомнил, что в золе от сгоревшего дома видел железную кастрюлю. Горячая пища поможет им пережить предстоящую холодную ночь. Часть дома еще горела, и можно было использовать тлеющие угли.

— Вы умеете готовить, док? — В голосе Данни звучало сомнение, и Майлс кинул в его сторону насмешливый взгляд.

— Конная полиция должна уметь почти все, ты разве не знаешь об этом?

— У вас и у вашей жены есть дети, такие, как я и Мисси? Потому что если нет, то может быть, мы могли бы стать вашими детьми?

Майлсу потребовалось усилие, чтобы проглотить комок в горле.

— Это прекрасное предложение, молодой человек. Мы обсудим все позднее, а сейчас я хочу, чтобы ты не беспокоился насчет того, где вы с Мисси окажетесь, потому что я обещаю, что у вас будет дом, где вы будете вместе и счастливы.

Девочка спала, а когда она проснулась, то села и стала своими большими черными глазами следить, как Майлс и Данни готовят еду.

К тому времени, когда они кончили есть, начало смеркаться. Майлс оседлал Трупера, посадил Данни на его широкую спину, вручил мальчику Мисси, закутанную в одеяло. Потом сел сам, убедившись, что ружье можно легко достать, а револьвер заряжен и под рукой на бедре.

С наступлением вечера стало гораздо холоднее. Похоже было, что пойдет снег. Если они попадут в снежную бурю... Майлс с усилием выкинул эту мысль из головы.

Он взял Мисси у Данни, устроил ее поудобнее между собой и мальчиком и тронул лошадь.

Если повезет, они к рассвету доберутся до форта.

Майлс знал, что где-то там похитители Пейдж скачут на восток, если следы, которые нашел Роб, правильны.

С каждой милей, которая приближала его к форту, Майлс отдалялся от Пейдж.

Жива ли она еще, или они бросили ее тело где-то в прерии, избитое, изнасилованное?

Невыносимая боль сжимала его сердце. Он любит ее больше жизни, и вот теперь он потерял ее.

Он потерпел неудачу.

Пейдж, дорогая моя, прости меня!

С каждой милей, которую они одолевали, температура, похоже, падала еще на один градус. Начался дождь, он перешел в дождь со снегом, а потом пошел снег.

Замерзшая и промокшая даже в одеяле, Мисси тихо плакала, но Данни ни разу не пожаловался.

Темнота стала совсем непроницаемой, и Майлс мог только надеяться, что едет в правильном направлении.

В какой-то момент снег перестал падать, и небо прояснилось, появилась некоторая видимость. Майлс, прижимавший руками двух озябших детей, боролся со сном, который одолевал его по мере того, как тянулись ночные часы, и монотонный шаг лошади просто усыплял его.

Потом он увидел, как пламя осветило небо, наверное, горела хижина какого-нибудь поселенца. Теперь Майлс сбросил с себя сонливость и держался настороже, выглядывая любой признак индейского лагеря.

Перед рассветом поднялся сильный ветер, и Майлс начал волноваться, как перенесут Данни и Мисси такой резкий холод. Дети дрожали, хотя он и прижимал их к своему телу и старался укрыть их хоть в какой-то мере от ледяного ветра.

Облегчение он испытал, когда вскоре после рассвета увидел огоньки в домах Баттлфорда.

— Уже почти все, молодежь, — пробормотал он. — Продержитесь еще немного, и скоро я вас накормлю, высушу и найду вам теплую одежду.

Данни проснулся и выпрямился, глядя туда, куда показывал Майлс.

Они проехали еще с полчаса, когда мальчик сказал:

— Док, похоже, что там пожар.

Майлс уже натянул поводья и остановил Трупера. Он в ужасе смотрел на языки пламени, вздымавшиеся над городом, и сердце у него упало.

Это могло означать только одно.

Как и предсказывала Пейдж, Баттлфорд был осажден.

Майлс объехал город стороной, подобравшись к форту с тыла. На это ушло два часа, наступило уже утро, и снова пошел снег, когда широкие ворота распахнулись, чтобы они могли въехать. Форт был битком набит лошадьми и фургонами поселенцев.

— Найди кого-нибудь, кто позаботится об этих детях, — приказал Майлс подбежавшему констеблю, снимая Мисси и Данни с лошади. Потом сам спешился. — Им нужно...

— Я позабочусь о них, Майлс.

К ним подбежала Клара Флетчер с одеялами и схватила у него Мисси. Она завернула ее в одеяло, а другое бросила констеблю, который держал на руках Данни.

— Сегодня рано утром приехал полицейский и сказал нам, что отряды индейцев убивают поселенцев. Мы тут же поехали в форт, и я только что услышала, что Пейдж пропала. — Она прижимала девочку к себе. — Вы ее не нашли? — В голосе Клары звучал страх.

Майлс только покачал головой, и Клара закусил губу, чтобы не расплакаться, и поторопилась прочь с детьми.

В Батоше маленькая группа метисок собралась в кухне, стараясь не вздрагивать от то и дело раздающихся ружейных выстрелов и взрывов артиллерийских снарядов, но Пейдж понимала, что они так же напуганы и нервничают, как и она. Некоторые из них молча молились — у них только губы шевелились.

У Пейдж болело сердце за них. У них, как и у нее, многое было поставлено на кон — их сыновья, мужа и братья находились в гуще битвы.

Майлс — хирург, и если идет сражение, то, она знала, он на поле битвы, как и любимые мужчины этих женщин. Сегодня эти мужчины подвергались опасности быть разорванными на клочки снарядами, которые подвезли англичане, чтобы сражаться с армией метисов.

О Боже, как она тоскует по Майлсу! Не проходит и часа, чтобы она не думала о нем, не тосковала. Много раз она обдумывала пути побега, но при этом понимала, что никогда не сможет одна преодолеть сотню миль, отделяющих Батош от Баттлфорда.

Она знала, что восстания индейцев вспыхивают повсюду. Барабаны войны гремят, и каждый белый подвергается опасности. Были уже несколько ужасных случаев, когда индейцы нападали на белых поселенцев и убивали их.

— Выпей это, Джиджет, это поможет твоему животу. — Мадлен протянула настой, приготовленный ею, Марджерите, молодой беременной жене Пайела.

Марджерита, которую все ласково звали Джиджет, уже дважды выбегала из дома из-за приступов рвоты, вызванной волнением о битве, разворачивающейся менее чем в двадцати милях отсюда.

Она должна родить через месяц, и Мадлен волновалась из-за ее рвоты. У самой Мадлен детей не было, но она была крестной матерью множества детей этой деревни.

— Джиджет, ты не должна сейчас так волноваться, ребенок у тебя в животе должен быть спокоен, так ведь, мадам доктор?

Мадлен улыбнулась Пейдж, ее ясное смуглое лицо выражало симпатию, возникшую между этими двумя женщинами за месяц, прошедший с того дня, когда Пейдж появилась у нее на пороге.

Мадлен никогда не относилась к ней как к пленнице. Скорее она вела себя как любящая мать, какой никогда не знала Пейдж.

Пейдж ответила ей успокаивающей улыбкой, хотя была серьезно озабочена ребенком Джиджет. Пейдж убедилась, что и Джиджет, и Мадлен, и некоторые другие женщины-метиски больны легочным туберкулезом, так же как и некоторые из детей, тихо игравших в другой части дома.

Она делала все, что в ее силах, рассказывала им про эту болезнь, подчеркивая необходимость в здоровой пище, свежем воздухе, а самое главное — в тщательной стерилизации всех тарелок и приборов, используемых болеющими, чтобы предотвратить передачу бактерий другим.

Но, даже давая им врачебные советы, она понимала, что эти бедные люди не могут выполнить ее предписаний: многие из них потеряли свои дома, продукты были на исходе.

Пейдж приходила в ярость, когда слышала о сожженных и разграбленных домах, о разворованных запасах продовольствия, о похищенных вещах. По ее мнению, с английской армии следовало бы спросить за ее поведение на фермах метисов.

Знакомое чувство отчаяния и бессилия охватывало Пейдж, но она ничего не могла сделать для больных метисок и их детей — средств борьбы с туберкулезом еще не изобрели.

— Будет лучше, если ты доносишь полный срок, — попыталась она улыбнуться.

Улыбаться было трудно по нескольким причинам — тут и тревога за исход битвы, беременность Джиджет и вдобавок еще то обстоятельство, что у нее сегодня утром начались неполадки с животом. Впрочем, она ощущала что-то неладное уже в течение трех недель.

Она подумала, что, возможно, здесь бродит вирус, вызывающий тошноту и у нее, и у Джиджет.

Но, с другой стороны, остальные женщины не оказались подвержены этому вирусу. Они проворно бегали вокруг стола и печки, переставляя кастрюли и перемешивая тесто, лица у них были мрачными.

В кухне было слишком жарко, она вся была насыщена запахами хлеба и вареной фасоли, запахами, которые должны быть приятны, а они вместо этого вызывали у Пейдж тошноту.

Последние недели Мадлен Дюмон собирала женщин, чтобы они готовили еду, какую еще можно было достать, раздирали простыни на бинты, стирали и штопали одежду для оборванных воинов, из которых ее муж собирал армию.

Ожидание для этих женщин становилось невыносимым. Когда они вместе трудились, им было легче переносить эту тревогу.

Сегодняшняя битва была не первой, которую переживали эти женщины. С тех пор как Пейдж попала в Батош, она видела столько боевых ран, что она и счет им потеряла, включая рану глубиной в четыре дюйма на лбу Габриэля Дюмона, которую ей пришлось обрабатывать без всякой анестезии, — небольшой запас хлороформа, привезенный ею с собой, она берегла для более тяжелых случаев.

Габриэль перенес боль молча, стоически. Пейдж никогда не встречала людей такой физической выносливости, как эти метисы.

Раны, с которыми ей приходилось иметь дело, были результатом стычек с англичанами, которых они рассматривали как врагов. Пейдж с болью в сердце смотрела, как мужчины после таких схваток приносили тела своих убитых товарищей, — уже шесть мужчин и один мальчик умерли, а конфликт только разгорался.

Сегодняшняя схватка происходила всего в двадцати милях отсюда, у оврага, называемого Фиш Крик, и Пейдж понимала, что это больше чем стычка. Английская армия продвигалась к Батошу, а Дюмон с добровольцами индейцами и метисами пытался остановить их.

Как только у нее пройдет эта изнурительная тошнота, она должна проверить свои скудные запасы медикаментов и поручить женщинам разрезать и прокипятить побольше перевязочных материалов.

Вот уже неделю разведчики появлялись в большом белом доме в Батоше, где Дюмоны и Пейдж жили с Райелом и его семьей.

— Англичане собрали большую армию, — докладывали перепуганные разведчики, — говорят, у них пять тысяч солдат, девять пушек и новое оружие — пулеметы Гатлинга. Они уже движутся по прерии по направлению к Батошу.

Габриэль и Луи молча выслушали разведчиков, и, когда те ушли, они проспорили всю

ночь. Пейдж уже достаточно хорошо знала Габриэля Дюмона и Луи Райела. Оба они не делали секрета из своих планов, и Пейдж не раз слышала, как они постоянно спорят о военной стратегии.

Эти два сильных лидера ни в чем не соглашались друг с другом.

Дюмон считал, что единственная надежда метисов на партизанскую войну, основанную на боевой тактике индейцев. Этот метис, опытный охотник на бизонов, прекрасно знал всю здешнюю местность и знал, как в ней укрыться. Наступающая армия, вероятнее всего, возглавляемая каким-нибудь пожилым британским генералом, ничего не знала ни об индейской тактике войны, ни о здешней пересеченной местности. Габриэль, несмотря на подавляющее превосходство противника в численности, считал, что их можно разбить.

Райел, мистик, верящий в Бога и в молитвы и весьма осторожно относившийся к сражениям, отказывался даже обсуждать такой способ ведения войны.

— Мы можем столкнуться с такой опасностью, что будем стрелять в наших франко-канадских друзей в их армии, — говорил он Габриэлю.

— Но они присоединились к англичанам, чтобы убивать нас, Луи, — гремел раздраженный голос Дюмона.

— Все равно, они — наши братья, — настаивал Райел со своей извращенной логикой, которую не могла понять даже Пейдж. — Я должен помолиться Богу. Мы должны подождать, пока солдаты не атакуют нас. Тогда, с Божьей помощью, мы победим.

Райел был человеком увлекающимся, погруженным в свои раздумья, мечтателем, который, казалось, никогда не спал. Пейдж всю ночь слышала, как он ходил по своей комнате.

У Пейдж у самой разладился сон. По ночам чувство одиночества, страхи, тоска по Майлсу усиливались. Эта тоска стала ее постоянной болью, но в ночной темноте она не могла заставить себя не думать о том, что, возможно, больше не увидит его. Разум подсказывал Пейдж, что ей очень повезет, если она переживет это восстание.

Хотя она точно знала, что метисы никогда сознательно не причинят ей вреда, она помнила из истории, что будет жестокая битва именно здесь, в Батоше, что метисы ее проиграют и множество людей пострадают.

Однажды ночью, уставшая, но не в силах уснуть, она зажгла свечу и прошла на кухню, чтобы подогреть молоко. Там она увидела Луи, сидевшего за кухонным столом и работавшего над текстом своей речи. Волосы его были взъерошены, его красивое мрачное лицо изборождено морщинами. Он ей улыбнулся.

— А, это вы, мадам. Присаживайтесь и скажите, что вы об этом думаете.

Он прочел ей вдохновенную речь, пока Пейдж согрела две чашки молока, одну из которых протянула ему, и отдала должное его речи, он был хорошим оратором.

— Скажите мне, Луи, что происходит в Баттлфорде? Вы ведь знаете, мой муж там.

Он выпил молоко, и в течение нескольких минут Пейдж думала, что он не намерен отвечать на ее вопрос. Потом он вздохнул и сказал:

— Наши братья, индейцы племени кри, присоединились к восстанию. Методы индейцев — не наши методы. Индейцы осаждают Баттлфорд.

Помоги ей Господь Бог, она это знала. Она говорила Майлсу, что это произойдет, но от этого было не легче. Слезы выступили у нее на глазах, и Луи молча перегнулся через стол и похлопал ее по руке.

— Почему вы не можете остановить это сейчас, Луи? — вырвалось у нее. — У вас есть

власть остановить войну. Поверьте мне, потом будет хуже. Вас слишком мало. Вы должны понимать, что в конце концов вы не можете победить. Остановитесь сейчас, прежде чем это перерастет в настоящую трагедию.

Она вся напряглась, ожидая взрыва с его стороны, думая, что он станет кричать на нее со всей страстью, которую она не раз слышала в его голосе, когда он обращался к своим верным последователям.

А он вместо этого грустно улыбнулся и покачал головой.

— Я молился, — просто сказал он. — Мы с вами оба знаем, что другого пути нет.

С тех пор как ее привезли в Батонж, Райел много раз говорил с ней, расспрашивая о той жизни, которую она вела в будущем времени, о том, как она путешествовала во времени. Он вновь и вновь выведывал у нее, что она знала про восстание и его исход. Пейдж всегда была с ним честна, повторяя те скудные факты, которые могла припомнить, всегда ужасаясь, что он не хочет узнать собственную судьбу.

К ее огромному облегчению, он не спрашивал. У Пейдж было ощущение, что он знает.

Он спросил с шуточной улыбкой:

— Ну и как люди в ваше время рассматривают наше восстание, эту нашу борьбу исконных жителей Канады против правительства, которое не хочет их выслушать?

Она сказала ему, что в ее время его считают героем, и ему это очень понравилось. Она рассказала ему о требованиях исконных жителей, выдвинутых в конце 1900-х годов, о медленном, но успешном пути, идя по которому, они вернули то, что им принадлежало.

— Кто бы мог поверить, — сказал он удивленно, — что это потребует столько времени? — Он посмотрел на нее, и ей показалось, что его огненный взгляд сжигает ее. — И все-таки в глазах Господа Бога день равен столетию. Вы ведь понимаете, мадам, почему я не могу сейчас остановить войну. Война должна продолжаться ради наших потомков. Такова моя судьба.

Пейдж не нашла слов, чтобы ответить ему.

Сегодня Джиджет с гордостью рассказала женщинам, что Луи молится за сражающихся мужчин, что молиться он начал еще до рассвета. Она стояла перед церковью под холодным дождем со снегом, неподалеку от того дома, где работают женщины, руки его расprostерты наподобие креста, лицо обращено к серому, низко нависшему небу. Он стоит не двигаясь, час за часом, и, когда его руки устают и готовы опуститься, друзья подходят и держат его руки на весу.

Ружья стреляли, пушки с ревом извергали смерть, Луи Райел молился, а женщины готовили из своих жалких запасов еду.

К концу дня в комнату, которую Пейдж оборудовала под хирургический кабинет, привезли двух раненых. Женщины собрались вокруг нее, чтобы помочь ей, но и услышать новости о сражении. Раны были несмертельные: у одного пуля засела в плече, у другого в бедре.

— Габриэль поджег траву, вам всем надо было бы посмотреть, как бежали ангесы, когда до них дошли пламя и дым, — рассказывал один из мужчин, пытаясь посмеиваться даже когда Пейдж отрезала кожу вокруг его раны. — Это большая победа, — говорил он, а лицо его стало белым как мел. — У Габриэля всего сто пятьдесят солдат, а ангесов сотни, и все равно мы победили.

Один из мужчин, которые привезли раненых, продолжил рассказ:

— Габриэль скомандовал нам пробираться под прикрытием дыма и подобрать все

оружие и снаряжение, которые они бросили при бегстве. Мы кричали и пели, так что они думали, что нас гораздо больше, чем на самом деле.

— Сколько наших людей убито? — Мадлен оказалась единственной храброй женщиной, отважившейся задать этот вопрос. В комнате воцарилось молчание, а раненые посмотрели друг на друга и отвели глаза.

— Насколько можно судить, пять.

— Кто? — прошептала Амели, только недавно вышедшая замуж за парня, которого любила. — Пожалуйста, скажите кто?

— Мне кажется, что из Батоша один только Айзадор Тейлбо.

Айзадор был холостяк, и Пейдж увидела облегчение на лицах женщин.

— Один из погибших индеец, двое — метисы из Монтаны. А пятый — старик Арман Леклерк.

— Арман?

Нитки для зашивания швов выпали из ее рук. Пейдж знала: в том, что ее похитили и привезли сюда, частичная вина Армана, но она не могла заставить себя обвинять в этом старика. Она вспоминала, как добр он был к ней, когда она впервые попала в Баттлфорд, как вскапывал и следил за ее садиком, за ее цветами все лето.

Слезы застлали ей глаза, и она смахнула их рукавом, чтобы разглядеть разрез, сделанный ею для того, чтобы извлечь пулю.

— Пусть Господь Бог благословит и хранит их! — пробормотала Мадлен, перекрестившись.

Остальные женщины последовали ее примеру.

Когда поздним вечером усталые солдаты вернулись в селение, они ликовали. Женщины раздали скудную еду, а Пейдж перевязала небольшие раны, среди которых не было пулевых.

— Я считаю, что нашими успехами мы обязаны молитвам Райела, — выкрикивал Дюмон возбужденной толпе, собравшейся около их дома.

Пейдж оставалась в доме, стоя на коленях и разбирая кожаный саквояж с медикаментами. Один из метисов нашел его на поле боя, видимо, брошенный бежавшим военным врачом, и принес ей.

Она улыбнулась и с улыбкой глянула на Мадлен. Та принесла ей ломоть свежего хлеба и тарелку тушеного мяса.

Надоевшая тошнота, мучившая ее уже давно, теперь вызвала боль в животе. Пейдж знала, что за последнее время потеряла в весе.

— Вы должны заставить себя кушать, — пожурила ее Мадлен. — Как вы сумеете родить здорового ребенка, если не будете кушать? Вы знаете так же хорошо, как и я, что недомогание скоро пройдет, но вы должны беречь свои силы.

Пейдж воззрилась на нее в изумлении.

— Ребенок? Мадлен, но я не бере... — Это отрицание замерло у нее в горле, и она уставилась на метиску. Та часть ее мозга, где хранились медицинские познания, мысленно перебрала симптомы, которые беспокоили ее с тех пор, как она оказалась в Батоше.

Тошнота, быстрая утомляемость, болезненные ощущения в грудях, одутловатость, сонливость. У нее с декабря не было менструаций, но они вообще бывали у нее нерегулярно, так что Пейдж отнесла это обстоятельство за счет возбуждения от своего замужества, а потом похищения.

Беременна. Этого не может быть! Другие варианты, мрачные, ужасные, промелькнули в

ее мозгу, но она отвергала их один за другим. Ни один из них не подходил, за исключением...

Она начала заикаться.

— Я не могу... Я хочу сказать, что этого не может быть.

Но ведь врачи никогда не говорили, что этого не может быть, так ведь?

Они прибегали к таким выражениям, как «весьма маловероятно» и «вряд ли такое возможно». Она никогда не прибегала к противозачаточным средствам, но в то время, в девяностых годах, у нее не было особых причин беречься, она занималась сексом весьма редко.

Пока в ее жизни не появился Майлс.

Сердце ее застучало, а руки потянулись к животу. При ее общей худобе там прощупывалось некое набухание.

Ее начало трясти. Она поднялась, и у нее неожиданно закружилась голова. Мир вокруг потемнел, и она почувствовала, как Мадлен подхватила ее, провела к столу и усадила так, чтобы ее голова оказалась между колен.

Пейдж осела, словно в ее теле не было костей, мир закрутился. Постепенно эта слабость прошла, и она подняла глаза на Мадлен.

Та стояла, возвышаясь над ней, поддерживая ее, гладила ее волосы, нежно улыбаясь ей.

— Вы на самом деле ничего не знали? А еще доктор!

У Пейдж стали медленно накапливаться слезы и одна за другой стекать по щекам. Мадлен полезла к себе за пазуху и достала белоснежный носовой платок, всегда там обретавшийся, и нежными прикосновениями вытерла лицо Пейдж.

— Вы не хотели этого ребенка?

В голосе Мадлен звучала грусть, ее смуглое лицо хмурилось. Она пододвинула стул, села и взяла руки Пейдж в свои.

— О нет, я хочу этого ребенка, но тут есть такие обстоятельства... О Мадлен, я так хочу ребенка, что не могу и передать это словами. Понимаете, я потеряла ребенка, давно, очень давно... задолго до того, как я появилась в вашей эпохе, и я думала... все врачи говорили мне, что у меня детей больше не будет.

Мадлен улыбнулась и философски пожала плечами.

— Это означает только одно — что доктора и в ваше время не всегда все знают.

Пейдж постаралась выдавить из себя слабую улыбку.

— Это уж точно.

— Я тоже потеряла моих детей. — В голосе Мадлен звучала нежность. — Двое маленьких, оба они не прожили и одного дня. — Она достала маленький медальон, который всегда носила, и показала Пейдж несколько локонов мягких волос. — Вот это все, что у меня от них осталось.

Она закрыла медальон и опустила за вырез своего платья.

Пейдж сжала огрубевшую от работы мозолистую руку Мадлен.

— Это так больно — потерять ребенка. Я даже представить себе не могу, каково это потерять двоих.

Мадлен склонила голову.

— Габриэль и я, мы оба так хотели иметь детей. Но такова была воля Божия.

— Хотела бы я относиться к смерти так же философски, как вы.

— Каждый из нас приходит к этому своим путем, в свое время. — Мадлен улыбнулась

ей. — Но сейчас для вас не время думать о смерти. Ребенок у вас будет замечательный, я чувствую это всеми своими косточками.

— Я надеюсь, что ваши косточки будут в целости и сохранности.

Пейдж глубоко, почти судорожно вздохнула, стараясь скрыть возбуждение, нарастающее в ней.

Она не хотела говорить Мадлен, как мало шансов на то, что ребенок выживет. Она была слишком хорошим врачом-гинекологом, чтобы не обманывать себя.

Жестокая правда заключалась в том, что эта беременность таит в себе реальную возможность ее смерти, так же как и ребенка: благодаря сложностям с ее первыми родами эти роды могут произойти только с помощью кесарева сечения, и, если она выйдет живой из передряги с этим восстанием, проделать его должен будет Майлс.

При первых родах у нее было сильнейшее кровотечение, потребовалось переливание крови. Даже при тогдашних самых современных возможностях медицины ребенок умер.

Какие же будут возможности у нее и у ребенка выжить в это время и в этом мире, когда они еще понятия не имеют о кесаревом сечении и никто, кроме нее, ничего не знает о переливании крови?

Подавленная, охваченная ужасом, она согнулась, ее руки поглаживали хрупкую плоть, которой она и Майлс дали жизнь, ради спасения которой она готова отдать все, что в ее силах, даже собственную жизнь.

Ребенок... Она и Майлс своей любовью друг к другу зачали новую жизнь. Как никогда раньше она затосковала по своему мужу, ей так захотелось поделиться с ним этим чудом, чем бы оно ни закончилось. Потребность в Майлсе превращалась в агонию.

— Майлс, — вслух простонала она. — О Майлс, ты мне так нужен, я ужасно нуждаюсь в тебе!

— Ш-ш. — Мадлен погладила ее волосы, давая возможность голове Пейдж успокоиться на ее коленях. — Скоро война кончится. Сегодня метисы победили, одержали великую победу. Они победят еще раз, и англесы отступят. Правительство признает наш народ, и наступит мир.

Ее голос звучал нежно и гордо, как всегда, когда она говорила о своем муже.

— Так мне сказал Габриэль. Он обещал мне, что вам не причинят никакого вреда. Вы заложница — во время войны метисы всегда брали заложников для обмена. Но как только будет одержана окончательная победа, вас в целости и сохранности вернут в Баттлфорд к вашему мужу. Габриэль дал слово.

Мадлен ошибалась. Пейдж подумала о последней кровавой битве, которая произойдет здесь, в Батоше, о которой она помнила из учебников истории, и дурное предчувствие заставило ее вздрогнуть. Скорее всего, они все погибнут в этой битве за Батош. Метисы потерпят поражение, Райела его мечты приведут на виселицу, Габриэль сбежит в Соединенные Штаты. Она напрягла свою память, пытаясь вспомнить, читала ли она о том, что случилось с Мадлен, но ничего вспомнить не могла.

Она должна остановить это, с безумной решимостью подумала Пейдж.

Однажды она сказала Майлсу, что историю нельзя изменить, но, может быть, она ошибалась. Она должна сделать последнюю попытку убедить Луи Райела, что он должен сдаться до того, как произойдет то последнее кровавое поражение, которое зафиксировала история.

Она подняла голову с колен Мадлен и встала.

— Я должна немедленно поговорить с Луи.

Мадлен, нахмурившись, посмотрела на нее.

— Он там, с народом. Он все еще произносит речи.

— Я подожду.

Должны же быть какие-то пути образумить его! Она просто должна живой вернуться в Баттлфорд!

В ту же ночь она говорила с Райелом, сначала спокойно, вновь ссылаясь на то, что помнила из учебников истории о битве при Батоше, о кровопролитии и окончательном поражении метисов.

Райел слушал ее не двигаясь.

— Мы должны продолжать, — единственное, что он сказал.

В конце концов она утратила всякое терпение и заорала на него, что, если он будет продолжать это восстание, его повесят. Он посмотрел на нее с грустной всеприемлющей улыбкой жертвы.

— Конечно, меня повесят, мадам, — сказал он так, словно разговаривал с ребенком.

— Ладно, прекрасно, продолжайте и кончайте самоубийством, если вы выбрали себе такую судьбу, — бушевала она. — Только не тяните с собой всех нас. Вы хотите умереть — это ваше дело, но вы не имеете нрава заставлять всех этих женщин и детей страдать ради ваших безумных идей. У вас есть двое детей, Джиджет в любое время должна родить вам третьего, вы должны эвакуировать сейчас город, отправить женщин и детей куда-нибудь в безопасное место.

Он просто прикрыл глаза и начал молиться — таков был его ответ почти на все. Она почувствовала себя так, словно ударила его по голове чем-то тяжелым.

Она напомнила себе, но слишком поздно, что Луи Райел душевнобольной, по всей видимости, у него шизофрения. Разумные доводы на него не действуют.

Спустя семнадцать дней, перепуганная до полусмерти, свернувшаяся на холодном грязном полу рядом с мучающейся Джиджет, Пейдж в отчаянии вспоминала все, что она высказала в ту ночь Райелу, гадая, что еще могла сказать, чтобы урезонить его.

Вероятно, ничего, в отчаянии признала она.

После ее обращения к Райелу двенадцать дней прошли в Батоше в зловещей тишине.

Метисы праздновали, уверенные в том, что они победили врага.

Потом стали прибегать разведчики с донесениями, что английский генерал приближается к деревне с восемьюстами пятьюдесятью солдатами.

Габриэль собрал армию в двести пятьдесят человек — жалкое сборище из стариков, мальчишек, индейцев и его верных охотников на бизонов. У Дюмона не хватало боеприпасов, но он обладал умением воевать в прерии, и в течение двух дней он каким-то чудом отражал атаки противника. Его люди вынуждены были заряжать свои мушкеты обрезками лошадиных копыт и даже камнями.

Женщин и детей, в том числе и Пейдж, отправили в песчаные пещеры на берегу широкой реки Саскачеван.

По ночам, когда ружья молчали, многие женщины и все дети постарше выползали, чтобы собирать на поле боя выстреленные пули, а потом до утра горбились на кострах, отливая из металла пули для мушкетов на завтра.

Голодные, все время кашляющие, но никогда не жалующиеся, они трудились ночи

напролет, невзирая на страдания и усталость.

Пейдж могла бы всплакнуть, глядя на их мужество, но ее слезы высохли. Она опять словно оцепенела, ее чувства оказались упрятыми где-то в безопасном месте, где трагедия не могла их коснуться.

В тесной сырой пещере на берегу реки на третье утро осады у Джиджет Райел начались родовые схватки.

Полночь уже миновала. Схватки у Джиджет продолжались уже более восьми часов каждые две минуты, и наконец Пейдж поняла, что та готова рожать.

Пейдж и Мадлен были одни с Джиджет — остальные женщины, сделав все приготовления для принятия родов, какие могли, ушли с детьми спать в соседнюю, более просторную пещеру. В одном из углов пещеры горел маленький костер, и дым от него душил Пейдж. Тени мелькали по стенам, как жуткие привидения, и где-то неподалеку лаяли койоты.

— Напрягись, Джиджет. — Мадлен держала молодую женщину за руки, а Пейдж склонилась у соломенной подстилки, стоя между ног у роженицы.

— Я не могу. — За еле слышным ответом Джиджет последовал стон, когда началась очередная схватка.

— Я уже вижу головку твоего ребенка, ты бы видела, какие у него прелестные темные волосики, напрягись еще разок, и он будет здесь, — уговаривала ее Пейдж. — Давай, Джиджет! — Она повысила голос и жестко приказала: — Еще один разок напрягись, вот сейчас!

Пейдж переполняло чувство нереальности происходящего. Святой Боже, что она делает, принимая ребенка в пещере? Эта женщина должна рожать в клинике, она не может вздохнуть достаточно глубоко, чтобы напрячься и вытолкнуть ребенка, между схватками она кашляет кровью, у нее такое неритмичное сердцебиение. Пейдж боялась, что Джиджет может умереть во время родов. Ее стоны все усиливались и перешли в вой.

— Выталкивай, очень хорошо, ну-ка еще, Джиджет, напрягись!

Головка ребенка показалась, его маленькое тельце медленно повернулось в нужное положение, и при следующей схватке маленькая девочка оказалась в подставленных руках Пейдж.

Девочка не плакала, и Пейдж принялась трудиться над ней с привычной отчаянной настойчивостью, вдывая воздух в это хрупкое тельце, возликовав, когда девочка издала слабый плач.

Однако все старания Пейдж в конце концов оказались напрасными, потому что через два часа после родов девочка Райела умерла.

В течение долгих часов после этого, дрожа от влажного холода раннего утра, Пейдж боролась, чтобы Джиджет не последовала за своей дочерью.

Вскоре после рассвета она убедилась, что Джиджет будет жить, но вид мертвого ребенка, лежавшего на одеяле на полу слабо освещенной пещеры, разрывал ей сердце. Она чувствовала себя раздавленной, лишившейся всякой энергии и надежды.

Мадлен обмыла девочку и завернула ее в чистый мягкий кусок фланели.

— Мне так хотелось спасти ее, — шепнула Пейдж Мадлен, когда они прибирали в пещере. — Должно же было быть что-то, что я могла сделать, чтобы спасти ее.

Мадлен покачала головой.

— Замолчите! — твердо приказала она. — Вы не Господь Бог! Вы сделали все, что могли, все, что мог сделать кто бы тут ни был, это все, что каждый из нас может потребовать от себя.

Она передала тельце ребенка матери и нежно погладила маленький безжизненный

сверток, который Джиджет прижимала к груди. Слезы медленно текли по ее худенькому лицу.

Как всегда в таких случаях, у Пейдж ожила память о ее собственном ребенке, и на какой-то момент при взгляде на ребенка Джиджет чувство потери вспыхнуло с новой силой.

Она знала, что и Мадлен сейчас вспоминает о своих умерших детях, но, как ни странно, ни одна из них не плакала.

Наверное, подумала Пейдж, обе они выплакались давно. Быть может, обе они понимали, что раны зажили, остались только шрамы.

Впервые Пейдж почувствовала себя неодинокой в своей печали. Когда умер ее ребенок и позднее, когда на руках умирали новорожденные, она всегда ощущала себя одинокой и виноватой.

Здесь, в этой мрачной пещере, она чувствовала себя хорошо, общество этих женщин утешало.

Снаружи доносился мерный шум реки, и это как-то успокаивало. Время от времени вспыхивающая перестрелка казалась далекой и несущественной, частью мужского мира войн и кровопролития.

Здесь, в этой мрачной пещере, женщины объединились в ритуале, более древнем даже, чем война, в ритуале рождения, смерти, грусти и наконец приятия.

Через некоторое время Мадлен взяла тело девочки и перенесла его на одеяло в угол. Она разожгла маленький костер и вскипятила немного воды, заварила чай, и три женщины выпили его.

Им совершенно нечего было делать, кроме как ожидать, когда кончится сражение. Джиджет заснула на своей соломенной подстилке, а Пейдж и Мадлен тихо разговаривали, вели обычный женский разговор — о своих семьях, друзьях, о своей жизни, — этот разговор вызвал улыбки на их лицах, увел их куда-то далеко от суровой реальности пещеры, битвы и мертвого ребенка.

В сумерках в узкий проход в пещеру проскользнул Габриэль, который принес с собой немного провизии и несколько одеял. Мадлен тихо заговорила с ним по-французски и показала на труп девочки. Он горестно покачал головой и перекрестился, потом развел руки, и Мадлен подошла к нему. Он прижал ее к себе, похлопав по спине грубоватым жестом, выражавшим утешение и любовь.

Его сверкающие глаза встретились с вопрошающим взглядом Пейдж, и он покачал головой.

— Все кончено, — сказал он по-английски с сильным акцентом. — Мы разбиты. Райел пошел во вражеский лагерь и подписал бумагу о капитуляции. Но без меня. Дюмон никогда не сдастся — они должны для этого сначала убить меня.

Пейдж окатила волна эмоций — облегчение от сознания того, что сражение закончено, смешавшееся с сочувствием к этому сильному храброму метису, который отчаянно сражался против превосходящих сил противника.

— Луи!

Оттуда, где она лежала, Джиджет услышала, что говорил Габриэль. Она снова и снова повторяла имя мужа, и Габриэль подошел к ней и опустился на колени.

— Я отвезу сейчас Мадлен на ферму моего отца, там она будет в безопасности, — сказал он Джиджет. — Луи просил, чтобы ты и дети отправились с нами. Я знаю, что тебе это тяжело, но мы должны спешить. — Его взгляд обратился на маленькое, завернутое в

одеяло тельце. — Я сделаю так, чтобы доставить этого ребенка к священнику для надлежащих похорон, но мы не можем ждать. Мы должны немедленно уехать.

Он обернулся к Пейдж.

— Мадам, вы свободны. Я благодарю вас за все, что вы сделали для моего народа. Генерал англесов сейчас в деревне. Я позабочусь о том, чтобы вы в целости и сохранности добрались до него.

— Там есть раненые, Габриэль? Сначала, если вы не возражаете, я сделаю для них все, что смогу.

— Мерси, мадам. Я буду вам весьма благодарен. Трое из моих верных метисов ранены, еще двенадцать убиты. Их отнесли в церковь, англесы всю остальную деревню сожгли.

Пейдж собрала остатки медикаментов, имевшихся у нее, а Мадлен помогала Джиджет встать и одеться. Обе женщины, слабые и плохо одетые, ужасно кашляли на холодном влажном воздухе. Пейдж взяла два одеяла из тех, что принес Габриэль, и набросила им на плечи.

Настал момент, когда Пейдж должна была прощаться с ними.

Она сунула маленький пакет с лекарствами в руки Мадлен — это было все, что она могла дать ей, и обняла эту женщину, которую полюбила, не желая отпускать ее к ожидавшей ее судьбе, про которую Пейдж знала, что она может быть только трагической. Слишком взволнованная, чтобы говорить, она несколько минут держала ее в своих объятиях.

Глаза Мадлен были полны слез. Она оторвалась от Пейдж и, повинувшись какому-то импульсу, сняла медальон, который всегда носила, и повесила его на шею Пейдж.

— Это на счастье вашему ребенку, — произнесла она дрожащим голосом. — С Богом, мой друг!

* * *

В середине мая в прерию пришла весна, и жители Баттлфорда начали оправляться от того месяца, который они провели в осаде. Пока они отсиживались за стенами форта, многие их дома и большинство ферм за пределами города оказались сожжены мародерами-индейцами.

Магазин Компании Гудзонова залива был разграблен и сгорел дотла.

Дом Пейдж, стоявший на холме и вдалеке от города, каким-то чудом оказался одним из немногих зданий, переживших осаду, которые остались нетронутыми, может быть, из-за своей близости к форту.

Майлс наезжал туда, но не мог жить там в одиночестве. Он снова занял свою комнату в госпитале и проводил там бессонные ночи, читая, меряя шагами комнату, стараясь думать или, наоборот, не думать о Пейдж.

Единственная для него возможность не сойти с ума была в том, чтобы не верить, что ее нет в живых. Он уверял себя, что ее держат заложницей и что когда восстание кончится, она вернется домой.

Несколько дней назад до Баттлфорда дошло известие о капитуляции Райела, значит, восстание закончилось.

А ее все не было. Днем и ночью Майлс ждал известий о ней. Он расспрашивал каждого раненого солдата, каждого разведчика, которые добирались до форта, не видели ли они ее или слышали что-нибудь о ней, но никто не мог ему ничего сообщить.

Настало время, когда надежда почти истаяла, и он пришел в совершенное уныние. Он проводил свои дни за писанием срочных рапортов комиссару с просьбой прислать медикаменты, одеяла, кухонные принадлежности, инструменты, кровати: командиры в форте отдали поселенцам все, что могли.

Майлс заставлял себя заниматься делами, ухаживать за ранеными, писать рапорты, следить за чистотой, занимаясь учетом всего того, что осталось в его аптеке, но голова его была занята совсем другим.

Он не мог избавиться от ужасного чувства, что напрасно ждет Пейдж, что она погибла где-то в прерии.

Это случилось перед наступлением вечера. Он шел по двору казармы, направляясь к резиденции комиссара, чтобы передать ему донесения, когда произошло какое-то движение у ворот. Он услышал окрик часового, после чего ворота открылись.

Двое всадников были мужчины. Майлс глянул на них и потом перевел взгляд на третьего всадника.

— Пейдж! — Его крик эхом разнесся по всему форту. — Пейдж!!!

Он выронил все, что было у него в руках, и бросился к ней.

Она соскользнула со спины Минни в его объятия.

Ему понадобились немалые усилия, чтобы удержать рыдания, лишившие его на время способности говорить, пока он держал ее в своих руках, он ощупывал ее голову, нежный изгиб ее спины.

Он поцеловал ее яростно, потом еще и еще раз, теперь уже нежно. Ее губы потрескались, лицо потемнело от солнца и ветра. Волосы сильно отросли и падали непослушными кудрями на плечи, ее лицо и руки были настораживающе худыми. Она трепетала, как осиновый лист, в его объятиях, ее руки обвились вокруг его шеи так, словно она собиралась никогда не отпустить его.

Она подняла голову, чтобы посмотреть на него, и сквозь слезы, струившиеся по ее лицу, она рассмеялась и сморщила свой загорелый веснушчатый нос, зеленые глаза огромны.

— Доктор, вы отрастили бороду. Вы должны побриться, а то она ужасно щекочет, когда вы целуете меня.

Его голос дрогнул, но он успел вернуть себе самообладание.

— Здесь ты командуешь. Я сейчас же побреюсь.

Спустя несколько часов они лежали в своей постели, сжимая друг друга в объятиях. Фитиль лампы был приспущен, и огонек бросал длинные тени на знакомую комнату. Своими телами они выстроили мост через то время, когда были разлучены, и теперь заполняли словами пустоты.

Майлс пытался уговорить ее отдохнуть, настаивая на том, что у них масса времени впереди на разговоры. У нее под глазами лежали темные тени, беспокоившие его, но, когда он стал просить ее заснуть, она продолжала говорить, и он понял, что ей необходимо выплеснуть весь ужас и страх последних недель. Вперемешку со слезами, путаными фразами она рассказала ему о Батоше, о Мадлен и о пещерах, о Джиджет и умершем ребенке, о трагическом поранении мужественных людей, которыми она восхищалась.

Майлсу оставалось только держать ее в своих объятиях, понимая, что ей нужно выговориться.

— А теперь ты должен рассказать мне, что происходило здесь, пока меня не было. Пожалуйста, Майлс, я должна все знать.

Он боялся этого момента, понимая, какую боль причинит ей, но было очевидно, что она не успокоится, пока он ей все не расскажет. В конце концов с тяжелым сердцем он приступил к рассказу.

Он рассказал ей о том дне, когда приехал домой и обнаружил, что она исчезла, и как Роб Камерон предложил ему свою помощь. Он начал запинаться, когда дошел до нападения индейцев и о детях, которые спаслись, и голос его стал хриплым, когда он описывал гибель Роба.

Она вздохнула и передернулась, как от удара. Он прижал ее к себе еще теснее, когда у нее потекли слезы.

— Он был мне таким дорогим, таким хорошим другом, — всхлипывала она. — Роб был первым человеком, которого я встретила в тот день в прерии. Он... он даже однажды просил меня выйти за него замуж.

Ее сотрясали рыдания.

— А что... что стало с детьми, Майлс?

— Клара и Тео взяли Данни и Мисси. — Он испытывал облегчение, когда мог сообщить ей что-то хорошее. — Клара настаивает на том, что Элли нужны братья и сестры, а не то она вырастет избалованным ребенком, хотя, судя по всему, Клара и Тео балуют всех троих малышей. Они очень хорошие люди, эти Флетчеры. Данни и Мисси не могли бы найти себе лучших родителей. Их дом оказался разграблен и сожжен, но хотя бы остался амбар. Они сейчас вернулись туда и занимаются весенними полевыми работами.

— Это замечательно!

Он почувствовал, что у него отлегло от сердца, но ее следующий вопрос заставил его сердце сжаться.

— Ты видел Танни? Как ее ребенок? Это мальчик, как мы предполагали? Она и Деннис приезжали в форт, когда осада была снята?

Майлс прикрыл глаза и попытался продохнуть, голос его стал ровным и пустым:

— У них мальчик, но Деннис Куинлан мертв, Пейдж. Его убили неделю назад.

И снова ее тело затряслось в его объятиях, он прижал ее еще тесней, стараясь смягчить удар, хотя сам он так и не мог смириться с потерей друга.

— Но почему, Майлс? Как это случилось? — Ее прерывистый шепот терзал его. — Почему индейцы убили Денниса? Он через свою женитьбу стал им родственником. Они не стали бы совершать такое против Танни, правда?

Он гладил ее плечи, задержав руку на ее груди и слушая неритмичное биение ее сердца.

— Тананкоа клянется, что это были не индейцы, любимая моя. — Его голос стал хриплым. — Она сказала мне, что те люди были белые. Она думает, что это были солдаты канадской армии. Они были в форме.

В нем снова поднялась ярость, и он перевел дыхание, чтобы сдержать желание найти этих людей, отомстить убийцам своего друга. Но армия, состоявшая из подонков, теперь распущена, люди разъехались, опознать их никто не может.

— Но почему?

Этот мучительный вопрос он задавал и себе.

— Танни говорит, что они издевались над Деннисом и убили его, потому что он женат на ней. Они называли его «обожателем индейцев». Они сожгли дом и все хозяйственные постройки и убили его, когда он пытался сопротивляться. Танни спряталась вместе с ребенком. Потом она села на лошадь и прискакала в форт, но, когда я привел ее к инспектору, чтобы завести дело по обвинению армейских людей, он не поверил в ее историю.

Майлс тогда чуть не ударил своего коллегу-офицера.

— Он решил, что Танни покрывает своих соплеменников. Все настроены против индейцев из-за убийства и грабежей, которые прокатились по всей округе. Когда Танни услышала то, что он сказал, она села с ребенком на своего коня и уехала в деревню Повелителя Грома. С тех пор она там.

— Ты ее видел?

Майлс кивнул.

— Я отправился в резервацию на следующий же день, чтобы посмотреть, не могу ли я чем-нибудь помочь ей. — Он вздохнул. — Она отказалась разговаривать со мной. Она разозлена, а сейчас у нее есть для этого и другие причины.

От продолжения этой истории его просто тошнило.

— Кроме того, что она потеряла Денниса, а инспектор назвал ее лгуньей, два ее кузена, молодые воины из ее деревни, арестованы канадской армией по обвинению в убийстве. Они находятся в тюрьме, здесь, в форте, ожидая казни. Их приговорили к повешению.

— О Боже! Майлс, это какой-то кошмар! А эти обвинения законны? Они на самом деле кого-то убили?

Он пожал плечами и вздохнул.

— Кто может сказать? Это была война. Индейцы, метисы, солдаты — все стреляли во всех. Я до сих пор уверен, что индейцев и метисов спровоцировали действия правительства. Канадская армия одержала победу, но это была не та легкая победа, как они ожидали. Я убежден, что они хотят сделать козлов отпущения из Повелителя Грома и тех двух индейских воинов. Я изложил все эти соображения в рапорте комиссару с просьбой помиловать их, хотя знаю, что на мой рапорт не обратят никакого внимания. — В голосе его были горечь и сарказм. — Естественно, что Конная полиция должна поддерживать армию. А Танни и ее народ преданы.

Между ними воцарилось молчание.

— Я должна поехать и повидать ее, Майлс. Немедленно!

Майлс провел пальцем по впалым щекам Пейдж, обеспокоенный тем, как плотно облегает кожа ее прелестные скулы.

— Не так сразу. Ты должна отлежаться в постели, пока я не увижу, что ты в состоянии путешествовать, — сказал он резко, не оставляя места для споров. — И поедешь ты только, если я смогу сопровождать тебя. Ты должна набрать вес, который потеряла. Меня беспокоит, что ты так похудела.

Он почувствовал, как у нее перехватило дыхание, а потом она вздохнула.

— Я теперь долгое время не буду толстой, Майлс. — Она взяла его руку и положила себе на живот, одновременно повернув голову так, чтобы смотреть ему прямо в глаза. — Прислушайся. Я уверена, что ты почувствуешь. О Майлс, я беременна. У нас будет ребенок.

На какое-то мгновение ее слова лишили его дара речи. Он был не в состоянии ни думать, ни дышать, ни реагировать. У него было такое ощущение, словно его ударили в

солнечное сплетение. Наконец он пробормотал:

— Но я... я не думал, что ты можешь забеременеть.

— Я тоже не думала. — Ее голос напрягся, и она резко отодвинулась от него, в ее голосе послышались обида и злость. — Мне очень жаль, если ты разочарован, Майлс. Наверное, я должна была употреблять те проклятые губки, которые я так щедро раздавала моим пациенткам.

— Замолчи! — Он притянул ее к себе, в голосе зазвучало бешенство. — Черт тебя побери, Пейдж, не будь такой скоропалительной дурой! Неужели ты хоть на мгновение могла подумать, что я разочарован? Я просто потрясен. Я никогда не мечтал, что у нас может быть ребенок. Ты говорила, что это невозможно, и не раз, и я поверил тебе.

Как он мог не заметить, когда они совсем недавно занимались любовью? Он чуть с ума не сошел от облегчения, что она вернулась. Он несколько удивился полноте ее груди при том, что вообще она похудела, но, когда он снял с нее последние одежды, она попросила его что-нибудь набросить на нее.

Он понизил голос, и страсть, которую он испытывал, заставила его голос дрогнуть.

— Моя прекрасная женщина, иметь тебя моей женой — это больше, чем я когда-либо мог мечтать. А иметь еще и нашего ребенка...

От этой мысли у него мурашки пробежали по спине. Он приподнялся, опираясь на локоть, и благоговейно положил ладонь на едва заметную округлость на ее животе.

— А как будет с родами, Пейдж? — Врач взял в нем верх над гордым отцом, и он нахмурился. — Ты говорила, что, когда ты в первый раз рожала, были серьезные осложнения. Как это повлияет на этот раз?

Она отвернулась от него, но он успел заметить страх в ее глазах. У него упало сердце.

— Пейдж? Скажи мне, не отстраняй меня. — Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть на него. — Мы в этом деле вместе. Я врач, так же, как и ты. Это наш ребенок. Если есть проблемы, мы можем обсудить их.

Она кивнула, по лицу пробежала дрожь.

— Все будет сложно. Наверняка придется прибегнуть к кесареву сечению. — Она заметила ужас на его лице и торопливо добавила: — Ты можешь проделать это, Майлс. Это сравнительно несложная операция.

Говорила она уверенно, но замаскировать свой страх она не могла.

Он прекрасно понимал, что она не договаривает. Кесарево сечение в будущие времена может стать повседневным делом, но сейчас, в его время, оно проделывается только в самых исключительных случаях, и при этом мать или ребенок чрезвычайно редко выживают.

У него нет образования, о котором рассказывала ему Пейдж, и тех возможностей. И оперировать самому собственную жену, собственный ребенок...

Воспоминания о Бет, о кровоизлиянии, которое он не смог остановить, о сыне, родившемся преждевременно, вспыхнули перед его взором. Как он может заставить себя разрезать Пейдж, вынуть ребенка из ее матки?

Он вздрогнул, и холодный пот заструился по его спине. Дурное предчувствие овладело им, хотя он заставил себя выдавить уверенную улыбку и запечатлеть на потрескавшихся губах своей жены нежный поцелуй.

— У нас еще много времени, чтобы подготовиться. Когда нашему ребенку придет время появиться на свет?

— В конце сентября или начале октября.

Всего пять месяцев. Он повернулся на бок и приспустил фитиль в лампе. Благословенная темнота укрыла их, он откинулся на подушку и устроил голову Пейдж на своем плече.

— Вместе мы справимся с этим, дорогая. — Ему потребовалось невероятное усилие, чтобы придать уверенность своему голосу. — Все, что ты должна сейчас делать, это отдыхать, есть и набираться сил на благо нашего ребенка. Сейчас имеет значение только одно — то, что ты вернулась ко мне в целостности и сохранности. — Он погладил ее по волосам, баюкая своим голосом. — То, что ты здесь, в моих объятиях, значит для меня все. А теперь спи, любовь моя.

Она вздохнула и устроилась поудобнее рядом с ним, ее рука на его груди, и вскоре он почувствовал, как ее тело совершенно расслабилось и она задремала.

А он долгое время лежал без сна, уставившись в потолок, сердце его стучало.

Он перестал верить в Бога, когда умерла Бет, но сейчас он закрыл глаза и старался припомнить, как надлежит молиться.

Майлс испытывал огромное удовлетворение от того, что Пейдж вняла его совету в течение нескольких недель стараться ничего не делать, а только есть и спать.

С наступлением июня лето завладело прерией, и дни стали жаркими.

Пейдж занималась пациентами, которые приходили к ней, но энергия, которая всегда была у нее через край, улетучилась. Ребенок, зревший в ее чреве, делал ее вялой и ленивой.

В первые же дни после своего возвращения Пейдж послала весточку Тананкоа, выражая ей соболезнование по поводу гибели Денниса и спрашивая, когда она могла бы приехать и увидеть Тананкоа и ребенка, но ответа не получила.

На вторую ее записку пришел короткий ответ: «Я вернулась к своему народу», — это был все, что написала Танни.

Как и предупреждал ее Майлс, было очевидно, что Тананкоа не хочет иметь больше ничего общего с кем-либо из белых. Огорченной Пейдж оставалось только принять решение ее подруги.

В начале июля в одну из жарких ночей Абигайл Доналд прислала к ней обезумевшего молодого мужа с просьбой как можно скорее приехать на отдаленную ферму, где жена этого фермера только что родила их первого ребенка.

— Люси просто истекает кровью, — бормотал муж. — Миссис Доналд просила вас поторопиться.

— Я еду с тобой, — заявил Майлс.

Он запряг лошадей в двуколку, которую недавно купили, они отправились в путь по прерии.

Эта дорога напомнила Пейдж ту ночь, когда Клара рожала Элли, и она понадеялась в глубине души, что нынешняя поездка кончится так же счастливо, как и та.

Но когда они с Майлсом вошли в маленькую спальню скромного домика, сердце Пейдж упало.

Новорожденная девочка лежала в колыбельке, не выкупанная, небрежно завернутая в одеяло. Абигайл, обычно хладнокровная и невозмутимая, была явно расстроена.

Молодая мать лежала без сознания, несмотря на все усилия Абигайл остановить этот поток, кровь хлестала из нее мощной струей, заливая постель и матрас, образуя лужицы на грубом деревянном полу.

— Роды прошли нормально, ребенок здоровый, — сообщила Абигайл, пока Пейдж и Майлс размывали руки в тазу, стоявшем в углу. — Послед вышел, но матка не сокращается. Я уж давала спорынью, но она не помогла.

Пейдж осмотрела молодую женщину. Та потеряла очень много крови и находилась в шоке.

— Мы должны срочно удалить матку, — решила Пейдж.

Всю оставшуюся часть ночи Пейдж и Майлс боролись за жизнь молодой женщины. С помощью Майлса Пейдж проделала операцию так быстро и искусно, как только было возможно, кровотечение остановили, но почти с самого начала стало очевидно, что Люси потеряла слишком много крови.

Она умерла вскоре после рассвета.

Пейдж и Майлс, подавленные, помогли Абигайл навести здесь кое-какой порядок. Они выкупали прекрасную девочку и вручили ее всхлипывающему отцу, потом Пейдж помогла обмыть и приготовить тело Люси для погребения.

Абигайл обещала оставаться там, пока овдовевший муж не найдет какую-нибудь женщину, которая поселится здесь и будет помогать с ребенком, и теперь, когда делать уже было нечего, Майлс и Пейдж уехали.

Некоторое время они молча ехали по прерии, потом Майлс спокойно спросил:

— Если бы это случилось в твое время, можно было бы что-то предпринять, чтобы спасти ее?

— Переливание крови, — сердито сказала Пейдж и стукнула кулаком по сиденью двуколки. — Все, что ей было нужно, — это паршивое переливание крови.

Упряжь позвякивала, птицы вокруг пели, суслики пронзительно свистели.

— Тебе потребовалось переливание крови, когда ты рожала?

Он задал этот вопрос как бы случайно, но Пейдж знала, насколько важен будет ее ответ.

— Да. Мне делали переливание крови. — Она оглядела прерию и вытерла пот со лба. — Но это вовсе не означает, что мне оно потребуется и на этот раз. — Голос ее звучал воинственно, маскируя страх. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что одни роды никогда не бывают такими же, как предыдущие.

Майлс остановил лошадей, закрепил поводья и обнял Пейдж.

Наступило напряженное молчание, потом он сказал:

— Я не могу сделать тебе кесарево сечение, Пейдж. Просто не могу. У меня нет никакого опыта, а ты сама знаешь, как рискованно для врача иметь дело с кем-то, кого он любит. Ты согласишься поехать и рожать в больнице в Торонто?

Она вырвалась из его объятий и в ужасе воззрилась на него.

— Ты с ума сошел? Ты знаешь не хуже меня, что я не доверю никому, кроме тебя, делать мне такую операцию. Здешние больницы находятся на самом примитивном уровне, ты сам говорил, что там очень высокий процент заражения и детской смертности. Я ни за что не поеду в больницу, чтобы там рожать.

Ее лицо вдруг сморщилось, и вся ее наигранная храбрость улетучилась.

— Я так боюсь, — застонала она. — Я вспоминаю те мои роды и, видит Бог, я так боюсь! Я хочу этого ребенка так сильно, как ничто другое. О Майлс, я не переживу, если этот ребенок тоже умрет. Я этого не переживу, и я не могу придумать, что предпринять, чтобы предотвратить это.

Ее плач перерос в примитивный вой, она повисла на Майлсе, плача, глотая воздух

открытым ртом. Майлс понимал, в каком она ужасе.

Он уже какое-то время назад знал ответ, хотя не позволял себе сформулировать его в словах.

Он достал носовой платок и прижал его к ее лицу.

— Ты должна попробовать вернуться в твоё время, дорогая.

Какой-то момент она не могла осознать, что он хочет сказать, и сердито посмотрела на него сквозь слезы.

Его голос был спокоен, до безумия разумен, но она видела, насколько напряжено его лицо.

— Я убежден, что если ты останешься здесь, один из вас или вы оба умрете. — Он провел по ее вспыхнувшей щеке пальцем, смахнув слезу. — Я предпочитаю потерять тебя, если ты вернешься в тот, свой мир, чем видеть тебя умирающей в этом мире, моя дорогая. Я попытаюсь найти путь, как отправить тебя обратно в ту твою, другую жизнь, чтобы у тебя и у ребенка был шанс.

— Но я... я не хочу возвращаться. — Комок ужаса застрял в ее горле. — Я не вернусь туда! Я хочу остаться здесь, с тобой. Вот и все!

Он зарылся лицом в ее волосах, закрыв глаза.

— Моя упрямая, невозможная жена, неужели ты не знаешь, как я хочу, чтобы ты была со мной? Неужели ты не понимаешь, что я готов отдать свою жизнь, чтобы жили ты и наш ребенок? — У него от волнения срывался голос. — Я думал и думал, и, когда эта бедная женщина только что умерла, я принял решение. Это единственная возможность спасти тебя и нашего ребенка.

Этот план, должно быть, давно созрел в его подсознании, потому что он оказался вполне оформившимся.

— Я намерен повидать Хромую Сову. Я буду просить ее отослать тебя в то, твоё время. Если она сможет это сделать, то, может быть, есть шанс, что ты и ребенок сможете вернуться ко мне. В конце концов один раз ведь это случилось, не так ли?

Он попробовал улыбнуться, но тщетно.

— Тогда ты должен отправиться со мной, Майлс. — Ее подбородок выдавал ее решимость, в глазах светилось упрямство. — Я соглашусь на это только в том случае, если ты будешь со мной.

Он ненадолго задумался.

— Я попробую. Я поговорю с Хромой Совой и попрошу ее, если это в принципе возможно. Но в любом случае ты, Пейдж, должна отправиться. Со мной или без меня, но ты знаешь, что это единственный наш шанс.

— Если ты не сможешь отправиться вместе со мной, заставь ее пообещать, что она вернет меня сюда.

Она не могла справиться с истерической нотой в голосе.

Теперь он улыбнулся ей грустной улыбкой, ранившей ее сердце.

— Даю тебе слово.

— Мне не казалось, что Хромая Сова сама совершает этот обряд. — Стыдясь своей недавней слабости, Пейдж постаралась улыбнуться, но без особого успеха. — Но вы, доктор, в любом случае должны быть готовы принять вашего ребенка.

Глаза у него стали затравленными.

— Если это случится, мы сделаем все, что в наших силах.

Она тронула пальцем медальон Мадлен, висевший у нее на груди.

— Божья воля, — прошептала она. — Мадлен сказала бы, что на все воля Божья. Ты же это веришь, Майлс?

Хромая Сова смотрела вдаль, ее тусклые глаза прятались в паутине морщинок, руки лежали на коленях.

Майлс сидел рядом с ней на траве, пот струился у него по спине и собирался под мышками, а он пытался побороть ощущение безнадежности, охватывающее его. Он должен найти способ пробиться сквозь стену ее молчания. Они сидели так уже более часа, и до сих пор Хромая Сова не отреагировала ни на одно его слово.

Как это ни было для него трудно, он вывернул всю свою душу перед этой старухой, рассказал ей о войне на Юге, о том, как он вернулся домой и обнаружил, что весь прошлый уклад жизни рухнул навсегда, все, кого он любил, умерли или, подобно его матери, оказались душевно разбитыми. Он поведал ей о Бет и о ребенке, и хотя эти слова больно резали его, описал, как они умерли, несмотря на все его старания спасти их.

Он рассказал ей о любви, которую обрел с Пейдж, о его мечте иметь ребенка, которого зачала Пейдж, о проблемах, связанных с рождением этого ребенка.

С таким же успехом он мог бы исповедоваться скале. Хромая Сова сидела молча, не двигаясь, во все время его монолога.

Даже не моргнув глазом старуха давала понять, что он назойлив, и он знал это — он пришел к ней, хотя она не хотела иметь с ним ничего общего.

Он должен был прийти к ней, имея что-то для торговли, сказал он себе, что-то, что он может предложить Хромой Сове в обмен на ее помощь. Индейцы очень любят торговаться. Надо найти что-то, представляющее для нее ценность, что он может предложить ей на обмен.

Ответ пришел сам собой. Это было опасно, но, похоже, ничто другое не даст результата. — Хромая Сова, твои внуки сидят в тюрьме в Баттлфорде по обвинению в убийстве.

Наконец-то старуха повернула голову и посмотрела на него. Она долго смотрела на него, прежде чем заговорила, тихо, взвешенно, брызгая слюной из беззубого рта:

— Моих внуков наказывают, а английские солдаты, убившие мужа Тананкоа, на свободе. Душа моей внучки болит, потому что люди одного с ее мужем народа отрицают правду и обвиняют индейцев в том, что сделали белые люди.

Майлс кивнул, признавая, что она говорит правду.

— Наша раса исчезает. Многих племен уже нет. — В голосе старухи было страдание. — Белые люди принесли нам болезни, которых мы раньше не знали, они убили наших бизонов не для еды, а ради потехи, они сделали нас пленниками на нашей собственной земле. Мой народ болеет, голодает, живет в холоде. У нас отняли наши охотничьи места. Никто нас не слушает, когда мы что-то говорим. Твои люди из Конной не стали слушать Тананкоа, так же как никто не выслушал моих внуков, когда они говорили, что они не убийцы, что они защищали свою деревню, когда английский генерал подкрался ночью и начал стрелять из пушки по нашим вигвамам.

— Все, что ты говоришь, это правда, и мне стыдно за мой народ, — признал он. — Что касается Тананкоа, я верю тому, что она говорит. Деннис Куинлан был моим другом, Хромая Сова, и, если бы я мог найти и наказать людей, которые убили его, я бы это сделал. — Голос его звучал сурово. — Но эти трусливые люди теперь далеко, они ушли вместе с армией, которая привела их сюда. — Он помолчал и потом решительно продолжил: — Я не могу

отомстить за убийство Денниса, но я могу помочь твоим внукам.

— Их приговорили к виселице.

Майлс очень осторожно выбирал слова:

— Может быть, у них есть шанс спастись, прежде чем это случится.

Она вопросительно глянула на него, и он встретил прямо взгляд старческих глаз.

— Я ничего не могу обещать, Хромая Сова. Я могу только попытаться. Мне очень нужна будет твоя помощь.

Она кивнула и снова стала смотреть на долину. Через некоторое время она сказала:

— Так и со мной. Я ничего не могу обещать, но, если ты сможешь освободить моих внуков, я в ответ постараюсь открыть ворота и послать твою женщину путешествовать между мирами.

Он глубоко вздохнул и сделал еще одну попытку.

— Ты можешь послать меня вместе с ней?

Она фыркнула и помотала головой, а все его надежды разлетелись в прах.

— Нет. Отправиться может только один человек, и к тому же ты мужчина. Это женский обряд, и только женщина может путешествовать между мирами.

— А вернуть ее обратно сюда, ко мне, ты сможешь?

Она пожала плечами.

— Я могу попробовать. Кто знает, может быть, Великий Дух позволит.

Это было меньше того, на что он надеялся, но большего он получить не мог. Оставался только один вопрос.

— Когда, Хромая Сова?

Времени оставалось немного. Уже наступил август, ребенок должен родиться через шесть недель. Если не случатся преждевременные роды.

Она опять пожала плечами.

— Когда придет время. — Она метнула на него испытующий взгляд. — Когда мои внуки будут на свободе. Хотя это должно случиться до морозов. Я дам тебе знать.

— А когда... когда ты сможешь вернуть ее сюда?

Она снова пожала плечами.

— Весной, может быть. Когда солнце снова прогреет землю и трава зазеленеет.

Нужно будет прожить целую зиму, прежде чем он хотя бы узнает, увидит ли он когда-нибудь ее или своего ребенка. Целая вечность ожидания!

Майлс поблагодарил ее и пошел вниз по холму в деревню. У него оставалось еще одно дело, и он надеялся, ради Пейдж, что оно будет удачным.

Он разыскивал Тананкоа и в конце концов нашел ее у ручья — она стояла на коленях и стирала белье. В колыбельке лежал толстощекий черноволосый мальчик с поразительно синими глазами, уставившимися на соседнюю иву.

Майлс знал, что Тананкоа слышит, как он подходит к ней, однако она не подняла головы или как-то дала понять, что знает о его присутствии. Она продолжала полоскать детское белье в чистой воде ручья.

Он поцокнул ребенку, который откликнулся прелестной улыбкой.

— Деннис гордился бы таким замечательным сыном, Танни, — спокойно произнес Майлс. — Я вижу, он унаследовал синие глаза отца и твои черные волосы. Он часть вас обоих, не правда ли? Все наполовину?

Она перестала полоскать белье, и, хотя и не взглянула на него, Майлс заметил, как

дрогнули ее губы и слезы потекли по щекам, когда он упомянул имя Денниса. Ему очень не хотелось причинять ей боль, но он не видел другого способа пробиться сквозь барьер, который она выстроила.

— Танни, этот прелестный мальчик наполовину индеец, наполовину белый. — Майлс старался вложить в свои слова всю остроту переживаний. — Ты не в силах изменить это. Он должен как-то научиться жить в обоих этих мирах, и ему туго придется, если ты заставишь его ненавидеть каждое белое лицо, потому что через некоторое время он узнает, что он наполовину белый. Ты хочешь, Танни, чтобы он думал, что часть его существа тебе не нравится?

Он ждал. Когда же она ему не ответила, он вздохнул и добавил:

— Пейдж и я — твои друзья. Позволь нам помочь тебе, помочь твоему сыну понять, что среди народа его отца есть люди хорошие — так же, как и плохие.

Ребенок издал тихий чмокающий звук, повернув голову чтобы проследить глазами за полетом бабочки.

— Как его зовут, Тананкоа?

— Деннис, — шепотом отозвалась она. — Свое индейское имя он получит, когда вырастет. А сейчас его зовут по имени отца. — Она вдруг вся согнулась, закрыв лицо руками. Плечи ее затряслись от рыданий. — Майлс Болдуин, иногда я думаю, что не смогу жить без него.

Майлс обнял ее за плечи, достал из кармана носовой платок и дал ей.

Когда Тананкоа немного успокоилась, он стал рассказывать ей о беременности Пейдж, о том, как Пейдж тоскует по ней и хочет увидеть ее ребенка.

— Привези ее сюда, — сказала наконец Тананкоа. — Скажи ей... — Голос у нее прервался. — Скажи ей, что я счастлива, что у нее будет ребенок. Скажи ей, что она моя подруга и мне ее тоже не хватает.

Майлс передал Пейдж слова Тананкоа, но не упомянул о сделке, которую он заключил с Хромой Совой, сказал только, что Хромая Сова согласилась попробовать устроить обряд.

Сам же он немедленно приступил к выполнению своей части соглашения.

Майлс слишком хорошо знал, что наказание за помощь в побеге арестованных индейцев, если его поймут, будет суровым. Его будет ждать военный трибунал, и скорее всего его приговорят к расстрелу. Но больше всего Майлса волновало, что если его замысел провалится, то это поставит под угрозу жизнь Пейдж и их ребенка.

Он выбросил из головы всякие мысли о возможных последствиях и стал изучать график охраны и выстраивать свои планы. Как гарнизонный врач, он отвечал за здоровье арестованных, и ему не доставило большого труда унести запасной ключ от двери камеры, где сидели индейцы. Сделать оттиск ключа в воске и тщательно изготовить копию потребовало гораздо больше времени.

Казнь была назначена на пятницу. В среду Хромая Сова посетила своих внуков и подсунула им ключ, который вручил ей Майлс. Она также передала им его инструкции насчет того, когда они должны им воспользоваться.

Определенная доза ипекакуаны в еду, которую приносили с кухни для стражников и арестантов на ужин, в четверг вызвала понос и рвоту, и, как он и планировал, Майлса вызвали к больным.

Он знал, что индейцы не прикоснутся к отравленной еде, но они прекрасно изобразили

отравление, хватаясь за животы и оглашая тюрьму громкими стонами.

Он раздал стражникам лечебный напиток, позаботившись о том, чтобы в стаканах, предназначенных для них, было сильное снотворное. Хромой Сове он сказал, чтобы лошади ожидали их в полночь за частоколом на задворках форта. Перелезть через стену для молодых сильных воинов будет детской забавой, а Майлс проинструктировал их о времени, когда стража совершает обход, и о том месте, где им будет наиболее безопасно карабкаться на стену.

Домой в этот вечер Майлс приехал несколько позже обычного.

Он занимался любовью с Пейдж нежно, прижимая ее к себе, пока она не заснула. Тогда он встал и вышел из дома, каждый нерв у него был натянут, мускулы болели от напряжения в ожидании звуков тревоги, которые могли донестись из форта.

Будет ли у индейцев достаточно времени, чтобы сбежать незамеченными? Огромная летняя луна плыла по небу, а Майлс отсчитывал минуты, а потом и часы. Царила тишина, и он постепенно начал успокаиваться.

Тревога началась перед самым рассветом, и Майлс мрачно усмехнулся, понимая, что побег удался. Внуки Хромой Совы уже давно находятся далеко отсюда.

Он вернулся в постель.

На следующее утро форт гудел от новостей.

Стража проснулась только в четыре часа утра, обнаружила исчезновение арестованных и подняла тревогу, но было уже слишком поздно ловить их, хотя разослали патрули и наняли лучших разведчиков искать следы беглецов.

Майлс немедленно отправился к инспектору и объяснил, что накануне вечером стража и арестанты были больны и что, возможно, из-за лекарственного напитка, который он им дал, молодой стражник спал более крепко, чем полагалось.

Майлс извинился и настаивал на том, что, если кого-то обвинят в побеге, он готов разделить вину. Он объяснил, что применил более крепкое снотворное, чем предполагал.

— Спали они или нет, но остается тайной, как эти дикари выбрались из камеры, — проворчал инспектор. — Цепь на месте, висячий замок в порядке, а камера пуста. Тут невольно задумаешься о колдовстве.

Стражника отпустили с легким выговором, а побег так и остался тайной.

Последовавшие за этим дни были горько-сладкими. Майлс знал, что вскоре придет сигнал от Хромой Совы, и каждую свободную минуту проводил с Пейдж.

Держась за руки, они гуляли по своим излюбленным тропинкам вдоль реки, наблюдая, как лето переходит в осень. Ребенок, которого носила под сердцем Пейдж, с каждым днем становился все крупнее, и они смеялись над тем, какой он растет большой и активный. Майлс настаивал на том, что это девочка, но Пейдж сказала, что она знает: это мальчик.

Они без конца обсуждали проблему, какое имя дать ребенку. Договорились, что, если это будет мальчик, они назовут его Александром, а если девочка — ей дадут имя Эмили.

По ночам, лежа без сна рядом со спящей женой, Майлс прижимал ладонь к ее возвышающемуся животу и слышал, как ребенок толкается и ворочается в ней, и слезы, которые он безжалостно подавлял при свете дня, текли по его щекам и увлажняли подушку.

В один из дней он запряг двуколку, и они поехали навестить Клару и Тео, захватив с собой много всякого домашнего добра, в котором, как они предполагали, Флетчеры могут нуждаться.

Майлс знал, что их друзья живут в амбаре, единственном строении, не сожженном индейскими грабителями во время восстания. Большая часть имущества Флетчеров была сожжена или разграблена, а учитывая, что у них, кроме Элли, появились еще двое детей, Майлс и Пейдж задумывались, как они там управятся.

Они въехали во двор ранним утром. Данни стремительно выбежал им навстречу из-под навеса, где он помогал Тео доить корову.

— Это док! — Его карие глаза горели от возбуждения, когда он бежал к двуколке с криком: — Тео, скорее, это док приехал! — Он задышался от волнения. — Представляете, док, наша кошка вчера ночью родила котят, четырех. Тео говорит, что каждый из нас, детей, может взять себе котенка и ухаживать за ним. Я покажу вам моего. Тео говорит, что это единственный среди них кот, он говорит, что мне нужен кот, потому что женщин в этой семье больше, чем мужчин.

Майлс засмеялся, помог Пейдж осторожно слезть с двуколки, потом потрепал мальчика по его соломенным волосам. Он познакомил Данни с Пейдж, мальчик застенчиво улыбнулся ей, его веснушчатое лицо выглядело открытым и счастливым.

Майлс смотрел на мальчика, припоминая трупы на дворе другой фермы, маленькую девочку, рыдавшую у тела убитой матери, и мальчика, изо всех сил старавшегося храбриться. Это было замечательно — видеть, каким стал теперь Данни.

Навстречу им шагал Тео, его бородатое доброе лицо расплылось в улыбке, и Майлс обратил внимание на то, как Данни подражает повадкам Тео, стоит, расставив ноги и засунув руки в задние карманы своих хлопчатобумажных брюк.

Клара с Элли на руках и с Мисси рядом уже бежала приветствовать их. Обе маленькие девочки были в одинаковых клетчатых платьицах с белыми воротничками. Клара, как всегда, занималась шитьем.

— Заходите. — Глаза у нее за круглыми стеклами очков засияли радостью, когда она увидела разбухший живот Пейдж. — Как я рада вас видеть! Кофе на столе, и я только что испекла целую кастрюлю имбирных коврижек.

Стол представлял собой доску, лежавшую на двух козлах для пилки дров, а стульями служили ящики, но было совершенно очевидно, что Клара, Тео и трое детей не были бы более счастливы в каком-нибудь особняке.

Элли и Мисси сидели на полу, болтая, как могут болтать только маленькие девочки, играя в матерчатые куклы, которые им сшила Клара. Данни прилип к Тео, выступая как старший брат, когда он делил между маленькими девочками тянучки, леденцы и конфеты из черной патоки, которые привезли Майлс и Пейдж.

Пейдж смотрела, как Майлс брал одну девочку за другой себе на колени, играл с ними, заставлял их хихикать. Она видела его нежную улыбку, когда он держал их. Она заметила, как следили его глаза за Данни, и обратила внимание на их мечтательное выражение.

Было даже больно осознавать, что он мужчина, который так любит детей.

Боль в ее сердце становилась просто невыносимой.

Она отдала бы все на свете, чтобы вручить ему их собственного ребенка. Чем ближе подходило время ее родов, тем меньше она хотела даже пытаться уйти отсюда.

Но чем больше становился ее еще неродившийся ребенок, тем яснее понимала она, что если не получит современного ей медицинского обслуживания, то и она и ребенок могут умереть.

Порой ирония всей ситуации заставляла ее рот кривиться в горькой улыбке. Она

вспоминала выражение, к которому ее партнер Сэм Харрис прибегал в таких случаях.

— Бедняга, — сказал бы Сэм, — он попался между скалой и твердой плоскостью.

Вот в таком положении она сейчас оказалась.

Попалась между скалой и твердой плоскостью.

Прошло еще две недели, и до родов оставался всего месяц.

Поиски бежавших арестантов прекратили.

Спустя два дня Хромая Сова прислала Майлсу сообщение. Пришла пора устраивать церемонию. Майлс должен привезти Пейдж к индейской деревне и оставить ее.

В ночь перед этой поездкой Пейдж говорила часами, пока они наконец не легли спать, пытаясь не заснуть в темноте комнаты, стараясь нарисовать Майлсу словесную картину того мира, в котором она окажется, если магия Хромой Совы сработает.

Майлс понимал, что все эти слова должны быть щитом против боли, страха, что они вот-вот расстанутся.

— И я никогда не рассказывала тебе про одноразовые пеленки?

— А что про них?

Майлс лежал, сжимая ее в своих руках, обнимая ее талию, тела их прижимались друг к другу так тесно, насколько позволял ее вздувшийся живот. Неродившийся ребенок ворочался между ними, толкаясь в своем теплом коконе.

Последние несколько недель они уже не занимались сексом, но в том, как они лежали вот так рядом, была глубокая чувственность.

Майлс прошелся пальцами по ее спине, взял в руку ее располневшую грудь, ставшую благодаря беременности такой налитой, что она уже не помещалась в его горсти, тронул пальцем ее висок, нащупал ее высокие скулы, прямой нос, упрямый подбородок, мягкое горло.

Он хотел запомнить ее на все те одинокие ночи, которые его ожидали.

— Их теперь перестали стирать, пеленки мягкие и хорошо облегают спинку ребенка, и они не разлагаются под воздействием микроорганизмов. Они близки к Велкро, я тебе рассказывала когда-нибудь про Велкро?

Он понятия не имел, о чем она говорит. Он уже какое-то время вообще не прислушивался к ее словам. Вместо этого он впитывал звучание ее голоса, его тембр, ее манеру выделять какие-то слога. Она засыпала, он мог судить об этом по тому, как ее мускулы медленно расслаблялись, а голос становился тише и менее различим.

— Это такой клеящийся материал... — Она еще теснее прижалась к нему. — Ты просто прикладываешь их друг к другу.

Она вздохнула и утонула в сне.

А ребенок внутри ее все время копошился.

Его ребенок. Он положил ладонь на низ ее живота.

Знай, что я люблю тебя, дорогой мой ребенок. Знай, что у тебя есть отец, который любит тебя и любит твою мать.

Он держал ее в своих руках, вкушая ее дремоту, двигаясь, когда двигалась она, чтобы ей было удобно лежать, обнимая ее, когда ее дыхание успокаивалось. Он держал ее, пока луна не пошла на ущерб и не забрезжил рассвет. Он оперся на локоть и внимательно рассматривал ее сонное лицо при сероватом свете утра.

Черные кудри, непослушные, как ветер в прерии, разметались по подушке. Золотистая

кожа с пунктиром веснушек поперек прямого носа. Глубоко посаженные глаза, зеленые, как первая весенняя трава. Длинные, загнутые кверху ресницы с золотыми от солнечного света кончиками, темные у основания.

Упрямый подбородок. Широкий розовый рот, спокойный во сне, рот, чьи очертания он знает так же хорошо, как свой собственный, поскольку исследовал каждый его дюйм своими губами и языком.

Его женщина. Его жена. Вся его жизнь.

Ему была ненавистна сама мысль, что надо ее будить, но солнце уже встало.

Он наклонился и поцеловал Пейдж в губы, и, прежде чем ее глаза открылись, ее руки обняли его и прижали.

— Я люблю тебя, Майлс.

Этот сонный шепот чуть не разорвал ему сердце.

Позднее этим утром на подступах к индейской деревне они попрощались. Тананкоа вышла встретить Пейдж и стояла на деликатном расстоянии в ожидании; сын ее был надежно привязан к спине.

Они поцеловались раз, другой, третий, они ни о чем не говорили, но, когда наступил момент расставания, Пейдж утратила контроль над собой. Она повисла на нем, слишком опустошенная, чтобы плакать, ее руки дрожали, обхватив его шею.

— Я не могу, Майлс, — неистово прошептала она. — Я не могу оставить тебя!

— Можешь. Должна. Будь мужественной, любимая! — Он положил руку ей на живот. — Поцелуй нашего сына от моего имени, ладно? Я увижу вас обоих, когда вы вернетесь весной.

Он достал из кармана кожаный мешочек с завязкой и повесил ей на шею поверх медальона, который она всегда носила. Тяжесть мешочка удивила ее.

— Ты однажды говорила мне, что деньги, которыми мы пользуемся, отличаются от денег твоего времени, но золото всегда в цене. Здесь золотые монеты — для тебя и нашего ребенка.

Его предусмотрительность, его спокойная уверенность проникли ей в душу, и она успокоилась.

Он помог ей слезть с двуколки и трогательным жестом взял ее руку и вложил в руку Тананкоа.

Он отдал им честь и улыбнулся так, словно оставлял ее в гостях у Танны на день и вечером придет и заберет ее.

Он сел в двуколку, взял в руки вожжи и поехал по плохо различимой дороге по траве прерии. Пейдж смотрела, как очертания его головы и плеч становились все меньше, силуэтом на ярко-синем фоне утреннего неба.

Обряд должен был состояться на закате солнца. Весь день Пейдж готовилась к нему и спала.

Ее провели в палатку, где Тананкоа помогла ей выкупаться, после чего ее тело натерли ароматным маслом. Ее одели в свободную белую блузу из оленьей кожи, достигающую колен, удобную, мягкую одежду, которая совершенно не вязалась с потертыми кроссовками на ее ногах. Майлс утром надел ей их.

— Они принесут тебе удачу, — сказал он. — Они привели тебя ко мне и вернут

благополучно обратно.

Перед Пейдж поставили большую миску мяса. После этого ей показали кучу бизоньих шкур и сказали, чтобы она отдыхала. Она настолько разнервничалась, что не в силах была даже прилечь, пока Тинни не дала ей выпить горьковатого на вкус чая. Должно быть, в нем содержался наркотик, потому что Пейдж после него проспала до конца дня.

Она чувствовала себя какой-то заторможенной и плохо ориентировалась, когда Тинни вывела ее и десять других женщин из деревни на дорогу. Эта длинная извилистая дорога по жару, как показалось Пейдж, вела через безжизненную прерию. Женщины тихо переговаривались между собой.

Солнце уже садилось, когда они дошли до большого круглого котлована. Хромая Сова сидела, скрестив ноги на одеяле, в самой глубокой части котлована и жестом показала Пейдж, чтобы та присоединилась к ней. Одеяло лежало в центре круга, четко выделяющегося в высокой траве прерии, диаметром в восемь футов. Внутри круга виднелся треугольник, и дрожь узнавания пробежала по спине Пейдж.

Это была точная копия того круга в пшенице, который послал ее сюда два долгих года назад.

Неуклюжая из-за беременности, Пейдж села рядом с Хромой Совой, стараясь найти положение поудобнее, мешочек с золотыми монетами оттягивал шею.

Хромая Сова стала учить ее.

— Загляни в свою душу и увидь мир, в который ты хочешь уйти. Убедись, что там дверь, и, когда придет время, пройди в нее.

— Но как я буду знать? — Пейдж почувствовала всю смехотворность этой ситуации и одновременно страх. Она, уже будучи на сносях, распласталась, как лягушка, внутри этого треугольника и круга.

Хромая Сова посмотрела на нее с отвращением.

— Доверяй своим чувствам.

Пейдж дотянулась и дотронулась до рукава старухи.

— Я должна точно знать, что мне нужно будет сделать, чтобы вернуться обратно сюда. Хромая Сова, ты должна вернуть меня сюда. Обещай мне, пожалуйста!

Лицо у старухи оставалось ласковым и бесстрастным, она пожала плечами характерным для нее жестом.

— Это боги решают, кому приходиться и уходить.

— Но скажи мне по крайней мере, что мне делать.

Хромая Сова начала раздражаться.

— Весной, когда солнце снова пригреет, найди такие ворота и сядь там, как сидишь сейчас, — выпалила она. — Определи время и место, будь уверена, что там есть дверь.

Пейдж чувствовала, что не может доверять ей.

— Но на этом конце ты сможешь мне вернуться сюда? Пожалуйста!

Хромая Сова сердито глянула на нее.

— Я дала слово. Я сделаю то, что сказала. А теперь успокойся, загляни в себя.

Хромая Сова встала и вышла из круга.

Женщины взялись за руки, и Хромая Сова запела гортанный, монотонный напев, они ей вторили.

Солнце садилось за горизонт, оно висело там огненным шаром, медленно уходя за горизонт.

Пейдж старалась делать то, что говорила ей Хромая Сова, но чувствовала себя неудобно. Она закрыла глаза и мысленно представила себе календарь, который всегда был на столе в ее кабинете, и она красным фломастером отмечала день, год.

Ничего не происходило. Она слышала пение женщин, ощущала дневной жар. Легкий ветерок иногда обдувал ее потный лоб.

Время шло, и страх понемногу уступал место скуке. Ее тело начало побаливать от сидения на жесткой земле. Какое это было безумие с ее и Майлса стороны думать, что суеверные туземцы способны осуществить что-то вроде путешествия во времени.

Она зевнула. Надо будет сообщить Майлсу, чтобы он приехал и забрал ее отсюда.

Пение женщин завораживало. Ее голова дернулась, когда она почувствовала, что засыпает. Ребенок слабо ворочался в ее чреве, она положила руки на живот и улыбнулась про себя.

Свет за ее прикрытыми веками стал пурпурным, потом золотым и оранжевым. Она снова представила себе календарь и кивнула, уже почти сонная.

Над ней пронесся порыв горячего ветра, и она поежилась от его дуновения, ожидая, когда спадет эта горячая волна. Однако эта теплая волна становилась все сильнее, ударяя ей в уши крутящимся шумом, таким громким, что в нем утонули голоса женщин.

Пораженная, она открыла глаза и вскрикнула. Ветер вихрился вокруг нее, укладывая высокую траву прерии странным круговым узором. Она могла разглядеть женщин, но их фигуры расплывались, она пыталась докричаться до них, но ветер все крепчал, уносил ее голос прочь, увлекая ее в черную пустоту.

Где-то поблизости стучал мотор. Пейдж открыла глаза. Она лежала на спине посреди поля. Знакомый полог неба над прерией раскинулся над ней. Она повернула голову и обнаружила высокие стебли пшеницы, окаймляющие круг, в центре которого она лежала.

Женщин нигде не было видно.

Ее сердце усиленно застучало. Она постаралась сесть. Одежда исчезла, но кожаный мешочек по-прежнему висел у нее на шее. Пшеница вокруг лежала ровным кругом. Пейдж с трудом встала на ноги.

На ближнем поле большой черный трактор с закрытой кабиной заводил мотор, заставляя высокую пшеницу ложиться мягкими волнами.

Вдали видна была автомобильная магистраль. Пейдж с удивлением смотрела, как большой грузовик обогнал синюю машину.

Видела она и мачты линий электропередачи, уходящие вдаль.

— Майлс, — едва слышный шепот замер в ее горле.

Майлс был где-то давно и далеко, и, если она позволит себе думать о нем, она умрет от боли.

Она медленно пошла по направлению к трактору. Ей нужен был телефон.

— Ты носишь довольно большого ребенка. — Сэм Харрис оперся задом на свой стол, где лежала открытая папка с результатами всех ее анализов. Он постукивал по ней пальцами. — Ты можешь прочитать их. Твой таз, совершенно очевидно, слишком узок для нормальных родов, так что будем делать кесарево сечение. А поскольку твой первый ребенок родился мертвым, я обеспечу, чтобы рядом с тобой находился лучший специалист в городе. Зовут его Марвин Кент. И нет нужды говорить тебе, что с тех пор, как ты в первый раз рожала, все чертовски изменилось. Мы будем уверены, что нам доступна любая технология, если тебе или этому маленькому хулигану что-нибудь понадобится. — Он подмигнул ей. — У меня есть репутация, которую нужно поддерживать, поэтому не думай ни минуты, что ты можешь ускользнуть от меня.

— Спасибо, Сэм. Ты самый лучший врач, и это меня успокаивает.

Пейдж постаралась сесть поудобнее. Она действительно стала огромной. Много раз она говорила себе, каким это будет облегчением, когда она родит наконец этого ребенка, хотя какая-то часть ее сознания противилась, напоминая, что она в безопасности до тех пор, пока сын находится в ее чреве. Исследование ультразвуком подтвердило ее раннее убеждение: ребенок, которого она носит, — сын.

Я ведь тебе говорила, Майлс Болдуин.

— Так что отправляйся в Больницу Милосердия сегодня же вечером, и завтра утром мы все и сделаем.

— Завтра? — Ее сердце подскочило и стало биться о ребра. — У меня на завтра миллион дел, Сэм. Почему не в среду или...

Он покачал головой и ухмыльнулся.

— Почему врачи всегда оказываются худшими пациентами? Ты уже совсем на сносях, даже завтра может оказаться поздно. Я должен был бы отвезти тебя туда немедленно.

В его карих глазах светились одновременно и привязанность и озабоченность, и Пейдж вновь подумала, что Сэм очень напоминает ей Роба Камерона. Они внешне были похожи, но заставила ее вспомнить Роба искренняя привязанность, которую она ощущала, находясь в обществе Сэма.

— Ладно, договорились, увидимся завтра.

Она с некоторым трудом поднялась, стараясь выглядеть более беспечной, чем ощущала себя на самом деле.

Она повернулась к двери, боясь того момента, когда ей придется перешагнуть порог кабинета, который принадлежал ей, а теперь там табличка с чьим-то именем.

— Пейдж, подожди. — Его рука тронула ее руку. — Как насчет того, чтобы устроить совместный ланч? Гастрономы на нашей улице по-прежнему готовят замечательные блюда, а я умираю от голода. Позавтракать я не мог, потому что одна из моих пациенток решила утром разродиться двойней, а потом я должен был торопиться сюда. И не забывай, что это твой последний шанс насладиться добротной едой до того, как мы извлечем твоего ребенка. «Никакой еды после пяти», — процитировал он твердым голосом.

— Ладно, Сэм, конечно. — Ланч отнимет не меньше часа из того времени, которое она проводит за телевизором в маленькой квартире, которую сняла. — Я не помню, в этих забегаловках есть удобные кресла или только малюсенькие стулья? Потому что, если там

только стулья...

Она похлопала себя по бедрам и покачала головой. Сэм рассмеялся и потащил ее по офису, который когда-то принадлежал ей.

— Кресло гарантируем, — заверил он ее.

Забегаловка была переполнена, но он нашел маленький столик с креслами, которые он ей обещал, и они сделали заказ.

— Ну и как идут дела?

Сэм откусил огромный кусок от длиннющего сэндвича и запил его глотком кофе.

— Неплохо, — солгала она, жуя свою порцию сэндвича, хотя и совершенно не была голодна. С тех пор как она вернулась в эту жизнь, она не испытывала желания поесть, несмотря на доступность такой пищи, о которой она мечтала в Баттлфорде. — У меня квартира в Керрисдейле, все мои вещи я забрала со склада и взяла в аренду маленькую красную машину. Я назвала ее Минни.

Она подумала о своей лошади и грустно улыбнулась.

Сэм жевал и глотал.

— Твоя невестка все еще ездит на твоей машине?

— Да. — Пейдж старалась не встречаться с ним глазами. — Я сказала ей, чтобы она еще некоторое время ею пользовалась. — Она не стала рассказывать Сэму, что Шарон забрала себе большую часть ее платьев и кое-какие драгоценности, которые у нее тогда были с собой. Для нее это был шок — обнаружить, что ее невестка носит ее вещи, и еще большим шоком, когда она поняла, что ее брат простил это жене.

Она уверяла себя, что это не имеет значения — она ведь весной вернется к Майлсу, не так ли? И уж, конечно, она не сможет взять туда свою машину.

— Ты много разговаривала с братом? Кстати, дай мне его номер телефона, я свяжусь с ним немедленно, как только ты родишь.

— Не надо, спасибо. — Пейдж затрясла головой, стараясь избежать вопросительного взгляда его голубых глаз. — Я свяжусь с ним позднее. Возможно.

Он поднял брови.

— Я думал, что ты и Тони очень близки друг с другом. Что произошло?

— Мы были близки. — Пейдж нахмурилась. — Во всяком случае я так думала. Но меня не было два года. Он посчитал, что я умерла. И это многое изменило.

Больше, чем она могла себе представить.

— Он законным путем все оформил, вывез все из моей квартиры, отправил мои вещи на склад, объявив меня пропавшей без вести. Я думаю, что это было тяжело для него, и я полагаю, что он привык к мысли, что я мертва, — медленно сказала она, пытаясь сама осмыслить все это. — Потом, когда вернулась и пыталась объяснить ему, что со мной произошло, он просто не мог принять мой рассказ. Он вел себя со мной так, словно я сошла с ума, и прямо заявил мне, что не хочет, чтобы я забивала головы моим племянникам моими, как он считает, галлюцинациями. — Это оказалось для нее больнее всего. — Он был в ужасе, что какая-нибудь газета или телевидение прослышат обо мне и захотят взять у меня интервью за те два дня, что я провела у него. Он просил меня не говорить никому ни слова. — Она протянула Сэму свой сэндвич. — Я не могу есть это, Сэм, может, ты одолеешь?

— Ты уверена? Ну спасибо. — Он проглотил остаток своего сэндвича и принялся за ее. — Ты должна признать, что легче решить, что ты рехнулась, чем поверить в твою

историю.

— Да, я знаю. Иногда я сама ловлю себя на мысли, а не прав ли Тони, не было ли то время, которое я провела там, только сном. — Она положила руку себе на живот. — Но ведь это не сон, правда Сэм? — Она коснулась обручального кольца у себя на пальце, кольца с бриллиантом и изумрудом. — Или это? — Она дотронулась до медальона Мадлен, висевшего у нее на шее. — Или это?

Для нее это стало в известном смысле ритуалом в последние дни. Это были ее талисманы, ее видимая связь с реальностью той, другой жизни.

Сэм вытер майонез с губ и поднял руку ладонью вперед.

— Эй, меня тебе не нужно убеждать. Я поверил тебе, ты помнишь?

Пейдж кивнула. Сэм действительно поверил — он оказался единственным. Ее брат, невестка, полиция — они выслушивали ее историю по два-три раза, и все пришли к убеждению, что у нее помутился рассудок и к тому же она где-то забеременела.

Они посчитали, что она не опасна, не представляет собой угрозу для общества, но, безусловно, сумасшедшая, которую обнаружили посреди фермерского поля одетой в индейское платье, с целым состоянием в золотых монетах, болтающей что-то о путешествии во времени и о восстании Райела.

Она быстро сообразила, что для Тони она оказалась неприятной обузой. Как только у нее появилась такая возможность, Пейдж покинула дом своего брата и вылетела домой в Ванкувер. За эти первые пару дней она усвоила один важный урок. Она перестала рассказывать людям правду о том, что случилось с ней. Она научилась бубнить что-то смутное о нервном расстройстве и потере памяти и вскоре поняла, что эту версию все приемлют.

Все, за исключением Сэма.

Дорогой Сэм. Она испытала момент паники, когда прилетела в аэропорт Ванкувера, — напряжение от полета, сознание того, что у нее здесь нет ни одного близкого друга, что у нее нет квартиры, где бы поселиться, нет даже своего врачебного кабинета — она это поняла даже раньше, чем Тони подчеркнул, что Сэм должен был оформить юридические моменты, предусматривавшие ее смерть или исчезновение.

Он не мог руководить клиникой один, он, вероятно, не мог ждать, вернется ли она. Конечно, он должен был нанять кого-то на ее место. И все равно это ее ранило.

Вспотевшая, потрясенная — ее тошнило во время полета — встревоженная этой толпой, шумом, смятением, скоростями современной эпохи по сравнению с той, которую она покинула, Пейдж из аэропорта позвонила Сэму, и он бросил всех пациентов, чтобы помчаться и встретить ее.

Он посадил ее в бирюзового цвета джип и легонько поцеловал в щечку, прежде чем выехать из зоны «скорой помощи», где он оставил машину.

— Ты изменилась. — Он похлопал по ее раздувшемуся животу. — Это очень правильно — привезти работу для фирмы, у которой дела идут кое-как. Так где ты пропадала, дорогая партнерша? Мне тебя очень не хватало.

Она начала бормотать ему эту легенду про шок и потерю памяти, но он зажал ей рот рукой.

— Пейдж, прекрати нести эту чепуху, ладно? Расскажи мне всю правду. Я уже взрослый парень, я могу справиться с любыми сюрпризами. Мы ведь работали вместе, ты не забыла? — Он показал на ее взбухший живот, а потом на обручальное кольцо на пальце. —

Кто он, Пейдж? Он должен быть личностью, если ему удалось завоевать тебя. Но где он? Он дерьмовый парень, если он мог бросить тебя одну в таких обстоятельствах. Если ты хочешь, чтобы я нанял киллера, который покончит с ним, я это сделаю, но я хочу знать правду.

Она глубоко вздохнула и рассказала ему, а он задавал вопросы, множество вопросов, до того, как отвез ее в тихий отель, устроил там, принес в ее номер единственный чемодан, снял туфли с опухших ног, заказал крепкий чай и огромную пиццу и большой бокал кока-колы для себя.

Когда у нее иссякли слова и слезы, а он покончил с пиццей, Пейдж спросила без особой надежды:

— Ты веришь мне, Сэм?

Он приподнял одну бровь и глянул на нее.

— Конечно, я верю тебе. Было бы противоестественно не верить. Ты всегда считалась очень образованным врачом, но ты никогда не читала научную фантастику.

Он дотянулся до гренка, которого она была не в силах съесть, намазал его мармеладом и проворно сжевал.

— Кроме того, у меня есть двоюродный брат, который работает в университете Британской Колумбии и считает, что пройдет не так много времени и они создадут модель перемещения во времени. Ты немного опередила его, старуха. Он будет весьма взволнован, когда я расскажу ему новость об этих кругах в пшенице.

Она поднялась, оступилась, сдвинув чайник и уронив на ковер свою чашку. Она вся трепетала.

— Тогда я смогу вернуться. Мне не придется ждать, они смогут отправить меня обратно. Меня и ребенка...

— Эй, Пейдж, не торопись, они еще далеки от практического решения. — Сэма осенила какая-то мысль. — Ты меня прости, я не подумал. Лео ученый, ты знаешь, как действуют эти ребята, для них десять лет не имеют никакого значения. Последний раз я слышал, что, как он полагает, им предстоит создать конструкцию.

Она откинулась на спинку кресла, разочарование было так велико, что у нее даже закружилась голова. Она не может ждать десять лет.

Она полагалась на обещание Хромой Совы постараться вернуть ее весной, но весна, похоже, никогда не придет.

— Постарайся жить изо дня в день, — посоветовал ей Сэм, и она следовала этому совету. День за днем, и вот завтра появится на свет ее ребенок.

Сэм проглотил остаток своего ланча и глянул на часы.

— Мне надо бежать, малыш. — Он встал и потрепал ее по плечу. — Не забудь о нашем свидании завтра рано утром.

— Ни в коем случае.

Она вразвалку дошла до гаража и уселась за руль своей арендованной машины, мысленно перебирая все дела, которые надо сделать до того, как она ляжет в больницу.

Ей предстоит выкинуть все скоропортящиеся продукты из холодильника, купить шампунь. Собрать предметы первой необходимости, купить какую-нибудь книжку в мягкой обложке — а как быть с вещами для ребенка? Она очень мало покупала для ребенка. Какая-то суеверная часть ее сознания отказывалась от покупки всего, что, как она знала, понадобится ребенку.

Словно напоминая о себе, ребенок пнул ее ножкой, нанеся сильный удар по ребрам,

заставивший ее задохнуться.

Ладно, мы пойдем делать покупки вместе. Когда ты родишься, мы найдем все, что может пожелать ребенок. За исключением твоего отца.

Она уронила голову на рулевое колесо, стараясь подавить в себе отчаяние, грозившее затопить ее, пытаясь мысленно передать послание через бесконечность пространства и времени.

Майлс, настало время, и я так боюсь. Через несколько часов я рожу твоего ребенка, а я так одинока. Майлс, видит Бог, мне так недостает тебя, я так тебя люблю! Ты так нужен мне, любимый, ты должен быть уверен, что эта безумная старуха выполнит свою часть сделки!

Майлс опустился на колени в вигваме рядом с телом Хромой Совы, такой хрупкой после смерти, его переполняло чувство полной безнадежности, такое глубокое отчаяние, что ему казалось, будто сама его душа умерла.

Старуха была единственным звеном, связывающим его с Пейдж, его единственной надеждой на благополучное возвращение его жены и его ребенка.

Теперь ее нет в живых, она умерла во время чудовищной эпидемии скарлатины, обрушившейся на резервацию несколько недель назад и унесшей много жизней. У индейцев нет иммунитета против таких заболеваний, как скарлатина.

Ты была права, старуха, когда говорила, что твоя раса исчезает и в этом вина белого человека.

Со смертью Хромой Совы деревня осталась без шамана. Возможно, со временем попросят Тананкоа взять на себя эту роль, но в настоящий момент они возлагали надежды на западную медицину, и Майлс чувствовал, что не может оправдать этого доверия.

Он тяжело поднялся. Были и другие больные, требовавшие его внимания, и он должен посмотреть их. Ему предстоит сказать Тананкоа, что ее бабушка умерла. Пока что она и маленький Деннис и еще несколько жителей деревни не заразились, и Майлс надеялся, что строгие санитарные правила, которые он установил, и карантин, отделивший больных в этой части деревни, предотвратят распространение болезни. Он следовал примеру Пейдж, применяя меры, о которых узнал от нее, используя полученные от нее знания о бактериях и переносчиках заразы.

Тананкоа трудилась рядом с ним, перенимая его методы лечения и добавляя к ним свои травяные настои.

Между ним и Танни возобновилась дружба, еще более прочная, чем раньше. Теперь и он, и она были одиноки. Оба скорбели о своих любимых.

Это она известила его в тот день, что обряд прошел удачно, что Пейдж исчезла. Это она послала за ним, когда Хромая Сова заболела: благодаря Пейдж Тананкоа поверила в западную медицину.

Научилась ли Танни от Хромой Совы достаточно, чтобы повторить процедуру путешествия во времени? Майлс слишком устал и чувствовал себя опустошенным, чтобы на что-то надеяться.

Он стоял у входа в вигвам, глядя на дождь, который шел уже несколько дней. Был последний день сентября, и прерия выглядела печальной, мокрой и пустынной.

Родился ли уже его ребенок? Пережили ли Пейдж и ребенок роды? Узнает ли он когда-нибудь, если с ними что-то случится в том, другом времени? Конечно, он почувствует, если

ее уже нет на этой зеленой земле.

В этот момент он ощутил такую потребность выпить виски, как человек, умирающий от жажды в пустыне, мечтает о глотке воды. Он хотел одного — бездумного забытья, которое давало виски.

Какую пользу он может здесь принести? У него нет никаких волшебных лекарств, о которых ему так часто рассказывала Пейдж. Он может поехать в Баттлфорд и зайти в салун...

Детская ручка потянула его за рукав, взволнованные глаза смотрели на него.

— Моя мама просит вас прийти в наш вигвам. Мой отец заболел.

Он не мог отвернуться от этих людей. Он был их единственной надеждой.

Он взял мальчика за руку и постарался улыбнуться.

— Показывай дорогу, сынок.

Анестезия повергла ее в густую тьму, и Пейдж пыталась прорваться сквозь коридоры времени в поисках Майлса. Он был где-то здесь, если бы только она могла найти его...

— *Мадам доктор, сюда, вот сюда.*

Настойчивый голос вел ее, и вот она уже в пещерах на берегу реки, и Мадлен держит на руках ребенка... но ребенок мертв... мертв... мертв...

— Пейдж, просыпайся! У тебя отличный сын, и он хочет встретиться с тобой. Просыпайся, Пейдж, твой ребенок здесь, замечательный большой мальчик.

Она заставила свои глаза сфокусироваться. Сэм стоял рядом с ней, все еще в зеленых врачебных перчатках. Маску с лица он сдвинул, и улыбка у него сияла от уха до уха.

— Он... — Горло у нее пересохло. — Мой ребенок дышит?

— Дышит?! Ты смеешься! Она начал орать раньше, чем его вынули. Говорю тебе, этот парень просто тяжеловес. Он весит девять фунтов и пятнадцать унций, абсолютно здоров и, как только освободился от детского места, потянулся куда надо, явно унаследовав мозги своей мамочки. Вы оба в полном порядке. Ты проснулась достаточно, чтобы встретиться с ним?

Пейдж кивнула, и Аннетт Эванс, которая ассистировала при родах, показала ей маленький сверток.

Пейдж смотрела на своего сына. Волосы у него были черные, как у нее, но она могла распознать в его личике черты Майлса: овал лица, разрез глаз, форму ушей.

Не спит ли она? Пейдж протянула к нему руку, ощущая в ней иглу от капельницы.

Это была реальность. Ее ребенок здесь, и он жив.

Майлс, у нас сын! Любимый мой, у нас сын!

Аннетт положила ребенка на руки Пейдж.

— Ты выглядишь совсем как твой папочка, — прошептала Пейдж, дотронувшись до маленького личика дрожащим пальцем.

Она коснулась губами его щечки, восхищаясь запахом и легкостью его кожи. Он был тепленький и ерзал, потом открыл глазки и снова закрыл их, заколотив ручками.

Ее сын. Сын Майлса. Он пискнул и потянулся ртом к ее груди, явно желая есть, и нянечка рассмеялась:

— Он уже голоден.

Грандиозность чувств, обрушившихся на Пейдж, заставила ее прикрыть глаза.

Она ощутила такую всепоглощающую любовь к своему ребенку, что даже испугалась

остроты этого чувства.

Ничто не должно причинить ему вреда. Она должна уберечь его от любой беды. Ответственность за это целиком лежит на ней.

Она тосковала по Майлсу, ей до боли, как никогда раньше, хотелось, чтобы он увидел и подержал на руках этого прекрасного ребенка, которого они вместе зачали, но Пейдж вздрогнула, вспомнив свой недавний сон, пещеру, подумав о том, как близок был ее сын к тому, чтобы родиться в том примитивном мире. Дети там подвергались бесчисленным опасностям.

Как в ночном кошмаре увидела она детей, больных туберкулезом, дифтеритом, и вновь ощутила свою беспомощность, раздражение от отсутствия лекарств или возможностей лечить.

Она в уме подсчитала месяцы, и ее охватила тревога. Весной ему будет всего семь месяцев. Будет ли он достаточно здоровым, чтобы противостоять опасностям?

— Как его зовут? — До нее дошел голос Аннетт.

— Александр, — сказала Пейдж. — Александр Майлс Болдуин. По отцу.

— Ну что ж, молодой Алекс, — взяла его на руки Аннетт, — твоей мамочке надо немного отдохнуть, а потом она постарается покормить тебя.

Пейдж дотянулась и пожала руку Сэма.

— Спасибо, партнер, ты проделал большую работу.

Он покраснел и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Не о чем говорить. Я приду посмотреть тебя чуть позже, как только тебя отвезут в твою палату. А теперь отдыхай.

Засыпая, она мысленно видела лицо своего сына.

Когда она проснулась, кругом были гвоздики и розы от Сэма и персонала больницы. Они принесли погремушки и мягкие игрушки для ребенка и то и дело забегали в палату с ахами и охами над Алексом.

Пейдж понимала, что они стараются восполнить тот факт, что в эти дни, проведенные ею в больнице, у нее не было других посетителей, и она была тронута и благодарна им за их внимание.

Не было обезумевших от любви дедушек и бабушек, склоняющихся над колыбелькой Алекса, не было мужа, поддерживающего ее при первых болезненных шагах после операции, не было друзей, которые тайно приносят в палату гамбургеры и жареный картофель.

Странность заключалась в том, что она все это замечала, но не придавала этому никакого значения — весь мир крутился теперь вокруг одного крошечного мальчика. За все годы ее работы акушером все дети, которых она принимала, не подготовили ее к тому, что она чувствовала по отношению к Алексу. То и дело она разворачивала пеленки и разглядывала каждый дюйм его тельца, вновь и вновь убеждаясь, что он в полном порядке.

Он был больше чем в порядке, — он являл собой образец здоровья. С первых же дней он в большом количестве поглощал ее молоко, спал в положенные часы и прибавлял в весе с необыкновенной быстротой.

Когда Пейдж достаточно окрепла, она забрала его домой, и ее ранее тихая и одинокая квартира оглашалась музыкой голодных воплей Алекса. Она купила кресло-качалку и подолгу сиживала у окна, рассказывая сыну о его отце, о другом мире, в котором он был зачат, а за окном она видела суматоху современного города и сравнивала его с Баттлфордом.

Октябрь перешел в ноябрь, и шестнадцатого ноября Алексу исполнилось шесть недель. Она понимала, что это безумие, но тем не менее испекла пирог и купила коляску, чтобы гулять с ним.

* * *

16 ноября 1885 года Луи Райела повесили как изменника, несмотря на прошения о его помиловании из Франции, Англии, Ирландии и Соединенных Штатов. Даже королева Виктория просила помиловать его, но премьер-министр остался непреклонен.

— Райел будет повешен, — объявил сэр Джон Макдональд, — даже если каждая собака в Квебеке будет лаять в его защиту.

По телеграфным проводам эта новость донеслась от Оттавы до Баттлфорда, и Майлс провел долгую ночь за бутылкой виски, стараясь побороть дикое одиночество в душе и разочарование в своих соотечественниках.

— У тебя получаются прекрасные дети, Пейдж, — сообщил Сэм, с улыбкой глядя на вертевшегося Алекса и пытаясь запеленать его. — Этот парень отличается цветущим здоровьем, да и ты хороша. За три месяца ты здорово поправилась. Эти ваши прогулки очень оправдывают себя. Черт побери, эта штука слишком узка, она давит на животик бедного ребенка. Попробуй сама. — Он отступил в сторону, давая ей место. — А теперь скажи, когда ты соскучишься и вернешься на работу?

Пейдж запихнула толстенные ножки Алекса в красные ползунки и бросила на Сэма удивленный взгляд.

— Я очень занята с Алексом. Кроме того, я не думаю, Сэм, что тебе нужен третий врач.

Он выглядел смущенным.

— На самом деле так оно и есть. Но один мой приятель открывает в центре города клинику для женщин, сразу после Рождества, а рядом есть детская комната. Он наш коллега, ты помнишь Натана Филдинга? Я говорил ему о тебе, так что, если он будет звонить, ты уже знаешь, о чем будет разговор. Речь идет о работе в определенные часы, никаких ночных вызовов, ты сама можешь решать, сколько больных брать на себя. Это поможет тебе, а потом, если ты захочешь вернуться и снова работать здесь... или ты все еще хочешь попробовать исчезнуть снова, когда придет весна?

Пейдж старалась не встречаться с ним взглядом.

— Я... я так думаю... Я сама не знаю. Я еще ничего не решила.

Ее любовь к Майлсу противостояла насущной потребности защитить ее сына от опасностей того давнего времени.

Она подхватила Алекса и прижала к себе, зарыв нос в его мягкие кудряшки. Каждый раз, когда она думала о том, чтобы взять его туда, она начинала волноваться, но мысль, что она может никогда не увидеть Майлса, была невыносима, вызывала физическую боль у нее в груди.

— Мне ужасно не хватает Майлса, но Алекс еще так мал. А мои шансы вернуться туда настолько шаткие!

Это все было правдой, но она не говорила Сэму, что начинает задавать себе вопрос: хочет ли она пытаться? Первая мощная реакция, которую она ощутила, когда родился Алекс, становилась все сильнее — всепоглощающее желание предоставить своему сыну все преимущества современной медицины и современного образа жизни.

Сэм никак не комментировал.

— Единственная причина, по которой я задал этот вопрос, помимо работы, конечно, в моем кузене Лео. Ты помнишь, я говорил тебе о Лео, ученом в университете? Ну так вот, я рассказал ему о тебе, и он умоляет меня, чтобы я представил его тебе. Из-за машины, над которой он работает, ему очень важно услышать от тебя непосредственно о твоём опыте.

Она нахмурилась и покачала головой.

— О Сэм, я не знаю. Ты единственный человек, с которым я могу спокойно говорить обо всем.

— Это тебе решать, но с Лео тебе будет очень легко. Он не заиклен на общеизвестных концепциях возможного и невозможного, это уж точно.

Она затрясла головой.

— Послушай, Пейдж, ты знаешь, что в эту пятницу у нас в больнице состоится большая гулянка в связи с наступающим Рождеством, ты не можешь не пойти туда, так почему бы тебе не разрешить мне привезти тебя туда, мы пробудем там час или около того, а потом мы можем встретиться с Лео и поужинать. Как ты считаешь?

Пейдж опять покачала головой.

— У меня нет никого, кто посидел бы с Алексом.

— Так возьми его с собой. Это семейный праздник. Ты ведь помнишь, как проходят эти предрождественские вечеринки, — это чистый зоопарк. Все медсестры спрашивают про тебя, особенно Аннетт. Там будет много детей. Будет и Санта Клаус, ты же не хочешь лишиться Алекса возможности увидеть Санта Клауса?

Пейдж заколебалась. Она старалась игнорировать витрины магазинов, разукрашенные улицы, музыку, передаваемую по радио. Это Рождество представлялось ей мучительно одиноким.

В памяти было живо воспоминание о последнем Рождестве, о приеме, который она устроила для всех своих друзей, о Майлсе. В тот день у нее в доме были Деннис и Арман, и никто не думал в ту веселую ночь, что эти двое мужчин погибнут в ближайшие месяцы.

В этом была беда Баттлфорда. Жизнь там была так непредсказуема, происходило столько всего непредвиденного, трагического, чего никто не мог контролировать.

Но было и хорошее, напомнила она себе. Был Майлс и их любовь. Он всегда присутствовал в ее подсознании, вместе с ностальгической болью, которая сопровождала ее воспоминания.

Что за чепуха! Ей необходимо выйти на люди, она слишком много времени проводит с Алексом, слишком много думает и тревожится.

— Хорошо, Сэм. Мы будем готовы около трех.

Ее неожиданное согласие одновременно удивило его и обрадовало.

— Пейдж, дорогая моя, это ведь первый раз, когда я назначаю тебе свидание.

Она подмигнула ему.

— Ты забыл рождение Алекса. И кроме того, не забывай, это общая вечеринка. Нас будет трое. Четверо, считая твоего кузена.

Он кивнул и сделал страдальческое лицо.

— Попрошайки не выбирают, как говорила моя святая мама. Я получу то, что смогу получить.

Пейдж улыбнулась чепухе, которую он нес, но заметила и тоскливое выражение его лица, когда он смотрел на Алекса. Она знала, что Сэм влюблен в нее, и это вызывало у нее грусть.

Почему жизнь так чертовски сложна? Все было бы так просто, если бы она могла полюбить Сэма, а не Майлса.

Но она не могла.

А Майлс ждет ее где-то там.

В каком-то времени.

Вечеринка удалась на славу.

Как и предсказывал Сэм, все сотрудники больницы устроили большой ажиотаж вокруг Алекса, и Пейдж почувствовала себя расслабившейся, она смеялась неизбежным больничным шуткам, даже получила удовольствие от бокала вина, который принес ей Сэм.

Когда они уходили из ресторана, Пейдж даже перестала нервничать по поводу встречи с кузеном Сэма.

— Пейдж Рандольф... Простите, Пейдж Болдуин. А это мой кузен Лео Клаусон.

Сэм представил их друг другу. Лео взял ее руку в свою и держал так довольно долго.

Лео оказался моложе, чем Пейдж предполагала, и выглядел интереснее, чем-то напоминая Линкольна. По какой-то непонятной причине она представляла его более пожилым вариантом Сэма — коротышкой, лысым и полноватеньким, а Лео оказался очень высоким и угловатым, с густыми длинными каштановыми волосами, которые эффектно падали ему на шею. Он был в дорогом сером костюме, старомодном галстуке в синюю полоску и в ярко-синих туфлях для бега на больших голых ногах, словно он по рассеянности забыл надеть ботинки и носки.

У него были приятные глаза, мягкие, карие и выразительные, и, как и обещал Сэм, с ним было легко разговаривать.

Он разглядывал Алекса, который ерзал в своей коляске, потому что скоро его следовало кормить. Алекс весьма серьезно относился к своему расписанию принятия пищи.

— Мне никогда не приходилось бывать рядом с детьми, — признался Лео. — Как вы узнаете, что ему нужно?

Пейдж засмеялась, потому что никогда не задумывалась над этим вопросом, пока у нее не появился собственный ребенок.

— Главным образом, догадываясь, — сказала она. — До того, как я родила Алекса, я думала, что знаю все, что нужно знать о детях. Теперь я понимаю, как мало я знаю.

Они сделали заказ, и, пока ждали еду, Пейдж забрала Алекса в дамский туалет и покормила его там. Когда она вернулась за столик, Лео спросил, нельзя ли ему подержать ребенка, и Пейдж положила сонного мальчика ему на руки.

Алекс всегда ел с такой неистовой энергией, что к концу трапезы уставал и начинал задыхаться. Теперь, довольный тем, что насытился, он улыбнулся Лео и тут же заснул.

— Трудно поверить, что мы все начинали так, — заметил удивленно Лео, баюкая ребенка. — Он никогда не пользовался своими руками и ногами, так ведь?

Пейдж и Сэм расхохотались, однако было очевидно, что Лео спрашивает вполне серьезно.

Когда принесли еду, Пейдж уложила Алекса в коляску. Лео улыбнулся ей.

— Спасибо, что разрешили мне подержать его. С вашей стороны это был акт большого мужества — вернуться сюда и родить его здесь. Мне хотелось бы услышать от вас, что вы чувствовали, путешествуя во времени.

То, что Лео не ставил под сомнение ее опыт, смыло все колебания, какие могли быть у Пейдж, и весь остаток ужина она без стеснения рассказывала о Баттлфорде и ее жизни там.

— Это поразительно — разговаривать с человеком, который встречался с Луи Райелом, — восхищался Лео. — Вот поэтому меня так привлекает и занимает проблема

путешествий во времени, она дает нам непосредственное представление об исторических персонажах и событиях.

— Вы не знаете, какие есть книги о Райеле и восстании?

Пейдж собиралась поискать такие книги в библиотеке, но руки у нее до этого еще не дошли.

— Я принесу вам самые интересные из них из университетской библиотеки, — пообещал Лео.

До конца ужина Лео развлекал ее абсурдными историями о сумасшедших ученых и их подвигах.

Сэм вел себя непривычно спокойно, и это его настроение чувствовалось, когда он вез ее домой. Он занес колыбельку Алекса в квартиру и пристроил на диване.

— Кофе хочешь, Сэм?

Он отрицательно мотнул головой.

— Я не могу задерживаться, мне надо заскочить в больницу. Одна из моих пациенток легла туда сегодня, и я хочу осмотреть ее, прежде чем поеду домой.

Пейдж поцеловала его в щеку.

— Спасибо тебе за все. Я провела замечательный вечер. И я была рада познакомиться с Лео.

— Конечно, замечательный, пока я не понял, что мой проклятый кузен влюбился в тебя, пока мы ели спагетти. После этого я испытал горячее желание воткнуть ему вилку в аорту.

Пейдж засмеялась.

— Ты чокнутый, ты это знаешь?

Он ответил знакомой ей гримасой.

— Ты права, я чокнутый. Сначала я уговариваю тебя встретиться со стариком Лео, а потом зеленею от злости, когда вижу, что он понравился тебе. Так что вычисляй. — Он шагнул к двери. — Я вскоре тебе позвоню.

Следующий день был канун Рождества, и Пейдж решила не нарушать традицию. Она вышла из дома, купила маленькую елку и повесила на нее чулок для Алекса.

Днем позвонил Тони, и Пейдж безуспешно пыталась сломать барьер, который почему-то возник между ними. Она послала подарки Джейсону и Мэттью, видеоигры, про которые она знала, что мальчики о них мечтают, а Шарон, выполняя свой долг, прислала авиапочтой огромного пушистого зайца для Алекса.

Тони поблагодарил ее за подарки, спросил, как положено, об Алексе, которого никогда не видел, и передал трубку мальчишкам, словно не мог дождаться конца разговора.

Пейдж повесила трубку, чувствуя, что готова реветь до конца дня, как телефон зазвонил снова.

Она схватила трубку, уверенная, что это Тони передумал.

— Хэлло, Тони, я так рада, что ты снова звонишь мне.

Голос ее еще дрожал и был полон слез, и стало ясно, какое облегчение она испытывает.

После короткого молчания мужской голос произнес:

— Пейдж, это Лео Клаусон. Я надеюсь, что звоню не в самое неподходящее время?

Ей понадобилось несколько минут, чтобы вернуть себе самообладание и ответить ему. Они обменялись вежливыми приветствиями, и потом он сказал:

— Я хотел бы знать... Я имею в виду, что, если это неуместно, но я... я хотел бы знать, не согласитесь ли вы с Алексом поужинать сегодня со мной. Я достал книги, которые

обещал вам, и не помню, говорил ли я вам, что живу один. — Он говорил и говорил, выдавая свою нервозность. — Я разведен, уже давно. Беспокоит меня это только по праздникам, а сегодня канун Рождества, у вас, наверное, полон дом друзей и родственников, с моей стороны просто глупо даже заговаривать об этом, но это чисто импульсивно...

— Нет, — прервала она его монолог, подумав, что, если не сделает этого, он может говорить весь день. — Я имею в виду, что у меня никого нет.

Ей потребовалось какое-то мгновение, чтобы обдумать его предложение и вспомнить, что говорил Сэм насчет того, что его кузен влюбился в нее. Она решила, что необходимо прояснить ситуацию.

— Лео, я не против того, чтобы провести с вами вместе вечер, но хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Я очень люблю своего мужа и планирую вернуться к нему, как только смогу.

Действительно ли она планирует это? Помогите ей Господь Бог, она в этом не уверена, но не хочет дезориентировать Лео.

— Конечно. — Она могла различить замешательство в его голосе. — Я понял это, когда вы говорили о нем прошлым вечером. Я подумал, что мы можем быть просто друзьями. Это будет правильно, Пейдж?

— Вполне. Я буду рада.

Видит Бог, она умеет использовать друзей; до своего возвращения сюда она не осознавала, как мало у нее здесь настоящих друзей, и сколько она оставила их в Баттлфорде. Иногда ей до боли хотелось поговорить с Кларой или Танни.

— Я могу привезти ужин или мы можем поехать куда-нибудь, как вы пожелаете.

Он привез ужин, и она была поражена. Он заказал готовый полный ужин, изысканное мясо из одного из самых дорогих ресторанов Ванкувера. Он привез и белое вино, шоколад, мандарины, большой букет весенних цветов из оранжереи, новую кассету певца вестернов Клинта Блака и набор книжек с картинками для Алекса, а также сумку с библиотечными книгами для нее, повествующими о восстании Райела и о событиях 1880-х годов.

— Лео, это слишком много, — запротестовала она, стоя с руками, полными пакетов.

— Я боялся, что это будет выглядеть именно так, но я не знал наверняка, — согласился он с непосредственностью, которая ее тронула. — Прикиньте, что вам не надо, и я отвезу это обратно.

— Я не то что не хочу всего этого, Лео, это просто... Послушайте, разрешите мне по крайней мере оплатить половину ужина, ладно?

Он ужаснулся.

— Ни в коем случае! Я пригласил вас.

Она сдалась.

Они ели, разговаривали, смеялись, после ужина он поставил кассету с песнями Клинта Блака и нескладно подпевал ему, что невероятно понравилось Алексу, так что Лео взял его на руки и снова запел, а ребенок уставился на Лео, а потом громко засмеялся.

— У ребенка отличный вкус к музыке, — объявил Лео.

Когда Алекс заснул, она стала спрашивать Лео о его работе, о машине, над которой он работает с коллегами-учеными.

— Поначалу мы расходовали свои средства, но, конечно, это очень дорогостоящее предприятие и связанное с определенным риском. В прошлом году нам удалось привлечь внимание одного богатого предпринимателя, и он согласился финансировать наш проект, и

это ускорило наши исследования. Мы надеялись разработать модель к концу столетия. Конечно, Эйнштейн заложил основы для концепции путешествия во времени, мы только развиваем его основополагающие принципы. — Карие глаза Лео горели вдохновением, он погрузился в технические детали, в которых Пейдж не могла разобраться. Похоже, что ему нравилось говорить об этом предмете, так что она слушала, кивала, а мысли ее были далеко, в Баттлфорде.

Позднее Лео снова попросил разрешения подержать на руках Алекса, и он сидел добрых полчаса, укачивая ребенка и хмурясь, словно перед ним оказалась новая сложная проблема, которую необходимо решить.

— У вас никогда не было детей? — любопытно спросила Пейдж.

Было совершенно очевидно, что Лео обожает маленьких детей.

— Алиса не могла иметь детей. Мы подали прошение об усыновлении, но тут наш брак распался. В значительной мере это была моя вина. У меня привычка забывать о времени и работать, не считаясь со временем, когда я наталкиваюсь на что-то интересующее меня. У нас были совершенно разные интересы. Алиса обожала вечеринки и концерты симфонической музыки. А я был больше склонен к длительным прогулкам, к книгам и песням Клинта Блака.

— Как давно вы развелись?

— Уже десять лет. — Он заметил удивление на ее лице и улыбнулся ей. — Мне сорок шесть. Когда Алиса ушла от меня, я решил, что не представляю хороший материал для женитьбы, поэтому я никогда снова и не пытался. — Он посмотрел на Алекса, погугукал и поулыбался ему. — Иногда я об этом жалею.

— Побойтесь Бога, Лео, вы все еще молоды, у вас еще масса времени на то, чтобы встретить какую-нибудь женщину и завести детей. Я чувствовала себя во многом так же, как и вы, пока не встретила Майлса.

Он снова улыбнулся ей загадочной улыбкой.

— Но вы должны признать, что это было весьма неожиданным событием.

— Да, это было так.

Боль, которая никогда не уходила из ее сердца, вернулась с такой сокрушающей силой, что она задумалась: а что, собственно говоря, она здесь делает — сидит и смотрит, как один мужчина держит на руках ее ребенка, в то время как ее душа и сердце тоскуют по другому мужчине.

Алекс начал скандалить, и Лео передал его матери.

— Почему бы мне не пойти на кухню и навести там порядок, пока он будет ужинать, — тактично предложил он.

Пейдж забрала сына в спальню, расстегнула блузку и дала ему грудь. Как обычно, Алекс начал пыхтеть, колотить своими крохотными ручками, глотая большие порции материнского молока, плача и кашляя, пока он не успокоился настолько, чтобы сосать спокойно. Каждую кормежку он встречал так, словно умирал с голода, потом на полпути он на мгновение замолкал и дарил Пейдж широкую благодарную улыбку, словно извинялся, прежде чем начинал буйствовать заново.

— Поросенок, — рассмеялась Пейдж, глядя на своего смешного буйного сына, и глаза ее вдруг наполнились слезами.

Ей так остро захотелось поделиться этими смешными интимными деталями об Алексее с Майлсом. Первое время, когда Алекс только появился на свет, она разговаривала с Майлсом

так, словно он рядом и каким-то образом может слышать и смеяться вместе с ней над особенностями характера их сына.

Но по мере того, как время шло, ее муж и его мир, казалось, отдалялись все дальше, и она все чаще обнаруживала, что его нет рядом с ней, чтобы поговорить.

В феврале, когда Алексу исполнилось пять месяцев, у него выросли два зуба. Он научился переворачиваться со спины на живот, и у него был набор пластиковых ключей, который он обожал. Он очень добродушно относился ко всему, за исключением еды, и очень напоминал Майлса.

Единственное, что он унаследовал от Пейдж, — это ее волосы: его темно-каштановые волосы были такими же буйными и непослушными, как и ее, но форма черепа, цвет и разрез глаз, очертания подбородка и то, как его уши прилегали к черепу, — все это было миниатюрным повторением его отца.

Однажды Натан Филдинг зашел к ней и предложил работать вместе с ним в клинике, которую он создал в центре Ванкувера.

К тому времени она уже начала несколько волноваться насчет денег и после подробного обсуждения проблемы рабочих часов и больших переживаний, как оставлять Алекса в детских яслях рядом с клиникой, она согласилась взяться за эту работу.

У нее оставались деньги на счету в банке, когда она исчезла, но, вернувшись, она обнаружила, что значительная часть этих денег ушла на оплату сохранения ее мебели на складе, потом на устройство новой квартиры. Были расходы и на ребенка, кроме того, она купила новую машину — Шарон не предложила вернуть ее «санберд», а Пейдж решила не поднимать этот вопрос. Ей казалось не очень пристойным требовать у невестки свою машину.

Золотые монеты, которыми снабдил ее Майлс, оставались нетронутыми и лежали в сейфе в банке. Она не могла заставить себя тратить их. Ей представлялось, что это единственное наследство, доставшееся Алексу от его отца.

Лео Клаусон стал ее добрым другом. Он взял за правило заглядывать к ней раз или два в неделю. Он всегда привозил с собой ужин и постоянно восхищался Алексом.

После первой недели ее работы в клинике он заехал к ней в пятницу вечером с картонными коробками из китайского ресторана.

— Как идут дела?

Лео уже знал, где она держит все на кухне, и, пока она устраивала Алекса на кровати, где он мог попрыгать, Лео принес тарелки, вилки и бокалы для вина.

— Клиника находится в районе, населенном плохо оплачиваемым людом, многие пациенты из иммигрантов. У меня было несколько тяжелых ожогов, шесть случаев кишечной инфлюэнцы, три женщины с венерическими заболеваниями, бесконечные предродовые осложнения. Была еще беременная женщина с положительной реакцией на СПИД и еще две беременные, употребляющие наркотики.

— Немало для первой недели. — Лео посмотрел на Алекса, который безостановочно прыгал в своей кровати с пружинистым дном. — Вы довольны его яслями?

— Абсолютно. Они в соседнем доме. Когда образуется просвет в работе, я могу заскочить туда и пообщаться с ним. Но и, конечно, покормить.

— К его большому удовольствию.

Они оба рассмеялись. Лео уже не раз видел, как требователен бывает Алекс ко времени

еды.

— Это очень странное ощущение — заниматься этими женщинами и детьми, — задумчиво сказала Пейдж. — У меня бывают моменты, когда я чувствую себя так, словно я вернулась в мой кабинет в Баттлфорде.

Лео вопросительно приподнял бровь.

— Проблемы физического состояния там иные, — объяснила она. — Нет СПИДа, нет наркоманов, но эмоциональные проблемы такие же. А я там проклинала все на свете из-за того, что у меня нет современного медицинского оборудования.

Лео дал понять, что он внимательно слушает.

— Так вот, черт побери, если сейчас происходит не то же самое! Вы знаете, Лео, сейчас появился целый букет болезней, против которых мы не имеем никаких лекарств. Кому-то я могу помочь, кому-то нет, все так же, как и там. Это какое-то проклятье!

Ей так хотелось рассказать все это Майлсу. Как часто она возмущалась тем, что там нет чудес, которыми пользуются в ее время. Говорила ли она ему о СПИДе и о наркоманах? Она не могла вспомнить.

— Чем больше все меняется, тем больше оно остается тем же самым, — заметил Лео, накладывая ей на тарелку овощи.

В марте Алексу исполнилось шесть месяцев. Он теперь мог самостоятельно передвигаться по комнате, ползая от одного интересного предмета к другому. У него были шесть зубов и большой набор всяких звуков. Пеленать его уже было невозможно, он не мог оставаться спокойным ни минуты. Он умел сам садиться и играть в ладушки.

Физически он напоминал Майлса, обещая вырасти высоким. Его большие серо-зеленые глаза были окаймлены неприлично длинными загнутыми ресницами. Прохожие на улице улыбались ему, не в силах устоять перед его открытой улыбкой.

Его страсть к еде никогда ему не изменяла, он чувствовал себя несчастным только в одном случае — когда хоть ненадолго задерживалась еда.

Но однажды утром в начале апреля он проснулся, и у него был жар и он не захотел есть смесь, которой Пейдж хотела накормить его с ложки. Она все еще кормила его грудью, но на этот раз он сделал два или три глотка и отвернулся.

До этого он никогда не болел и уж, конечно, впервые отказывался от еды. Встревоженная Пейдж смирала ему температуру. Она оказалась высокой, тревожно высокой. Она дала ему аспирин, обтерла губкой с теплой водой и позвонила в клинику предупредить, что сегодня прийти не сможет.

Во второй половине дня температура у Алекса подскочила еще выше, несмотря на лекарства, обтирания и пузырь с ледяной водой в паху. Он весь горел и был вялым, дыхание было затруднено. Он не мог выпить глотка воды, и Пейдж уже начала бояться обезвоживания организма. Она проверила его горло и уши, но они не были воспалены.

Чувствуя себя глупо, что она такая мнительная мать, Пейдж позвонила педиатру, которого рекомендовал ей Сэм, и тот подтвердил, что она все делает правильно, он бы действовал точно так же, и добавил:

— Если ему не станет лучше, то утром первым делом принесите мальчика в клинику, и я посмотрю его. Если возникнут проблемы ночью, звоните мне.

Стараясь сохранять спокойствие и холодный рассудок, но нуждаясь в поддержке, Пейдж набрала номер телефона Сэма.

— У меня остались еще две пациентки, которых я должен принять, после чего я буду у тебя, — обещал он, и она почувствовала себя слишком благодарной ему, чтобы протестовать.

После Рождества она видела Сэма всего несколько раз. Когда она открыла ему дверь, он обнял ее раньше, чем она успела поздороваться с ним.

— Наверное, у парня режутся зубки, а два лучших врача в Ванкувере не могут поставить диагноз, — пошутил он, склоняясь над кроватью Алекса.

Сэм осмотрел Алекса совершенно так же, как это делала несколько раз за день Пейдж, и пришел к таким же выводам.

— У него сильная лихорадка, но будь я проклят, если знаю, откуда она! Я привез с собой разные лекарства, будем пробовать.

Они ввели новый препарат, и Сэм остался, чтобы проследить за результатом его действия. Пейдж пыталась быть гостеприимной хозяйкой, но каждым своим нервом прислушивалась к сыну, дремавшему в кровати.

— Я тут видел Лео. Он сказал, что вы довольно часто встречаетесь.

Тон у Сэма был безразличным.

— Да, мы встречаемся, но это дружба и ничего больше.

Ее раздражало, что она должна оправдываться. Он встал и подошел к окну, посмотрел на цветущие нарциссы на подоконнике.

— Ты решила возвращаться, Пейдж? Ты ведь говорила, что это будет весной?

Его вопрос попал прямо в цель, в самое сердце проблемы, мучившей ее всю зиму.

— Почему ты задаешь мне этот вопрос? — резко спросила она, понимая, что ведет себя глупо, но беспокойство за Алекса, смешанное с чувством вины за то, что она избегает принимать решение насчет того, пытаться ли ей вернуться в Баттлфорд, вынудили ее вот так гаркнуть на него: — Я в твои личные дела не вмешиваюсь!

Он отвернулся от окна, но вместо того, чтобы рассердиться, подошел и обнял ее за плечи.

— Спокойно, доктор. Я, наверное, не слишком дипломатичен. Понимаешь, я пытаюсь объяснить тебе кое-что. Я обязан рассказать тебе все. Дело в том, что я повстречал женщину, которая мне понравилась. Не считая тебя, конечно. Поэтому я в последнее время не так часто бывал у тебя. Я не хочу, чтобы ты думала, что я потерпел поражение от Лео.

Пейдж уже устыдилась своей вспышки.

— Сэм, так это же замечательно! Я действительно рада за тебя, и я хотела бы познакомиться с ней, когда Алексу станет лучше. Она врач? Или медсестра?

Он покачал головой.

— Она служит в полиции. Если говорить точнее, то в Конной.

Пейдж только рот раскрыла.

— В Конной?

Он ухмыльнулся, наслаждаясь ее удивлением.

— Она навещала свою сестру, которая одна из моих пациенток. Она захотела находиться в родильной палате, когда появится на свет ее племянник, и мы познакомились. Зовут ее Кристина.

— Кристина.

Пейдж заметила, как порозовели щеки у Сэма и изменилось выражение его глаз. Он влюблен, и это заставило ее еще острее затосковать по Майлсу.

— Я хочу сказать тебе кое-что про Лео. — Сэм сел на диван рядом с ней и взял ее за руку. — Пойми меня правильно, но он влюблен в тебя, и ты должна хорошенько подумать насчет этой твоей идеи вернуться в Баттлфорд.

Она начала протестовать, но он перебил ее:

— Это опасно, Пейдж. Я даже смутно не представляю себе, как это происходит, но Лео говорит, что это может оказаться по-настоящему опасно, а я ему верю. У тебя есть Алекс, о котором надо подумать, ты теперь не одна. А Лео хороший мужик — он несколько эксцентричен, но сердце у него золотое. Его первая жена оказалась абсолютной шлюхой, но он никогда не сказал о ней дурного слова. Он даже богат, хотя для тебя деньги немного значат. Он получил деньги в наследство от семьи своей матери, много денег. Он обожает Алекса, и если ты его хоть немножко поощришь, я знаю, он будет готов.

Пейдж почувствовала себя глубоко несчастной.

— Я знаю. Я все это знаю, Сэм. Но беда в том, что я не люблю Лео. Я люблю моего мужа. Я влюблена в главного врача Майлса Болдуина.

Когда она произносила его имя и должность, ей на какое-то мгновение казалось, что он становится ближе к ней.

— Ты будешь пытаться вернуться?

Алекс заплакал, она вскочила и поспешила взять его на руки.

Сэм тоже подошел, и они оба пощупали голову мальчика. Температура у Алекса падала, стало ясно, что лекарство, привезенное Сэмом, подействовало. Градусник подтверждал это.

Пейдж ощутила слабость облегчения. Она опустилась в кресло-качалку, приподняла свою спортивную рубашку и дала Алексу грудь. На этот раз он начал сосать не с той жадностью, как обычно, но во всяком случае не отворачивался, как раньше.

Сэм пришел в восторг.

— Ну вот, он приходит в норму. Как я и говорил, у него скорее всего режутся зубки, а мы по глупости своей не догадались. — Сэм широко улыбнулся ей, чувствуя не меньшее облегчение, чем она, и посмотрел на часы. — Ого, мне нужно бежать. Кристина меня ждет. Если я понадобится, звони.

— Спасибо, Сэм.

Он задержался.

— Подумай насчет того, что я тебе сказал. Потому что когда я так дьявольски счастлив, мне хочется, чтобы и ты была устроена и довольна. В этом столетии.

Она услышала, как закрылась за ним дверь, и она осталась наедине с Алексом. Она потрогала его голову, ощущая почти головокружение от облегчения и радости, погладила его темные кудри. Голова была не такой горячей, и он ел.

Подмышки у нее взмокли от пота, желудок, весь день пустой и перекрученный, теперь, когда страх прошел, жаловался на голод.

Вопрос, который преследовал ее все эти дни и ночи, требовал ответа.

Что случилось бы, если бы у Алекса так поднялась температура в Баттлфорде?

Он лежал всей своей тяжестью у нее на животе, тепленький, мягкий, восхитительно пахнущий, одна маленькая ручонка у нее на груди, его глаза встретились с ее глазами в молчаливом единении, пока он сосал молоко. Как часто бывало, он на минутку прекратил сосать и улыбнулся ей своей прекрасной доверительной улыбкой.

Он был ей дороже собственной жизни, и в этот момент она поняла, что не может забрать его в Баттлфорд, где у нее нет инструментов, с помощью которых она могла бы

защитить его, нет таких возможностей, как здесь.

Пейдж чувствовала, как сердце ее разрывается, понимая, что она отказывается от Майлса ради их ребенка.

Прости меня, моя любовь! Пойми и прости!

Скупые слезы упали на мягкую кожу ребенка, и она кончиком пальца смахнула их и вместе с ними все надежды, все мечты, память о любви, которой она должна пожертвовать ради ребенка, лежавшего у нее на руках.

Какая-то часть ее сознания понимала, что это только сон, но песчаная пещера пахла сыростью и горячей кровью, а в ушах у нее отдавались стоны Маргериты, приглушенные крики, подталкивавшие ее дитя, пугающее сердцебиение у самой Пейдж...

Она вынырнула из своего сна, но звуки продолжались.

— Алекс! Бог мой, Алекс!

Она вывернулась из простыни, завернувшейся вокруг ее тела, соскользнула с постели. Кроватка Алекса была в нескольких футах от нее, но ей показалось, что прошла вечность, пока она добежала до нее.

Звуки, которые он издавал. О Боже, что за звуки!

Его лицо побагровело, глаза закатились, изо рта текла молочная пена. Тело выглядело напряженным, и она с ужасом увидела, как судорожно дергаются его ручки и ножки.

У него начинались конвульсии. Ее ребенок бился в судорогах.

Пейдж подавила в себе примитивный парализующий страх, охвативший ее. Она всунула палец в рот Алексу, чтобы быть уверенной, что он не задохнется от запавшего внутрь языка. Температура у него снова подскочила, кожа у нее под пальцами прямо горела. Свободной рукой Пейдж распустила завязки его одеяла, ожидая целую вечность, когда его тельце освободится и успокоится.

В конце концов он открыл глаза и узнал ее, и личико его скривилось. Он надулся и потом издал безнадежный, жалобный плач. Она схватила и прижала его к себе, набирая номер телефона детской клиники.

— Все будет в порядке, мой дорогой, твоя мама с тобой, — шептала она, и, когда телефонистка ей ответила, попросила, чтобы нашли педиатра, который лечит Алекса, и чтобы он встретил ее немедленно в больнице.

Она засунула в сумку все вещи, которые потребуются Алексу, оделась, и через полчаса ее сына уже осматривали врачи.

Последующие пять дней температура у Алекса сильно менялась. Специалисты, приглашенные для консультаций, не могли согласиться в отношении диагноза, а мир, в котором жила Пейдж, сузился до маленькой комнаты, окрашенной в веселенький желтый цвет, в которой стояла высокая кроватка.

Она оставалась с Алексом все время, урывая короткие минуты для сна на койке в его комнате и питаясь тем, что ей могли предложить с кухни, сама ухаживая за ним, проверяя каждое бесполезное лекарство, выписываемое специалистами.

Ее все время подташнивало, но она заставляла себя есть, потому что не хотела прекращать кормить Алекса. Он выпил достаточно, чтобы избежать обезвоживания, но она знала ценность материнского молока. Понимала она и то, что моменты, когда ее вялый ребенок лежит у ее груди, самые умиротворяющие в течение этих дней. Ее материнское молоко, похоже, оказалось единственной ценностью, которую она могла дать своему ребенку.

Она знала врачебную практику, точно определяла, что ищут все эти специалисты, склоняющиеся над кроваткой Алекса, — признаков того, что у ее сына какая-то известная им болезнь, поддающаяся лечению.

Понимала она и то, что после пяти дней они имеют не большее представление, чем она, о том, что происходит с ее ребенком. Предвидела она и то, что их начнет возмущать ее вмешательство, — она врач и знает пределы их возможностей.

Они назначали новые анализы, кучу анализов.

Она же не разрешала ни один анализ, пока специалисты не объяснят ей, что они хотят выяснить тем или иным анализом, а главное, какое воздействие эти анализы могут оказать на Алекса.

Это ее ребенок, каждая игла, которую вводят в его тоненькие вены, должна быть солидно аргументирована, каждое подключение к какому-либо аппарату следует оценивать с точки зрения риска для его организма. Врачи были вынуждены отказаться от некоторых процедур, потому что Пейдж знала, что они и болезненны, и непродуктивны.

Анализы, на которые она дала согласие, показывали, что у Алекса увеличены печень и селезенка. Опасности злокачественного заболевания не наблюдалось, но что-то было не в порядке. Приступы лихорадки повторились в совершенно непредсказуемом порядке, и Алекс становился все более слабым и вялым.

Сэм приходил гораздо чаще, чем ему позволяли, как она предполагала, его дела, а Лео с первого же дня проводил вместе с ней многие часы в тесной палате Алекса. Он разговаривал с ней или сидел молча, в зависимости от того, в чем она нуждалась. Он заставлял ее выйти из больницы и прогуляться хоть десять минут под дождем, съесть суп в кафетерии неподалеку, пока он сидит у кровати и держит маленькую ручку Алекса в своей руке, или ходит, держа мальчика на плече и напевая ему какую-нибудь песенку — вестерн о несчастной любви.

Вместо того, чтобы следовать советам Лео, она много времени проводила у компьютера, изучая всякую нераспознанную детскую болезнь с симптомами, похожими на симптомы Алекса.

Не доверяя даже компьютеру, Пейдж пошла в медицинскую библиотеку и притащила оттуда целый ворох справочников, изучая их, когда Алекс спал. Она нашла бесчисленное количество случаев с аналогичными симптомами, но все они не совпадали. Анализы Алекса давали отрицательные ответы даже на те немногие болезни, какие вообще были возможны.

На пятый день, когда в течение восьми часов температура у Алекса держалась у нормальной черты, и это породило у Пейдж робкую надежду, а потом подскочила даже выше, чем бывала раньше, началась обычная рутина с лекарствами, теплыми ваннами, пузырями с ледяной водой, с гипотермическими одеялами. На этот раз иглу капельницы вонзили в его маленькую ножку, чтобы ввести ему большую дозу универсальных антибиотиков в надежде, что они смогут подавить причину любой инфекции.

Когда вечером приехал Лео, она вышла из палаты и направилась в бельевую. Там она заперла за собой дверь, зарылась в стопку чистых полотенец и стала рыдать в голос, пока не охрипла, и дрожала так, что с трудом могла стоять на ногах.

На следующее утро врачи признали, что не знают, что с ним происходит, но что бы это ни было, болезнь прогрессирует очень быстро: в кровяных тельцах появились определенные признаки какой-то общей тяжелой инфекции.

Пейдж уже не ощущала себя врачом — она была просто матерью, она не могла беспристрастно принимать участие в обсуждении. Она только слушала, к каким выводам они пришли.

— Чем бы ни был болен ваш сын, это угрожает его жизни. Мы считаем, что пришло

время более решительных мер, доктор Болдуин.

Главный детский врач был человек пожилой, наверное, подумала Пейдж, он уже дедушка. Своим тихим голосом он перечислил все возможности, все лекарства, которые, по его мнению, возможно, окажут благотворное действие.

Его голос стал тише, а в голове Пейдж как на видеоэкране возникла она сама, обезумевшая от своей беспомощности, от своего бессилия помочь маленькой Элли. Она услышала свой вопрос, обращенный к Майлсу:

— *Если бы это был твой ребенок, Майлс, что бы ты сделал?*

— *Я бы повез ее к шаману,* — ответил он.

Врачи продолжали говорить, обсуждая малоизвестные формы лейкемии, возможность применения химиотерапии, пересадки костного мозга, упоминая болезни, вызываемые окружающей средой, настолько новые, что они еще не получили названия.

— У нас есть шансы на успех процентов на десять, — закончил главный врач. — Мы должны начать лечение как можно скорее.

— Нет. — Пейдж посмотрела на него, на остальных врачей и повторила еще более настойчиво: — Нет! Не позже чем через час я забираю отсюда Алекса. Благодарю вас за ваши усилия.

Вокруг раздались протестующие голоса, но Пейдж не стала ничего объяснять.

Ее ум обрел ясность, пройдя через усталость, ужас и боль. Словно Майлс стоял рядом с ней, отрицательно качая головой и объясняя ей, где она оказалась не права.

Она совершила большую ошибку, полагая, что может защитить Алекса. Пребывание его в двадцатом веке совершенно не гарантировало его безопасность. Более того, она тем самым лишила Алекса и Майлса возможности знать и любить друг друга. Она оказалась невероятно эгоистичной, слабой, глупой и своекорыстной.

Она забыла, что Алекс — это особый ребенок, зачатый в любви в совершенно иное время. Наверное, держать его здесь все равно что пытаться перенести экзотический цветок на чужую почву.

И вновь словно включилась видеокассета, и Пейдж увидела Клару, переживающую за своего ребенка, а потом увидела Тананкоа, совершавшую таинственный ритуал над слабенькой девочкой и каким-то образом излечившую ребенка.

Сумеет ли она помочь Алексу, как помогла Элли?

Пейдж не знала, найдет ли в себе силы спуститься вниз и открыть дверь палаты Алекса.

Лео с лицом, отмеченном усталостью, как и у нее, сидел около кровати, просунув руку между рейками и поглаживая одним пальцем щеку Алекса. Он встал, встревоженный выражением ее лица.

— Что случилось, Пейдж? Я могу помочь?

— Да, можете. Пожалуйста, позвоните во все авиакомпании и закажите мне и Алексу билеты на первый же рейс до Саскачевана. Я должна найти там этот круг среди пшеничного поля.

— Значит, вы возвращаетесь.

В его голосе звучало смирение и приятие. Он помолчал, потом выпалил:

— Вы не будете возражать, если я полечу в Саскачеван с вами и Алексом? Я не хочу вмешиваться, но если я как-то могу помочь...

Она старалась отстранить все треволения, связанные с этой поездкой, проблемы, как везти больного ребенка, как найти тот круг в пшенице и оказаться там вместе с Алексом в

нужное время.

Иметь рядом с собой Лео будет огромным облегчением. Она обняла его.

— Я не хотела бы ничего больше. Спасибо, друг.

Не сказав более ни слова, он поспешил к телефонам в холле. Она же запихала все имущество Алекса в сумку и стала составлять подробный список медикаментов, которые ей понадобятся для него.

Она склонилась над кроватью. Алекс лежал на спине, ножка высунулась, глаза за приспущенными веками поблескивали в каком-то детском сне. Пейдж коснулась его шелковистых волос, вьющихся за ушами.

— Держись, мой дорогой, — прошептала она. — Будь сильным, и я отвезу тебя домой.

Она глянула в окно. Деревья буйно зеленели, весна в самом разгаре. Не слишком ли долго она выжидала? Много ли раз Хромая Сова проделывала эту церемонию и в конце концов махнула рукой? Она очень настаивала на том, что обряд можно осуществлять только весной и осенью.

Весна уже почти кончилась, а осенью будет слишком поздно — слишком поздно для Алекса.

Дурное предчувствие росло в ее душе, но Пейдж подавила его.

Она должна верить, она должна доверять. Ей ничего больше не остается.

Лео просунул голову в дверь.

— Я договорился о двух билетах на рейс Канадских авиалиний на сегодня на три часа дня. Я просил агента не класть телефонную трубку, пока не переговорю с вами.

Пейдж глубоко вздохнула и отключила капельницу от ножки Алекса. Это было ужасно — оторвать его от медицинского аппарата, на который она всегда полагалась, но в ней жило убеждение, что она поступает правильно.

— Подтвердите заказ, Лео.

Она одела Алекса и взяла его на руки.

— Поехали, малыш. — Она заставила свой голос звучать уверенно и сильно, хотя и не испытывала таких чувств. — Мы с тобой отправляемся повидать твоего папочку.

Держа ребенка на руках, она вышла из больницы в теплоту апрельского дня.

В деревне Повелителя Грома всегда приветствовали смену времен года. В этот год весна пришла в прерию рано, и люди радовались, потому что зима принесла болезни и трудности. Теперь шафран расцвел, и лоскуты снега, видневшиеся на коричневой почве как грязное белье, становились все меньше и таяли под лучами солнца. Женщины выносили из вигвамов спальные меха и проветривали их, а маленькие краснокожие дети сбрасывали тяжелые зимние одежды и бегали полуголые под теплым солнцем.

Как и в предыдущие дни, Тананкоа на рассвете и в сумерки созвала женщин присоединиться к ней в обряде, который, она надеялась, вернет Пейдж из коридоров времени.

Вдалеке от деревни в священном уголке она начертила на земле магический круг и побрызгала волшебным настоем, как учила ее Хромая Сова. Она пела ритуальные песни и старалась изгнать из своих мыслей все, кроме самого обряда, но в глубине души Тананкоа боялась.

Чем чаще она пыталась и терпела неудачи, тем меньше верила она в себя и в свои возможности. Она боялась, что не обладает могуществом, которым обладала Хромая Сова.

Она делала все, чему учила ее бабушка, но не могла найти магический проход между мирами, через который души и тела Пейдж и ее ребенка перейдут из того мира в этот.

Она представляла себе, что слышит раздраженный старческий голос бабушки, учившей ее: «Открой свое сознание и позволь четырем ветрам продуть сквозь тебя. Проси Мать-Землю открыть дверь и потом доверься ее силе».

Тананкоа старалась выполнять все эти наказания, но все равно часть ее сознания сомневалась в ее могуществе, и эта часть становилась все сильнее с каждым разом, когда она пыталась и терпела неудачу.

Майлс уже много дней жил в деревне, ожидая.

Каждую ночь, когда она возвращалась в деревню, ужасное разочарование и боль в его глазах, когда он видел, что она одна, отдавались в ней, заставляя стыдиться своего неумения.

Ее сердце болело за этого высокого доктора в красном мундире Конной полиции, но знание, что он здесь, давило на нее, и это давление мешало ей сосредоточиться.

Майлс с вершины холма смотрел, как Тананкоа с маленькой группой женщин тянулись в сером рассвете в деревню. Он знал, что Пейдж среди них нет, но все равно вглядывался в каждую фигуру еще и еще раз на тот случай, если он почему-то пропустил ее.

Конечно, ее там не было, и он чувствовал себя так, словно какие-то частицы его души засыхали и отлетали в холодный ночной воздух. Всю зиму он убеждал себя, что его жена и ребенок потеряны для него навсегда, что он вел себя как дурак, думая иначе, но надежда ведь умирает последней.

Он стал спускаться навстречу женщинам. Увидев уныние на лице Танны и сочувствие в ее глазах, Майлс понял, что надеяться больше нечего.

— Танны, я сегодня возвращаюсь в форт. — Он взял ее за руку. — Спасибо тебе, дорогая, за все твои усилия. Этого не могло случиться, так что не огорчайся.

Ее темные глаза были полны страдания и стыда.

— Мне очень жаль, Майлс Болдуин.

Он погладил ее по руке. Один из мальчиков привел ему лошадь и принес медицинскую сумку. Майлс поблагодарил его и вскочил в седло. Он приподнял свою широкополую шляпу, прощаясь с Тананкоа, и поскакал прочь от деревни.

Он испытывал ужасное страдание и пустил лошадь в галоп, хотя и знал, что это опасно — скакать без дороги в мерцающем свете.

Он приветствовал бы смерть. Жизнь в одиночестве была ему непереносима.

Надежды больше не оставалось, теперь он это знал. Утром он напишет рапорт суперинтенданту с просьбой перевести его куда-нибудь подальше от Баттлфорда.

Поле, на которое Лео привез Пейдж, было мокрым, первые побеги травы только начали разукрашивать прерию. Круг в пшенице походил на старый, наполовину заживший шрам на поверхности земли.

На дальних полях трактор вспахивал землю под весенний сев, а здесь все было слишком сыро, и почва оставалась нетронутой, прошлогодняя стерня все еще лежала на поле. Пейдж одела свои старые кроссовки, и они уже были в грязи почти до верха.

Последние три дня Лео привозил сюда Пейдж и Алекса перед рассветом и снова за час до заката. Пейдж стояла в центре круга и ждала, Алекс, завернутый в теплое одеяло, лежал у нее на руках. У ее ног лежал разбухший рюкзак с медикаментами, а через плечо мешок с

пеленками Алекса. На шее висел мешочек с золотыми монетами и медальон. В сердце у нее трепетала отчаянная надежда.

Дважды в день Лео терпеливо приносил ее сумки на то место, которое указывала Пейдж, потом уходил и стоял около арендованной машины, приподняв плечи от холодного ветра прерии, стоял неподвижно, как и Пейдж, целый час, пока солнце всходило, и еще час заката. В один из дней небо было пасмурным, и им пришлось гадать, когда придет нужный момент.

Вот так изо дня в день Пейдж стояла и ждала, не обращая внимания на ледяной ветер. Она молилась и старалась мысленным взором увидеть Баттлфорд. Она пыталась вызвать в своей памяти лицо Майлса, старалась передать послание Хромой Сове, что она ждет здесь, но страх и понимание того, что ребенок у нее на руках с каждым днем все больше слабеет, делали ее бессильной.

Когда наступал день и когда от заката оставалась только алая полоска на западном краю небосвода, Лео подходил и молча брал Алекса из ее затекших рук.

— Мы снова попробуем утром, — утешал он ее.

В эти первые дни лихорадка не мучила Алекса, но на четвертую ночь она вернулась с удвоенной силой.

Всю ночь в своем номере в маленьком мотеле, затерянном в пустынном мире, Пейдж ухаживала за своим ребенком, обмывала его, давала ему антибиотики, торговалась с Господом Богом, понимая, что маленькое тельце ее сына не сможет дальше противостоять такому испытанию.

Лео увидел свет в окне ее номера и сразу после полуночи постучал в ее дверь.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Он убрал остывшие полотенца, приготовил кофе, держал на руках Алекса, чтобы Пейдж могла сделать несколько глотков. Он разговаривал обо всем на свете, о мужчине, которого встретил в кофейной лавке, о фильме, увиденном им однажды по телевидению, и Пейдж мало-помалу начала прислушиваться и реагировать.

Когда наступил рассвет, Алекс все еще был в лихорадочном состоянии, чтобы стоило рисковать везти его на далекое поле. Лео держал его на руках, а Пейдж стояла у окна, обхватив себя руками и наблюдая за тем, как сереет чернильная тьма и постепенно становится бледно-голубой. Нетерпение как болезнь сидело в ней.

— Лео, а что, если это был наш шанс, а я упустила его?

Голос ее дрожал, и она старалась перебороть позыв заплакать. Она боялась, что если расплачется, то уже никогда не сможет остановиться.

Лео молчал, шагая взад и вперед по грязному зеленому ковру и напевая что-то Алексу. Наконец он сказал тихим голосом, нежным, как рассвет:

— Дорогая, не думаете ли вы, что нам вскоре надо бросить это занятие и отправляться домой? Находиться здесь — это не лучшее для ребенка, да и для вас.

Он был прав. Разумом она понимала, что он прав, но сердце сопротивлялось.

— Я хочу еще раз попробовать, — сказала она. — Еще один раз.

Он посмотрел на нее, и в его глазах она увидела любовь и желание, несмотря на то, что она все еще была в запачканных грязью джинсах, которые носила вчера, на то, что она не умывалась и не причесывалась.

— Вы хороший человек, Лео. Вы заслуживаете лучшего.

Он улыбнулся ей.

— Позвольте мне самому судить, чего я заслуживаю.

Алекс заснул, и Лео бережно уложил его в маленькую кроватку, предоставленную мотелем.

— А сейчас идите и примите душ. Я посижу здесь и пригляжу за ним. А потом я принесу вам из кофейной лавки завтрак. А вы ляжете и поспите. Я останусь в кресле, и, если возникнут какие-либо проблемы, я тут же разбужу вас.

Она согласилась, хотя и понимала, что это эгоизм с ее стороны: Лео спал не больше, чем она. Она просто была слишком измучена, чтобы протестовать.

Алекс был беспокоен, он сбросил одеяло, и Лео снова прикрыл мальчика. Он на цыпочках вернулся в кресло и подобрал с пола роман в мягкой обложке, который читал последние несколько часов.

Был разгар дня, и ему предстояло вскоре разбудить Пейдж, если они намерены поехать на это Богом забытое поле, чтобы успеть туда к закату.

Еще один раз, сказал он себе. Если она попытается еще раз и потерпит неудачу, то, может быть, есть еще шанс. Он глянул на Пейдж, на ее слишком тонкое тело, завернутое в одеяло персикового цвета, дыхание ее было чуть слышно.

Он влюбился в нее в первый же день, когда они встретились. Это было как если бы он прожил всю свою жизнь в каком-то сером безразличном сне и вдруг неожиданно проснулся и увидел краски, ощутил жизнь, начал чувствовать. Он не осознавал, чего не хватает в его жизни, пока не увидел игру меняющегося выражения у нее на лице, не заметил, как она пробегает пальцами по своим черным волосам. Он не понимал, как ему не хватает ощущения теплого, хрупкого тельца ребенка, пока не взял на руки Алекса.

Алекс. Лео снова встал и приложил ладонь ко лбу мальчика. Лоб был горячий, но не такой пылающий, как раньше.

Неужели Алекс умрет?

Лео не мог задать этот вопрос даже самому себе. Он любил Алекса, но не так, как Пейдж, хотя не менее сильно.

Ребенок серьезно болен, он это знал. Он звонил Сэму и спросил его об Алексе, попросив того честно сказать о шансах Алекса на выздоровление.

— Прогноз нехороший, — сказал ему Сэм на том жаргоне, от которого можно сойти с ума, к которому прибегают врачи, разговаривая с людьми, не имеющими отношения к медицине. — Но Пейдж отличный врач, она может сделать для ребенка все не хуже, чем в любой больнице.

— Есть ли где-нибудь в мире врачи, способные сделать большее?

Лео готов был арендовать «конкорд» и отвезти мальчика куда только понадобится, если там могут помочь ему.

Но Сэм сказал «нет». Специалисты здешней детской больницы консультировались по телефону и через компьютер с экспертами по всему миру, но никто не знает, как бороться с болезнью Алекса.

Сэм помолчал и потом добавил:

— Отвези ее, Лео, туда, куда она хочет. Ты знаешь так же, как и я, что шансы на то, что это безумное дело с путешествием во времени сработает еще раз, равны нулю. Но если она не попытается, то всю жизнь будет винить себя. Отвези ее, дай ей возможность раз и навсегда выбросить это из головы, а тогда ты сможешь начать с ней новую жизнь.

— А ребенок? Что будет, Сэм, если она потеряет его? Он вся ее жизнь!

— Тогда она будет нуждаться в тебе. Она будет очень нуждаться в тебе.

Что бы ни случилось, Лео поклялся, что будет рядом с ней.

Он тронул ее за плечо, пугаясь того, как она похудела. Время ехать на поле. По крайней мере, напомнил он себе, это в последний раз.

Тананкоа приснилась Хромая Сова, губы ее неодобрительно поджаты, голос сердитый:

— Что с тобой происходит, дочь моей дочери? Разве я не говорила тебе, что тропинка, ведущая между мирами, не терпит сопротивления? Ты пыталась, но при такой попытке, естественно, тебя постигла неудача. Почему ты так глупа? Будь вместе с Великим Духом и забудь все остальное. Все придет по его собственной воле.

Старуха перечислила все детали обряда, заставляя Тананкоа повторять все за ней.

Когда замерли последние слова Хромой Совы, Тананкоа проснулась, сердце ее стучало. Маленький Деннис спал рядом с ней, и она постаралась не разбудить его, вылезая из-под теплых шкур и одеваясь.

Уже светало. Она упустила утреннюю тропку, но она проделает это днем, пойдет к священной яме и еще раз совершит весь обряд, пользуясь инструкциями Хромой Совы. Исполненная решимости, Тананкоа занялась повседневными делами в ожидании заката. Она весь день ничего не ела и сходила в вигвам-парилку, чтобы очиститься, как наказала ей Хромая Сова.

Когда пришло время, она оставила Денниса на попечение своей двоюродной сестры, взяла шаманский мешочек, который оставила ей Хромая Сова, и одна отправилась к яме.

Пейдж знала, что все это совершенно безнадежно. Впервые она оставила свою медицинскую сумку и мешок с пеленками Алекса в машине. Она прошла к центру поля, неся на руках Алекса. Худший приступ лихорадки миновал, и он был сонный, тер глазки и старался высвободиться из одеяла.

Небо сегодня было чистым, солнце медленно сползало к горизонту. Пейдж стояла лицом к западу, и сквозь ее прикрытые веки вспыхивал оранжевый свет.

На этот раз она могла четко разглядеть Майлса — его любимое лицо улыбалось ей. Она ощущала, как кольцо, которое он надел на ее палец, врезалось в ее кожу.

Она думала о Мадлен, о Габриэле и Райеле, и о Тананкоа и Хромой Сове. Она думала о Кларе и Элли и обо всех друзьях, которых она обрела в Баттлфорде.

Она никогда их не увидит, теперь она это знала. Это она прощалась с ними.

Всепроникающий покой объял ее, когда она подумала о них, и на какое-то мгновение она точно вспомнила, каково это было — лежать в его объятиях.

Высоко в небе взревел самолет.

Поглощенная своими мечтаниями, Пейдж не заметила его.

Алекс заворочался, потом снова успокоился.

Лео услышал ребенка и пошел было к Пейдж, но она была так напряженно спокойна, что он остановился, повернулся и зашагал обратно к машине. Сердце его разрывалось при виде ее, охваченной безнадежностью, одинокой, но через все это она должна пройти одна.

На мгновение он посмотрел вверх и увидел, как реактивный самолет прочертил огромное небо, и увидел яркие краски, рассыпанные солнцем, коснувшимся горизонта.

А когда он снова посмотрел в сторону Пейдж, из его горла вырвался хриплый крик, и он

побежал через поле туда, где она была еще секунду назад, но и она, и Алекс исчезли.

В первые за все время Тананкоа не сомневалась, что она наедине с Великим Духом.

В этот последний момент, отделяющий день от вечера, она чувствовала в глубине своего транса, что она уже не одна.

За ее закрытыми веками замерещил образ Пейдж, пытающийся обрести форму, размеры и плоть, старающийся вырваться из пространства между мирами и войти в дверь, которую пассивная воля Тананкоа держала для нее открытой.

Тананкоа переборола желание побежать и помочь своей подруге, забыв о наказаниях Хромой Совы. Вместо этого она позволила калитке в своем мозгу раскрыться пошире, и, когда образ Пейдж стал принимать более четкие очертания, Тананкоа поняла, что Пейдж не одна.

За ее грудь цеплялся ребенок, маленький мальчик.

Тананкоа знала, что он ужасно болен, и даже в порыве охватившей ее радости она испытала страх за подругу.

Душа маленького мальчика уходила.

Когда Тананкоа поняла, что это уже не опасно, она открыла глаза и раскинула руки, чтобы принять в свои объятия Пейдж и ребенка.

Пейдж с лицом, подурневшем от благодарных слез, положила своего сына на руки Тананкоа.

— Его зовут Алекс. Пожалуйста, Танни, ты можешь помочь ему?

Тананкоа дотронулась пальцами до прекрасного лица ребенка.

— Это решать богам, но я попробую, — сказала она.

В деревне Повелителя Грома Пейдж ждала, пока спустятся сумерки и наступит ночь. В форт был послан посыльный, и она услышала топот коня Майлса еще до того, как увидела своего мужа.

— Пейдж? О моя любимая!

Он соскочил с коня раньше, чем тот остановился, и его руки обхватили ее в таком сильном объятии, что она была уверена, что ее ребра затрещали.

— Мой дорогой, мой дорогой...

Он целовал ее, и она ощущала теплоту его слез, мешавшихся с ее собственными, и долгое время они оба были не в силах вымолвить хотя бы слово.

— Наш ребенок?

Его голос был испуганным шепотом, а она жестом показала ему в сторону вигвама-парилки, куда Тананкоа унесла Алекса еще несколько часов назад.

— Он болен. О Майлс, наш сын ужасно болен!

Отрывистыми фразами она рассказала ему все о болезни их ребенка и в первый раз почувствовала некоторое облегчение, потому что теперь ужасная боль и ответственность делились между ними двумя.

Алекс, их сын, плоть от их плоти. Что бы с ним ни случилось, это касается их обоих. Яркие звезды выспали на небе над прерией, взошла полная луна и закатилась снова, а Пейдж все рассказывала Майлсу об их сыне, подыскивая слова, заполнявшие время, пролежавшее между ними.

Уже почти рассвело, когда Тананкоа принесла им Алекса.

— Сейчас лихорадка его отпустила, — сказала она. — Что касается завтра, я ничего обещать не могу. У него очень сильная болезнь. Мы подождем и посмотрим.

Она вручила ребенка Майлсу.

Пейдж увидела удивление на лице своего мужа, когда он впервые взял на руки сына. Когда они оказались рядом, их похожесть даже пугала.

Алекс совершенно проснулся, более веселый, чем она помнила его все последнее время. Он внимательно разглядывал лицо Майлса, его большие серые глаза рассматривали незнакомое лицо, словно оценивая. Он протянул руку и попытался засунуть пальчики отцу в рот. Майлс сделал вид, что покусывает их.

Тут Алекс улыбнулся ему и схватился за волосы отца, словно всегда знал его.

В мальчике обнаружилась бодрость, которой Пейдж не наблюдала с тех пор, как он заболел, и страх, сидевший в ней, начал ослабевать.

Алекс перевел взгляд с Майлса на Пейдж и, похоже, вспомнил, что прошло уже немало часов с тех пор, как он ел, и что она является для него главным источником питания. Он протянул ручонки к матери, а его рот надулся и принял квадратную форму, как всегда, когда он бывал голоден.

Его хныканье перешло в плач, а потом в раздраженный крик. Его голодный вой чуть не оглушил Пейдж, они с Майлсом скрылись в вигваме Танны, и Пейдж присела, чтобы расстегнуть блузку и дать ему грудь.

Он чмокал, захлебываясь, брызгал слюной и воевал с такой энергией, которой ей так не хватало в нем последние недели.

Майлс не веря своим глазам смотрел на своего яростного маленького сына. Когда Алекс перестал бить мать кулачками и сучить ножками и перестал глотать с необыкновенной быстротой, он поднял глаза и улыбнулся Пейдж, явно извиняясь. Майлс расхохотался от радости.

— Он похож на тебя, моя дорогая. Упрям, решителен и одержим одной идеей, пока не получит то, что хочет.

Она уже открыла рот, чтобы возразить, но потом поняла, что в отношении Алекса Майлс прав. Мальчик внешне очень похож на отца, а характер у него от матери. Он часть каждого из них.

Рожденный с помощью самой изощренной передовой медицинской технологии, Алекс будет еще молодым человеком, когда лошадь и повозка уступят место автомобилям.

Хромированный мальчик, выросший в эпоху свечей.

— Он вырастет замечательным парнем, этот наш сын, — объявил Майлс, и Пейдж знала, что это правда. Ее охватил великий покой.

Майлс сел рядом с ней, его сильная рука поддерживала их обоих.

— Добро пожаловать домой, — прошептал он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net